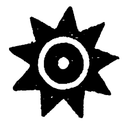
сказки адыгских народов

сказки адыгских народов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

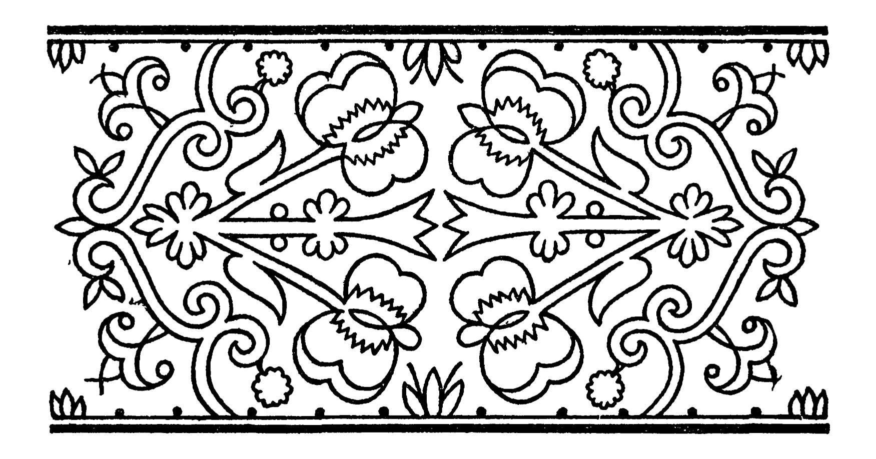

СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

СКАЗКИ АДЫГСКИХ НАРОДОВ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МОСКВА 1978

Составление, вступительная статья,
примечания
А. И. АЛИЕВОЙ

Ответственный редактор
В. М. ГАЦАК

Сказки адыгских народов. Составление, вступительная статья и примечания А. И. Алиевой. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978.
С42

406 с. («Сказки и мифы народов Востока»).

Сборник знакомит со сказочным эпосом народов адыгской языковой группы, проживающих в центральной части Северного Кавказа. Многие из текстов публикуются в переводе впервые. Тексты сопровождаются предисловием и примечаниями.

С $\frac{70303\text{-}170}{013(02)\text{-}78}$ 202-78 С

АДЫГСКИЕ СКАЗКИ

В этой книге представлены в русском переводе образцы сказочного эпоса народов адыгской языковой группы.

К адыгской языковой семье принадлежат кабардинцы, адыгейцы, черкесы. Кабардинцы живут в центральной части Северного Кавказа по рекам Малке, Баксану и Тереку (на территории Кабардино-Балкарской АССР). Небольшая их часть проживает также в Адыгейской автономной области и в г. Моздоке и его окрестностях.

В верховьях реки Кубани, по течению рек Малый и Большой Зеленчук, живут черкесы (они входят в Карачаево-Черкесскую автономную область), а по нижнему течению рек Лабы и Кубани —адыгейцы, основное население Адыгейской автономной области. Близки к адыгским народам абазины, проживающие в Карачаево-Черкесской автономной области, и убыхи [1].

Собирательное наименование всех этих народов — черкесы, или адыги (адыгэ). Черкесы — иноязычный этноним, а адыги — самоназвание народов этой группы [2].

В силу языковой и этнической близости, совместного историко-культурного развития на протяжении веков фольклор адыгских народов формировался в едином русле. Это их общее наследие, имеющее в то же время живые особенности у каждого из них.

Общеадыгские художественные традиции представляет и жанр сказок.

Фольклор адыгских народов отличается многообразием древних жанров и видов: это — сложная, складывавшаяся на протяжении многих столетий система постоянно взаимодействующих жанров.

---

[1] Народы Кавказа, I, с. 138, 200, 232. По переписи 1970 г. кабардинцев было 280 тыс., адыгейцев — 100 тыс., черкесов — 40 тыс., абазинов — 25 тыс.

[2] См., например: Н. Г. Волкова. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа, с. 18 и сл.

Богатая мифологическая и обрядовая поэзия, монументальный эпос о богатырях-нартах, историко-героические песни и сказания, народная лирика и драма, пословицы и поговорки отразили не только своеобразие исторической жизни своих создателей, но и специфику их художественного восприятия мира и образного мышления.

Значительное развитие получила народная проза. К сожалению, этот пласт фольклора разных народов Северного Кавказа еще очень мало изучен. До сих пор нет даже общей характеристики системы жанров народной прозы, хотя эта область представляет значительный интерес не только для фольклористов, но и для исследователей молодых национальных литератур. Прозаические жанры, особенно сказка и народная новелла, принадлежат к числу ближайших предшественников прозаических жанров письменной литературы. Вот почему публикация их образцов приобретает в настоящее время особое значение.

В адыгском фольклоре, как и в фольклоре всякого народа, народная проза подразделяется на повествования, реальность содержания которых признается бесспорной (сказания, предания) и на повествования художественно подчеркнутой ирреальности.

Произведения первой группы называются «хъыбар» (букв. «весть», «новость»). Хъыбар — это повествование, в реальность которого не только верят, но и всячески ее подчеркивают в ходе рассказа.

Произведения второй группы, т. е. повествования о фантастических происшествиях и персонажах, по-адыгски называются «шыпсэ», «пшысэ» или «пшысэжь» — сказка (букв. «неправда», «ложь») или «таурыхъ» — история (араб.). В понимании адыгов значение слова «таурыхъ» переосмыслено: оно идентично слову «шыпсэ». Близко по значению к первым двум и слово «хъишэ» — легенда.

Наиболее употребительны в адыгском фольклоре термины «шыпсэ» и «хъыбар».

К разновидностям адыгской несказочной прозы, объединяемым термином «хъыбар» (хабар), относятся произведения, разные и по содержанию и по поэтике. Это этиологические рассказы (о происхождении земли, различных животных, растений и их свойствах) и рассказы исторического характера о событиях общественного звучания и лицах, исполняющих какие-либо социальные функции.

Хабарами называются и прозаические произведения, бытующие самостоятельно, и пояснения к историко-героическим песням. Нередко с забвением песенного текста такой хабар продолжал существовать как самостоятельное произведение.

В отличие от хабара «установка на вымысел» (Э. В. Померанцева) — доминантная функция сказки, и это определяет главные особенности ее поэтики, бытования и исполнения.

В адыгском фольклоре есть сказки о животных, волшебные, авантюрные, бытовые, анекдоты, небылицы. Сказочные темы, общие для сказок всех народов мира — добывание невесты, борьба с чудовищами, победа социально обездоленного героя над представителями правящих классов, состязания в хитрости и ловкости, мудрости и находчивости, темы верности и неверности, жадности и зависти и др.,— в адыгской сказке нередко получают своеобразное художественное решение (наиболее ярко общность адыгской сказки с мировой проявляется в волшебном сказочном эпосе).

Сказки адыгских народов имеют много общего со сказками их ближайших соседей — балкарцев и карачаевцев, осетин, ингушей и чеченцев, народов Дагестана. Эта общность, обусловленная сходством исторической, социально-экономической и культурной жизни и взаимосвязями горцев на протяжении многих столетий, проявляются в популярности одних и тех же сюжетов, мотивов, образов, в сходстве поэтических средств.

В фольклористике народов Северного и Западного Кавказа в последние годы возрос интерес к исследованию народной сказки (свидетельство тому — исследования А. Ф. Назаревича о дагестанской, А. Х. Бязырова об осетинской, Ш. Х. Хута об адыгейской, С. Л. Зухбы об абхазской сказке). Однако до сих пор нет работ, в которых был бы учтен, систематизирован и каталогизирован весь сказочный материал разных народов (не только опубликованный, но и хранящийся в архивных фондах республиканских научно-исследовательских институтов). Исключение составляет работа А. Х. Бязырова об осетинской сказке [3].

Сравнение адыгской сказки со сказками других народов Кавказа позволяет говорить об общекавказском фонде, который у каждого народа при наличии общих важнейших черт получает специфическое национальное оформление. Широко известные международные сюжеты в адыгской сказке сохраняют многие главные мотивы и образы. Целый ряд их творчески переработан с введением различных деталей, отражающих своеобразие исторической жизни адыгов, специфику их национального характера, быта, нравов, их этических и эстетических представлений.

Отличительной чертой сказок адыгских народов является преобладание героических мотивов и сюжетов, вообще характерное для фольклора народов Кавказа,— оно обусловлено специфическими условиями их исторической жизни.

Основные разновидности сказки — волшебные, бытовые, сказки о

---

[3] А. Х. Бязыров. Опыт классификации осетинских народных сказок по системе Аарне — Андреева, с. 310—347, 94—113.

животных — различаются не только по генезису, но и по содержанию, своеобразию конфликта, составу персонажей, системе поэтических средств. Но эти разновидности нередко вступают во взаимодействие. Много произведений переходного типа, четкие границы между ними отсутствуют. Особенно наглядно взаимодействие волшебной и бытовой сказки: нередко волшебная сказка, как и бытовая, начинается с конкретной характеристики персонажа и указания его социальной принадлежности. Фантастические же элементы появляются в ходе дальнейшего развития сюжета.

Самую значительную часть адыгского сказочного эпоса составляют волшебные и авантюрные сказки. Сюжет последних нередко совпадает с сюжетом волшебных, но своеобразие персонажей и их поступков, лишенных элементов фантастики и высокой поэзии, характерных для волшебной сказки, обусловили их существенные различия. В совокупности же волшебные и авантюрные сказки характеризуются разнообразием сюжетного состава, а это, как известно, один из существенных показателей богатства сказочной традиции народа. Важнейшие сюжеты одинаково популярны у всех адыгских народов.

По составу сюжетов адыгская волшебная сказка во многом сходна со сказками других народов, хотя некоторые международные сюжеты отсутствуют. Исследователь адыгейской волшебной сказки Ш. Х. Хут подчеркивает, что ему не удалось обнаружить сказочные типы — «ночные пляски» (А—А 306), «Мальчик учится страху» (А—А 326-а), «Спящая царевна» (А—А 410) и др. Ш. Х. Хут выявил в адыгейском материале повествования, не находящие параллелей в фольклоре других народов (волшебные рассказы «Темир и его сын Темиркан», «Сын бедняка», «Нерожденная девушка» и др. [4]).

Волшебная сказка населена необычными героями, которые с помощью чудесных помощников и предметов совершают необыкновенные подвиги и всегда достигают своей цели. В адыгской волшебной сказке, если ее рассматривать с точки зрения ведущего конфликта [5], могут быть выделены героические сказки, герои которых (по В. Я. Проппу) ведут борьбу за семью, сказки с семейным конфликтом и сказки с социальным конфликтом.

В волшебных сказках адыгов, как и других народов мира, отразились такие древние формы сознания, как анимизм, тотемизм, магия (вредоносная, любовная и «вербальная»), культы (предков, домашнего очага, мертвых). В них обнаруживаются различные следы почитания животных (рождение или воспитание сказочных персонажей животны-

[4] Ш. Х. Хут. Адыгейская волшебная сказка, с. 96—97.
[5] См.: Е. А. Тудоровская. О структуре волшебной сказки, с. 155.

ми, их помощь героям, превращение в них человека). Следы магии, анимизма, тотемизма меньше всего отразились в представлениях об «ином» мире, куда попадает герой. Прежде всего они определяют состав сюжетов волшебной сказки и отдельные мотивы (например, чудесное рождение героя от связи с тотемным животным, оборотничество героя, нарушение им запрета, околдование злыми чарами).

Древнейшие мифологические представления предков адыгов сохранились в отдельных элементах волшебной сказки — слушателем или читателем сказки в конце XX в. они воспринимаются как поэтический вымысел, который создает в сказочном повествовании атмосферу чудесного [6].

В сказке нашли отражение и пережитки различных форм социальной жизни, следы древних обрядов и обычаев. Они также нередко определяют важнейшие элементы ее поэтики. Некоторые бытовые, этносоциальные и мировоззренческие явления, неоднократно перекодированные в процессе многовекового бытования сказки, играют определенную роль в развитии сюжета и жанра. Завязкой многих сказок, например, служит нарушение всевозможных запретов, выполнение древнейших магических обрядов (в частности, инициации или поисков невесты за пределами своего рода — экзогамный брак).

Как и в сказках других народов, «многие бытовые явления приобретают специфический интерес... со стороны структурообразующих и сюжетообразующих возможностей тогда, когда они оказываются в противоречии с движением жизни, с сознанием коллектива, либо даже тогда, когда они преодолеваются, отбрасываются, уходя в прошлое» [7].

Не случайно в сказке адыгских народов один из главных подвигов героя — спасение девушки, предназначенной в жертву чудовищу.

В отличие от бытовой или сказки о животных волшебная характеризуется разнообразием сюжетов, но в целом круг их в общем-то оказывается ограниченным. Многообразие же достигается за счет контаминации. Эта характерная черта сказочного эпоса любого народа в волшебной сказке получает наибольшее развитие. Записи адыгских сказок прошлого века, воспроизводимые в этой книге, свидетельствуют о том, что уже тогда процесс контаминации шел весьма активно. Естественно, что на современном этапе он продолжает развиваться, причем нередко при контаминации «побочные» сюжеты даются в сильно сокращенном изложении, что свидетельствует об их своеобразном слиянии. Наглядный пример — «Сказка о Хагоре» и «Сказка о Бамбете».

---

[6] Подробнее об этом см.: Ш. Х. Хут. Адыгейская волшебная сказка, с. 96—97.

[7] Б. Н. Путилов. Проблемы типологии этнографических связей фольклора.— Сб. «Фольклор и этнография». Л., 1977, с. 8—9, 12—13.

Как правило, волшебная сказка складывается из нескольких сюжетов, объединяемых общностью тематики и однотипными персонажами, т. е. возможности контаминации сюжетов строго регламентируются законами жанра. Вследствие этого сказка, состоящая из нескольких сюжетов, представляет собой композиционное и стилистическое единство. Так, в сказке «Батыр, сын медведя» объединяются три сюжета: мифологический — о воспитании героя тотемным животным, социальный — о борьбе героя с князем, который не может простить ему превосходства над собой и видит в нем своего потенциального противника, и типичный сюжет волшебной сказки о трех царствах. В сочетании эти сюжеты составляют художественное целое; вместе с тем это уже не классический образец волшебной сказки.

Вообще на позднем этапе бытования волшебной сказки все чаще встречаются случаи неорганической контаминации сюжетов, что, естественно, приводит к утрате четко выраженных черт той или иной сказочной разновидности.

При всем разнообразии сочетаний в пределах волшебной сказки одним из наиболее устойчивых и постоянных ее компонентов является сюжет как самостоятельная единица.

В зависимости от входящих в него элементов сюжет определяет систему образов сказки. Хотя мир волшебной сказки вымышленный, ирреальный, в нем отразилась реальная жизнь ее создателей, их мечты о победе добра, справедливости, любви.

Главный ее герой всегда олицетворяет народные этические представления. В качестве положительного героя адыгской волшебной сказки выступают разные персонажи, но всех их можно объединить в один обобщенный собирательный образ героя-борца за вековые народные чаяния [8]. Он проводит время преимущественно в походах и набегах, причем походы эти продолжаются не меньше года, а иногда так долго, что всадник вместе с седлом «врос в спину своего коня». Цель его поездок — побывать в неизвестных краях, испытать, есть ли богатырь сильнее и храбрее его, найти невесту необыкновенной красоты, добыть волшебное средство для исцеления больного отца, выполнить трудные задачи, поставленные избранницей его сердца и оказавшиеся не под силу девяноста девяти молодцам, чьими головами утыкан забор вокруг дворца красавицы. Необычайная судьба героя бывает предопределена его чудесным происхождением и богатырским детством (нередко он воспитывается вдали от людей, его кормят только оленьим мясом или костным мозгом диких зверей). В достижении поставленной цели герой прибегает к помощи чудесных помощников (невесты или жены, неред-

[8] Э. В. Померанцева. Судьбы русской сказки, с. 89.

ко — жен; встреченных в пути богатырей; старухи-нагучицы), ему помогают благодарные птицы и животные (в первую очередь — верный конь), чудесные предметы, и он обязательно одерживает победу и достигает поставленной цели.

Эмоции и мысли героя раскрываются в его поступках, четко направленных на выполнение задуманного.

Композиция адыгской волшебной сказки — в ее классических образцах — содержит, как правило, такие традиционные элементы, как преамбула, завязка, развитие действия, разрешение конфликта и развязка. Единство композиции сказки обусловлено прежде всего тем, что повествование ведется об одном главном герое и все компоненты подчинены задаче наиболее полного раскрытия этого образа.

Адыгскую волшебную сказку характеризуют логическая последовательность в развитии действия и стройное развитие основной темы. Единство логически связанных эпизодов определяет композиционную целостность сказки. Различные элементы, составляющие отдельный сюжет, эпизод и даже мотив, довольно свободно перемещаются в повествовании, исключаются или вводятся в него. При этом последовательность изложения не утрачивается.

В арсенале адыгской волшебной сказки, как и сказок других народов, существует комплекс «общих мест», из которых каждый сказочник отбирает именно те, которые необходимы для данного сюжета. В волшебной сказке комплекс «общих мест» включает стабильные и по содержанию и по форме так называемые «предварительные» мотивы, традиционные формулы (инициальные, финальные, медиальные) и типические волшебные действия. Каждое из этих «общих мест» может быть включено в любой сюжет волшебной сказки [9].

Поскольку в сказке отсутствуют статичные описания, все разновидности формул в основном передают развитие действия или перемещения героя. В адыгской сказке нередки формулы — зачин и присказка, которая может быть краткой: «Как сказывают и пересказывают» — или развернутой: «Как сказывают и пересказывают, рассказчик не добавляет, тот, кто слушает, не забывает, жил один пши...»; другой вариант: «Как сказывают и пересказывают, если не выдумка, то правда, жили муж с женой...» Как и в сказках других народов, в адыгской эти формулы нередко рифмованы и организованы ритмически.

Разнообразны переходно-пространственные формулы, в которых сообщается о передвижении персонажа, о длительности его пути: «Мало ли прошло, много ли прошло времени», «Много ли ехал, мало ли ехал»; «Долго он ехал, сколько проехал, знал только он»; «Долго они ехали,

[9] Ср. Н. Рошияну. Традиционные формулы сказки.

долго скакали»; «Едет-скачет, едет-скачет». Эти формулы полифункциональны — они не только связывают отдельные эпизоды сказочного повествования, но и характеризуют длительность пути героя, время и пространство сказки.

Финальные формулы завершают сказку и выражают отношение сказочника к повествованию. Нередко в них подчеркивается его участие в сказочных событиях: «И я был на том джегу, вволю ел и пил». При этом, как правило, нет и намека на вознаграждение сказочника. Если же о таковом и говорится, то в ироническом плане: «И я на свадьбе был, бузу пил и халвой закусывал. В то время, когда хан награждал остальных братьев богатыми подарками, и мне достался хороший кинжал, но на обратном пути у меня его отняли абреки».

Поскольку в сказке даны обобщенные образы персонажей, для характеристики каждого из них существует свой комплекс традиционных формул. Женская красота, например, определяется такими формулами: «Она была самая красивая из тех, у кого есть глаза и брови»; «Одна половина ее волос — белого золота, другая — желтого золота»; «Есть ли на свете девушка, у которой тело такое же белое, как белые бока сороки, а волосы — черные, как ее черный хвост».

Ряд формул употребляется при рассказе о таких специфических для горской, и в частности для адыгской, сказки эпизодах, как встреча героя с арбой, на которой везут девушку, отданную на съедение чудовищу. Аробщик поет, девушка плачет. «Почему, дада, ты поешь, а девушка плачет?» — спросил джигит. «В нашем ауле горе. Бляго оцепил его и грозится съесть всех жителей, если мы не будем отдавать ему каждый день девушку на обед. Сегодня пришел черед этой девушке быть съеденной, и потому она плачет. Я останусь жив, и потому пою».

Традиционной формулой характеризуется и встреча героя со старухой-нагучицей, которая становится его «молочной» матерью после того, как он неслышно подкрался к ней и приложился к ее груди. «Ты моя мать, ты мой отец на том и на этом свете»,— сказал джигит. «Пусть ослепнут глаза, что не увидели тебя, злосчастный юноша, откуда ты взялся?» — стала проклинать его нагучица.

Во время ссоры мальчишки упрекают сверстника, превосходящего их силой: «Если тебе некуда девать силу, то лучше узнай, где твой отец и что с ним произошло».

Многочисленны формулы описания богатырского коня, встречи героя с противником, храбрости героя, трудностей, встречающихся на его пути. Вместе с тем в адыгской сказке нет формул-приказаний, пожеланий (герой просто бросает гребешок, и он превращается в непроходимый лес, который задерживает преследователя). Мы не обнаружили также формул вызова верного коня или благодарного животного — герой под-

жигает волосинку, данную ему волком, лисой или чудесным конем, и животное приходит ему на помощь.

Разнообразные по содержанию традиционные формулы сказки выполняют одну художественную функцию — подчеркивают условность сказочного действия.

Один из важных элементов поэтики волшебной сказки — ретардация, цель которой замедление действия и повествования. Чаще всего это либо пересказ того, что произошло с героем, либо посещение им помощника или дарителя, который говорит о том, что нужно сделать, а затем следует рассказ о том, как был выполнен совет дарителя. Уже в первых записях адыгских сказок нередко обнаруживается тенденция к сокращению текста, когда повторение того или иного эпизода заменяется словами сказочника типа «и он рассказал, что с ним произошло». На современном этапе эта тенденция получила дальнейшее развитие.

Действие адыгской волшебной сказки, как и всякой другой, происходит в пределах сказочного пространства и времени [10]. Эти понятия не только строго отграничены от аналогичных реальных, но и во многом определяют такие существенные элементы сказки, как композиция, своеобразие художественного вымысла и поэтической системы.

В отличие от русской, например, сказки в адыгской действие никогда не происходит в условном царстве или месте. Как правило, ее герои живут «в одном ауле» по тем же законам и обычаям, каких придерживались в прошлом создатели адыгской сказки. И все-таки, несмотря на, казалось бы, максимальную приближенность сказочного мира к реальному, мир сказки — условный.

Пространство в сказке — необходимый компонент сюжетного повествования, и каждое место действия героя строго соотносится с его поступками, определяющими дальнейшее развитие сюжета.

Характерная черта адыгской волшебной сказки и в том, что «другой» мир или «подводное царство», куда попадает герой в поисках невесты или из-за козней жестоких братьев, ничем не отличаются от реального мира, в котором он живет.

Значительное развитие в адыгском фольклоре получили бытовые и социально-бытовые сказки. В отличие от волшебных, где действие развивается в фантастической обстановке, а герой побеждает врага с помощью чудесных помощников и предметов, и в отличие от сказок о животных, где повествование тяготеет к поэтической условности, в бытовых и социально-бытовых сказках борьба полярных сил — добра и зла в различных их проявлениях — развертывается на фоне реальных и бытовых отношений, что обусловлено их максимальной

---

[10] Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, с. 230, 232.

связью с действительностью, с социальными и бытовыми проблемами, хотя адыгская волшебная и бытовая сказки нередко тесно соприкасаются.

Тематика этих сказок различна — социальные противоречия в обществе, быт, человеческие пороки и слабости; объединяют же их в одну жанровую разновидность принципы отражения действительности.

Герои бытовой сказки активно утверждают свои идеалы — трудолюбие, честность, верность в дружбе — и так же активно выражают свое неприятие не только социальной несправедливости, но и таких пороков, как предательство, лень, глупость.

Основу сюжетов и конфликтов бытовой сказки составляют реальные отношения людей. Естественна поэтому одна из характерных черт бытовой сказки — точность социальной характеристики персонажей; внимание уделяется их общественному положению, отношению к окружающим, соблюдению ими горского этикета (прежде всего таких народных обычаев, как гостеприимство, взаимопомощь и др.). Поляризация образов персонажей — непременная черта бытовой сказки: их, как правило, два, и они резко противопоставлены друг другу.

В образах положительных героев — старого крестьянина, его мудрой жены или маленького плешивца Куйжия-Куйцука — воплощены черты народного характера — трудолюбие, душевная щедрость и остроумие.

Герой бытовой сказки фактически один — это умный, смелый и находчивый крестьянин. Он всегда беден, но вместе с тем предприимчив и горазд на выдумки. Если же ему и помогают, то не чудесные помощники, а реальные люди — любимая дочь, невеста или жена, верный друг. Этот герой социально противостоит своим врагам и, как правило, побеждает их, и в этом проявляется превосходство «низкорожденного» героя над надменными и кичливыми князьями. Отрицательные персонажи бытовой сказки — жестокие и самодовольные князья и лживые и похотливые служители мусульманского культа, презирающие труд; объединяют их такие черты, как глупость, жадность, самодурство, из-за которых они попадают в самые нелепые и смешные ситуации.

В бытовой сказке наиболее ярко выражен растущий протест трудящихся против социальной несправедливости.

Поэтика бытовой сказки иная, чем волшебной. Своеобразие ее обусловлено прежде всего тем, что в ней разрабатывается ограниченное по сравнению с волшебной число тем, которые варьируются в большом числе текстов на основе набора традиционных приемов. Сюжет в большинстве случаев односоставный, его развитие характеризуется краткостью и вместе с тем неожиданностью поворотов, обилием невероятных сюжетных ситуаций; в связи с этим поступки персонажей нередко отличаются алогизмом. Все это придает обычным на первый взгляд жиз-

ценным конфликтам гротескную форму. Особенно выразительны в бытовой сказке диалоги персонажей.

В бытовой сказке в отличие от волшебной нет традиционной сказочной обрядности и традиционных формул. Однако такой элемент, как зачин, довольно широко распространен. Как правило, герои в нем не только представляются читателю, но и содержится их социальная характеристика и оценка.

Бытовые сказки с сатирической направленностью носят социально-классовый характер, высмеивают зло, мешающее прогрессу общества. Наряду с явно сатирическими популярны бытовые сказки с элементами сатиры — о мудрых ответах, о бедном и богатом братьях, сказки, построенные на загадывании и отгадывании загадок. Эти сказки, основывающиеся на словесном единоборстве, имеют сходство с волшебными; вместе с тем их отличает выраженная дидактическая направленность. Загадки-вопросы или загадки в форме иносказаний позволяют выявить наиболее достойного из соперников. Как правило, умная крестьянская девушка превосходит в смекалке и остроумии глупого и самовлюбленного князя.

Большое число разнообразных сюжетов связано с именем Куйцука-Куйжия. В этих сказках сатирическое и комическое выступает в органическом единстве. Мудростью и смекалкой Куйжий побеждает и глупых великанов — иныжей и всемогущих князей.

Бытовая сказка нередко высмеивает и различные пороки — глупость, невежество, лень, упрямство, супружескую неверность. Разоблачая персонажей, наделенных такими чертами, сказка утверждала народные этические идеалы.

Популярность адыгской бытовой сказки во многом обусловлена ее тесной связью с жизнью народа и ее функцией — ясного выражения стремления народа к справедливости, к лучшей жизни. То обстоятельство, что сатирическая сказка получила значительное развитие, свидетельствует о завершении формирования этого жанра в адыгском фольклоре.

Как и в фольклоре других народов, в адыгском сказочном эпосе определенное место занимает животный эпос — сказки, где главную роль играют животные, которые действуют в бытовой, житейской сфере.

Сюжетный состав сказок о животных у адыгов сходен с сюжетным составом подобных сказок у других народов. Здесь также преобладают сказки о встречах и приключениях диких и домашних животных, реже — животных и человека. Известно, что животные нередко фигурируют и в волшебных сказках, где они обычно выступают в роли чудесных помощников героя. Круг животных в волшебной и сказке о жи-

вотных существенно не различается — отличаются их функции в сказочном повествовании и соответственно их характеристика. В волшебной сказке животные всегда играют вспомогательную роль. В сказках же о животных звери, птицы или домашние животные выступают в качестве главных героев. Иногда персонажем сказки о животных бывает человек, но он никогда не играет здесь главной роли. Животные в сказке вступают в различные отношения между собой — в них, как правило, проявляются их основные черты, устойчиво переходящие из сказки в сказку.

Как и в сказках других народов, животные в адыгской сказке нередко ведут себя как люди и имеют те же слабости и недостатки. В адыгском фольклоре пока не зафиксированы этиологические сюжеты — о происхождении различных зверей и птиц или их важнейших особенностей. Но в сказках сохранились отзвуки веры людей в то, что животные, как и люди, могут разговаривать — их язык дано понимать лишь тому, кто оказал животному какую-то услугу.

В целом же адыгские сказки о животных известны нам на той стадии своего развития, когда образы животных приобретают аллегорический смысл, а сказки в целом — философский подтекст.

Назначение сказок о животных преимущественно для детской аудитории во многом определило особенности их поэтической структуры.

В отличие от волшебной и даже бытовой сказку о животных отличает краткость и динамичность развития сюжета. Главное место уделено не рассказу о событиях, а характеристике своеобразия персонажей, раскрывающихся в их взаимоотношениях, репликах и диалогах, в которых проявляются их намерения, поступки и характеры. Здесь нет традиционной сказочной обрядности, нет зачина, вводящего в атмосферу сказки. Она начинается сразу с конфликта персонажей, который определяет композицию сказки и дальнейшее развитие ее сюжета.

В основе конфликта в большинстве случаев — встречи различных животных. Завершает сказку нередко назидательный вывод, хотя, в отличие от бытовой, сказке о животных открытая назидательность не свойственна.

Нередко сказки о животных содержат социальные конфликты — это, несомненно, наиболее поздний пласт в развитии животного эпоса; здесь нельзя не видеть взаимодействия бытовой сказки и сказки о животных.

Особый интерес представляет сказочный эпос на современном этапе. Традиционные формулы адыгской сказки — зачины и концовки, формулы женской красоты и мужской храбрости, характеристики бедности и богатства и др. — во многих случаях утрачивают свой традиционный

облик, сокращаются, значительно варьируются в словесном выражении, упрощаются, а иногда и вовсе отсутствуют. В сказочных текстах обнаруживается большое число неологизмов, не только лексических, но и отражающих новые черты жизни и быта адыгов.

* * *

Образцы сказочных текстов содержатся уже в самых ранних публикациях адыгского фольклора, датируемых первой половиной прошлого столетия. Большинство произведений адыгского фольклора увидело свет в русских периодических изданиях благодаря участию и помощи представителей русской демократически настроенной интеллигенции.

Среди дореволюционных публикаций произведений адыгского фольклора — текстов нартских сказаний, историко-героических песен, исторических и топонимических преданий, свадебной обрядовой поэзии, пословиц и поговорок — центральное место занимают публикации народных сказок. Особенно важно, что многие сказочные тексты были зафиксированы на языке оригинала (из-за отсутствия национального алфавита был использован так называемый усларовский алфавит, специально приспособленный для адыгского и некоторых других кавказских языков).

Одна из первых публикаций адыгских сказок — бытовых и животных — принадлежит Кази Атажукину. В шестом выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» (Тифлис, 1872) он напечатал в русском переводе большую коллекцию образцов несказочной прозы и девять сказок. Особую ценность публикации Атажукина придают подробные комментарии к текстам. Все сказки из этой публикации вошли в эту книгу.

Значительное число фольклорных текстов записал другой адыгский просветитель — Талиб Кашежев. В двенадцатом выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» (Тифлис, 1891) он напечатал в русском переводе одиннадцать сказок — они воспроизводятся в предлагаемой вниманию читателя книге.

Паго Тамбиев на протяжении почти четверти века записывал сказки в разных районах проживания адыгов — Адыгее, Кабарде, Черкесии. Большое число сказок было опубликовано им в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» на кабардинском языке, на хакучинском и бжедугском диалектах адыгейского языка с русским подстрочным и литературным переводом. Многие сказки в его записи сопровождает научная документация.

Записи К. Атажукина, Т. Кашежева и П. Тамбиева и в наши дни не только не утратили своего значения, но представляют особый интерес как свидетельство состояния фольклорной, и в частности сказочной, традиции адыгских народов в конце XIX — начале XX в.

Собиранием и публикацией произведений адыгского фольклора занимались многие представители передовой русской интеллигенции. Особое место здесь принадлежит проф. Л. Г. Лопатинскому — исследователю языков и фольклора адыгских народов. Он сам фиксировал произведения различных жанров адыгского фольклора; одна из его записей — сказка «Красавица Елена и богатырь-женщина» — публикуется в этой книге. Особенно значительна работа Л. Г. Лопатинского по подготовке к печати фольклорных текстов и комментированию их. Так, все сказки, напечатанные в двенадцатом выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», сопровождаются «Заметками» — краткими исследованиями, в которых кабардинские сказки характеризуются в сравнительном плане. Они сопоставляются с аналогичными сюжетами, бытующими у разных народов. Это позволяет исследователю не только выявить черты, общие для сказок разных народов, но и определить специфические особенности адыгской сказки.

В двадцать первом, двадцать седьмом и тридцать втором выпусках «Сборника», где напечатаны сказки в записи П. Тамбиева, Л. Г. Лопатинский определяет своеобразие их сюжетного состава соотносительно со сказками русского и соседних адыгам народов [11].

В конце прошлого и начале нынешнего столетия было выпущено в свет большое число адыгских сказок в литературной обработке [12].

После Великой Октябрьской революции, в конце 20-х — начале 30-х годов, в Кабардино-Балкарии, Адыгее и Карачаево-Черкесии были открыты научно-исследовательские институты.

Принципиальное отличие адыгской фольклористики советского периода — новая организация работы по собиранию фольклора, которой теперь занимаются не энтузиасты-одиночки, а сотрудники этих институтов, привлекающие к этой работе самый широкий круг учителей и газетных работников. Был проведен ряд фольклорно-музыкальных экспедиций, участники которых зафиксировали большое количество фольклорных текстов, прежде всего сказок. Вырабатываются более совершенные методы записи фольклорного материала (в том числе использование магнитофона).

---

[11] Произведения адыгского фольклора записывали и другие представители передовой русской интеллигенции. В тридцать пятом выпуске «Сборника» (Тифлис, 1905) учитель Кубанской учительской семинарии В. В. Васильков напечатал четыре темиргоевские сказки — все они воспроизводятся в данной книге. Е. З. Баранов опубликовал несколько адыгских сказок в газете «Терские ведомости» (1895, № 64; 1897, № 11), в «Сборнике» и отдельной книжкой в Москве.

[12] См., например: Забавные черкесские сказки; В. А. Гатцук. Кавказские сказки. Вып. 3, 4, 9; Е. Буланина. Сказки, песни и легенды Кавказа; Е. З. Баранов. Тембот, и другие издания.

Теперь общее состояние фольклорной традиции фиксируется более систематически, исследуются условия бытования фольклора, изучается среда, в которой он сохраняется. Наблюдается тенденция не только к привлечению возможно большего числа сказителей и наиболее полной фиксации их репертуара, но и к систематической работе с ними, в Кабардино-Балкарии и Адыгее проводятся съезды стариков сказителей. При этом особое внимание собиратели уделяют выявлению сюжетного состава сказочного эпоса во всем его объеме.

Среди довоенных публикаций адыгского фольклора особое место занимает «Кабардинский фольклор». Это издание было подготовлено учеными и писателями Кабардино-Балкарии совместно с группой русских поэтов-переводчиков под руководством проф. Ю. М. Соколова.

Это первая и до сих пор единственная антология адыгского фольклора, в которой представлены все его жанры — героический нартский эпос, местные топонимические и исторические предания, историко-героические и лирические песни, пословицы, поговорки, загадки. В книгу включены все разновидности сказки — мифические, волшебные, бытовые (особенно широко представлены сатирические сказки, в частности антимульские), сказки о животных, анекдоты, притчи, небылицы. В антологии нет традиционной классификации сказок, поскольку все образцы кабардинского фольклора сгруппированы по хронологическому принципу. Это создает известную условность в расположении сказочного материала, но в совокупности позволяет составить цельное представление о кабардинской народной сказке.

В комментариях М. Е. Талпы к сказочным текстам можно найти сравнительную характеристику важнейших адыгских сказочных сюжетов, эпизодов и персонажей и аналогичных компонентов русской сказки и сказок ближайших соседей кабардинцев — балкарцев, осетин и других народов. «Кабардинский фольклор» ввел в научный обиход большое число кабардинских сказок в превосходном и точном переводе на русский язык.

Высокой оценки заслуживает, на наш взгляд, и книга «Адыгейские сказания и сказки» в литературной обработке П. Максимова. Вошедшие в нее тексты записали сотрудники Адыгейского научно-исследовательского института культурного строительства Д. Ашхамаф, Т. Керашев, Ш. Кубов, А. Хатков и И. Цей во время фольклорно-музыкальной экспедиции в 1935 г. Они же выполнили подстрочные переводы сказок на русский язык; литературный перевод сделал П. Максимов.

Книгу открывает статья уже тогда широко известного адыгейского писателя Т. Керашева «О сказаниях и сказках адыге». Она содержит краткую, но емкую характеристику адыгского фольклора и его роли в жизни народа, интересные и до сих пор неизвестные сведения об ады-

гейских народных сказителях. Правда, Т. Керашев не избежал влияния так называемой аристократической теории фольклора, и его характеристика творчества народных певцов оказалась односторонней: явно преувеличено влияние на них феодальной верхушки.

Раздел, посвященный современным адыгейским сказителям, от которых были записаны тексты, составившие книгу, содержит ценные сведения о своеобразии бытования и исполнения адыгейской сказки в 30-х годах нашего столетия.

В статье П. Максимова приводится высокая оценка, которую дал адыгейским сказкам А. М. Горький:

«Адыгейские сказки, судя по этим образцам [13], весьма интересны и ценны общностью своих мотивов со сказками других народов. Общность эту я вижу в сказке „Мулла-колдун", которая — сюжетно — явно родственна сказкам о попе-оборотне, аббате и жреце — волшебниках. Так как сказки древнее христианской литературы, у нас есть основание думать, что „святые чудотворцы" церкви сочинялись именно по сказкам такого типа, как сказки о мулле, и, наоборот, можно думать, что многие сказки о фокусах волшебников создавались в противовес церковной литературе, по мотивам полемическим и сатирическим. Очень интересна сказка о зайчихе, лисе и волке, помощнике старшины,— она обнажает социальные отношения людей, чего обычно в сказках о животных не видят.

Крайне жаль, что сказок собрано мало. Ценность адыгейских сказок увеличивается еще и тем, что в них зло везде побеждено. Это — хорошее свидетельство о здоровье народа» [14].

Важно, что в «Адыгейские сказания и сказки» вошли тексты, сюжеты которых не повторяют сюжеты дореволюционных публикаций — это значительно расширило и обогатило представления о сюжетном составе сказок адыгских народов.

Весьма ценно сохранение в книге комментариев сказителей — они передают не только их эмоциональный настрой, но и стремление воздействовать на слушателей сказки (к сожалению, этого нет ни в одном из последующих изданий адыгских сказок).

В комментариях к текстам содержатся многочисленные исторические и этнографические сведения, характеризуются нравы, элементы быта и обычаи адыгов, получившие отражение в сказках, и, что особенно важно, приводятся варианты наиболее популярных эпизодов и сюжетов публикуемых текстов.

Несомненную ценность изданию придало включение «Указателя

---

[13] А. М. Горький имеет в виду небольшой сборник «Горские сказки» (Ростов-на-Дону, 1935).

[14] Адыгейские сказания и сказки. Ростов-на-Дону, 1937, с. 19—20.

сведений о том, среди какого племени, в каком районе и ауле, с чьих слов и кем записаны и переведены сказания и сказки». Из него явствует, что составившие книгу тексты были записаны у представителей всех адыгейских племен — шапсугов, бжедугов, темиргоевцев — и кабардинцев, переселившихся некогда в Адыгею. Среди исполнителей сказок — имена выдающихся адыгейских сказителей, таких, как Теучеж Цуг, Аюб Хамтоху, Шаззо Бий и другие, от которых в последующие годы было записано большое число фольклорных произведений различных жанров.

Последующие издания адыгейских сказок (как, впрочем, кабардинских и черкесских) в большинстве случаев не имели научной документации, что, естественно, снижает их научную значимость.

Издание же 1937 г., подготовленное коллективом адыгейских писателей и ученых в содружестве с русским писателем, до сих пор сохраняет свое значение. Начиная с 1937 г. адыгейские сказки издавались ежегодно — то на языке оригинала, то в переводе на русский язык [15].

Особенно активизировалась работа по изданию сказок в послевоенные годы. В Адыгее не только переиздавались сказки, собранные в довоенные годы Т. Керашевым, И. Цеем, Д. Ашхэмафом, но и были опубликованы новые варианты, записанные в 50—70-е годы или извлеченные из архива Адыгейского НИИ. Эти публикации принадлежат А. М. Гадагатлю, М. К. Хуажеву, Ю. И. Тлюстену [16].

В Кабардино-Балкарии много сделали для собирания и публикации фольклорных произведений, в том числе сказок, А. Т. Шортанов и З. П. Кардангушев. В Карачаево-Черкесии народные сказки записывали и издавали Л. А. Бекизова и Н. Сакиев.

В настоящее время адыгскими фольклористами собран значительный материал о бытовании сказки за последние пятьдесят лет, сведения о выдающихся народных сказителях, о мастерстве лучших адыгских исполнителей сказок, а также материал о том, в каких условиях исполняется сказка и как воспринимают ее слушатели [17].

Как свидетельствуют экспедиции последних лет, проведенные в Кабардино-Балкарии, Адыгее и Карачаево-Черкесии, сказочная традиция у адыгов и в наши дни, в условиях всеобщей грамотности, сохраняет свое значение в народном быту, что и определяет необходимость ее всестороннего изучения и издания полного корпуса сказок адыгских народов.

---

[15] См. «Библиографию» в конце книги.
[16] См. «Библиографию».
[17] См., например: Ш. Х. Хут. Адыгейская волшебная сказка.

* * *

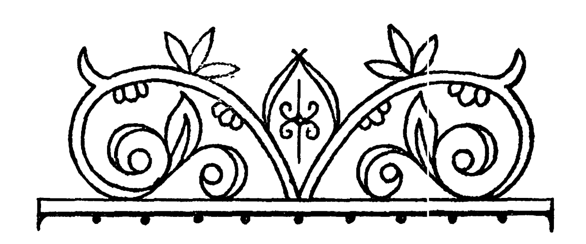
Данную книгу составили сказки, зафиксированные у разных адыгских народов на протяжении последнего столетия. Составитель стремился отобрать сказки с наиболее характерными для адыгского фольклора сюжетами.

Записи XIX — начала XX в. извлечены из дореволюционных публикаций и приведены в соответствие с правилами современной орфографии. Некоторая разница в стиле перевода дореволюционных и современных записей, естественно, остается.

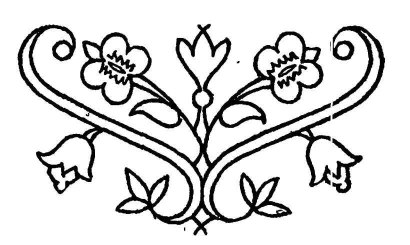
Значительное место в книге занимают тексты, записанные в 30—60-е годы XX в. Многие из них печатаются в переводе на русский язык впервые. Переводчики стремились максимально точно передать содержание оригинала, не допуская никакого вмешательства. В примечаниях приводятся сведения об исполнителях сказок, месте и времени записи. Здесь же дается объяснение малопонятных мест, деталей и эпизодов, различных обычаев, отразившихся в сказках (в тексте помечены цифрой).

Слова, оставленные без перевода (этнографические и бытовые реалии, географические названия), объяснены в словаре. При первом упоминании в тексте они помечены звездочкой.

А. И. Алиева

сказки АДЫГСКИХ народов

1. Ханская дочь и охотник

В Кавказских горах жил-был охотник Шамиль, храбрый и статный юноша, который охотой только и кормил себя и свою старушку мать. Однажды он охотился в густом лесу. Солнце уже клонилось к закату, а между тем ему еще ничего не попадалось на глаза. Шамиль хотел уже возвращаться домой с пустыми руками, но какое счастье — он заметил на большой чинаре орла необыкновенной величины. Шамиль прицелился и хотел уже спустить курок, как вдруг орел молвил умоляющим голосом: «Не убивай меня, Шамиль! Я пригожусь тебе в беде. Вот тебе одно из моих перьев; когда тебе придется плохо, согрей его на огне, и я тотчас явлюсь». Шамиль спрятал перо и пошел дальше.

Немного спустя попадается ему дикая коза. Шамиль хватается опять за ружье, но коза взмолилась человеческим голосом: «Пощади меня, Шамиль! Вот тебе волосинка от моей бороды; в случае опасности она тебе пригодится!» Шамиль взял волосинку и отправился дальше.

Сделалось уже совсем темно. Шамиль съел последний кусок хлеба, взобрался на развесистое дерево и, прикорнув между двумя ветвями, выспался хорошенько. Когда солнце встало, он соскочил с дерева и продолжал охотиться. Дичи ему не попадалось никакой, а между тем есть ему страх как хочется. Тогда он спустился к морскому берегу, решив закинуть удочку. Спустя несколько минут он вытащил необыкновенную рыбу с золотистой чешуей. Золотая рыба стала его умолять человеческим голосом: «Отпусти меня, Шамиль! Я тебе пригожусь в беде. Вот тебе на всякий случай одна из моих чешуй!»

Шамиль взял чешую и отпустил рыбу. Затем Шамиль опять направился в лес. В лесу ему попадается лиса; он прицелился в нее, но она стала его просить умоляющим голосом: «Не тро-

гай меня, Шамиль! Я тебе пригожусь в случае опасности. Возьми лучше волосинку из моего хвоста!» Сказав это, она выдернула из хвоста волосинку и отдала ее Шамилю.

Голод его донимал страшно, и он пошел уже по берегу моря, надеясь там что-нибудь раздобыть. Долго ли, коротко ли он шел, но достиг незнакомого города. Войдя в городские ворота, он зашел в бедную избенку, в которой у очага возилась древняя старушонка. Он спросил ее, нет ли у нее чего-нибудь поесть; оказалось, что и она сама сидит целый день без хлеба. Тогда Шамиль вынул золотой и послал ее на базар за провизией. Скоро вернулась старушка и принесла всего вдоволь. Шамиль пригласил откушать и старушку, а когда оба они наелись досыта, он спросил ее, что нового в их городе.

— Лучше и не спрашивай, дорогой гость! — ответила старушка. Шамиль стал настаивать на том, чтобы она рассказывала все, о чем знает. Тогда она рассказала следующее:

— В нашем городе правит хан, у которого есть только единственная дочь; она имеет подзорную трубу, в которую видит все на земле, на небе и в море. Она заявила, что выйдет замуж только за того, кто сумеет так спрятаться, чтобы его никак нельзя было найти. Прятаться можно три раза, в случае же неудачи после третьего раза несчастный должен погибнуть на виселице. А так как эта девушка необыкновенно красива, то многие юноши из нашего города делали попытку добиться ее руки, но, разумеется, сделались жертвой этой кровожадной женщины. В городе стоит плач и стон, так как нет семьи, которая бы не лишилась одного или двух молодых людей; и я также оплакиваю потерю двух красавцев сыновей, моих кормильцев. Число всех жертв составляет ровно девяносто девять; не хватает еще одного, и, по всей вероятности, сотый — это ты, несчастный!

— Попытаюсь и я,— сказал Шамиль и, простившись со старушкой, направился в ханский дворец. Войдя туда, он заметил дочь хана, сидевшую на тахте и окруженную многочисленным штатом прислуги. Вскинув глаза на Шамиля, дочь хана спросила, обращаясь к гостю: «Сотый?»

— Посмотрим! — коротко ответил Шамиль.

— Если ты желаешь,— сказала резко ханская дочь,— рисковать из-за меня своей жизнью, то знай, что в эту ночь ты должен спрятаться куда знаешь; днем же я стану искать тебя.

В сумерки Шамиль вышел из дворца и, дойдя до окраины города, зажег перышко орла. Явился орел.

— Спрячь меня как можно лучше! — сказал Шамиль. — И орел, подхватив его своими когтями, поднял в поднебесье и унес далеко в темные облака, где у него было гнездо; туда он посадил Шамиля и сам сел на него.

На рассвете ханская дочь стала осматривать кругом всю поверхность земли. На земле нигде не оказалось Шамиля. Тогда она навела свою трубу на поднебесную высь, искала долго по всему воздушному пространству и наконец где-то далеко в облаках заметила гнездо, на котором сидел орел; всмотревшись хорошенько, она увидела несколько шерстинок от папахи Шамиля.

— Вот он! — крикнула радостно девушка.

Когда же вечером явился Шамиль, ханская дочь рассказала ему в точности, где он прятался.

На этот раз его постигла неудача. Надеясь второй раз лучше спрятаться, Шамиль вышел из дворца и в кустарниках, за городом, зажег шерстинку козы: в одно мгновение явилась коза.

— Спрячь меня получше! — сказал Шамиль.

Коза посадила его на себя и понесла с быстротой ветра чуть ли не на край света. Там она его спрятала за выступом в яме, на отверстие которой сама легла, прикрыв его своим телом.

На следующее утро начались поиски. Долго искала Шамиля ханская дочь, но, наконец, за скалой, под лежащей козой, заметила она конец бешмета, который Шамиль по неосторожности забыл подвернуть. Повторилось затем то, что произошло в первый раз.

«Вторая неудача!» — подумал Шамиль, грея у огня чешую золотой рыбки. Рыба, явившись к нему немедленно, повела его к берегу моря и вызвала оттуда огромную щуку; щуке она велела разинуть рот и, всадив Шамиля в ее объемистую утробу, послала ее опять в морскую пучину.

Долго на следующий день искала дочь хана, но все напрасно: не было Шамиля нигде — ни на земле, ни в поднебесье. Она хотела уже признать себя побежденной, но мать посоветовала ей направить трубу в глубину моря. Случилось так, что как раз в это время прожорливая щука, в утробе которой спрятался Шамиль, открыла пасть, чтобы поймать карася. Неудивительно, что он был замечен...

Шамиль совсем пал духом. Дочь хана хотела уже приказать его повесить, когда он, вспомнив о волосинке лисицы, воскликнул:

— Прекраснейшая дева! Я пришелец из чужой страны и

гость в вашем городе, разреши мне в последний раз спрятаться — еще раз попытать счастья! — Она согласилась.

Шамиль вышел за город и зажег волосинку лисы. Немедленно она явилась.

— А ну-ка, как ты меня спрячешь? — сказал нетерпеливо Шамиль.

— Не беспокойся, Шамиль! Я тебя так спрячу, что тебя никто не найдет! — Тут же, в кустах, она ему велела спать спокойно до тех пор, пока его не разбудит. Затем она принялась рыть подземный ход от того места, где спал Шамиль, до ханского дворца, в подполье комнаты, в которой обыкновенно сидела девушка и производила осмотр. На заре она разбудила Шамиля и велела ему ползти за собой. Они очутились в подполье комнаты ханской дочери, в таком месте, которое приходилось как раз под ее ногами; все там было слышно: не только все, что она говорила с матерью или с прислугой, но и как шуршало ее платье.

Начались поиски, но сколько ни искала ханская дочь, она нигде не могла найти Шамиля. Ей и невдомек, что он мог спрятаться под ее ногами, чуть ли не в складках ее платья. В отчаянии она несколько раз бросала об пол свою трубу, которая ей теперь в первый раз изменила. Во время этих бесполезных поисков Шамиль спал себе преспокойно у ног красавицы, а лисица чутко его караулила, сидя подле него. Когда смерклось, лисица опять разбудила его, и он отправился к ханской дочери.

— Сегодня, однако,— сказала она недовольным голосом,— ты так спрятался, что даже сам шайтан не мог бы тебя разыскать!

— В таком случае, могу ли я рассчитывать, что ты сменишь гнев на милость? — спросил Шамиль.

— Нет,— сказала она,— позволь и мне поискать еще один день! — Шамиль согласился.

Повторилось то же самое. Шамиль спрятался в прежнем месте. Конечно, все поиски девушки остались безуспешными. С досады она разбила свою трубу вдребезги!

Когда же вечером Шамиль явился во дворец, недоступная красавица бросилась к нему, сказав: «Ты окончательно победил меня: я согласна быть твоей женой!»

На следующий день отпраздновали свадьбу. Все жители города были необыкновенно рады, что избавились от тяжкого для них испытания, и таким образом свадьба ханской дочери сделалась всеобщим праздником.

2. Сказка о Каирбеке

Жил-был на свете один богатый хан; у него был единственный сын, красавец-удалец Каирбек. Так как Каирбек давно уже вышел из отроческого возраста, то хан, его отец, занялся поисками подходящей для него невесты. Были разосланы повсюду гонцы с приглашением явиться во дворец хана всем, у кого были красивые дочери, и представить этих красавиц на выбор Каирбеку. Скоро собрались созванные гости, и перед глазами молодого хана потянулась вереница прекрасных девушек, одна другой краше и милей. Но ни одна из них не привлекла внимания юноши: он со скукой во взоре смотрел на красавиц. После этого во дворце был устроен пир, во время которого старый хан стал спрашивать у сына, которая из красавиц была бы для него желанной женой.

— О отец, не гневайся на меня, но я не могу порадовать твоего слуха своим ответом: все девушки, собранные тобой во дворец, бесспорно прекрасны, но свобода, которой я наслаждаюсь под сенью родного крова, еще прекраснее для меня; а если уж мне суждено жениться и тем исполнить твою волю, то я желал бы иметь такую жену, которая белизной лица могла бы соперничать с боками этой птицы, а чернотой волос с ее хвостом.— При этом Каирбек указал рукой на сороку, сидевшую на дереве: — Если найдется такая красавица,— продолжал он,— то я непременно женюсь.

Услышав такие слова, опечалился старый хан, но, зная непреклонный характер сына, не стал ему перечить, а, обратясь к своим приближенным, приказал им искать подобную девушку для Каирбека. Один из юношей вызвался отправиться за невестой для ханского сына, но все стали смеяться над его самоуверенностью.

— Что же? — сказал он им.— Мало ли чудес на свете? Поищу, может быть, я и открою чудо.

— Помни же,— грозно крикнул ему старый хан,— ты сам добровольно идешь на поиски; если вернешься ни с чем, я тебя не пощажу, лишу тебя жизни!

— Воля твоя, хан... Буду пытать счастья, а там увидим,— ответил юноша и, собравшись в путь, немедленно отправился на поиски чудо-красавицы.

Однако поиски его не увенчались успехом: девушка с белым лицом и черными волосами нигде не находилась. Печальный юноша решил уже возвращаться назад и мысленно прощался

с жизнью, но в это время ему повстречался древний старик. Внимательно посмотрев на печальное лицо наездника, старик остановился и спросил, какое горе с ним приключилось.

— О добрый человек! Как же мне не горевать,— сказал юноша,— когда в расцвете лет я должен распрощаться с жизнью? — И молодой человек поведал подробно старику, зачем он поехал и что его ожидает в случае неудачи.

Задумался старик, низко опустил свою седую голову, потом, наконец, сказал:

— Не отчаивайся, друг мой, такая девушка действительно существует на свете; но царство, где она обитает, очень трудно найти, а еще труднее добыть эту красавицу. Если сам Каирбек попытает счастья, то, может быть, его поиски увенчаются успехом.— И старик рассказал, каким путем можно добраться до места, где живет красавица, и предупредил об опасностях, которые должны встретиться на этом пути.

Юноша горячо поблагодарил старика и помчался обратно в ханство. Вернувшись, он подробно все рассказал Каирбеку и его отцу, хану.

— Сын мой,— сказал старый хан, внимательно выслушав рассказ юноши,— оставь свою затею! Сам видишь, что она почти невыполнима; лучше останови свой выбор на одной из наших девушек, и все мы заживем счастливо и спокойно.

Но Каирбек, не вняв советам и просьбам отца, стал быстро снаряжаться в опасное путешествие. Была наскоро заготовлена дорожная провизия, выбраны телохранители для сопровождения Каирбека, и, когда все было готово, молодой хан велел привести для себя и для того юноши, который добыл сведения о девушке, лошадей, но не обыкновенных, на которых ехали его телохранители, а особых, сказочных коней дуль-дуль *, обладающих сверхъестественной силой и быстротой бега. Когда все сборы были окончены, путешественники двинулись в путь: впереди ехал Каирбек со своим новым товарищем, а позади тянулись длинной вереницей телохранители, прислуга и лошади, навьюченные провизией.

Горя нетерпением скорее добраться до цели, Каирбек все чаще и чаще пришпоривал своего дуль-дуля, но телохранители всякий раз сдерживали горячность юноши.

— Подумай, Каирбек,— говорили они ему,— что будет толку, если ты один ускачешь вперед; правда, твой дуль-дуль скорее домчит тебя до цели; но с какими глазами мы вернемся к

твоему отцу и что ответим ему на вопрос, где его сын? Ты, верно, забыл, каков твой отец в гневе?

— Друзья мои,— ответил им нетерпеливый юноша,— быть может, вы и правы, но моему желанию скорее увидеть красавицу нет границ, и будет лучше, если вы отпустите меня с товарищем вперед. Отцовского же гнева вы не бойтесь; скажите ему только, что я приказал вам вернуться, и он вас даже пальцем не тронет.

Долго судили и рядили телохранители, как им быть, но в конце концов упорство Каирбека сломило благоразумие окружающих, и они решили отпустить ханского сына с его товарищем, наделив их большим запасом провизии.

Легкие, как птицы, дуль-дули стрелой помчались вперед, далеко оставляя позади себя ханские владения и свиту телохранителей. Местность, по которой ехали путники, была прекрасна: обилием деревьев и цветов она напоминала роскошный сад; пение птиц и журчание ручейков ласкали слух Каирбека и его спутника, а тонкое благоухание, исходившее от прекрасных цветов, сладостной струей лилось в грудь путешественников. Ханский сын и его товарищ пока ни в чем не терпели недостатка: провизии у них было достаточно, а жажду они утоляли кристальной водой быстро бегущих ручейков.

Прошло уже около месяца, как они оставили ханские владения, а путешествию их все не было конца. Наконец запасы провизии истощились, добывать же себе пропитание в пути было невозможно: плодородная местность, по которой они еще так недавно проезжали, давно осталась позади, а вокруг расстилалась голая пустыня, покрытая лишь выжженной травой. Быстроногие дуль-дули приметно слабели — они были голодны и томились жаждой. Мрачно и тоскливо было на душе Каирбека, и вот однажды он обратился к товарищу:

— Послушай, друг мой: пришло время подумать, как нам спастись от голодной смерти.

— Нам следует вернуться, пока еще не поздно,— это будет благоразумнее всего! — нерешительно заметил юноша.

— Как? Теперь, когда мы, быть может, уже у цели? Никогда! Если тебя пугает неизвестность, то возвращайся назад, я же предпочитаю смерть позорному малодушию!

— В таком случае один из нас должен пожертвовать своим конем, а так как мой дуль-дуль слабее твоего, то его мы и заколем.

Каирбек согласился с мнением товарища, и они закололи

коня и продолжали свой путь вместе на одном дуль-дуле. И вот, когда запас конины кончился, когда они оба окончательно упали духом и уже мысленно готовились к смерти, судьба сжалилась, и они увидели вдали густой прекрасный лес, ласково манивший их под свои зеленые своды. Путники облегченно вздохнули и мысленно воссылали хвалу аллаху, сжалившемуся над ними.

К великой радости Каирбека и его товарища лес был из фруктовых деревьев. Прекрасные сочные плоды соблазнительно виднелись среди зелени и в таком изобилии, что о голоде не могло быть и речи. Но измученные путники прежде всего нуждались в воде.

Скоро звонкое ржание дуль-дуля возвестило о близком присутствии источника, и товарищи еще раз поблагодарили аллаха.

Прошло несколько дней полного отдыха; Каирбек снова воспрянул духом и обратился к товарищу с такими словами:

— Я достаточно окреп, мой дуль-дуль выглядит тоже отлично, и я не вижу больше причины засиживаться в этом лесу. План мой такой: так как ты до сих пор не вполне оправился, то оставайся здесь и жди моего возвращения, а я один буду продолжать путь и, быть может, скоро доберусь до цели; ехать же нам на одном дуль-дуле невозможно.

Товарищ согласился с Каирбеком, и они распрощались.

Выехав из леса, Каирбек увидел вдали высокий холм, красиво возвышающийся над обширной равниной, и направил своего коня на его вершину. Въехав на самую макушку холма и взглянув вниз, юноша увидел глубоко в овраге каких-то животных, но из-за дальности расстояния определить, что это за животные, не было возможности, и вот Каирбек сильно перегнулся с лошади и стал вглядываться. В это время его конь оступился, и они оба полетели в овраг. При падении Каирбек потерял сознание.

Когда он очнулся, то увидел перед собой благообразного старика, с любовью ухаживающего за ним, а себя — лежащим на опрятном ложе в убогой хижине.

— Ну, сын мой,— сказал старик, когда увидел устремленный на себя взгляд Каирбека,— ты еще дешево отделался, хотя тебе еще долго придется лечиться: кольчуга, бывшая на тебе, при падении врезалась звеньями в твое тело, и на теле у тебя были глубокие порезы. Но ты будь спокоен: я залечу твои раны и поставлю тебя на ноги.

— Кто ты, добрый человек? — спросил старика Каирбек.

— Я пастух. Когда ты был на вершине холма, я со своим стадом находился на дне оврага и видел, как падал твой конь. Тебя я нашел в беспамятстве, а твоего благородного коня — с израненными ногами: мне удалось перевезти тебя на арбе к себе в хижину, и вот, как видишь, ты теперь уже на пути к выздоровлению.

— Я бесконечно благодарен тебе, старик, за твою доброту и заботы обо мне,— сказал растроганный Каирбек,— но скажи, молю тебя, жив ли мой конь?

— Не беспокойся, твой быстроногий скакун жив и ждет своего хозяина. Теперь поведай мне, кто ты, юноша, и куда держишь путь.

Каирбек подробно и откровенно рассказал старику о цели своего путешествия и стал просить его совета, как ему поступить дальше и есть ли возможность найти желанную девушку. Внимательно выслушав юношу, старик сказал:

— Про владения твоего отца я слышал и теперь знаю, кто ты; советов же пока не буду давать до твоего выздоровления — тебе теперь нужен полный покой.

Через месяц раны Каирбека были залечены с помощью какого-то чудесного масла, и он сам чувствовал себя бодрым и сильным, точно никогда и не болел.

— Теперь, юноша, ты совершенно здоров,— обратился к нему старик,— и я могу уже поговорить с тобой о твоем деле. Та красавица, которую ты ищешь, живет в соседнем ханстве; но прими совет друга и умудренного опытом старика: не езди дальше, поверни своего дуль-дуля и возвращайся во владения своего отца. Я не хотел бы, чтобы такой храбрый юноша, как ты, погиб бесславной смертью от руки злой красавицы. Много было смельчаков, жаждавших овладеть девушкой, но все они сложили свои удалые головы у ее ног; уже девяносто девять отрубленных голов красуются на кольях ханской ограды, и если ты не последуешь моему совету, то голова твоя будет сотой.

— Не сердись на меня, добрый человек,— воскликнул Каирбек,— но я не могу следовать твоим советам. Ты добр и мудр; я сознаю, что ты прав, но я вернусь в дом моего отца не раньше, чем сделаюсь мужем красавицы. Мое желание обладать ею так велико, что я готов пожертвовать даже своей головой.

— Да, молодость всегда безумна,— качая головой, сказал пастух,— но мне жаль тебя: ты так молод и прекрасен. Будущее от нас сокрыто... Обещай мне по крайней мере исполнить мой совет: когда приедешь в ханство красавицы, то остановись

в доме ее аталыка *, где живут ее семь молочных братьев, добрых и умных юношей, и они помогут тебе.

Горячо поблагодарив старика за его ласку и заботы, Каирбек поехал дальше и вскоре был вблизи дворца красавицы. Старик пастух сказал правду: вся изгородь, окружавшая дворец, была утыкана отрубленными головами смельчаков. Жутко стало юноше, но все же он и здесь остался тверд в своем намерении.

Прибыв в дом молочных братьев девушки, Каирбек три дня прожил у них как гость, ни слова не говоря о цели своего приезда и не называя себя по имени. Те, в свою очередь, тоже ни о чем не расспрашивали прибывшего [1]. На четвертый день братья сказали ему:

— До сих пор ты был наш гость, и мы не смели ни о чем спрашивать тебя; теперь же ты для нас свой человек, и таиться тебе от нас нечего.

Каирбек все откровенно рассказал юношам и просил их совета и помощи.

— Эх, жалко нам тебя,— сказали они,— погубит тебя наша жестокая сестра; но уж если тебя не устрашили отрубленные головы, то мы не будем отговаривать тебя и поможем тебе своими советами. Видишь ли, наша молочная сестра дала себе слово выйти замуж лишь за того, кто выдержит назначенное ею испытание, а в этом-то и вся беда: ее испытания невыполнимы для смертного по своей трудности. Для каждого вновь прибывшего храбреца у нее есть уже наготове новая затея. Теперь — по крайней мере нам так известно — она хочет состязаться в беге на лошадях, и вряд ли найдется у кого такая лошадь, которая могла бы поспорить с ее конем в быстроте бега. Здесь может помочь лишь хитрость. Тебе надо будет самому придумать, как продлить бег, чтобы ее лошадь устала раньше твоей; дело в том, что ее лошадь имеет силу лишь до тех пор, пока ее трижды не ударят плетью, а затем слабеет и становится негодной для бега. Вот все, что мы могли тебе сказать; теперь твое дело самому придумать хитрость, чтобы одержать победу над сестрой.

Каирбек поблагодарил молочных братьев красавицы за совет и стал готовиться к состязанию.

Красавица, узнав о новоприбывшем смельчаке, коварно улыбнулась и назначила день бега, а ее приближенные уже мысленно делили между собой коня и одежду Каирбека, вполне уверенные в его гибели.

И вот наконец настал день состязания в беге. Каирбек вы-

ехал на своем дуль-дуле, который успел за несколько дней отдыха и хорошего корма снова набраться сил. На поляне за ханским дворцом Каирбек поравнялся с красавицей, сидевшей на прекрасной белоснежной лошади. Девушка сразу поразила юношу своим видом; у нее действительно было лицо необычайной белизны, а роскошные волосы, подобно черной мантии, покрывали ее плечи и спину, и вся она была так пленительно прекрасна, что сердце Каирбека забилось от восторга, и он поклялся в душе сделать все, чтобы завладеть красавицей.

— Выслушай меня, прекрасный юноша,— обратилась девушка с очаровательной улыбкой к Каирбеку,— от дворцовой ограды до межи, которая там далеко в поле, мы будем ехать вместе, а от межи обратно наперегонки, и если ты отстанешь, то вот этот меч снесет твою голову!

И она указала на оружие, висевшее в драгоценных ножнах у ее золотого пояса.

— Будь по-твоему, красавица! — покорно ответил Каирбек, и они поехали.

Путь до межи показался очень коротким для ханского сына, и, когда красавица, доехав до межи, повернула своего коня, он обратился к ней с вопросом:

— Как? Ты думаешь скакать отсюда?! Тогда не следовало мне и предпринимать столь далекого путешествия ради такого пустяка — я не ребенок, чтобы со мною играть!

— Хорошо! — ответила девушка,— поедем дальше, до следующей межи.

И они опять поехали. Доехав до новой границы, красавица опять повернула лошадь, и снова обратился к ней с просьбой Каирбек:

— В стране, откуда я приехал, воля гостя священна; уважь же мою просьбу, позволь ехать дальше,— мне стыдно будет скакать отсюда, проехав так мало.

— В моей стране воля гостя также священна, и я не могу отказать тебе в просьбе; едем дальше,— ответила царевна.

И они поехали снова. На третьей меже красавица уже решительно повернула своего коня, но Каирбек опять обратился к ней:

— Я надеюсь, что ты и теперь исполнишь мою просьбу и проедешь со мной еще один перегон. В стране, откуда я приехал, верх всегда на стороне мужчины, и женщины охотно уступают нам, а мы за это им платим своей любовью; докажи, что и ты ничем не хуже наших красавиц.

И на этот раз девушка уступила просьбе Каирбека, только очень неохотно.

— Ты слишком злоупотребляешь моей уступчивостью,— сказала она, нахмурясь,— но пусть не думает чужеземец, что наши девушки менее любезны. Едем дальше; но знай — это будет последняя уступка с моей стороны.

— Клянусь тебе, красавица, что я больше не буду злоупотреблять твоей добротой,— ответил ей Каирбек. И они поехали дальше. На четвертой меже оба остановились и повернули коней.

— Отсюда начнется наше состязание, приготовься! — сказала красавица.

Не успел Каирбек моргнуть глазом, как коварная девушка ударила своего коня плетью, птицей унеслась вперед и через минуту совершенно исчезла из виду. Быстроногий дуль-дуль Каирбека, точно сознавая, что от него зависит успех задуманного и жизнь его господина, стрелой помчался вперед, почти не касаясь земли своими тонкими ногами. На третьей меже Каирбек поравнялся с красавицей, которая там отдыхала. Увидя приближавшегося юношу, девушка снова ударила плетью своего скакуна и снова скрылась из виду. На второй меже повторилось то же самое.

«Пока все идет хорошо»,— думал про себя довольный Каирбек.

Девушка в третий раз ударила своего коня, а ехать надо было еще два перегона.

— Ну, мой прекрасный дуль-дуль! Сослужи службу своему господину! — сказал юноша и ласково потрепал коня по атласной шее.

Благородный конь, точно чуя просьбу Каирбека, радостно заржал и птицей полетел вперед. Предположение ханского сына вполне оправдалось: на последнем перегоне лошадь красавицы, видимо, ослабела и стала бежать медленнее. Заметив это, Каирбек подскакал к девушке и, сбив с ее прекрасной головы золотую шапочку, насмешливо сказал:

— Ну, где тебе браться за мужские подвиги! Тебе ли, слабой женщине, перехитрить джигита?

Гордая девушка вспыхнула от оскорбления, но сдержала себя и покорно вымолвила:

— Ты перехитрил меня, юноша, и вот тебе моя рука. Я обещаю тебе быть верной и любящей женой, мой повелитель. Только хоть я и слабая женщина, как ты сказал, но придет, быть

может, время, когда я докажу тебе мою силу. А теперь поедем объявлять моим приближенным о нашей свадьбе.

Велико было изумление всех царедворцев, когда они увидели Каирбека, ехавшего рядом с красавицей. Нашелся, наконец, удалец, который сломил гордость их повелительницы!

Скоро была отпразднована пышная свадьба, и молодые, окруженные телохранителями и слугами, поехали в ханство отца Каирбека.

Дорога, по которой они ехали, пролегала возле двух больших дремучих лесов, в которых, как говорили, жили волшебницы девы. И вот, когда свадебный поезд поравнялся с первым лесом, на его опушке показался всадник с ружьем в руке. Не успел Каирбек хорошенько всмотреться в неизвестного наездника, как грянул выстрел, и пуля, посланная меткой рукой неизвестного стрелка, сбила шапку с головы молодого хана.

— Стойте все здесь и ждите моего возвращения — я должен наказать дерзкого! — крикнул взбешенный Каирбек своим телохранителям.

Те стали убеждать его не рисковать, но молодой хан, не слушая их, помчался в лес в надежде догнать неизвестного джигита. А тот будто дразнил его: показываясь среди деревьев, он мгновенно исчезал, чтобы снова через минуту появиться в той или другой стороне леса; он явно ускользал от преследований Каирбека. Но вот дуль-дуль вынесся на поляну и почти настиг всадника у маленькой избушки. Вдруг преследуемые конь и всадник пропали из виду пораженного Каирбека. «Верно, это и есть одна из тех волшебниц дев, про которых мне говорили,— подумал он,— но не я буду, если не накажу достойным образом волшебницу!»

Спрыгнув с коня, он смело вошел в хижину и нашел в ней двух мирно беседующих женщин, из которых одна была стара и безобразна, а другая молода и ослепительно прекрасна. Дивные волосы из шелка и серебра роскошными кудрями рассыпались вдоль ее стройного стана, а чудные глаза горели, как звезды ночные. Как ни был Каирбек ослеплен красотой девушки, он не растерялся.

— Это ты, коварная, стреляла в меня? — грозно спросил он, хватая за руку красавицу. Девушка в ответ только засмеялась, показав свои жемчужные зубки.

— Будешь ли ты мне отвечать? — уже с бешенством крикнул Каирбек, наматывая роскошные волосы красавицы на свою руку.— Сознайся, или я покажу тебе, как со мной шутить!

Но девушка по-прежнему молчала, бросая насмешливые взгляды на молодого хана.

— Хорошо же, будешь ты меня помнить! — И он начал наносить красавице удары плетью.

— Лучше сознайся, и я, клянусь тебе ханским словом, возьму тебя в жены! — снова обратился он к красавице.

— Ты верно угадал: стреляла я, чтобы заманить тебя; ты сразу приглянулся мне своей красотой,— сказала девушка,— но помни свое слово жениться на мне.

— Джигит никогда не бросает слов на ветер; теперь собирайся в путь, а по приезде в ханство моего отца мы отпразднуем нашу свадьбу.

— Я сейчас буду готова, дай мне только попрощаться с женщиной, которую ты здесь видел.

— А кто эта женщина? — спросил Каирбек.— Твоя мать или, быть может, сестра?

— Кто она, я не скажу тебе,— со смехом ответила красавица.— Сестра же моя младшая так прекрасна, что при ней ты даже не захотел бы на меня взглянуть.

При этих словах девушка лукаво переглянулась с безобразной старухой.

Скоро Каирбек со своей невестой присоединился к ожидавшему его поезду, и все тронулись в дальнейший путь. К вечеру путники подъехали ко второму лесу; здесь Каирбек распорядился остановиться на отдых, и сам, отделившись от телохранителей, хотел вознести вечернюю молитву аллаху; но в это самое время его внимание было привлечено ехавшим навстречу всадником. «Кто он и что нужно от меня одинокому путнику?» — подумал Каирбек.

Незнакомец, приблизившись к молодому хану, сказал ему:

— Мне еще не приходилось видеть такого славного джигита, каким выглядишь ты; и было бы лестно для моего самолюбия испытать силу и искусство в единоборстве с тобой.

— Ты, кажется, бросаешь мне вызов? — удивленно спросил Каирбек.— Но кто ты и где твое жилище?

— Кто я и где мое жилище, тебе нет надобности знать, а лучше отвечай, принимаешь ли мой вызов?

— Я привык биться, зная своего врага, тебя же я не знаю,— гордо ответил молодой хан и с презрением отвернулся от всадника.

— Ты, верно, трус! — насмешливо заметил неизвестный юноша.

— Кто дал тебе право оскорблять меня? Что я не трус, тебе скажет моя пуля! Становись, я принимаю твой вызов! — уже с гневом крикнул Каирбек.

Решено было драться на ружьях. Когда враги стали заряжать их, то оказалось, что у одного противника был в запасе только порох, а у другого одни пули; тогда они, не задумываясь, поделили между собой поровну свои запасы и, отмерив на поляне расстояние в тридцать саженей, приступили к поединку.

Раздались выстрелы, зажужжали пули, но оба противника оставались целы и невредимы. Наконец Каирбеком был выпущен последний заряд.

— Остановись! — крикнул он незнакомцу.— Поединок кончен — у меня нет больше зарядов.

Но незнакомец, точно не слыша слов молодого хана, прицелился в него из ружья.

— Ты не джигит, а разбойник! — грозно крикнул Каирбек и, обнажив свой меч, бросился на него. Ловко увернувшись от направленного оружия, неизвестный юноша мгновенно вскочил на коня и понесся в лес. Каирбек, видя это, прыгнул на своего быстроногого дуль-дуля и помчался за ним. «Наверное, это тоже волшебница дева,— подумал он,— но я усмирю ее!»

При преследовании с ним повторилось то же самое, что было в первом лесу; только девушка, найденная им в хижине, была несравненно прекраснее его невесты, а волосы ее были из чистого золота и серебра [2]. Долго она упорствовала, не желая сознаваться; но когда Каирбек поклялся ей, что возьмет ее в жены, красавица созналась, что это она была переодетым всадником и с целью заманить его к себе предлагала поединок.

— Да разве ты знаешь меня? — спросил ее Каирбек.

— Как же мне не знать тебя, когда я родная сестра твоей невесты и присутствовала при твоем объяснении с нею? — сказала девушка.

— Так, значит, та безобразная старуха...— начал изумленный Каирбек.

— И есть девушка, которая в настоящую минуту стоит здесь перед тобой,— с лукавым смехом докончила красавица.

Скоро Каирбек со второй своей невестой присоединился к ожидавшему его поезду.

— Ну что, правду ли я сказала тебе,— спросила первая невеста Каирбека,— что моя младшая сестра несравненно прекраснее меня?

— Не знаю, как для кого, а для меня вы все три прекрасны,— ответил довольный Каирбек.

— Спасибо тебе на ласковом слове! В свое время мы все тебе пригодимся! — сказали невесты и жена Каирбека.

Теперь свадебный поезд беспрепятственно продолжал свой путь и скоро поравнялся с третьим лесом, в котором ханский сын оставил своего изнемогавшего спутника.

Молодой хан велел всем остановиться, а сам углубился в лес, стал искать и звать товарища и скоро нашел его в чаще фруктовых деревьев. Юноша глазам своим не поверил, увидев своего товарища.

— О Каирбек! — радостно воскликнул он.— Тебя ли я вижу здоровым и невредимым? — И он горячо стал обнимать и целовать своего друга.

Каирбек подробно рассказал ему о своих приключениях и торопил его скорее выбраться из леса.

Наконец все собрались вместе и вполне благополучно доехали до владений старого хана, где немедленно было отпраздновано сначала счастливое возвращение Каирбека, а затем его свадьбы с двумя красавицами волшебницами [3]. Для житья ему был отведен особый дворец, отделявшийся от дворца старого хана большой поляной.

И вот в то время, когда Каирбек блаженствовал и предавался полному покою, над его головой собралась нежданная гроза.

Старик хан был так пленен красотой своих невесток, что решил как-нибудь овладеть ими. Приближенные, заметив это, не только не отговаривали его от гнусной затеи, а даже из желания выслужиться всячески содействовали ему советами и разжигали желание старика. Самые жестокие предлагали лишить жизни Каирбека, другие же говорили, что сначала надо посоветоваться со знахарем и поступить так, как он укажет. Позванный знахарь посоветовал старику хану притвориться тяжело больным и объявить Каирбеку, что только он один может спасти отца от смертельного недуга, если не побоится совершить трудный подвиг, чтобы завладеть необходимым лекарством.

Старик хан выполнил в точности совет знахаря: лег в постель и велел своим приближенным распространить весть о его тяжелой болезни.

Скоро слух о болезни старого хана дошел до дворцовых покоев Каирбека. Горячо любя отца, молодой хан решил немед-

ленно поехать к больному и лично убедиться, верны ли были слухи. Жены Каирбека стали останавливать его:

— Не ходи,— говорили они ему,— и не верь слухам! Злые люди хотят устроить тебе ловушку.

— Не думал я, что вы такие жестокие женщины, что хотите меня поссорить даже с отцом! — с гневом ответил он им.

— О повелитель, как можешь ты это думать? Любя тебя всей душой, мы предупреждаем тебя, так как тебе грозят многие беды, если ты не будешь осторожнее,— грустно ответили молодые ханши.

Но Каирбек не послушал их: сев на оседланного коня, он поехал во дворец отца. Пройдя в опочивальню больного, он увидел старого хана лежащим на тахте, обложенным подушками, охающим и стонущим, а возле него — знахаря. Сильно опечалился молодой хан, поверив в недуг отца, и стал умолять знахаря приложить все старания вылечить хана.

— Вылечить твоего отца не в моей власти,— отвечал хитрый знахарь.

— О мудрый старик! Неужели твои знания бессильны? Подумай, быть может, ты найдешь такие целебные травы, которые спасут моего отца,— умолял Каирбек знахаря.

— Видишь ли, мой друг,— начал вкрадчивым голосом старик,— есть, правда, одно средство, но его добыть почти так же трудно, как сорвать звезду с неба.

— Но разве у хана, отца моего, мало верных слуг, готовых пойти в огонь и в воду для спасения его жизни? — горячо воскликнул Каирбек.

— Кто сомневается в этом? Но дело в том, что средство это должно быть добыто не рабами, а рукой близкого хану человека, его родным сыном.

— Так что же ты молчишь, старик? Говори, что надо мне сделать! И, клянусь тебе, нет такого подвига, которого я не совершил бы для спасения отца! — горячо воскликнул Каирбек.

— О прекрасный Каирбек, в твоей груди бьется благородное сердце, и похвальна твоя любовь к отцу. Пусть же будет по-твоему. Иди в лес, граничащий с ханскими владениями; там обитает дикий кабан; встреча с ним опасна для смертного: один неверный прицел — и человек погиб; этого кабана ты должен убить из своего ружья. Из пасти бездыханного зверя вылетят три голубя; они также должны быть убиты одновременно одним зарядом. На месте убитых голубей появятся три воробья; и они должны быть убиты одним выстрелом. Из этих птичек ты дол-

жен будешь, вернувшись, приготовить собственными руками кушанье для умирающего хана, и, как только он отведает его, болезнь мгновенно исчезнет, и твой отец встанет здоровым.

— Милость аллаха велика — я надеюсь, он поможет мне добыть это средство! — воскликнул Каирбек и немедленно поехал обратно в свой дворец, чтобы приготовить оружие и идти в лес.

Молодые ханши, узнав о том, какой подвиг должен совершить Каирбек, сказали ему:

— Старик знахарь сказал тебе правду: встреча с диким кабаном опасна для смертного; но мы поможем тебе, наш господин. Возьми эти ружья; они заряжены и заговорены; держи их наготове, и все обойдется хорошо.

Придя в лес, Каирбек вскоре выследил громадного кабана. Приблизившись к нему, насколько было возможно, молодой хан меткой пулей уложил наповал громадное животное. В тот же момент из пасти его вылетели три белоснежных голубя; имея наготове второе ружье, Каирбек метким выстрелом убил всех трех голубей, из которых тут же выпорхнули три воробья; из третьего ружья и эти птицы были немедленно убиты. Радостный и довольный вернулся Каирбек во дворец и спешно принялся за приготовление лечебного кушанья.

Узнав о том, что трудное поручение выполнено, старый хан пришел в негодование и напустился с бранью на знахаря.

— Не беспокойся, милостивый хан! — отвечал знахарь.— У меня еще есть в запасе одно поручение для твоего сына, и на этот раз вряд ли он уцелеет.

Затем, вызвав Каирбека, старик сказал ему:

— Я доволен тобой; но это еще не все: я забыл тебе сказать, что кушанье, приготовленное из воробьиного мяса, надо подавать с разваренным пшеном, пшено же это надо взять ночью в заброшенной мельнице; там осталось как раз столько, сколько нужно для кушанья.

«Теперь он, наверное, погибнет,— думал про себя хитрый знахарь,— еще ни одно живое существо не возвращалось с этой заклятой мельницы».

Каирбек, перед тем как идти на мельницу, пришел к своим женам и все им рассказал. Тогда старшая жена сказала ему:

— Не бойся — все обойдется хорошо; только перед уходом выучи мое заклинание и тверди его все время, пока не испол-

нишь поручения, и, кроме того, возьми с собой мое ружье; оно понадобится тебе на обратном пути: злые люди будут тебя подкарауливать, и ты зорко смотри по сторонам.

Благодаря выученному заклинанию с молодым ханом на мельнице ничего не случилось худого, и он, забрав все пшено, пошел обратно.

По тайному приказу коварного знахаря по всему пути от мельницы до дворца были расставлены в кустах стрелки — они должны были, если Каирбек уцелеет на мельнице, прикончить его по дороге. Но, предупрежденный старшей женой, Каирбек скоро высмотрел засевших людей и всех их перебил из своего ружья.

Велики были досада и негодование старого хана и знахаря, когда они увидели Каирбека невредимым с пшеном в руках; но, чтобы не выдать себя, старый хан прикинулся обрадованным и, попробовав кушанья из воробьиного мяса и пшена, объявил, что он совершенно выздоровел. Но козни старого хана еще не окончились на этом — его душила злоба, а красавицы невестки грезились во сне и наяву, и, наконец, обезумевший хан снова призвал знахаря и стал с ним советоваться.

— С твоим сыном трудно бороться,— сказал знахарь,— он ничего не боится, и, кроме того, я догадываюсь, ему помогают своими советами красавицы ханши. Отбрось же все свои колебания и прикажи его убить.

— Нет, на это я не решусь,— сказал старый хан,— придумай что-нибудь иное.

— Хорошо, я придумаю, но только дай слово не вмешиваться в мои распоряжения.

— Согласен, но только помни, сына моего ты не должен убивать,— заметил еще раз хан.

— Не беспокойся, он останется жив, но мешать тебе уже не будет.

После этого знахарь велел слугам пойти во дворец к молодому хану с наказом немедленно явиться к отцу.

Младшие жены, провожая Каирбека, сказали ему:

— Тебе грозит большое несчастье: злые люди свяжут твои руки, чтобы затем выколоть глаза; но мы сделаем так, что веревки и полотенца, которыми будут связывать тебя, как бы ни были крепки, мгновенно разорвутся при малейшем движении твоих рук.

И действительно, так случилось, как говорили молодые ханши: Каирбеку хотели было выколоть глаза, но он, благодаря

волшебной помощи своих младших жен, вернулся к ним целым и невредимым.

Знахарь и его пособники бесились от злости. Они решили еще раз попробовать связать Каирбека и приготовили для этого необычайно крепкую веревку. Отправляясь во дворец по новому зову отца, молодой хан был остановлен младшей женой, которая сказала ему:

— Не бойся, господин,— и теперь все обойдется хорошо; есть только одна вещь, которую ты был бы не в силах разорвать,— мое полотенце, но я его никогда никому не отдам, и о нем, кроме тебя и меня, никто не знает.

Но напрасно так думала младшая ханша: в то время как она говорила Каирбеку о чудесной силе своего полотенца, ее подслушали слуги знахаря, посланные за молодым ханом, и передали об этом своему господину.

И вот, когда Каирбек явился во дворец старого хана, знахарь послал к молодой ханше за чудесным полотенцем, которое будто бы требует ее муж. Но слуга вернулся ни с чем. Тогда послали снова, и на этот раз посланный вернулся с пустыми руками и объявил, что красавица велела сказать, что только перстень, снятый с пальца Каирбека, заставит ее прислать это полотенце.

— Ну, теперь он в наших руках! — воскликнул обрадованный знахарь.— Надо только незаметно снять с его руки перстень.

Когда это удалось ему, он велел гонцу немедленно скакать во дворец Каирбека и вручить перстень младшей ханше, а взамен привезти полотенце.

Велико было изумление и горе красавицы, когда она увидела кольцо мужа. Не смея ослушаться воли своего повелителя, она вместе с тем знала, что теперь Каирбек погибнет и ничего нельзя сделать, чтобы предотвратить несчастье.

И действительно, Каирбек, связанный этим полотенцем, был ослеплен; потом злодеи завели его в непроходимую чащу дремучего леса и бросили там на произвол судьбы. Долго лежал Каирбек в полном беспамятстве, а когда стал приходить в сознание, слуха его коснулся чей-то шепот: это разговаривали дикие голуби.

— Бедный человек,— говорил один голубь,—жестокие люди лишили его зрения, и он должен теперь погибнуть.

— Да, если только не догадается помазать себе глаза нашим пометом,— говорил другой голубь.

— Но будет ли он так же хорошо видеть? — спросил первый.

— Даже еще лучше прежнего; только его глаза изменят свой цвет,— ответил второй голубь.

— Пусть же аллах внушит ему эту мысль.— И голуби вспорхнули и улетели.

С жадностью слушал Каирбек этот разговор [4], и, как только птицы улетели, он начал ощупью искать на земле голубиный помет и, найдя его, помазал себе глаза. В тот же миг он снова стал зрячим, глаза же изменили свой прежний черный цвет на прекрасный небесно-голубой, что еще увеличило красоту молодого хана.

— О аллах! Велика твоя милость! — воскликнул растроганный молодой хан, и слезы умиления и благодарности заструились по его лицу.— Но как коварны мои жены! Лаская и обнадеживая меня и уверяя в безопасности, они сами погубили меня, выдав волшебное полотенце моим врагам! Но я им отплачу за их вероломство!

Дождавшись дня, Каирбек стал искать выхода из леса, имея намерение возвратиться в ханские владения и отомстить своим женам.

Едва старый хан избавился от ненавистного сына, как немедленно послал своих телохранителей к невесткам с оповещением о внезапной гибели Каирбека и с предложением переселиться к нему во дворец и сделаться его женами.

Выслушав послов, молодые красавицы гневно воскликнули:

— Передайте хану, что память мужа для нас священна и злодей, поднявший руку на родного сына, никогда не назовет нас своими женами!

Услышав такой ответ, хан распорядился силой взять красавиц из дворца, но воины, отряженные ханом за ними, не вернулись: их всех сразили заколдованные пули красавиц.

— А если так, то я начну настоящую войну с упрямицами! — разгневавшись, крикнул хан и, набрав отряд воинов, сам во главе их понесся по равнине ко дворцу красавиц.

Молодые ханши, увидев приближающийся отряд, вскочили на лошадей, открыли дворцовые ворота и стремительно вынеслись навстречу врагам, поражая их смертельными пулями из своих волшебных ружей [5]. Половина отряда воинов осталась на равнине, а остальные вместе с ханом постыдно бежали.

И вот с этого времени начались ежедневные сражения, оди-

наково неудачные для злого хана. Ярость его не имела предела; вне себя от гнева и бессилия он выводил все новые и новые отряды против упрямых красавиц.

Пока происходили эти сражения, Каирбек вышел из леса и направился к ханству. Подходя к равнине, на которой были расположены дворцы, он увидел флаги, на дворце отца — красный, а на своем — черный. «Видно, отец сильно радуется моей гибели, если выставил красный флаг», — подумал опечаленный Каирбек. Но черный флаг, поднятый на дворцовых воротах жен, привел молодого хана в недоумение.

— Зачем им горевать, если они сами помогли злодеям погубить меня? — с горечью сказал он и решил пойти сначала во дворец отца и посмотреть, что происходит там без него.

Быть узнанным он не боялся, во-первых, потому, что он не был слепым, во-вторых, все платье на нем было так изорвано и запачкано, что никто не мог бы в этой одежде признать в нем прежнего блестящего красавца. И действительно, когда Каирбек вступил во двор ханского дворца, никто не обратил на него внимания; видя это, ханский сын уже смело подошел к воинам и слугам и стал с ними разговаривать. Когда он узнал от воинов о нападениях старого хана на дворец красавиц, у Каирбека сразу созрела мысль пробраться с ними во владения жен и наказать их за вероломство. Обратясь к воинам, он сказал им:

— Возьмите меня с собой — я хороший стрелок и буду вам полезен при нападении.

Но его не стали и слушать. Однако он так упорно приставал ко всем со своей просьбой, что, наконец, о его просьбе доложили старому хану; хан же, ввиду того что у него уже мало было охотников сражаться с красавицами, немедленно изъявил свое согласие, и неузнанный ханский сын вступил таким образом в отряд воинов.

На другой день после этого с восходом солнца воины старого хана построились в правильные ряды и двинулись по равнине ко дворцу красавиц; во главе воинов был Каирбек. Не успели они доехать до середины поляны, как раскрылись ворота дворца младшего хана и навстречу стремительно выехали на прекрасных лошадях три красавицы, вооруженные с ног до головы, и напали на ханских воинов. Закипел бой, но он, по обыкновению, длился недолго: скоро нападающие лежали на земле, сброшенные с лошадей, и лишь один Каирбек еще сражался с красавицами. При виде голубоглазого красавца молодым ханшам одновременно пришла одна и та же мысль: «Не муж ли это наш?»,

и только голубые глаза воина не позволяли их догадке перейти в полную уверенность. По окончании битвы воины хана, видя, с какой храбростью дрался и отражал нападение их новый товарищ, уже с уважением стали относиться к нему.

На другой день снова началась битва, и, так же как и накануне, опять все воины были сброшены с лошадей, один лишь Каирбек продолжал сражаться и проник почти к воротам дворца красавиц.

— А ведь это наш муж! — сказали молодые ханши после боя и решили на следующее утро окончательно убедиться в этом.

— По окончании боя, когда он начнет нас преследовать, мы впустим его во двор; двое из нас должны немедленно запереть ворота, а третья нанесет ему удар плетью; если он действительно наш муж, то непременно сильно покраснеет от гнева, и тогда мы его уже не выпустим из дворца, в противном же случае мы убьем его, а тело выбросим за ограду — вот вам мой совет! — сказала старшая ханша.

— Совет твой хорош, мы принимаем его; только удар плетью должен быть нанесен рукою младшей из нас,— произнесли две другие ханши. Так и решили.

На следующее утро произошло опять обычное сражение, попрежнему неудачное для старого хана. Каирбек, вовлеченный в бой, все более и более приближался к дворцовым воротам и, наконец, проник во двор. Тогда две старшие ханши мгновенно захлопнули ворота, а младшая ударила Каирбека плетью. Гневная краска залила все лицо молодого хана.

— А, так ты действительно наш муж! — радостно воскликнули красавицы и бросились обнимать Каирбека. Но он гневно оттолкнул их и грозно сказал:

— Как? Жестокие женщины, вы настолько потеряли стыд и совесть, что даже и теперь продолжаете вашу гнусную игру со мной?!

— О Каирбек, одумайся! Что говоришь ты про нас, твоих верных рабынь? Не мы ли предостерегали тебя от опасности и столько раз спасали от верной смерти? — с рыданиями воскликнули красавицы.

— Да, для того спасали, чтобы потом вернее погубить меня! Не вы ли выдали моим злодеям волшебное полотенце, которого я не мог разорвать, и тем дали моим врагам возможность ослепить меня? Вы, пожалуй, станете в своем бесстыдстве и это отрицать? — спросил он гневно.

— О мой повелитель! — воскликнула младшая жена.— Как я могла ослушаться твоего приказания и не отдать полотенца, когда мне был передан твой перстень?

— Мой перстень? — воскликнул Каирбек и при этих словах взглянул на свои руки.— Аллах! У меня нет моего кольца! Значит, его сняли мои злодеи... О, как я виноват перед вами, имея эти недостойные подозрения! Простите великодушно мой необузданный гнев и забудьте мои оскорбления! — И Каирбек стал обнимать красавиц и подробно рассказывать им, что с ним случилось после ослепления.

— Но скажите мне,— снова обратился он к молодым ханшам,— зачем моя младшая жена ударила меня плетью?

— Прости меня, мой господин, что я осмелилась поднять на тебя руку,— со страхом сказала младшая ханша,— но нам нужно было убедиться, действительно ли ты наш муж.

— Ну и что же?

— Краска гнева покрыла твое лицо; ты один только так выражаешь негодование,— ответила красавица.

Успокоившись и наговорившись, Каирбек стал советоваться со своими женами, как им поступить дальше: оставаться ли и примириться с отцом или бежать в другую страну.

— На примирение с отцом ты не надейся,— сказали красавицы.— Рано или поздно старый хан погубит тебя и завладеет нами; лучше соберем наши богатства и переселимся в другое место.

Как посоветовали прекрасные ханши, так и поступил молодой хан: забрав все драгоценности и окружив себя верными телохранителями и преданными слугами, они переселились в другую страну и зажили там счастливо и богато.

А старый хан, найдя дворец сына опустевшим, не мог перенести огорчения и умер, не вызвав ни в ком сожаления о своей смерти.

3. Приключения молодого пши *

Один молодой пши охотился со своими уорками*. Они встретили в лесу джигита. Стал он охотиться вместе с ними.

Однажды кто-то из уорков убил сороку. Среди охотников возник спор, есть ли на свете девушка, у которой тело такое же белое, как белые перья сороки, а волосы — черные, как ее черные перья. Одни говорили есть, другие утверждали, что нет. Все это время гость молчал. Молодой пши спросил:

— Почему, наш гость, ты не принимаешь участия в нашем споре? Как ты думаешь, есть ли такая девушка?

Гость не хотел отвечать, но от него не отступались, и он сказал:

— Не знаю, достанется ли она молодому пши, сумеет ли он найти ее, но такая девушка на свете есть.

На этом спор был закончен, и на другое утро незнакомец уехал.

Пши сказал своим спутникам:

— Вы поезжайте домой и сделайте с добычей то же, что и раньше. Я отправлюсь искать эту девушку и не вернусь, пока не найду ее. Если такая девушка на свете есть, я обязательно женюсь на ней.

Спутники сказали, что они не поедут домой без него. Но пши убедил их, что их кони измучены и не вынесут долгой дороги. Да и сами они притомились. Но и после таких слов спутники не послушали пши и поехали вместе с ним.

Ехали они долго и одолели большое расстояние. У них кончились припасы, кони их уморились и едва несли седоков. Уорки то отставали, то отъезжали в сторону и о чем-то шептались.

— Возвращайтесь, вы не сможете ехать дальше,— сказал тогда пши.

Уехали уорки, а с молодым пши остался один его аталык *.

Говорят, что не было на свете более искусного мастера игры на апепшине *, чем этот пши.

Долго ездил пши вместе с аталыком, и кончились все их припасы. Выбиваясь из последних сил, добрались они до какого-то леса. Здесь они остановились, достали свои маитэ * и поставили шалаш. Зарезали коня, на котором ехал аталык, и засушили мясо.

— Проголодаешься, ешь конское мясо. Хорошо, если я вернусь живым, не вернусь — тоже ничего,— сказал пши и уехал. Аталык остался ждать его.

Долго ехал пши, ничего не встречая на своем пути. Но вдруг он заметил какую-то кошару. И конь и всадник очень устали: конь едва передвигал ноги, а молодой пши с трудом держался в седле.

«Лишь бы добраться до этой кошары»,— подумал пши, но тут же потерял сознание и упал с коня. Упал и конь. Увидел их один из чабанов и побежал к старшему чабану. Тот велел взять арбу и привезти незнакомца на кошару. Пши так долго ездил,

не сходя с коня, что седло приросло к спине коня и его с трудом сняли.

Выхаживали их больше месяца. Только через месяц и пши, и его конь пришли в себя, окрепли, набрались сил.

Когда пши стал ходить, старик чабан сказал ему:

— Наш гость, у нас кончились припасы, и наши чабаны должны поехать в аул. Мне нужно пойти пасти овец. Не обижайся и не обессудь меня за то, что оставлю тебя одного.

— Очень хорошо, не сидеть же вам без провизии. Нужно и тебе заниматься своими делами! — сказал гость.

Утром старик пошел пасти овец, но все время думал о том, что нарушил обычай — оставил гостя одного. И он решил все-таки вернуться к гостю. Подъехав к кошаре, он увидел, что гость достал свой маитэ, срубил дерево и сделал из него апепшине. Он стал играть на ней. Старик, зачарованный его игрой, долго стоял молча. Наконец пши увидел его.

— А что ты так быстро вернулся, хозяин? — спросил он старика.

— Опозорились мы перед тобой, наш гость,— сказал пастух.— Негоже адыгу оставлять своего гостя без хагрея *. Лучше умереть без пищи, чем оставить гостя одного [1].

— Тогда и я поеду с вами! — сказал пши. Но старик оставил с гостем одного из пастухов, остальные отправились за провизией.

Вскоре еще больше окрепли всадник и конь. Они почувствовали прежнюю силу, и пришла пора отправляться им в путь.

— Большое спасибо за все, что вы сделали для нас,— сказал пши старику.— Мне предстоит большое дело, и я теперь хочу отправиться в путь.

И он рассказал старику о цели своей поездки. Выслушав юношу, старик сказал:

— Пусть тха * накажет того, кто открыл тебе это! Нет такой девушки на свете, и тебе лучше вернуться домой.

— Нет, почтенный, может быть, ты просто не слышал о ней, но такая девушка на свете есть. Пока не найду ее, не вернусь обратно,— решительно сказал молодой пши.

— Ты твердо решил ехать?

— Твердо.

— Тогда я скажу тебе, что такая девушка на свете есть, и ты почти близок к цели. Она живет в нашем ауле, но здесь нет человека, который мог бы стать тебе помощником. Все славные джигиты погибли из-за нее.

— Пусть и я погибну, но поеду к ней! — сказал пши.

— Если решил ехать к ней, то делай то, что я скажу. Возьми вот это апепшине и поезжай через аул, играя на ней. Все аульчане пойдут за тобой. Красавица никогда не слышала ничего подобного. Когда дойдешь до двора, где девушка сидит на шагиндаке *, смело заезжай в него. Тебя встретят приветливо. Принесут тебе анэ *, угостят. После того как анэ унесут, из большого дома выйдет старик с большой серебряной палкой. Он будет кричать и возмущаться тем, что кто-то посмел зайти в его двор без разрешения. Ты все это время сиди молча, не говори ни слова. Так он будет приходить трижды, но ты все время молчи.

Когда он придет в четвертый раз, то уже спокойно, без шума, поздоровается с тобой, разузнает о цели путешествия, а затем попросит твоего коня. Конь ему не нужен — он выкупает его, продержит пятнадцать дней голодным и вернет. В ту ночь, когда он вернет тебе коня, ты сними с себя одежду и оружие, но не ложись спать. Он заставит всех своих сыновей скакать на твоем коне,— сказал старик.

Молодой пши поехал прямо к девушке и сделал все так, как сказал старик чабан. В ту ночь, когда ему вернули коня, он не спал ни минуты.

Утром какой-то нагучица [2] подъехал к дому на красивом гнедом коне. Старик чабан предупредил пши, что этот нагучица очень опасен для него — он может погибнуть от его руки, и советовал догнать его во что бы то ни стало и сбросить с коня. В одно мгновение вскочил джигит на коня и погнался за ним. Долго скакали они и прискакали наконец к большому кургану. Вдруг нагучица быстро повернулся и остановился.

— Что случилось? — спросил джигит.

— Давай побежим наперегонки,— предложил он.

— Мне нельзя бежать,— сказал юноша.

— Почему?

— Это расстояние слишком мало для меня, надо ехать дальше,— сказал юноша.

Доехали они до второго кургана. Нагучица быстро повернулся и остановился.

— Что случилось?

— Будем состязаться в беге.

— Хорошо,— сказал джигит.

Остановились они и побежали. Как ветер помчался нагучица. Когда пши добежал до первого кургана, он увидел вдали

какое-то черное пятно и понял, что это нагучица. Погнался он изо всех сил, налетел, как орел налетает на птицу, ударил и снес ему голову.

После этого джигит должен был заехать во двор, где жила красавица, и проехать под шагиндаком, где она сидела. Когда он проезжал под шагиндаком, девушка выпустила трех серых змей [3]. Они должны были укусить его. Ударил пши мечом, разрубил змей и вошел в кунацкую. К тому старику, который трижды бранил юношу, послали сказать, что у него есть зять.

— Дай аллах жизни и здоровья и нам и ему: очень хорошо, что наконец у нас есть зять. Я сам скажу ему, когда придет время уезжать,— велел передать старик.

Прошло немного времени, и старик отдал джигиту в жены свою дочь и с сопровождающими отпустил его домой.

Отправился пши в путь вместе с красавицей женой. Приехал он к чабану, который выходил его. Пши привез ему богатые подарки, но тот отказался принять их.

— Ну как же, ты для меня столько сделал, и я хочу сделать тебе приятное,— сказал молодой пши.

— Если хочешь обрадовать меня,— сказал старик,— дай мне одну из девушек, которые сопровождают твою жену.

Юноша дал чабану одну девушку, наказал своим спутникам приехать к такому-то лесу, а сам поехал вперед один.

Ехал он ехал и увидел двух всадников — они мчались друг за другом с обнаженными шашками. Хотел пши догнать их, но не смог — ускакали всадники.

На второй день он снова встретил тех всадников, опять хотел догнать, но и на этот раз они ускакали. И на третий день пши встретил тех же всадников, погнался за ними и схватил за локоть всадника, который скакал последним. Но тот отдернул руку, вырвался и уехал. В руках у пши остался браслет, какой носят женщины.

Пши решил узнать, кто эти таинственные всадники, и отправился вслед за ними. Проехав какой-то лес, он выехал в поле и увидел огромный дом. Он поставил коня и зашел в дом. В доме не было ни души. Сел пши на кровать.

Прошло немного времени, подъехал к дому какой-то всадник и позвал: «Жиу!» *.

Когда никто не вышел на его зов, он спешился, зашел в другую комнату и разделся — оказалось, это была девушка. Потом подъехал другой всадник, тоже крикнул: «Жиу!», но когда никто не вышел, тоже зашел в дом.

Юноша спрятался и увидел, что всадник разделся — это была девушка.

В третий раз подъехал какой-то всадник. «Жиу!» — крикнул и он, но девушки не стали выходить. Тогда тот спешился, зашел в дом — и это была девушка.

— Расскажите, что самое интересное приключилось сегодня с каждой из вас? — сказала одна из девушек.

— Раз ты начала разговор об этом, расскажи первая,— сказали ей другие.

— Вот что со мной приключилось. Сегодня я преследовала своего врага и почти настигла его, но меня догнал какой-то всадник на белом коне, и я едва ушла от него. Ай анасын *, если бы тот мужчина стал моим мужем!

Средняя из девушек рассказала то же, что и старшая. Младшая, выслушав сестер, сказала:

— Тот всадник, о котором вы говорите, гнался и за мной, я еле ускакала от него, но мой браслет остался у него.

Услышав слова девушки, пши бросил браслет. Девушка вскочила, схватила браслет и села.

Тогда заговорила старшая из девушек:

— Наш гость, выходи из укрытия.— И она вывела джигита на середину комнаты.

— Наш гость, мы — сестры. У каждой есть хорошее приданое. Хочешь — возьми нас всех замуж, хочешь — выбери одну из нас.

— Я хочу взять в жены ту, которой коснулась моя рука,— сказал пши.

Сестры отдали ему младшую сестру, и он вернулся к своим спутникам.

Он отправил их к тому лесу, где оставил своего аталыка. Сам тоже поскакал к аталыку и приехал к нему первым. У того уже давно кончились припасы, он отощал и зарос. Увидев это, шпи быстро вернулся к своим спутникам, взял у них еды и ножницы и вернулся к аталыку. Он накормил его, напоил, постриг. Тем временем прибыли и спутники пши. Здесь все они отдохнули неделю, а потом отправились домой. Когда подъехали к околице аула, молодой пши сказал:

— Вы тут постойте, я узнаю, какие хабары * в ауле.

Поехал он по аулу и встретил чабана.

— Какие хабары? — спросил он чабана.

— В нашем ауле,— сказал чабан,— нет сейчас хороших хабаров. На нас напало вражеское войско и требует большо-

го выкупа. Заплатить его мы не можем, и аул в большом горе.

Понял пши, что не попасть ему в аул, ни слова не ответил чабану и вернулся к своим спутникам. Аталыку он сказал:

— Ты можешь поехать в аул, но выехать обратно не сможешь. Девушку, у которой тело белое, как белые перья сороки, а волосы черные, как ее черные перья, отдай под покровительство почтенного человека [4], а остальных отведи к нам домой.

Аталык повел спутников в аул, пши остался один: он решил сам сразиться с вражеским войском. Бесстрашно вступил он в битву и одержал победу над многочисленными врагами. Решил он один одолеть и тех врагов, что были в ауле. Он прыгнул на коне через глубокий ров, но задние ноги коня зацепились за край рва, и конь вместе с седоком упали в ров. Враги связали джигита и бросили его в темницу.

Однажды посмотрел пши в окно темницы и увидел, что мимо идет знакомый аульчанин.

— Скажи, какие хабары в ауле? — спросил он.

— Хороших хабаров в ауле нет,— ответил тот.— Говорят, нашего молодого пши схватили враги и пленили его, заковали в оковы и бросили в темницу. Сегодня они устраивают свадьбу с девушками, добытыми пши, а пока в ауле идет большой джегу *.

Загоревал пши. Недалеко от окна темницы на шагиндаке сидела дочь предводителя вражеского войска. Увидела она прекрасного джигита, брошенного в темницу, полюбился он ей, и решила она помочь узнику. Вечером пришла она к нему.

— Пусть твой вечер будет добрым,— сказала девушка.

— Уходи отсюда,— сказал пши,— мои дела тебя не касаются.

— Почему ты так говоришь? Если бы мне было все равно, я бы не пришла сюда.

— А что тебе надо от меня?

— Ты мне полюбился, и я хочу, чтобы ты стал моим мужем. Тогда я сделаю так, чтобы тебя освободили, иначе тебе не выйти из темницы.

— Хорошо,— согласился пши.

По просьбе дочери предводитель вражеского войска велел выпустить пши из темницы, и он вернулся к околице своего аула. Оттуда он увидел, как его сестра несла воду его коню. Джигит не мог переправиться через реку, а потому крикнул:

— Девушка, отпусти этого коня!

— Не отпущу,— сказала девушка.— Это конь моего любимого старшего брата, не отдам его тебе.

— Не говори так,— сказал джигит и подал знак своему коню. Конь вырвался и пошел в воду. Пши переправился через реку, а коня отдал сестре.

— Сестра, никому не говори, что я вернулся. Скажи мне, какие хабары в нашем ауле.

— Ео-ой, хороших хабаров нет,— ответила девушка.— Всех девушек, привезенных тобой, отдают в жены вражеским предводителям, сейчас идет большой джегу.

Отправился молодой пши на джегу. Его сразу не узнали, но потом некоторые заподозрили в незнакомце молодого пши и стали состязаться без особого старания.

— Из-за этого оборванца, что пришел сюда незваным, вы перестали веселиться,— разозлился вражеский предводитель.

Стали джигиты играть лучше, но веселья не было. Молодой пши велел предводителю повторить свои слова. Тот замахнулся на него, но пши убил его, а за ним перебил всех других своих врагов.

Потом он взял в жены и красавицу, ради которой выехал в путь, и трех сестер, которых встретил в лесу.

И зажили они богато и счастливо.

4. Сказка о Темирбеке

Жил-был на свете один хан; у него было три сына: старшего звали Асланбеком, среднего — Хасаном, а младшего — Темирбеком. Хан был очень богатый человек; много у него было земель и всяких драгоценностей, но больше всего он гордился своим табуном чудных коней; для них было отведено лучшее пастбище, охрана же была поручена самому доверенному, испытанной честности человеку, калмыку [1]. Хан был дряхлый и немощный старик, и вот, когда он заболел, то был уверен, что этот недуг будет для него смертельным и что ему пора позаботиться об участи своих сыновей. Хан призвал к себе калмыка и ему, как самому верному и преданному слуге, высказал свою последнюю волю:

— Я чувствую,— сказал хан,— что приближается час моей смерти, и вот я призвал тебя, чтобы сказать тебе мою последнюю волю, а ты поклянись, что все исполнишь, как я скажу. Сыновья мои еще очень малы и не смогут управлять ханством

и оберегать мое богатство, нажитое за долгие годы; поэтому я назначаю тебя опекуном всего моего состояния до той поры, когда мои сыновья вырастут и смогут взять в руки управление ханством. Из всего, что я оставляю моим детям, ты знаешь, самое дорогое для меня — это табун лошадей: он — моя гордость и слава, и ты его будешь хранить как зеницу ока. Много у меня врагов и завистников, которые могут воспользоваться моей смертью и угнать весь табун, а для того чтобы этого не случилось, я приказываю тебе: в тот день, когда я издам последний вздох, ты немедленно угонишь табун из моих владений в такое место, где бы его никто не нашел до совершеннолетия моих сыновей. А теперь дай слово, что ты все это исполнишь в точности.

— Будь покоен, хан,— ответил калмык,— твоя воля для меня священна, и твои сыновья, когда вырастут, получат из моих рук все твое богатство в целости и сохранности.

— Хорошо, я верю тебе,— произнес хан,— и умру спокойно; а теперь оставь меня одного.

После ухода калмыка хан призвал к себе жену и сказал ей:

— Я чувствую приближение смерти и уже обо всем распорядился. За судьбу твою и детей я теперь нисколько не беспокоюсь: вы будете находиться под охраной верного человека. Но есть у меня еще одно сокровище, которое я не решился доверить даже опекуну моих сыновей. Выслушай меня: ты была для меня верной и любящей женой и хорошей матерью моим детям, и тебе я поручаю охранять самое дорогое для меня сокровище; тех девять лошадей, которых я берегу в особой конюшне, ты должна в день моей смерти отвести сама собственноручно, тайно от других, в мои подземные помещения [2] и сама потом будешь заботиться об этих лошадях.

Ханша со слезами обещала исполнить волю умиравшего хана.

Через несколько дней после этого хан умер, и в тот же день ханша и калмык выполнили волю покойного. К этому времени старшему сыну хана, Асланбеку, исполнилось семь лет, среднему, Хасану,— пять лет, а младшему, Темирбеку,— три года. Живя под верной охраной преданных слуг и наставляемые любящей матерью, мальчики ни в чем не нуждались, росли в довольстве и роскоши, на свободе развивая и укрепляя свои силы. Так прошло десять лет.

Однажды дети хана играли с товарищами в альчики *, и старший, Асланбек, проиграл все альчики. Этот проигрыш так

раздосадовал его, что он бросился отнимать у выигравшего свои альчики, нанося ему удары. Тогда обиженный мальчик крикнул ему:

— Чем бить меня и отнимать то, что принадлежит мне, лучше бы ты пошел отыскивать табун лошадей, доставшийся вам после смерти хана и уведенный калмыком! [3]

Услышав эти слова, дети хана побежали к матери и стали просить ее сказать им, где находится табун лошадей и как им туда добраться.

Ханша ответила, что она и сама не знает, так как умерший хан не открыл даже ей своей тайны, и что им следует терпеливо ждать, пока опекун сам приведет порученный ему охранять табун лошадей. Но на все уверения матери сыновья твердили одно, что они во что бы то ни стало пойдут искать лошадей. Видя, что сыновей не переупрямить, ханша, наконец, согласилась отпустить их и стала заготовлять им на дорогу провизию, а так как для предстоящего путешествия не было других лошадей, кроме девяти заветных, скрытых в подземной конюшне, то она приказала сыновьям вывести их.

Когда все было готово и лошади были выведены, сыновья навьючили на них дорожные запасы; они были размещены на шести лошадях, а на трех, самых красивых, братья сели сами и, простившись с матерью, двинулись в путь.

Долго ехали братья и все не находили никаких следов своего табуна. Наконец все их запасы кончились, но энергия их не иссякала, и они решили есть запасных лошадей; скоро эти лошади, одна за одной, были заколоты и съедены, а след все еще не был найден. И вот настал, наконец, день, когда им больше нечего было есть и сами они чувствовали смертельное изнеможение от усталости; они спешились, легли отдыхать и стали советоваться, что делать; после долгих споров братья решили все-таки продолжать поиски, а чтобы не умереть с голоду, пожертвовать своими верховыми лошадьми: младший брат Темирбек должен был первым лишиться своего коня.

Место, где они отдыхали, было неподалеку от густого высокого леса, и вот, когда братья уже хотели закалывать лошадь, их внимание было привлечено струйкой дыма, тянувшейся над лесом. Братья обрадовались: дым показывал им, что в лесу есть жилье, где они могут добыть себе пропитание и расспросить о табуне.

Позабыв муки голода, юноши живо вскочили на лошадей и помчались к лесу. Но каково же было их разочарование, когда

они, подъехав к лесу, поняли невозможность дальнейшего путешествия: на опушке леса рос непроходимый колючий кустарник. Как ни объезжали его братья, в какие стороны ни направляли они своих лошадей, кустарник везде стоял одинаково колючей щетиной и был всюду непроходим. Тогда братья решили прорубить кустарник, а след снова заложить, чтобы никто другой не поехал по этой тропе. И вот старший, Асланбек, поехал вперед и прорубал кустарник, а средний и младший закладывали путь срубленными ветками. Наконец, измученные, окровавленные, голодные, они въехали в самый лес и вскоре увидели маленькую избушку, из трубы которой тонкой струйкой вился дым. Подъехав к самому жилью, братья спрыгнули с лошадей и вошли в хижину; в ней никого не было, но все было чисто и опрятно, а близ очага лежало свежее мясо жеребенка. Братья не долго думая положили готовое мясо на горячие угли и скоро утолили свой голод. Не успели они покончить с едой, как открылась дверь и на пороге появился старик, настолько обросший волосами, что братья не могли рассмотреть его лицо.

— Кто вы и что вам здесь нужно? — недовольным голосом спросил их старик.

— Не сердись на нас, добрый человек, мы сейчас тебе поведаем, как забрались в твою хижину,— почтительно ответили братья и начали рассказывать ему о том, кто они, откуда и куда едут. Услышав их рассказ, старик со слезами радости стал обнимать и целовать юношей и объявил им, что он — тот самый калмык, которому доверил умерший хан табун лошадей, и что если он до сих пор еще не вернул завещанное богатство, то потому, что еще не настало, по его мнению, время.

Старший из братьев, Асланбек, начал просить старика показать ему теперь же табун лошадей. Калмык стал отговариваться и упрашивать юношу не настаивать на своем желании:

— Ты еще очень молод,— заметил старик,— и там, где для ратных подвигов нужен сильный, опытный человек, ты не справишься и можешь погибнуть, а я должен оберегать сыновей хана.

Но Асланбек был непреклонен в своем желании и в конце концов убедил старика.

— Ну, хорошо: если это твое непременное желание и все мои доводы на тебя не действуют, поезжай; но только помни, что твоей охраной будут лишь твоя храбрость и неустрашимость. Садись на коня и направляй путь на восток; на пути тебе

встретится поляна; на этой поляне есть холм; направляй своего коня прямо на этот холм и там сними уздечку с коня и встряхни ею; немедленно явится кобылица, и, как только исполнится девять часов, она ожеребится, и в тот же час прилетит могучий дракон, чтобы сожрать жеребенка; ты дракона не трогай; когда он после еды умчится, садись на кобылицу и поезжай дальше, а своего коня оставь на холме. Вскоре ты приедешь на другую поляну, на которой пасется табун лошадей твоего отца. В двенадцать часов ночи туда приедут сто воинов, возьмут часть табуна и угонят с собой. Воинов не трогай и не бойся за судьбу табуна — ущерба не будет. После этого возьми из табуна одного маленького жеребенка и возвращайся обратно; на холме пересядешь на своего коня и приедешь к хижине; пока мы проснемся, ты должен для всех нас приготовить из привезенного жеребенка завтрак, но помни, что это ты должен сделать до восхода солнца. Я все тебе сказал. Теперь, если не боишься, поезжай.

Асланбек немедленно сел на свою лошадь и пустился в путь. К закату солнца он уже въезжал на поляну и увидел на ней холм. Помня совет старика, Асланбек снял на холме уздечку с коня, тряхнул ею, и перед ним явилась прекрасная кобылица. Когда наступила ночь, кобылица ожеребилась. Немедленно прилетел чудовищный дракон; он стремительно накинулся на жеребенка и мгновенно сожрал его; утолив голод, дракон умчался. Тогда юноша сел на кобылицу и поехал дальше; вскоре перед его глазами открылась новая поляна, на которой паслось несметное количество прекрасных чистокровных лошадей — это и был знаменитый табун умершего хана. Ровно в полночь на поляну въехали сто воинов-наездников; они рассыпались среди табуна и стали отбирать лошадей; набрав достаточное количество, воины быстро скрылись из виду. Тогда Асланбек, выбрав для себя одного маленького жеребенка, поехал в обратный путь, на холме пересел на свою лошадь и на заре уже был в хижине, где все еще спали. Он поспешно заколол жеребенка, освежевал его и принялся на горячих углях готовить завтрак для братьев и старика. Когда все было готово, Асланбек их разбудил. При виде здорового и невредимого юноши старик радостно воскликнул:

— Молодец! Ты послушно исполнил мои приказания, и я радуюсь за тебя.

Перед вечером стал проситься у старика средний брат, Хасан, ехать к табуну; его также уговаривал старик не ездить, но никакие уговоры не могли убедить юношу, и калмыку пришлось

его отпустить, дав ему те же советы, какие он давал старшему брату, Асланбеку.

Поездка Хасана окончилась благополучно, как и путешествие его брата; только кобылица, явившаяся к нему, была несравненно хуже той, которая явилась к Асланбеку. К восходу солнца Хасан вернулся цел и невредим, с маленьким жеребенком для завтрака. После того как все насытились, к старику стал приставать с просьбами отпустить его в табун младший сын хана, тринадцатилетний Темирбек. Старик вначале не стал и слушать мальчика, называя его просьбы капризом ребенка. Темирбек обиделся и стал доказывать калмыку, что он давно уже не ребенок, а в силе и ловкости поспорит с братьями. И действительно, Темирбек, несмотря на юный возраст, ростом был едва ли не выше своих братьев, а красотой лица, ловкостью и силой далеко превосходил их. Долго пришлось Темирбеку уговаривать старика, и наконец он вырвал у него согласие и стал с нетерпением готовиться к отъезду. Старик калмык повторил ему все, что говорил раньше братьям, и с большим неудовольствием и боязнью отпустил юношу.

Весело и бодро пустился в путь Темирбек и незаметно проехал расстояние, отделявшее его от поляны. Въехав на холм, он встряхнул уздечкой, снятой с коня, и в тот же миг пред ним предстала кобылица, но такая невзрачная, что на нее даже было противно смотреть. После захода солнца кобылица ожеребилась; как и прежде, немедленно прилетел крылатый дракон и ринулся к жеребенку, но в тот миг, когда чудовище разинуло громадную пасть, чтобы сожрать его, Темирбек выхватил из ножен меч и метким ударом поразил дракона насмерть. Потом сел на кобылицу и поехал дальше. Вскоре он прибыл на другую поляну, где пасся табун лошадей его покойного отца. Ровно в полночь на поляну стремительно въехали сто воинов и, рассыпавшись среди табуна, стали отбирать лошадей. Увидев это, Темирбек грозно крикнул им: «Не смейте трогать того, что вам не принадлежит!» — и стал мечом отсекать воинам головы. Отсеченные головы воинов он привязал к седлам их лошадей, и кони умчались.

Совершив этот подвиг, Темирбек выбрал из табуна маленького жеребенка и пустился в обратный путь. Приехав к избушке и войдя внутрь, чтобы заняться приготовлением завтрака, он увидел, что угли на очаге залиты водой. Это сделали братья Темирбека со злым умыслом, чтобы младший брат не смог до конца исполнить приказание старика калмыка.

Увидев потухший очаг и не имея возможности развести огонь вновь, юноша не долго думая сел снова на коня и быстро помчался в глубь леса в надежде отыскать где-либо огонь. Проезжая сквозь густую чащу леса, Темирбек вдруг увидел двух дерущихся человек, из которых один был совсем черный, а другой белый; эти невиданные борцы заинтересовали юношу, и он, подъехав ближе, спросил их:

— Что вы за люди и из-за чего ссоритесь?

— Мы — День и Ночь,— отвечали борющиеся.— Кто из нас одолеет, тот и появится на земле.

Темирбек вспомнил, что ему необходимо добыть огня до восхода солнца, т. е. до наступления дня, как приказал старик, и вот он не долго думая быстро спрыгнул с лошади, и, прежде чем День и Ночь опомнились, они были уже связаны и лежали в кустах.

— Ну, лежите здесь смирно,— крикнул им Темирбек,— пока я не вернусь; тогда я освобожу вас, и вы сможете снова продолжать борьбу.— Сказав это, юноша вскочил на коня и, пришпорив его, помчался дальше. Через некоторое время он увидел вдали струи дыма, выходящие из чащи леса; направив в ту сторону коня, Темирбек скоро выехал на большую поляну, окруженную вековыми деревьями. Посреди поляны был разведен громадный костер, а вокруг костра спали двенадцать великанов.

Темирбек быстро слез с коня и ползком стал пробираться между спящими богатырями к костру; взяв одно горящее полено, он осторожно стал пробираться назад, но обгоревшее полено на конце обломилось, и часть углей упала на одного из спящих. Разбуженный великан с криком схватил Темирбека; тогда вскочили остальные богатыри и окружили юношу. Темирбек не растерялся и стал уверять богатырей, что он без всякого злого умысла приехал сюда, что ему необходимо добыть огня, и начал умолять, чтобы они отпустили его и позволили взять с собой горящее полено. Выслушав его просьбу, великаны ответили:

— Мы тебе не сделаем зла и даже дадим огня, но не раньше, чем ты исполнишь наши приказания: прежде всего накорми нас — мы голодны. Пойди за эти деревья, там ты найдешь привязанного быка, зарежь его, сними кожу, выпотроши, часть мяса отдели для похлебки, а все остальное раздели на двенадцать равных частей, по числу нас; поджарь мясо на углях, и, когда мы утолим голод, тогда ты выслушаешь другое приказание.

Темирбек немедленно приступил к исполнению приказания великанов. Живо загорелось дело в руках юноши, и скоро в котле кипела похлебка, а на углях поджаривалось нарезанное кусками мясо. Когда все было готово, Темирбек позвал великанов завтракать. Сосчитав куски мяса, великаны крикнули юноше:

— Да ты, как видно, и считать-то еще не умеешь! Нас здесь двенадцать, а ты нарезал тринадцать кусков!

— А вы что же думаете,— возразил им Темирбек,— разве я не человек и не хочу есть, как и вы?

Такой смелый ответ понравился великанам, и они разрешили юноше сесть с ними за стол. Когда начали есть мясо, Темирбек незаметно для великанов куски из своей порции бросал через плечо в сторону, а когда все мясо было выброшено, он стал брать куски из порций великанов; те молча удивлялись необыкновенному аппетиту юноши. После мяса приступили к похлебке, которая тоже была разлита в отдельные сосуды — для каждого поровну. С похлебкой Темирбек тоже употребил хитрость: он незаметно выливал ее на землю и, когда в его посуде ничего больше не осталось, стал есть похлебку у великанов. Те были поражены такой прожорливостью юноши и думали про себя, что, наверное, он обладает необыкновенной силой [4].

После завтрака великаны велели Темирбеку выслушать новое приказание:

— Пока мы вполне довольны тобой,— сказали они,— но будем довольны еще более, если ты также успешно выполнишь наше второе повеление: ты должен пробраться в соседнее ханство, граничащее с этим лесом, войти во дворец и похитить для нас младшую дочь хана, у которой одна половина волос серебряная, а другая золотая и краше которой нет в мире. И вот, когда ты приведешь к нам среброкудрую красавицу, тогда мы тебя отпустим и дадим тебе огня сколько пожелаешь. А теперь иди!

— Хорошо,— сказал Темирбек,— пойти-то я пойду, но не иначе, как с вами; только вы идите позади меня; когда же я войду во дворец и свистну, вы по очереди входите ко мне.

Великаны согласились, и все тронулись в путь. Выходя из леса, им пришлось прорубать колючий кустарник, что великаны исполнили без всякого труда. Скоро Темирбек дошел до владений хана; роскошный дворец был окружен резной изгородью с чугунными воротами.

— Ну, теперь ждите, когда я свистну, и идите по одному! —

крикнул юноша великанам и вошел в ворота. Войдя во двор, Темирбек притаился за изгородью, выхватил свой меч и пронзительно свистнул. Едва первый великан вошел во двор, как юноша быстрым ударом меча отсек ему голову, не дав ему возможности даже крикнуть; таким же образом он поступил и с остальными одиннадцатью богатырями.

Когда все великаны были перебиты, Темирбек взял их отрубленные головы и надел на колья изгороди, а сам пошел во дворец и стал отыскивать комнату среброкудрой красавицы. Долго бродил он по огромному лабиринту ханских покоев, пока не достиг спальни ханских дочерей. Войдя в опочивальню, Темирбек невольно остановился, пораженный тем, что предстало его взору: на роскошном ложе, под высоким пурпурным балдахином, лежали три красавицы, погруженные в глубокий сон; младшая из них, среброкудрая дочь хана, лежавшая справа от старшей сестры, поражала своей необыкновенной красотой и дивными волосами, вившимися серебряными и золотыми кудрями по ее плечам. Темирбек, затаив дыхание, любовался пленительной красавицей, как вдруг его внимание было привлечено каким-то ужасным шумом и свистом, который все приближался и делался все оглушительнее и грознее; еще один миг — и в открытое окно опочивальни стремительно влетел громадных размеров чудовищный дракон и ринулся к спящим девушкам высасывать их кровь, что он делал каждое утро до восхода солнца.

Темирбек выхватил из ножен меч и могучим ударом разрубил пополам крылатое чудовище [5]. После этого храбрый юноша подошел к спящим красавицам и поменял их местами: среднюю дочь хана, которая лежала по левую сторону старшей сестры, положил справа, а младшую, среброкудрую красавицу, положил на место средней; потом снял у младшей сестры с руки драгоценный перстень, надел себе на мизинец, быстро вышел из дворца и пошел знакомой дорогой в лес. Перейдя опушку в том месте, где она была прорублена великанами, Темирбек тщательно заложил тропу колючим кустарником и вернулся к тому месту, где был костер. Там он взял большое горящее полено, вскочил на коня и помчался обратно к избушке калмыка. Проезжая мимо того места, где дрались День и Ночь, он развязал их, и они снова вступили в борьбу.

Пока День одолел Ночь, Темирбек успел вернуться в хижину, развести огонь в очаге, освежевать зарезанного жеребенка и поджарить мясо. При первых лучах восходящего солнца все уже сидели за завтраком, и пораженные братья никак не могли

догадаться, откуда Темирбек смог добыть огня для потухшего очага.

Старик калмык с любовью и гордостью любовался цветущим видом храброго юноши и стал его расспрашивать о ночной поездке; но Темирбек ни словом не обмолвился о своих приключениях и, сославшись на усталость, лег спать.

В то время как Темирбек угощал братьев завтраком, в ханском дворце, где обитала среброкудрая красавица, раньше всех проснулся хан и спешно отправился в опочивальню своих дочерей, с ужасом помышляя о том, что он, как и каждое утро, увидит вновь дочерей бледными и полумертвыми от потери крови, высосанной крылатым драконом. Каковы же были изумление и радость хана, когда он, переступив порог опочивальни, прежде всего увидел разрубленное туловище ужасного чудовища, плавающего в крови, а на ложе — трех своих дочерей, погруженных в крепкий, здоровый сон! При этом хан заметил, что две его младшие дочери лежат не на своих местах, а заветный перстень младшей красавицы исчез с ее руки.

Велика была радость хана и всех его приближенных.

— Велика милость аллаха! — говорил хан своим приближенным.— Но я должен во что бы то ни стало найти того человека, который избавил моих дочерей от ежедневных мучений, и отблагодарить его, как он того заслуживает.

И вот старый хан решил устроить большой пир, на который созвал всех обитающих в округе, и тому удальцу, у кого на пальце окажется перстень его младшей дочери и кто подробно расскажет о своей борьбе с драконом, хан обещал отдать в жены любую из своих дочерей, отделив в приданое половину ханства.

Во все стороны были разосланы ханские гонцы с приглашением на большой пир, и много явилось удальцов в ханский дворец; не явился на этот пир лишь один Темирбек: посланные гонцы не ведали, что в лесу обитают люди, и, видя, что лес обнесен колючим кустарником, не решились проникнуть в чащу.

Собранные на пир гости ели, пили, веселились; не веселилось лишь одно ханское сердце — среди гостей он не находил того, кто избавил его дочерей от ужасного дракона.

Опечалился старый хан и, чтобы размыкать свое горе, отправился на охоту. Много дней рыскал он, окруженный своими приближенными, по полям и оврагам, преследуя зверей; случайно он подъехал к опушке того леса, где жил Темирбек со своими братьями. Дремучий лес очень заинтересовал хана, а колючий кустарник, не пропускавший никого, еще более разжег

любопытство старика, и он велел слугам прорубить тропу, по которой он и проехал в лес. Долго хан колесил между вековыми деревьями, пока нечаянно не наткнулся на скрывавшуюся в зелени избушку калмыка.

«Кто может обитать здесь, в такой дикой трущобе?» — подумал хан и, спрыгнув с лошади, смело вошел в хижину. Братья радушно встретили хана, угостили его мясом молодого жеребенка и утолили его жажду свежим кумысом. Отдохнув и подкрепив свои силы едой, хан начал спрашивать братьев, кто они, как их звать и почему они живут в такой глуши, куда ни одно живое существо не может проникнуть. На вопросы хана братья не отвечали, и лишь младший, Темирбек, на его вопросы ответил вопросом же:

— Почтенный старик, не хочешь ли, я расскажу тебе интересную сказку?

— Отчего же, юноша? Я с удовольствием послушаю тебя,— сказал хан, с нескрываемым удовольствием любуясь Темирбеком.

И вот Темирбек приступил к рассказу о своих подвигах, приписывая их вымышленному герою сказки. С большим интересом слушали хан, Асланбек, Хасан и калмык рассказ Темирбека, но когда в сказке юноша дошел до своего подвига во дворце и о похищении перстня с руки красавицы, хан невольно посмотрел на руки Темирбека и, увидев на его мизинце перстень дочери, не вытерпел и радостно воскликнул:

— А вот кто избавил моих дочерей от ужасного дракона! — И горячо прижал юношу к своей груди.

После этого Темирбек сознался, что герой сказки был действительно он и все подвиги, о которых он рассказывал, не вымысел, а правда.

— В таком случае ты будешь желанным мужем любой из моих дочерей и любимым моим зятем! — весело проговорил хан.— Собирайтесь теперь все в путь, забирайте с собой табун лошадей вашего покойного отца и поедем ко мне. Я всех вас женю на моих дочерях. По пути ты покажешь мне, храбрый Темирбек, все места в лесу, где все это с тобой приключилось.

Асланбек и Хасан тоже выразили желание лично проверить рассказ младшего брата, которому они начали втайне завидовать.

Проезжая лесом, Темирбек останавливал свою лошадь в тех местах, где совершал подвиги, и вторично рассказывал о них хану и братьям. Проезжая поляну, на которой пасся табун ло-

шадей, братья с калмыком собрали весь табун и погнали его по дороге к владениям хана. Скоро все прибыли в ханский дворец, и была объявлена свадьба всех трех братьев. Старший, Асланбек, женился на старшей дочери хана, средний, Хасан,— на средней, а младший, Темирбек,— на младшей красавице с серебряными и золотыми волосами и получил за нею в приданое, по обещанию хана, половину ханства, которую великодушный Темирбек по-братски разделил с Асланбеком и Хасаном. Пышно были отпразднованы свадьбы всех трех ханских дочерей, и много дней шли непрерывные пиры и всевозможные увеселения.

Но наконец настал день, когда братья захотели возвратиться под родной кров, в свое ханство, где их ждала старая мать. И вот они высказали тестю свое желание; хотя старику и тяжело было расставаться с любимыми дочерьми, все же он не стал препятствовать.

После долгих сборов ханские дочери с мужьями и богатством двинулись, наконец, в путь: впереди гнали табун лошадей, а за ним ехали верхом братья с женами, окруженные многочисленной прислугой, присматривавшей за навьюченными разным добром лошадьми; среди путников не было лишь одного старика калмыка — его оставил при себе хан делить с ним свое одиночество.

Ехать путникам пришлось по совершенно незнакомой местности, но Темирбек слышал раньше, что здесь где-то поблизости должно было находиться окаменевшее царство грозного великана, и на всякий случай стал предупреждать братьев и всех наездников о том, что, если на пути им встретится колодец, никто бы не пил из него воды, как бы ни был томим жаждой, а иначе все они наживут большую беду. Предупредив всех, Темирбек остановился, пропустил вперед весь поезд, а сам поехал сзади, чтобы приглядывать за слугами.

Долго ли, коротко ли ехали братья, только их всех стала томить ужасная жажда. Вода, взятая в дорогу, была уже давно вся выпита, а палящие лучи солнца, падавшие раскаленными иглами на головы людей и животных, причиняли им еще большие страдания. Кругом была голая пустыня; всюду, куда ни проникал взор, не было ни деревца, ни кустика, ни капли воды; еле брели измученные лошади и бессильно сидели в седлах люди... Вдруг вдали приметили что-то похожее на колодец.

Собрав остаток сил, наездники погнали лошадей в том направлении, где им показался колодец, и, действительно, скоро

они подъехали к прекрасно устроенному колодцу, вокруг которого на громадном пространстве были разбросаны странного вида камни, напоминающие изваяния людей и животных.

Братья, так же как и их слуги, ни на что не обращали внимания, и все стремительно кинулись к колодцу и с наслаждением стали утолять жажду прекрасной, холодной, чистой, как кристалл, водой, потом стали поить лошадей. Один только Темирбек не пил воды и из-за дальности расстояния не мог отговорить братьев и слуг от безумного поступка.

Как только все люди и животные напились из чудесного колодца, им вдруг явился ужасный грозный великан с плетью в руках и стал наносить удары направо и налево, и все, на кого только падал удар плети, мгновенно обращались в камни, с виду похожие на те, которые были разбросаны здесь раньше, и скоро не осталось в живых ни одного человека, ни одной лошади. Подъехавший к колодцу Темирбек с горестью воскликнул:

— Несчастные! Они не послушали моего совета и все погибли!

Осматривая окаменевших животных и людей, он не находил лишь одной своей красавицы жены. «Верно, великан пленился ее красотой и взял ее себе»,— с отчаянием подумал Темирбек и немедля поехал наугад искать место обитания грозного великана. Долго разъезжал он среди скал и нагроможденных камней, пока вдали не увидел дворец; догадавшись, что это, верно, и есть жилище великана, бесстрашный Темирбек погнал своего коня ко дворцу, спеша скорее узнать, что стало с его горячо любимой женой.

Войдя в громадные комнаты дворца, Темирбек был удивлен царившей в них тишиной. Долго он блуждал, ища жену, и поражался все более роскошным убранствам покоев, нигде не встречая ни одного живого существа. Наконец, отворив двери одного из покоев, он увидел свою жену. Среброкудрая красавица сидела с поникшей головой, и горячие слезы струились по ее прекрасному лицу. Велика была радость Темирбека и его жены.

— Скажи мне,— обратился он к жене,— где великан и что мне сделать, чтобы спасти людей и животных.

— Мой мучитель теперь спит,— ответила красавица,— и нам надо воспользоваться этим временем. Я сейчас принесу его волшебный хлыст, и ударом этого хлыста ты обратишь великана в камень, а потом я научу тебя, что делать дальше.

С этими словами жена Темирбека скрылась в одном из покоев и скоро вернулась, держа в руке волшебный хлыст.

— Теперь иди за мной в опочивальню великана,— сказала она Темирбеку,— и ударь его лишь один раз — он окаменеет, как твои братья.

И действительно, не успел Темирбек опустить хлыст на тело спящего великана, как он мгновенно превратился в безжизненный камень.

— Ну вот и прекрасно, главное зло уничтожено! — радостно воскликнула красавица.— А теперь я научу, как оживить твоих братьев, моих сестер, их слуг и всех животных. Сила этого хлыста в том, что если нанести один удар, жертва превращается в камень, а если по этому камню снова ударить три раза, то человек или животное оживает; так поступил со мной и великан: я ведь тоже пила воду из колодца, и он обратил меня в камень, но, прельстившись моей красотой, оживил тремя ударами и потом сам выдал мне таинственную силу хлыста.

— Пойдем скорее! — горя нетерпением, воскликнул Темирбек.

И вот, поступая по указанию жены, он оживил всех людей и животных, и не только своих, но и всех, кто раньше здесь проезжал, и скоро вся пустынная местность была заполнена людьми и животными. Шум, говор, смех, звонкое ржание коней мгновенно огласили безмолвную прежде пустыню. Оживленные так чудесно, люди со слезами благодарности бросились к своему избавителю и прославляли его имя. Одни лишь братья Темирбека, глубоко затаив в душе зависть к великодушному подвигу Темирбека, вместо благодарности чувствовали лишь ненависть и желание избавиться от своего спасителя тем или иным путем.

Наконец, когда все было приведено в порядок, поезд тронулся в дальнейший путь; но вскоре дорога была преграждена громадной ямой, слегка прикрытой сухими ветками. Братья соскочили с лошадей, сняли покрывавшие отверстие ямы сучья и ветки и заглянули внутрь; но яма была так глубока, что не было никакой возможности рассмотреть что-либо на дне ее, а между тем любопытство все более и более овладевало путниками; тогда они решили, чтобы кто-нибудь спустился вниз на веревках.

Исполнение этого рискованного предприятия сначала было предложено старшему из братьев, Асланбеку; но он, боясь неизвестности, наотрез отказался; тогда предложили среднему,

Хасану; но и он решительно отказался и предложил, в свою очередь, спуститься в яму младшему, Темирбеку.

Темирбек, не колеблясь, согласился, и братья, опутав его веревкой, спустили в яму.

— Ну, что ты нашел на дне? — крикнули они ему, когда веревка более не двигалась.

— О, здесь все дно усыпано самоцветами самой редкой красоты и величины, а также грудами золота! — ответил им Темирбек.

— Выгребай скорее драгоценности и передавай нам! — с жадностью воскликнули братья.

— Бросьте мне в яму пустые мешки, чтобы насыпать в них золото и камни,— сказал Темирбек.

И вот начали переносить из ямы найденный клад: с нагруженными мешками Темирбека поднимали вверх, он передавал братьям драгоценности, и его снова опускали на веревках, чтобы нагрузить мешки вновь.

После многократных опусканий в яму братья, наконец, спросили Темирбека:

— Много ли еще осталось на дне золота и камней?

— О, всего лишь на один раз! — ответил Темирбек.

Услышав такой ответ, Асланбек и Хасан переглянулись со злой усмешкой и крикнули младшему брату:

— Ну скорей же забирай все остальное и поедем дальше!

Но едва лишь Темирбек был спущен на дно ямы, братья быстрым ударом ножа перерезали веревку.

— Прощай, Темирбек! Твои услуги нам больше не нужны! Хорошенько береги свои сокровища! — со злым хохотом крикнули братья и быстро пустились в дальнейший путь.

Увидев упавшую к его ногам перерезанную веревку и услышав звучавшие злой насмешкой слова братьев, Темирбек понял, что он обречен на голодную смерть. Первый раз за все время он упал духом, и отчаяние начало овладевать душой храброго юноши.

Но мужественное сердце подсказывало ему не терять надежды, не испробовав всех способов к спасению. Вняв голосу рассудка, он стал уже более спокойно осматривать яму и раздумывать, нельзя ли как-нибудь найти выход из нее; но внимательный осмотр не принес никаких желанных результатов: стены ямы были точно полированные, а под рукой у Темирбека не было, кроме меча, никакого орудия, которым он мог бы проделать ступени в отвесных стенах, да и это едва ли бы помог-

ло, так как почва была каменистая, не поддающаяся никаким ударам. Снова грусть стала овладевать душой Темирбека, и, когда он уже почти пришел в отчаяние, он вдруг увидел, что в его яме как-то сразу потемнело; быстро подняв голову вверх, он вперил пристальный взгляд в тот клочок неба, который был виден со дна ямы. Долго всматривался Темирбек и, наконец, понял, что тень, заслонявшая луч солнца, падавший в отверстие ямы, была отброшена парящим в высоте громадным орлом. В тот же миг у находчивого Темирбека созрела мысль, что с помощью этой гигантской птицы он может быть извлечен из своего невольного заключения. Не долго думая он сорвал с себя верхнюю одежду и, обнажив левую руку до плеча, быстрым решительным ударом меча срезал с нее большой кусок мяса, потом прикрыл голову, плечи и грудь снятой с себя одеждой, взял в правую руку срезанное мясо, вытянул ее, насколько было возможно, вверх и стал терпеливо ждать. Он был уверен, что пернатый хищник своим тонким обонянием почувствует запах крови. И действительно, Темирбек не ошибся: скоро он услышал отдаленный шум крыльев и клекот орла; шум, производимый полетом, делался все слышнее, и наконец громадная птица ринулась вниз, наметив себе в глубине ямы соблазнительную добычу; едва только орел коснулся когтями куска мяса, как Темирбек с быстротой молнии схватил обеими руками сильную ногу хищника и взлетел с ним вверх [6]. Как только орел в своем полете миновал яму, Темирбек разнял пальцы рук, крепко державшие ногу орла, упал совершенно невредимый на землю и, обессиленный потерей крови в раненой руке, заснул крепким сном.

В то время, когда Темирбек выбирался из ямы, его братья беспечно и весело продолжали свой путь дальше, не только не задумываясь над судьбой так жестоко брошенного брата, а даже радуясь, что им таким легким способом удалось отделаться от ненавистного для них существа. Когда молодая жена Темирбека стала умолять братьев сжалиться над тем, кому они обязаны своим спасением и богатством, то в ответ на слезы и мольбы услышала лишь злые насмешки и брань; даже родные сестры-красавицы с презрением отвернулись от нее; несчастная молодая женщина безутешно лила горькие слезы и проклинала свою злую судьбу.

Перед самым въездом в свое ханство Асланбек и Хасан обратились к убитой горем невестке и приказали ей переодеться в одежду рабыни.

— Отныне,— сказали ей бессердечные братья,— ты не смей называться сестрой наших жен, а будешь их рабой, и от тебя будет зависеть твоя дальнейшая жизнь: только непрестанным трудом и безусловным повиновением ты можешь заслужить наше расположение, в противном же случае тебя ждут побои и брань.

Нелегко было выслушивать подобные слова из уст новых родственников, но, затаив в своем сердце горе, красавица решила терпеливо сносить все оскорбления, лелея в душе луч надежды на избавление от такого горького существования.

Тяжелая жизнь началась для любимой ханской дочери: она должна была вставать раньше всех и ложилась спать последней, на нее взваливали самые тяжелые и грязные работы, малейшая оплошность с ее стороны немедленно влекла за собой брань, а подчас и побои. Всего тяжелее было для красавицы, что даже родные сестры, которые еще так недавно жили с ней душа в душу, и те смотрели на нее не больше как на рабыню и всячески ее обижали, а так как они не могли запретить сестре рассказывать окружающим о том, кем она была и где погиб Темирбек, они постарались всем внушить, что рабыня их совсем дурочка, которой никак нельзя верить. Но молодая ханша не унывала, она терпеливо ждала избавления, и, действительно, это избавление скоро пришло для среброкудрой красавицы.

Темирбек, подкрепленный долгим сном, встал совершенно бодрым, готовым к новым подвигам. Асланбек и Хасан оставили хорошо проторенную дорогу, по которой смело можно было идти, не рискуя заблудиться. Расстояние, отделявшее Темирбека от родного ханства, было довольно велико, и ему при отсутствии лошади надо было употребить много дней на это путешествие, но Темирбек не унывал, а мысль о жене подбодряла и ускоряла его шаги. Наконец Темирбек прибыл к берегам родной реки, и здесь он впервые за много дней позволил себе отдохнуть.

Укрывшись в кустах, густо росших у берега, он, ни для кого не видимый, мог свободно наблюдать за всеми, приходившими к реке. И вдруг он заметил приближающуюся к реке от ханского дворца женщину в одежде рабыни. Фигура и лицо этой женщины показались ему напоминающими его жену, и, действительно, это была она, посланная с кувшином за водой. Убедившись, что рабыня, набирающая воду, его жена, Темирбек вышел из убежища и, горя нетерпением заговорить с женой и услышать от нее, почему на ней такой странный наряд, назвал

ее по имени. Услышав дорогой для нее голос, красавица бросилась навстречу Темирбеку и залилась радостными слезами.

Потом она подробно рассказала ему обо всем, что произошло с ней за это время, а также и о том, что по приезде в ханство они уже не застали в живых старую ханшу, а поэтому некому было спрашивать о судьбе Темирбека.

— Но теперь ты со мной,— радостно добавила красавица,— я ничего не боюсь, и мне больше не о чем сокрушаться!

— Да, но твои мучители должны понести заслуженное наказание как за зло, причиненное тебе, так и за то зло, которое едва не погубило меня! — горячо воскликнул Темирбек.— Выслушай же, что я тебе теперь скажу: иди во дворец как будто бы ничего не случилось и, чтобы не подавать повода братьям и твоим сестрам думать, что я здесь близко, скрой свою радость и притворись печальной, а когда начнешь мыть посуду, постарайся разбить как можно больше самых дорогих сосудов, чтобы навлечь на себя гнев братьев; на их брань отвечай дерзко и устрой так, чтобы они подняли на тебя руку, тогда я буду иметь повод по всей справедливости защитить тебя, а их примерно наказать.

— Будь спокоен,— отвечала молодая ханша,— все это легко устроить — ласки, правда, от них не дождешься, а брань и ругань всегда найдутся для меня.

С этими словами красавица пошла обратно к ханскому дворцу, приняв обычный печальный вид.

После ее ухода Темирбек стал тоже немедленно пробираться ко дворцу; там он постарался скрыться от людских глаз в тени деревьев и чутко прислушивался к тому, что делается во внутренних покоях.

Скоро он услышал звон разбиваемой посуды, потом гневные возгласы Асланбека и Хасана, а также их жен. Брань делалась все ожесточеннее и градом сыпалась на беззащитную молодую ханшу, а на ее возражения последовали удары. Темирбек не мог более выносить этого и стрелой влетел во дворец, на бегу выхватив из ножен меч; ворвавшись, как ураган, в комнату, в которой происходила расправа с красавицей, Темирбек двумя сильными ударами меча лишил жизни Асланбека и Хасана.

— А вы, злые женщины,— крикнул он невесткам,— за вашу жестокость отныне будете рабынями и вами будет повелевать та, которую вы только что всячески оскорбляли! Это будет наказание, вполне достойное вас!

С этого времени в управление ханством вступил Темирбек.

Подвластный ему народ, освободившийся от жестоких Асланбека и Хасана, с любовью относился к доброму молодому хану и прекрасной молодой ханше и искренне желал им долгой и счастливой жизни, которую они вполне заслужили.

5. Богатырь-женщина

Жил на свете пши по прозвищу Хмурый пши. Однажды он вернулся из похода поздно ночью. Прежде чем постучать в дверь, он подошел к окну своего дома и увидел, что его жена пригласила к себе какого-то мужчину. Разгневался он, но потом подумал и решил:

— Прежде чем наказать неверную, поеду-ка к старому хану, расскажу ему о том, что случилось, и поступлю так, как он мне посоветует.

И он отправился к другу. Когда он приехал в аул старого хана, была еще ночь, и пши решил подождать до утра, чтобы не будить друга. Он привязал коня к коновязи и встал во дворе под навесом. На рассвете он увидел, как во двор въехал табунщик хана. Он спешился и тихонько постучал в окно ханского дома.

Через некоторое время он снова постучал, потом еще и еще раз. Пши с интересом следил, что же будет дальше. Вскоре из дома вышла жена хана. Табунщик трижды ударил ее плетью и сказал:

— Что же ты, поганая женщина, заставляешь меня стучать по нескольку раз и ждать тебя, негодницу!

— Аллах, аллах *! Я не хотела заставлять тебя ждать, но хан не спал, и я не могла выйти раньше. Не обижайся, пожалуйста, на меня,— виновато сказала ханша.

Потом они пошли за угол дома. Хмурый пши удивлялся тому, что с ним случилось, а тут он увидел еще более удивительное. Пока он стоял и удивлялся, табунщик, сделав свое дело, сел на коня и выехал со двора, а ханша вошла в дом. «Теперь я подожду, не стану стучать, пока не взойдет солнце»,— решил Хмурый пши.

Когда взошло солнце, Хмурый пши зашел к хану. Тот умывался, а ханша подавала ему кумган * и таз и поливала воду. Гость сидел и наблюдал за ними. Ханша замешкалась и вовремя не взяла у хана полотенце. Хан бросил его жене, и оно упало ей на спину.

— Аллах, аллах, ты ударил меня мокрым полотенцем,— закричала женщина и расплакалась.

Тут Хмурый пши громко захохотал. Рассердился хозяин:

— Разорил бы тебя бог, почему ты приехал ко мне так рано! Из-за тебя я чуть не убил свою жену, а ты еще смеешься над нами!

— Я смеюсь потому, что, когда табунщик трижды ударил твою жену плетью, ей не было больно, а когда ты бросил ей на спину полотенце, она разрыдалась, будто ты едва не убил ее. Это и рассмешило меня,— сказал Хмурый пши.

— Аллах, аллах, что ты говоришь? — еще больше рассердился хан.

— Говорю то, что знаю. Подними платье своей жены и посмотри на ее спину. Если не увидишь на ней три полоски, оставленные плетью твоего табунщика, то я вру.

Когда старый хан поднял платье жены, он увидел на ее спине три полоски, о которых говорил гость. А Хмурый пши сказал тогда:

— Сегодня ночью я приехал домой и застал свою жену с любовником. Тогда я решил поехать к тебе, рассказать о своем горе и посоветоваться, как мне быть дальше. Ночью мне не хотелось вас будить, и я расположился под навесом в ожидании рассвета. В это время приехал твой табунщик и постучал в ваше окно. Когда твоя жена вышла, он трижды ударил ее плетью за то, что она не сразу вышла. Сделав свое дело, он уехал, а твоя жена зашла в дом как ни в чем не бывало. У табунщика она просила прощения за то, что заставила его ждать, и позволила ударить себя, а когда ты бросил ей полотенце, она разрыдалась, будто удар полотенца был сильнее, чем удар плети табунщика. Вот почему я рассмеялся.

— Если женщины занимаются таким позорным делом, если они способны так поступать, мы должны очистить от них нашу землю. Начнем со своих жен, а затем уничтожим всех женщин в нашем краю,— решили хан и Хмурый пши.

В тот же день они убили своих жен. На другой день по их приказанию убили всех женщин принадлежащих им аулов, затем они собрали войско и поехали убивать всех женщин в их краю. Приехали они в какой-то аул и остановились у одного старика. Хозяин спросил гостей:

— Что у вас случилось? Почему вы выехали с таким большим войском?

Пши и хан рассказали ему о том, что с ними произошло, и

о своем решении. Старик внимательно выслушал гостей, а потом сказал:

— Тогда садитесь и слушайте — я расскажу вам, что произошло со мной. Когда я постарел, я перестал выезжать в походы. Прошло более семи лет, и ко мне приехали племянники и сказали: «Наш старый дядя, поедем с нами, покажи нам места твоих былых походов». Снарядились мы и отправились в путь. Ехали-скакали, ехали-скакали и достигли места, где я обычно делал привал. Мы спешились и вошли в шалаш, который издавна стоял здесь. В нем мы увидели богато накрытый анэ, какого никто никогда из нас не видел. На нем была еще теплая паста *, теплая баранина и теплый шипс *. От пищи шел пар, будто ее только что приготовили, мы сели, хорошо поели, а потом как следует отдохнули. Затем мы снова отправились в путь и ехали без остановки, пока не достигли следующего места, где я обычно делал привал. Когда мы и там спешились, чтобы отдохнуть, то также увидели шалаш, а в нем — такое же анэ, как и в первом шалаше. И тут мы сели и поели. Отдохнув немного, поехали мы дальше. На третьем привале нашли такой же, как и первые два, шалаш с богато накрытым анэ. Я не переставал удивляться тому, что находил на моих бывших местах отдыха. Когда я раньше выезжал в наезды, эти станы были пустыми.

Отдохнув немного, я оставил своих спутников в последнем шалаше и велел ждать меня, а сам поехал осмотреть окрестности. Во время прежних походов я поднимался на один курган, с которого было хорошо видно далеко вокруг. И теперь приехал я к этому кургану. На вершине его я увидел незнакомого всадника. Когда я приблизился, всадник спустился вниз.

— Аллах, аллах, как ты заставил долго ждать тебя, наш дорогой гость! Вот уже много лет каждый день стою я на этом кургане и жду тебя. За эти годы не прошло и часа, чтобы я не высматривал тебя. Вот так, как ты видел, я готовлю анэ, ожидая, что ты скоро приедешь. «Если он еще живет на этом свете, я должен его встретить»,— думал я и все эти годы ждал тебя. Теперь я тебя встретил, и ты такой, каким представлялся мне. У меня большие надежды на тебя — ты должен поехать со мной и помочь мне. Пока я отомщу за свою кровь, ты должен держать моего коня — этого никто, кроме тебя, сделать не может; нет на этом свете другого человека, который мог бы удержать моего коня. Без твоей помощи я не смогу отомстить моим врагам,— сказал мне всадник.

— Ха-хай, очень хорошо, я подержу твоего коня сколько хочешь! — сказал я и с радостью отправился с ним в путь.

Ехали мы недолго и наконец достигли какого-то большого кургана. Спешились.

— Я войду в этот курган, а ты возьми моего коня. Когда будет слышен оттуда шум, конь начнет вырываться, но его ни в коем случае нельзя отпускать,— сказал мой спутник и вошел в курган.

Вскоре оттуда послышался невообразимый шум, и его конь стал вырываться. Мне едва удалось удержать его. Пока я стоял, думая, что конь вот-вот уйдет из моих рук, шум стих, и из кургана вышел мой спутник с сулуком * крови. Он стал на вершине кургана и выпил весь сулук [1].

— Ох-ох, на душе стало легче! С этим я расправился, поехали дальше,— сказал он, и мы поехали дальше.

И на этот раз мы проехали довольно большое расстояние и снова достигли какого-то кургана.

— У этого кургана конь будет вырываться еще больше, так что будь осторожен и держи его еще крепче,— сказал мой спутник.

Я стал держать коня, а он вошел в курган. Вскоре я услышал страшный шум, курган под моими ногами задрожал. Конь стал вырываться из рук, он становился на дыбы, и мне стоило большого труда удержать его. Скоро шум прекратился, и мой спутник появился наверху кургана с сулуком, полным крови. Он стал на вершине кургана и выпил всю кровь.

— Ох-ох, намного легче стало на душе. Я расправился и со вторым, остался еще один, поехали дальше,— сказал он.

Ехали мы опять довольно долго и приехали к большому кургану. Юноша снова остановился и сказал:

— Здесь будет еще опаснее, чем у первых двух курганов. Конь станет вырываться с еще большей силой, поэтому держи его еще крепче.

Он вошел в курган и вскоре оттуда послышался неимоверный шум, а курган стал содрогаться. Конь стал вырываться пуще прежнего — он становился на дыбы, бил землю копытами. Я едва удержал его. Наконец, шум прекратился, и из кургана вышел юноша. В руках у него снова был сулук, полный крови. Он стал на вершине кургана и выпил всю кровь.

— Ох-ох, теперь моя душа успокоилась! Я отомстил за свою кровь! Благодарю тебя — если бы не ты, я не смог бы отомстить своим врагам. Мой конь знает, что, когда меня не будет в жи-

вых, никто, кроме тех, кого я уничтожил, не сможет сесть на него и управлять им — поэтому он так вырывался. Пойдем, я отдам тебе золото, что лежит в этом кургане,— сказал мой спутник.

Он завел меня в курган и показал мне золото и другие богатства, которых там было в изобилии.

— Это все твое, и то, что лежит в тех двух курганах. Мне все это ни к чему. Возьми все это на благо, пусть оно пойдет тебе на пользу, как молоко, которым вскормила тебя мать. Забери эти богатства в свой край.

Сказав так, всадник сел на коня и ускакал. А я подумал:

— Человек, наделенный таким мужеством и пренебрегающий богатством, совсем молодой. Поеду-ка я вслед за ним и узнаю, кто он.

И я поехал следом за всадником.

Он въехал во двор, огороженный густым колючим терновником, спешился и зашел в дом. Я тоже въехал следом за ним и крикнул: «Жиу!» * Когда никто не вышел на мой зов, я крикнул второй раз.

Из дому вышла какая-то женщина.

— Заходи, будь гостем,— пригласила она меня.

Я вошел в дом, но в нем никого не было, кроме женщины, которая вышла на мой зов.

— Куда делся тот парень, который только что въехал во двор? — спросил я.

— В этом доме нет мужчин, только я одна,— ответила женщина и зарыдала.

— Не плачь,— сказал я.— Кто ты такая? Почему плачешь? Сегодня ты совершила подвиги, какие под силу не всякому мужчине. А теперь почему ты рыдаешь?

— Я плачу потому, что трех моих братьев и мужа убили эти иныжи *, которых сегодня я уничтожила. До сих пор я ждала, когда отомщу за свою кровь — теперь я отомстила [2]. Войдем в другую комнату,— пригласила она и отвела меня в другую комнату. Она была полна золота и серебра.

— Забери все это себе,— сказала женщина.— Возьми и то, что лежит под курганами,— мне все это не нужно. А теперь взгляни туда.— И она показала на окно. Я посмотрел в окно, а когда обернулся, то увидел, что она взяла стальные ножницы [3] и хотела убить ими себя. Я выхватил у нее ножницы.

— Почему ты хотела убить себя? — спросил я.

— Я не хочу жить на свете! — отвечала она.

И я с трудом отобрал у нее стальные ножницы. Кое-как успокоив ее, я провел с ней ночь. Утром я посадил ее на коня, сам сел на другого; мы взяли столько золота и драгоценностей, сколько могли довезти наши кони, и поехали домой.

Все, о чем я рассказал вам, совершила старушка, которая сидит сейчас у очага. Сделала она это для того, чтобы отомстить за своих братьев и мужа. Если же ваши жены опозорили вас, это не значит, что все женщины такие, как они.

Возвращайтесь к себе домой, не то, если я позволю, моя старуха перебьет всех ваших воинов.

Стыдно стало хану и Хмурому пши. Послушали они старика и вернулись домой. С тех пор они никогда не убивали женщин.

6. Асфлануко — сын львицы [1]

У одного пши был человек, который принимал кожи убитых зверей от всех охотников — подданных пши. Однажды он сказал пши, что один из охотников всегда добывает шкуры диковинных зверей.

— Когда он еще принесет шкуры, скажи ему, чтобы зашел ко мне,— велел пши.

Однажды пришел охотник к пши — тот встретил его приветливо.

— Заходи, заходи,— сказал он.— Садись, я хочу, чтобы ты рассказал мне самое интересное из того, что приключилось с тобой на охоте.

— Что может приключиться с простым охотником!

— Подумай и расскажи, пока не расскажешь — не отпущу тебя! — сказал пши.

Подумал охотник и начал свой рассказ:

— Каждый день на рассвете на лесную поляну выходит львица, а вместе с ней мальчик. Они пересекают поляну и заходят в лес. Много раз видел я их, но не решался выстрелить — жалко было убить и мальчика и львицу. Это — самое интересное из того, что я видел на охоте.

— Тогда ты поймай этого мальчика живым и доставь его ко мне — не поймаешь, велю тебя убить,— сказал пши.

— Как я его поймаю: если побегу — не догоню, а коли выстрелю — убью,— отвечал охотник.

— Поймай как хочешь, но приведи ко мне мальчика живым,— велел пши.

— Тогда и ты помоги мне. Львица выходит из лесу всегда по одной дороге. Надо всю поляну обложить соломой, оставив только путь, по которому она идет. Через каждые три шага надо поставить людей. Я сяду около дороги, на которую выйдет львица, и, когда она будет на поляне, я выстрелю, а все должны будут поджечь солому в тот же миг, как раздастся мой выстрел. Если в этот раз не смогу поймать мальчика,— значит, мне никогда этого не сделать.

Пши приказал сделать так, как сказал охотник. Привезли несколько возов соломы и устроили засаду. Услышав выстрел охотника, люди пши должны были поджечь солому.

Перед рассветом львица вышла на поляну. Следом за ней, как всегда, шел мальчик. Как только львица показалась на поляне, охотник выстрелил, и люди пши подожгли солому. Львица бросалась в разные стороны, но, убедившись, что огонь пылает со всех сторон, кинулась в пламя и ушла. Мальчик же боялся и огня и людей. Он стал метаться по поляне, и в это время его поймали.

Привезли сына львицы в аул, сделали для него клетку и посадили туда. Его хорошо кормили, но никогда не выпускали на волю. С сыном львицы — в ауле его стали звать Аслануко — познакомился и вскоре подружился сын пши. Каждый день он подходил к клетке и разговаривал с пленником. Однажды Аслануко сказал:

— Ты знаешь, что твой отец сделает все, о чем ты попросишь. Пусть он разрешит выпускать меня на день из клетки — мы будем с тобой хорошо играть.

— Вели, отец, выпускать Аслануко на день из клетки — мы с ним будем играть. По вечерам он будет возвращаться в клетку,— сказал сын пши.

Пши рассердился и ответил, что нельзя выпускать сына львицы из клетки — он всех может погубить.

Когда мальчик пришел к Аслануко, тот спросил:

— Ты просил отца выпускать меня днем из клетки?

— Просил, но он ответил, что ты можешь погубить всех!

— Проси еще, плачь, если ты будешь стоять на своем, он меня выпустит.

Мальчик пошел к отцу и сказал:

— Выпусти Аслануко, мы будем играть во дворе и никуда не уйдем!

И он горько заплакал. Тогда отец дал ему ключи и сказал:

— На, возьми ключи и сам выпускай сына львицы.

Мальчик тут же прибежал к клетке, открыл замок и выпустил Асролануко. Днем они играли во дворе, а вечером сын львицы возвращался в клетку. Так продолжалось довольно долго.

— Не годится, что мы только так играем. Если бы у нас была гиря в пять пудов, я научил бы тебя более интересной игре. Скажи отцу, пусть он велит кузнецам сделать для нас пятипудовую гирю,— сказал однажды Аслануко.

Снова пошел мальчик к отцу и сказал ему:

— Вели кузнецам сделать для нас пятипудовую гирю!

— Разве можно играть такой гирей, ведь она убьет тебя! Горя мы наберемся с этим Аслануко! — рассердился пши.

Но мальчик настаивал на своем, и пши велел сделать им гирю. Когда пятипудовая гиря была готова, мальчики играли с ней, и сын пши скоро стал подбрасывать ее одной рукой, словно пушинку.

— Теперь эта гиря уже не годится, пусть сделают нам двадцатипудовую гирю,— сказал тогда Аслануко.

Снова пришел сын пши к отцу и сказал ему:

— Та гиря уже не годится — слишком она маленькая, вели сделать для нас двадцатипудовую гирю.

Зная, что сын не отступит, пши с ворчанием приказал сделать для него такую гирю. Когда гиря была готова, никто не смог принести или привезти ее в аул. Мальчики пошли в кузню и сами принесли гирю, стали с ней играть.

Однажды Аслануко слишком далеко кинул гирю, и она разнесла забор, которым был огорожен двор в пять десятин.

— Больше мы не будем играть гирей,— сказал после этого сын львицы.— Попроси отца, чтобы он разрешил нам выезжать из аула — он ведь тебе ни в чем не откажет.

Пошел сын пши к отцу, попросил у него разрешения выезжать вместе с сыном львицы из аула.

— От этого Аслануко мы еще хлебнем горя. Что он еще придумал! — рассердился пши. Но его сын настойчиво просил разрешения, и пришлось пши согласиться.

Стали друзья ездить в разные края. Однажды сын львицы сказал сыну пши:

— На востоке живет красивая девушка — красивей ее нет на этом свете. Многие джигиты хотели жениться на ней, но кто бы к ней ни отправился, доехать не смог: никому не удалось пройти мимо иныжей, а кто миновал иныжей, не смог пройти мимо нагучиц. И твой отец много раз отправлялся за ней, но не смог добыть ее. Я женю тебя на ней.

Согласился сын пши. Аслануко взял двадцатипудовую гирю, и они отправились в путь. Когда достигли они края иныжей, заехали к трем братьям-иныжам[2]. Обрадовались иныжи гостю.

— Аслануко, как долго ты не был у нас,— сказали они и хотели внести его в дом на руках.

— Обо мне не беспокойтесь, вот мой тхамата *, окажите ему почести, иначе он может погубить род иныжей,— сказал им Аслануко.

Иныжи подхватили сына пши и на руках внесли его в дом. Три дня и три ночи пировали друзья у иныжей, а на четвертое утро отправились в путь. Вскоре приехали они к четырем братьям-иныжам.

— О Аслануко, как долго тебя не было у нас,— сказали они.

— Обо мне не беспокойтесь, окажите почести моему тхамате,— сказал Аслануко иныжам.

Иныжи подхватили сына пши и на руках внесли его в дом, оказали им большие почести. Три дня и три ночи пировали друзья у иныжей, а на четвертое утро выехали в путь. Вскоре приехали они к семи братьям-иныжам.

— Аллах, аллах, откуда ты, Аслануко? — С такими словами иныжи выбежали им навстречу.

— Обо мне не беспокойтесь, окажите почести моему тхамате,— сказал и на этот раз Аслануко.

Иныжи подхватили сына пши и на руках внесли его в дом. Щедро угостили их, оказали большие почести. Погостили друзья у иныжей три дня и три ночи, а на четвертое утро Аслануко сказал:

— Своего тхамату я оставлю у вас. Если узнаю, что вы чем-то его обидели, не пощажу никого из вашего рода. Через три недели я вернусь.

Отправился Аслануко в путь и приехал в край нагучиц. Первой ему встретилась самая старая нагучица — пши нагучиц. Он незаметно подкрался к ней и приложился к ее груди[3].

— Ты моя мать и отец на этом и на том свете,— сказал Аслануко.

Старуха-нагучица закричала:

— Пусть бог отнимет глаза, которые тебя не увидели, пусть оглохнут уши, которые тебя не услышали! В нашем краю до сих пор не было маленьких людей. Откуда ты взялся?

Аслануко рассказал ей о цели своего прихода, и она пригласила его в дом. Пробыл он у нагучицы десять дней и ночей.

— Теперь делать уже нечего — видно, суждено тебе добыть красавицу, я сама пойду и узнаю, как это можно сделать.

Сказав так, старуха-нагучица пошла и не возвращалась три дня и три ночи. Она узнала, что девушку зорко охраняет стража — только иногда ее выпускают из дома, и в этот момент ее можно похитить.

Узнав обо всем, вернулась нагучица, и они стали с Аслануко готовиться к похищению девушки. Аслануко сделал все так, как сказала нагучица, и увез красавицу. Отдохнул он три дня у нагучицы и отправился в обратный путь.

Тем временем сын пши жил у иныжей. Сначала они хорошо ухаживали за ним — каждый день брили ему голову и бороду, обильно и вкусно кормили. Когда же срок возвращения Аслануко прошел, иныжи изменили отношение к гостю: сначала плохо его кормили, а потом задумали убить.

Аслануко ехал с красавицей, а сам все думал о сыне пши. Он решил предупредить иныжей о своем возвращении и бросил двадцатипудовую гирю так, чтобы она попала на землю иныжей. Когда гиря упала, дома иныжей задрожали.

— Аслануко вернулся! — сказали иныжи. Они быстро помыли, побрили, хорошо накормили сына пши, надели на него новую одежду и попросили не говорить Аслануко, что его здесь обижали.

Когда Аслануко вернулся, иныжи вышли ему навстречу и на руках внесли в дом его красавицу невесту.

Они устроили семидневное джегу в честь Аслануко. После окончания джегу друзья пустились в обратный путь. Хозяева сопровождали их, пока они не покинули страну иныжей [4].

Когда приехали они в родной аул, здесь им устроили семидневный пир.

Зажил пши с молодой женой счастливо, а сын львицы попрежнему был ему верным другом.

Прошло много лет, и однажды сын пши сказал Аслануко:

— Ты женил меня, надо и тебе жениться.

— Нет, я не женюсь. Если хочешь сделать для меня доброе дело, отпусти меня в лес,— сказал Аслануко.

— Как ты можешь так говорить, ты всегда свободен, если захочешь!

— Нет, я должен был всю жизнь просидеть в клетке. Ты меня освободил, а я спас тебя от гибели. Если теперь ты разрешишь, я уйду в лес, и мы никогда не увидимся,— сказал Аслануко.

— Если хочешь уйти, счастливого тебе пути! Возьми из того, что у нас есть, все, что хочешь.

— Мне ничего не нужно,— сказал сын львицы.

Друзья попрощались, и Аслануко ушел в лес.

7. Сказка о Хагоре

Диво

Жил-был в одном ауле молодой джигит по имени Хагор. Когда Хагор вошел в лета, он стал подумывать о женитьбе. Ему приглянулась красивая и молодая девушка; он на ней и женился. У жены Хагора была волшебная плеть. Через неделю муж ей надоел, и, чтобы от него отделаться, она ударила его плетью, сказав: «Будь собакой!», и в ту же минуту обернулся он собакой.

Отделавшись от мужа, она завела себе любовника. Бедный пес остался в доме и с грустью видел, как его жена наслаждается жизнью с милым дружком. Наконец ему стало невмоготу: он бросил дом и поплелся куда глаза глядят.

Как-то он забрел в шалаш, где сидели пастухи. Смилостивились пастухи над бездомной собакой, отощавшей от голода, накормили ее, и один из них взял ее к себе домой. У этого пастуха была больная жена, которая уже семь лет не вставала с постели: никакими лекарствами нельзя было пособить бедной женщине. Пастух вернулся домой, и в деревне стало известно, что он привел какую-то собаку: сейчас же соседи собрались у его дома, чтобы на нее посмотреть. Все заметили в ней что-то особенное: стали судить и рядить, что с ней делать. Тогда старики посоветовали хозяину впустить ее ночью в горницу к больной: авось она поможет!

Собака забралась под кровать и стала выжидать, что будет. В полночь влетела в трубу ведьма с зубчатой вилкой в руках; бросившись на больную, она стала этой вилкой колоть несчастную и высасывать у нее кровь. Собака все видела, но в эту ночь она не лаяла. Когда утром домашние проснулись, то нашли больную еще бледнее и слабее, чем накануне.

На следующую ночь одни из соседей посоветовали прогнать собаку, так как она ничем не помогла, а другие настояли на том, чтобы впустить ее еще раз. В полночь влетает опять ведьма и делает то же самое, что и в прошлую ночь. Собака лежит смир-

но под кроватью и ждет, пока ведьма кончит. Когда же ведьма собралась улетать, собака схватила ее за ногу и, вцепившись зубами, стала ее таскать и рвать ее тело.

— Пусти меня, Хагор, я тебя знаю! Я тебе в беде пригожусь!

— Не пущу до тех пор,— сказал Хагор,— пока ты не возвратишь силы этой больной!

Тогда ведьма взяла стоявший в углу таз и начала отхаркивать кровь: крови набралось полный таз! Сделав это, ведьма сказала:

— Завтра выкупайте ее в этой крови; ваша больная будет здорова!

Тогда собака ее выпустила, и ведьма улетела тем же путем, как прилетела.

На другое утро хозяин, войдя в горницу больной, нашел полный таз крови. Он недоумевал, что это такое; но тут собака подбежала к хозяину, стала радостно визжать, мотая головой в ту сторону, где стоял таз, и даже омочила свою лапу кровью и обвела ею больную. Хозяин догадался, в чем дело, позвал унаутку * и велел выкупать больную. Когда ее выкупали в крови, она немедленно выздоровела. Хозяин не знал, как отблагодарить собаку, стал ее ласкать и даже целовать, а когда соседи собрались, то он рассказал всем о чудесном исцелении жены, поблагодарив судьбу, что она послала ему такую умную собаку.

В ауле стало известно, что жена пастуха выздоровела. Всем хотелось взглянуть на исцеленную больную. Пока народ толпился в доме пастуха, собака незаметно исчезла: она побежала в свой аул.

Когда жена увидела возвратившуюся собаку, то снова ударила ее плетью, сказав: «Будь петухом!» Мгновенно собака превратилась в петуха. Захлопав крыльями, петух с криком «кукареку» выбежал на двор. Смешавшись там с курами, он стал клевать зерна. Случилось как раз в это время, что на соседнем дворе старуха-ведьма просевала на ветру пшено. Петух подлетел к ней. Она его сразу узнала и сказала:

— Потерпи еще одну ночь!

Вечером, когда жена Хагора легла спать с любовником, ведьма влетела через трубу и, укравши волшебную плеть, ударила ею Хагора и возвратила ему человеческий образ. Хагор бросился горячо благодарить ведьму. В ответ на это она сказала:

— Я обещала пригодиться тебе в беде; вот плеть, которой ты можешь сделать с женой, что тебе угодно!

Войдя в горницу, Хагор сорвал одеяло со спящих и, ударив их плетью, сказал:

— Будьте ослом и ослицей!

Тотчас они превратились в осла с ослицей и с опущенными вниз головами поплелись в стойло.

Хагор женился вторично. Хозяйство пошло на славу: днем он работал на своей паре ослов, а ночью загонял их в стойло, которое никогда не чистил.

Пещера одноглаза

Прошло много лет. Однажды Хагор отправился на охоту. Увлекшись охотой, он заблудился и должен был заночевать в лесу. На следующее утро он стал разыскивать дорогу домой. Его донимал страшный голод. Блуждая в лесу, он спустился в глубокий овраг, где нашел пещеру. В этой пещере он увидел чашку молока и кусок сыра. Утолив голод, он лег в углу отдохнуть. К вечеру возвратился с овцами хозяин; это был великан с одним глазом во лбу. Увидев гостя, он привалил вход в пещеру огромным камнем; затем развел огонь, поймал барана и, разорвав его на куски, стал зажаривать на вертеле. Когда шашлык был готов, он бросил кусок мяса гостю, а остальное с жадностью глотал сам целыми кусками. Отяжелев от обильной пищи, великан растянулся у огня:

— Сегодня я накормил тебя,— сказал он, зевая. гостю,— завтра ты должен накормить меня: я тебя съем! — С этими словами он захрапел.

Счастливая мысль мелькнула в голове Хагора: он взял большой железный вертел, который ему удалось поднять только с трудом, и положил его в огонь. Когда же вертел накалился докрасна, Хагор подошел к спящему великану и выколол его единственный глаз. Сделав это, Хагор спрятался. Ревя от боли, великан вскочил на ноги и бросился ощупью искать своего врага, но, лишенный зрения, не мог его найти.

На следующее утро ослепленный хозяин стал выгонять своих овец на пастбище и при этом ощупывал спину каждого барана, предполагая, что гость, выколовший ему глаз, ускользнет из пещеры, сидя верхом на баране. Между овцами находился огромного роста козел. Хагор заметил, что у козла длинная шерсть, вцепился в нее и повис под животом. Великан ощупал спину козла и, убедившись, что на ней никого нет, выпустил его

из пещеры. Таким образом Хагор ускользнул из рук одноглаза; когда же он оправился немного от страха, разыскал дорогу и прибыл благополучно домой.

Прожорливость одноглаза

От второго брака у Хагора было восемь сыновей и две дочки. Хагор рассказал сыновьям о своем приключении. Услышав это, они стали приставать к нему с просьбой, чтобы он отвел их в пещеру великана.

— Мы,— говорили они,— с ним померяемся силами.

Уступив просьбе сыновей, Хагор отвел их к пещере.

Великана они нашли недалеко от пещеры: он пас овец. Хагор, подойдя к нему, сказал:

— Великан, вот я пришел к тебе со своими восемью сыновьями!

Не ответив ни слова, великан указал рукой на пещеру, куда те и вошли. Там они закусили сыром, стоявшим в углу, и стали дожидаться прихода хозяина. Вечером, по обыкновению, слепой великан пригнал своих овец и завалил вход камнем, не заметив того, что оставил отверстие, в которое можно свободно пролезть человеку. Поодаль от сыновей прикорнул Хагор и следил за тем, что станет делать великан. Великан, не говоря ни слова, схватил сразу всех восьмерых сыновей Хагора и сжал их в руках так сильно, что кости выскочили из тела: в его руках осталось мясо несчастных, которое он стал жадно пожирать; тем временем Хагор выскочил из пещеры в отверстие. Тяжело было старику возвращаться одиноким домой!

Борьба с одноглазом

В другом ауле жил молодой охотник, отличавшийся необыкновенной силой. Отправившись однажды на охоту, он застрелил лань, разрезал ее вдоль, содрал шкуру и повесил на дерево. Когда же он развел огонь, чтобы зажарить куски мяса убитой дичи, вдруг шкура падает с дерева на землю и — о чудо! — делается опять живой и убегает [1].

— Что за диво! — воскликнул изумленный охотник.

— Это еще что! — обернувшись, сказала лань.— А диво то, что случилось с другим охотником — Хагором. Сходи к нему: он сам тебе скажет!

Услышав это, охотник решил во что бы то ни стало разыскать Хагора, чтобы узнать, какое диво с ним случилось.

Долго разыскивал охотник Хагора. Он уже отчаялся найти его! Наконец случайно заехал как раз в тот аул, где жил Хагор. Ему указали на его дом. Въехав во двор, он увидел старика с почтенной бородой, опирающегося на палку и углубившегося, как казалось, в воспоминания о прошлом. Охотник поздоровался со стариком. Очнувшись от задумчивости, старик пригласил гостя в кунацкую и угостил радушно чем бог послал. Затем он спросил гостя, какое тот имеет к нему дело. Тогда охотник сказал:

— Прежде чем ответить на твой вопрос, я расскажу, что со мной случилось на охоте.

Рассказав ему о приключении с ланью, он попросил старика рассказать, в свою очередь, о том, что было с ним. Старик сначала отказывался, но, когда охотник стал настаивать, рассказал ему о происшествии в пещере великана.

— Веди меня туда,— сказал охотник,— пусть и я там умру, где твои сыновья! Не долго думая они отправились к великану.

Великан пас своих овец перед пещерой. Когда они подошли к нему, то Хагор сказал:

— Я пришел к тебе погостить с товарищем.

— Ступайте в пещеру! — сказал великан недовольным голосом.

Подойдя к пещере, охотник увидел огромный камень, которым великан обыкновенно заваливал вход в свое жилище; этот камень он схватил одной рукой и швырнул далеко от себя. Затем он поймал самую жирную овцу, зарезал ее и изжарил на вертеле. Поев на славу, охотник с Хагором стали дожидаться прихода хозяина. Когда великан возвратился, Хагор его встретил следующими словами:

— Знаешь что, хозяин, мы съели самую жирную из твоих овец: славный был шашлык!

Великан, услышав это, разразился страшными проклятиями. Тогда охотник, поднявшись со своего места, сказал великану:

— Слепой дубина, я и тебя съем, как твою овцу!

— Разве ты такой обжора? — спросил великан, улыбаясь, но не очень уверенным голосом.

— Да, я люблю поесть так же, как и ты; и сила у меня не меньше твоей!

— Если так, то давай померяемся силами: пусть один вбивает другого клином в землю! [2]

Охотник согласился. Великан вбил в землю охотника по колена. Тогда охотник схватил великана и вбил в землю до пояса. В свою очередь, и великан вбил охотника до пояса. Тогда охотник вбил своего врага по самую грудь. Тут великан уже не мог выбраться, и охотник вогнал его в землю по шею. Не имея возможности даже пошевелиться, великан взмолился к своему победителю, прося пощадить его жизнь, и обещал исполнить все, что он пожелает.

— Я желаю, чтобы ты вернул к жизни восьмерых сыновей Хагора.

— В углу пещеры,— сказал великан,— находится сундук, в котором лежат кости его сыновей; я, слепой, их не найду. Вынь эти кости и разложи по порядку!

Охотник исполнил все в точности.

— Теперь вытащи меня из земли! — сказал великан.

Охотник вытащил, стало одноглаза рвать, и блевотиной он поливал кости. Через минуту кости сделались телом, и восемь сыновей Хагора стояли перед ним живые, как будто пробудившись после продолжительного сна. Однако охотник не пощадил великана: он вынул свою шашку и отрубил ему голову. Покончив с ним, он угнал всех его овец и отправился вместе с Хагором и его восемью сыновьями к нему в аул. К восходу солнца они вернулись домой.

Девушка-лань

Младшая дочь Хагора, заметив идущих по направлению к дому людей, сказала старшей сестре:

— Вот идет отец, а с ним и наши братья; молодой же человек, который их сопровождает, это их спаситель: он выручил их всех из беды!

— Что за вздор,— говорит старшая,— отец и гость также погибли в пещере великана, как и братья.

Догадка младшей сестры оправдалась на деле.

Пир шел горой по случаю счастливого возвращения восьми братьев. Начались танцы: молодежь, собравшись со всего аула, веселилась до упаду. Когда гости стали уже расходиться, охотник хотел также уехать домой, но старик начал его удерживать:

— Я тебя не могу отпустить так,— сказал старик,— давай породнимся: выбирай одну из моих дочерей себе в жены!

Не дав гостю даже опомниться, Хагор повел его к своим дочерям, сказав: «Бери любую, дорогой спаситель моих сыновей!» Гостя сразу ослепила красота младшей дочери, и его выбор остановился на ней.

Сыграли свадьбу. Вечером отвели новобрачных в спальню. Когда молодая жена разделась, то счастливый супруг заметил на ее теле множество рубцов и шрамов как бы от заживших ран; более же всего ему бросилась в глаза прямая линия, идущая от шеи донизу, как будто от разреза охотничьим ножом. Это заставило его спросить жену:

— Что значат эти порезы на твоем теле?

В ответ на это она сказала, улыбнувшись:

— Я ведь та самая лань, которую ты убил в лесу. Когда я узнала о твоей необыкновенной силе, то я, превратившись в лань, подвернулась тебе на охоте, чтобы заставить тебя отыскать отца и спасти братьев.

Узнав об этом, счастливый супруг заключил ее в объятия.

И я на свадьбе был, мед-бузу * пил, что не помешало мне, однако, подслушать разговор новобрачных.

8. Сказка о Бамбете

Жил на свете джигит. Звали его Бамбет. Когда пришло ему время жениться, посватал он одну из самых красивых девушек в ауле. Родители девушки согласились отдать за него дочь.

Когда закончился свадебный пир, отправился Бамбет к молодой жене. Но только вошел он в лагуну *, как жена ударила его плетью и сказала: «Стань старым петухом».

В тот же миг превратился Бамбет в петуха, выбежал во двор и смешался с курами. А жена его завела себе любовника, и каждый вечер Бамбет видел, что он приходит к ней, когда стемнеет, и уходит на рассвете.

Немного времени пробыл он петухом. Однажды его жена вышла во двор, ударила его той же плетью и сказала: «Стань борзой собакой!»

Стал Бамбет собакой, но по-прежнему понимал человеческую речь.

Тяжело ему было видеть свою жену, и решил он уйти куда глаза глядят.

Шел он шел и встретил пастуха со сворой собак. Собаки эти едва не загрызли Бамбета, но пастух сразу понял, что эта собака необычная, отбил ее и завел в свой шалаш.

Вечером он поставил перед Бамбетом миску с едой, какую давал обычно собакам, но Бамбет к ней даже не притронулся.

— В добрый час я вышел сегодня в путь, мне попалась борзая чистых кровей! — обрадовался пастух и принес Бамбету в миске пасту и жареное мясо. Собака поела так аккуратно, словно это был человек, и благодарно посмотрела в глаза новому хозяину.

— Это, наверное, обученная собака, надо обращаться с ней получше,— решил пастух.

И вскоре слава о необыкновенной борзой разнеслась по всей округе. Узнал о ней и пши, у которого каждый год пропадал новорожденный ребенок. Говорили, что всех детей пши уносил необычный волк, появившийся в этих краях.

Пришел пши к пастуху и говорит:

— Ты, верно, слышал, что каждый год моя жена рожает ребенка, и в тот же миг его уносит какой-то волк. Скоро у моей жены опять должен родиться ребенок — дай мне твою собаку на пару дней. Может быть, она поможет спасти наследника.

— Я не могу решать, дать тебе собаку или нет. Если собака захочет, пусть идет с тобой.

Посмотрел пши на собаку — она будто кивнула головой в знак согласия.

— Я отпускаю с тобой собаку,— сказал пастух,— но прошу тебя, не заставляй ее делать что-нибудь против ее воли.

И пши увел борзую с собой и отвел ей место рядом с комнатой своей жены.

Ночью жена пши родила сына. На рассвете борзая выбежала в степь, а в это время в дом ворвался волк, схватил новорожденного и стал уносить его. Когда борзая вернулась, в доме был страшный шум и переполох. Встав на задние лапы, борзая посмотрела в ту сторону, откуда неслись крики, и пустилась в погоню за волком. Вскоре она догнала пши, который изо всех сил мчался за похитителем.

— Мардж *, не дай волку унести ребенка! — крикнул пши, и борзая помчалась дальше.

Она догнала волка и схватила его. Тогда волк заговорил человеческим голосом:

— Отпусти меня, Бамбет. Придет день, когда я сделаю тебе доброе дело!

Но собака не отпустила его. Волк попросил второй раз, и Бамбет отпустил его. Тут пши закричал:

— Держи волка! Не упускай его!

Погналась борзая и снова схватила волка. Подмяла его под себя, крепко держит. Снова взмолился волк:

— Отпусти меня, Бамбет, я тебе еще пригожусь. Хочешь — забери ребенка, а меня отпусти.

Тут подоспел пши. Только схватил он ребенка, борзая отпустила волка, и он убежал.

— Жалко, что ты не удержал волка! — сказал пши.— А за сына тебе спасибо!

Прошло время, и решил Бамбет наведаться к себе домой.

Однажды утром выходит любовник жены из дома Бамбета и видит борзую. Вернулся он в дом, взял плеть и ударил ее со словами: «Стань индюком!»

Тотчас превратилась борзая в большого жирного индюка.

Пошел индюк со двора и пришел к скирдам необмолоченного проса. Наелся он проса досыта и сел под стогом.

Хозяин проса пришел утром в поле и увидел индюка. Обрадовался он, схватил его и принес к себе домой.

— Старуха, возьми индюка и посади его под сапетку * — я нашел его под нашей скирдой проса. Когда доедим барана, зарежем этого индюка и съедим его.

Старуха посадила индюка под сапетку.

Прошло несколько дней. Однажды старик наточил нож и позвал одного из своих сыновей.

— Парень, вынеси этого индюка во двор и зарежь его,— сказал он.

Юноша вынес индюка и занес над ним нож. Но тут он увидел, что из глаз индюка покатились слезы. Жаль стало его юноше, он вернулся в дом и посадил индюка под сапетку.

— Ну ладно, не захотел резать индюка — не получишь и куска мяса! — сказал старик и позвал другого сына.

Но и тот, как увидел слезы индюка, принес его обратно.

— Ни одному из вас не дам и куска мяса! — закричал рассерженный старик и сам вынес индюка.

Зажал он ноги индюка, занес над ним нож, но тут увидел слезы на его глазах. Провел старик тыльной стороной ножа по шее индюка и отпустил его.

— Бамбет,— сказал он,— ты трижды сделал мне плохо. Но теперь я отомстил тебе. Я и есть тот волк, у которого ты отнял тогда мальчика. Сыновья, которых ты видел в моем доме,—

братья того мальчика. Теперь возвращайся к себе домой. В кунацкой на скамейке ты увидишь плеть. Стань около скамейки так, чтобы плеть могла упасть на тебя, когда ты качнешь скамейку, и скажи: «Пусть я стану таким, каким был прежде». Если плеть коснется тебя, ты снова станешь человеком.

Пошел индюк в аул, вошел в кунацкую и сделал все так, как сказал старик. Едва плеть коснулась его, как индюк превратился в джигита Бамбета. Тут же взял Бамбет плеть и вошел в свой дом — там была жена с любовником.

Ударил он плетью жену — превратилась она в ослицу, ударил любовника — стал он ослом.

Привел Бамбет в свой дом новую жену и зажил с ней счастливо. А осла с ослицей он заставлял работать от зари до зари, нещадно бил за всякое непослушание и держал их впроголодь.

9. Кан * батрачки

Жил один богатый пши с женой. Детей у них не было, и они сильно горевали, что остались без наследника.

Однажды к ним во двор зашла женщина. Увидев пши, она сказала:

— Пришла наниматься в батрачки. За работу отдашь мне своего сына, когда он у тебя родится. Другой платы мне не нужно.

Пши поведал об этом хабаре своей жене, а та сказала:

— Давай наймем эту женщину. Двадцать лет у нас не было детей и, наверное, теперь не будет. Нам не нужно будет платить батрачке за работу.

— Давай наймем,— согласился пши,— надоест ей работать бесплатно — сама уйдет.

И они взяли женщину в дом.

— Тогда давайте напишем бумагу, что вы отдадите мне ребенка, когда он у вас появится,— сказала батрачка.

Пши и гуаша * согласились — пошли втроем к эфенди * и заключили договор на семь лет.

Стала батрачка у них работать. Прошло три года, а на четвертый жена пши понесла и родила мальчика. Назвали его Асланмизом.

Батрачка проработала у пши еще три года, а потом сказала хозяевам:

— Срок кончился, теперь я пойду домой, соберите моего ребенка.

— Не говори так, возьми все, что хочешь, только не забирай у нас сына,— стал просить пши.

— Мне ничего не нужно, кроме него,— сказала батрачка, взяла сына пши и ушла.

Вернулась она домой и стала растить мальчика. Он быстро рос и скоро стал настоящим джигитом.

Однажды утром юноша стоял во дворе. В это время подъехали три всадника и сказали кану батрачки:

— Асланмиз, поехали с нами на охоту!

Джигит отказался, но на другой день они снова позвали его. И на этот раз он отказался ехать с незнакомыми всадниками на охоту. Когда же всадники приехали в третий раз, юноша сказал матери:

— Тян *, есть нам нечего, поеду-ка я на охоту, может быть, мне удастся раздобыть что-нибудь.

Мать пошла к пши и попросила у него лошаденку и какое-нибудь старое ружье для сына. Пши дал и ружье и коня.

Когда на другой день те трое приехали и пригласили его, юноша сел на коня и поехал следом за ними. Охотники скакали быстро и вскоре скрылись из виду. Поехал юноша по их следам, но догнать их не смог. Вскоре он увидел, что охотники возвращаются.

— Мы везем и для тебя козу,— сказали они и дали ему козу.

Вернулся парень домой — обрадовалась старуха, что сын привез добычу.

На следующий день снова отправился парень с охотниками. Не успел он даже доехать до того места, где в первый день встретил своих попутчиков с добычей, как увидел, что его новые друзья уже едут обратно. И на этот раз они дали ему козу, и он вернулся домой с добычей.

И на третий день он отправился с охотниками, но его конь снова отстал, и они потерялись из виду. Встретил их юноша только тогда, когда они возвращались обратно. Как и раньше, они дали ему козу.

Приехав домой, юноша пожаловался матери:

— Тян, чужие дают мне добычу, и я приношу ее тебе, но сам ничего не могу добыть, потому что у меня никудышный конь. Мне нужен хороший конь.

— Где я найду тебе коня? — заплакала женщина.— У един-

ственного в ауле пши я выпросила эту лошаденку, на которой ты сидишь!

На другой день утром женщина рассказала соседке о своем разговоре с сыном и о том, что он просит хорошего коня. Услышал этот разговор один старик. Он велел батрачке зайти к нему в дом.

Когда женщина пришла, старик сказал:

— Я слышал о твоем горе и хочу помочь тебе. Ты пойди к пши — отцу парня — и попроси у него коня. Тот согласится, скажет: «Конечно, дам вам коня», и пошлет его к своему табуну. У пши лучший конь — старый чалый, и твой сын должен просить его. Пши станет говорить, что не подобает дарить старого чесоточного коня, и предложит вместо него полтабуна. Тут твой сын должен сделать вид, будто уходит, и сказать при этом: «Я не виноват, что прошу у тебя чалого коня — виноват тот, кто сказал мне об этом». Тогда он получит чалого коня.

После этого пши поведет вас туда, где хранится его оружие. В углу будет лежать старое заржавевшее седло и старый ржавый меч — они-то и нужны твоему сыну. Другого ничего брать не надо.

— Спасибо тебе, добрый человек,— сказала женщина и быстро пошла домой.

Вернувшись, она рассказала сыну все, что сказал ей старик.

Отправились они к пши — впервые после долгих лет разлуки встретились отец с сыном. Пши обрадовался, когда увидел красивого и статного джигита.

— Дай коня и снаряжение для моего сына,— сказала старуха.

— Хорошо, с удовольствием дам,— ответил пши.— У меня семь табунов, пусть идет и выберет такого коня, какого захочет.

Пши позвал табунщиков и сказал им, чтобы они пригнали лошадей. Пригнали первый табун — посмотрел юноша, но не нашел коня, какой ему был нужен.

— Здесь нет подходящего мне коня,— сказал он отцу.

— Пригоните второй табун,— распорядился пши.

Пригнали второй табун. Парень осмотрел и этот табун, но и там не оказалось нужного ему коня.

В табунах пши кони были словно на подбор, и пши был сильно удивлен — какого же коня ищет юноша?

Так посмотрел парень все семь табунов, но не нашел того, что искал. Тогда пши велел табунщикам собрать всех его коней — и хороших и плохих. Когда табунщики собрали и при-

гнали всех коней, среди них и оказался тот чесоточный старый чалый, какого искал юноша. Он подошел к чалому и сказал:

— Вот этот конь годится для меня.— И поймал его.

— Разве этот конь — для тебя? Люди станут говорить: «Когда он пошел к отцу, тот из семи табунов дал сыну единственного чесоточного коня». Неужели ты не нашел лучшего коня, чем этот? Зачем ты позоришь меня — хочешь, бери целый табун, но не этого негодного коня,— сказал пши.

— Мне не нужен другой конь, я выбрал этого и возьму только его,— ответил сын.

— Не говори так, не позорь меня. Хотя я тебя и не воспитал, я отец тебе,— сказал пши.

— Я выбрал того коня, какой мне нужен. Если не дашь его мне, не хочу из твоего табуна лошадей. Я не виноват, что прошу у тебя чалого — виноват тот, кто сказал мне об этом.

Тут пши все понял и произнес:

— И правда, ты не мог знать о чалом коне. Пусть бог разорит семью того, кто сказал тебе это!

Пши отдал сыну чалого, и они пошли за оружием. Юноша получил то, что хотел — старый ржавый меч и заржавевшее седло,— и вместе с матерью вернулся домой.

Пошли они к тому старику, который отправил их к пши, оставили у него и коня и оружие.

— Когда можно будет садиться на этого коня, я позову тебя,— сказал старик,— а теперь идите домой.

После того как мать с сыном ушли, он хорошо выкупал коня и поставил его в подвал. Стал кормить его отборными кормами. Через месяц коня нельзя было узнать.

Седло и меч вычистили до блеска. Вскоре старик позвал юношу к себе.

— Если ты будешь настоящим джигитом, этот конь будет достоин тебя,— и он отдал парню коня и снаряжение.

Привел джигит коня домой. А те охотники, которые приглашали его каждое утро на охоту, по-прежнему проезжали мимо дома юноши и каждый раз звали его с собой.

Асланмиз приготовил коня и седло и, когда они позвали его на рассвете, выехал вместе с ними. Быстро перегнал он своих спутников, а потом ускакал так далеко, что те потеряли его из виду. Убил он четырех коз, вернулся обратно и встретил своих спутников там, где и раньше встречал их.

— Вот ваши козы,— сказал он и отдал им по козе, а сам вернулся домой.

— До этого дня, мать, я приносил то, что давали мне другие охотники. Сегодня я привез то, что добыл сам. Конь у меня теперь подходящий,— сказал он матери.

Так он ездил три утра подряд. На четвертое утро во время охоты он увидел золотую козу. Прицелился он было, да жалко ему стало убивать такую красивую козу. Он решил поймать ее и погнался за ней. Казалось, коза уже совсем близко, но в тот же миг она уходила дальше. Коза перепрыгнула через скалу, юноша — следом за ней, и вдруг он упал с коня.

Долго лежал он без памяти, а когда очнулся, коня рядом не было, и он не мог понять, где находится. Пошел в ту сторону, где, как ему казалось, должен быть их аул. Долго он шел, устал и проголодался. Вдруг он увидел у подножия горы колодец с журавлем. Подошел он к нему и стал ждать, когда кто-нибудь придет сюда. Через некоторое время он услышал чье-то пение, а потом — плач. Юноша удивился — не мог понять, что это значит. Вскоре он увидел, как к колодцу подошел великан.

Он привязал к журавлю лагуп * и опустил журавль, чтобы достать из колодца воды.

Асланмиз остановил его.

— Подними меня на гору,— попросил он великана.

— Нет, не подниму, нельзя тебе туда,— ответил тот.

— Поднимай, а то не позволю тебе взять воды.

Асланмиз держал руками журавль.

— Ну, если тебе нужно обязательно подняться, садись в лагуп — подниму.

Юноша сел в лагуп. Великан занес его на гору, а потом набрал воды. Дальше пошли они вместе.

— Ты когда шел сюда, то пел, то плакал. Скажи мне, почему ты так делал? — спросил юноша.

— Хорошо. Я отвечу тебе и объясню, почему не хотел поднимать тебя. Я — раб иныжа и сам из иныжей. Когда я вспоминаю, что я из иныжей, начинаю плакать, а когда вспоминаю, что делает мой хозяин-иныж с людьми, начинаю петь, радуясь тому, что я еще жив. Вот почему я не хотел поднимать тебя. Увидит тебя мой хозяин — непременно погубит. Сейчас он спит, а для него варят быка — он съест его, когда проснется. На закуску ему будет дочь аульного пши — сегодня пришел ее черед.

— Ну что ж, погибну от него, так погибну, я такой же, как и те, что уже стали его жертвами,— сказал джигит и пошел прямо туда, где готовили пищу.

— Я голоден, дайте мне чего-нибудь поесть,— попросил он.

— Ничего не можем дать. Если иныж узнает, что дали тебе хоть что-нибудь, убьет и тебя и нас,— ответили ему.

— Тогда скажите ему, что я силой отнял у вас еду,— сказал юноша, вытащил из котла бычью ногу, придвинул к себе другие блюда и досыта наелся.

Когда иныж проснулся и ему отнесли ужин, он увидел, что не хватает бычьей ноги.

— Где бычья нога? — спросил он у повара.

— Какой-то юноша зашел, отнял ее и съел,— ответил он.

— А где этот юноша?

— Сидит на крыльце.

— Позовите его сюда,— сказал иныж и послал за юношей.

— Тебя зовет иныж,— сказали ему.

Юноша зашел к иныжу, но тот даже не встал в знак уважения к гостю.

— Заходи, заходи, маленький человек, ты хорошо ешь, дай-ка мне твою руку!

Иныж протянул правую руку. Юноша выхватил меч и отрубил ее. Тогда иныж протянул левую руку, но и она тотчас отлетела. Хотел иныж схватить джигита зубами, но тот снес ему голову.

Иныж надеялся, что его не одолеет меч маленького человека, но у Асланмиза был необычный меч — он мог перерубить даже железо и камень.

Вышел джигит во двор и увидел, что привезли дочь пши, которой должен был закусить иныж. Она безутешно рыдала, но повара сказали ей:

— Ты приехала в добрый час — парень, что сидит на крыльце, убил иныжа. Ты можешь ехать обратно!

Обрадованная девушка подошла к юноше, поблагодарила его и пригласила в свой аул.

Асланмиз отказался от приглашения, сказав, что он в пути и у него есть дела.

Дочь пши повезли домой. Когда пши увидел, что его дочь возвращается обратно, он заплакал со страху и послал гонцов, чтобы они вернули арбу к иныжу.

— Иныж погубит нас всех, если не получит девушки, пусть едут к иныжу,— велел он передать аробщикам.

Но те сказали, что какой-то джигит убил иныжа.

— А где же он? — спросил пши.

— Мы приглашали его, но он не захотел ехать с нами,— отвечали аробщики.

— Разве такого человека отпускают! Быстро приведите его сюда! — приказал пши.

— Найти его не просто. Если спрашивать, кто убил иныжа, он не признается. Я заметила, что, когда он идет, остается след в виде полумесяца,— сказала дочь пши.

Поехали за юношей, догнали его и стали просить:

— Вернись вместе с нами, без тебя пши не пустит нас обратно!

— Ради вас поеду,— сказал Асланмиз и приехал к пши.

Когда вернулись, пши устроил джегу в честь спасителя дочери, а потом сказал:

— Я построю тебе такой же дом, как у меня, и отдам тебе в жены свою дочь, не уезжай от нас.

Юноша задумался. «Я не знаю, куда еду. Наверное, лучше мне остаться»,— решил он.

Асланмиз остался, построили ему хороший дом, отдали в жены дочь пши.

Зажили они в счастье и согласии.

Однажды перед заходом солнца, когда джигит стоял у своих ворот, мимо проходило какое-то войско. Всадник, ехавший впереди войска, крикнул:

— Асланмиз, если ты такой, как о тебе говорят, поехали с нами!

Войско проехало. Грустный вошел Асланмиз в дом. Жена заметила, что муж загрустил.

— Скажи мне, что тебя огорчило? — спросила она.

— Сейчас мимо нас прошло войско, и меня пригласили поехать с ним, но у меня нет ни коня, ни оружия, не могу я с ними ехать. Вот что меня огорчило,— сказал Асланмиз.

— Это не беда. Если у отца что-то есть, так это кони и седла. Сейчас тебе все доставят.

Сказала она отцу, что Асланмизу нужны конь и седло.

— Разве об этом нужно спрашивать? Все, что у нас есть,— его,— сказал пши.

Быстро привели джигиту коня, принесли седло. Сел он на коня и поехал за войском. Вскоре он догнал его и увидел, что всадники едут в три ряда, а его чалого коня, на котором он выехал на охоту, ведут под уздцы.

— Это мой конь, отдайте его мне! — попросил он.

— Я сам не могу этого сделать. Если наш предводитель скажет «отдай», я отдам,— сказал тот, кто вел коня.

— А как спросить у предводителя?

— Надо сказать всаднику, который едет впереди нас, он передаст тому, кто едет впереди него, и так дойдет до предводителя. Его решение таким же путем передадут нам.

Вскоре пришел ответ предводителя, и коня отдали юноше. Пересел он на своего чалого и продолжал путь.

Скоро проехали джигиты лесную чащу и выехали на красивую поляну. Здесь они разделились на два отряда. К Асланмизу подъехал предводитель войска.

— Коли ты такой, как о тебе говорят, не сходи с места, что бы ни случилось,— сказал он.

Ночью отряды сразились. Погибли все воины — в живых остался один предводитель. Он подъехал к джигиту и сказал:

— Аферем *, ты и вправду такой, как о тебе говорят!

Снял он с его головы шапку и собрался уезжать [1]. Догнал его Асланмиз и забрал свою шапку.

Схватился он с предводителем войска, и сражались они весь день. Вечером предводитель сказал:

— Если ты такой, как о тебе говорят, завтра утром будь на этом месте.— И уехал. Асланмиз был сильно изранен.

Утром предводитель приехал, привез сулук воды, дал джигиту умыться, попить воды, как следует накормил его. После этого они снова начали сражаться и бились до вечера. Асланмиз сражался без кольчуги, и все тело его было покрыто ранами.

Когда наступил вечер, предводитель войска опять сказал:

— Если ты такой, как о тебе говорят, и завтра будь на этом месте!

Ночью джигит вытащил из своего тела стрелы. Утром предводитель приехал, дал ему умыться, накормил его. У юноши уже не было стрел, поэтому противник дал ему столько стрел, сколько нужно было на день сражения.

Стали они сражаться и снова бились до вечера. Асланмиз был весь изранен. Привязал его предводитель к коню и привез домой.

Старушка, сидевшая у ворот, увидела юношу, привязанного к коню.

— Я велела тебе доставить его живым, а не бездыханным, привязанным к коню! — рассердилась она.

Она сняла джигита с коня, отнесла его в дом, промыла его раны и наложила повязки. Три месяца лечила она его, и наконец он стал выходить из комнаты.

Находясь во дворе, Асланмиз видел, как каждое утро со

двора выезжали три всадника, а вечером возвращались обратно. Он спросил у старухи:

— Каждое утро с этого двора выезжают три всадника. Куда они едут?

— Они едут на охоту, сынок,— ответила старуха.

— Тогда разреши и мне поехать с ними,— попросил юноша.

— Твой конь стоит в подземелье, можешь сесть на него и ехать.

Обрадовался джигит, что конь его жив.

На другое утро он встал раньше того времени, когда выезжают всадники, и приготовился в путь.

На рассвете всадники выехали со двора и юноша вместе с ними. Скакали они целый день и к вечеру прибыли к охотничьему шалашу.

Спешились, расседлали коней. Спутники сказали юноше:

— Уже темнеет. Пойди в лес, добудь чего-нибудь на ужин.

Пошел он в лес, убил козу, принес ее, освежевал, изжарил мясо на огне.

Сели охотники, поели, не сказали джигиту: «Садись с нами!», а сам он без приглашения не стал есть.

После ужина охотники пошли в шалаш и легли спать, юноше не сказали: «Ложись с нами!», а без приглашения он сам в шалаш не вошел.

Утром юноша оседлал всех коней, и охотники продолжали путь. Снова ехали целый день и к вечеру приехали ко второму шалашу.

Спешились, расседлали коней. Спутники вновь сказали юноше:

— Уже темнеет. Пойди в лес, добудь чего-нибудь на ужин, поедим и отдохнем.

Пошел Асланмиз в лес, убил козу, принес ее, освежевал, изжарил мясо на огне.

И в этот раз сели охотники одни, поели, но не сказали юноше: «Садись с нами», а без приглашения он не стал есть.

После ужина охотники пошли в шалаш и легли спать, юноше не сказали: «Ложись с нами», а без приглашения он сам не пошел.

На другое утро Асланмиз оседлал всех коней, и они снова выехали в путь. И на этот раз ехали целый день, а к вечеру приехали к охотничьему шалашу.

Спешились, расседлали коней. Спутники опять сказали юноше:

— Уже темнеет. Пойди в лес, добудь чего-нибудь на ужин, поедим и отдохнем.

Пошел парень в лес, убил козу, принес ее, освежевал, изжарил мясо на огне.

Сели охотники, поели, а юноше и на этот раз не сказали: «Поешь с нами!»

После ужина охотники пошли в шалаш и легли спать, в третий раз не пригласив юношу.

Сидит Асланмиз у костра, думает: «Что за люди, с которыми я еду? За три дня ни разу не сказали мне: „Поешь“ или „Отдохни“. Как только они заснут, войду в шалаш и узнаю, кто они такие».

Когда прошло некоторое время, Асланмиз вошел в шалаш и стал ощупывать крайнего охотника. Он нащупал женскую грудь. Тут женщина схватила его за руки и переломила ему мизинец.

На другое утро охотники встали, и один из них стал седлать коней.

— Что ты делаешь, разве ты хагрей? [2],— удивились другие.

— Парень уже узнал, что мы женщины, теперь нам надо возвращаться назад,— ответила та, которая ночью переломила палец джигиту.

Теперь юноша ехал в середине, а девушка, которой он коснулся ночью, поехала слева — теперь она, как младшая, должна была обслуживать своих спутников [3].

Когда вечером сделали привал на обратном пути, девушка пошла в лес, добыла козу, приготовила ужин. Юноше отдавали лучшие куски мяса, в знак уважения в его присутствии не садились [4].

На четвертый день приехали домой, и девушки рассказали старушке матери обо всем, что произошло с ними в пути.

Старушка отдала младшую дочь в жены юноше и сказала ему:

— Ты помнишь, когда ты был молод и жил у своей матери, мимо вашего двора каждое утро проезжали три всадника и приглашали тебя на охоту — это были мои дочери. Золотая коза, за которой ты погнался, моя старшая дочь, которая владеет даром волшебства. Предводитель войска, которого ты видел,— я. С тобой сражалась и привезла тебя сюда моя старшая дочь. Уже много лет мы следим за тобой. Усареж * сказал нам, что только ты можешь одолеть нашего врага — иныжа, от руки которого

погибли мой муж и сыновья. Он похитил дочь моей сестры и сделал ее своей унауткой. Мои дочери, с которыми ты ездил, много раз отправлялись в поход, чтобы уничтожить иныжа, но не могли с ним справиться. Он погибнет лишь в том случае, если его удастся ослепить, и только твоим мечом. Вот почему мы так долго следили за тобой — помоги нам отомстить за нашу кровь. Завтра вы должны выехать на рассвете, чтобы приехать к обеду — в это время иныж спит. Когда въедете в его двор, увидите там женщину — это дочь моей сестры. Ни она, ни иныж не узнают тебя — узнает конь иныжа, который стоит в медной конюшне, он и разбудит хозяина. Но прежде чем иныж выйдет из дому, схвати девушку и скачи со двора.

Иныж погонится за тобой и догонит тебя: он предложит тебе сразиться. Вот тебе стрела с раздвоенным наконечником — постарайся попасть ему в глаза, и он будет повержен,— закончила старуха.

Взял джигит стрелу с раздвоенным наконечником и вместе с дочерьми старухи выехал в путь.

Когда они приблизились к аулу, где жил враг, Асланмиз оставил старшую дочь старухи у околицы, а сам въехал в аул.

Почуял конь иныжа, что приехал джигит, стал метаться в медной конюшне, громко заржал. Тем временем Асланмиз схватил девушку, стоявшую во дворе, посадил ее на коня и поскакал. Когда он достиг околицы, то отдал ее старшей дочери старухи. В это время его нагнал иныж, и они схватились. Решили сражаться стрелами — отмерили тридцать шагов, приготовились к бою.

— Стреляй,— сказал иныж.

— Я стрелять не буду, это ты выехал сражаться со мной. Отдаю тебе право стрелять первым,— ответил джигит.

Испугался иныж, но не подал виду:

— Ну что ж, раз уступаешь, я буду стрелять первым. Держи большой палец на лбу,— сказал иныж.

Асланмиз поставил большой палец на лоб. Иныж выстрелил и легко ранил его.

— Теперь моя очередь стрелять. Поставь большой палец на лоб,— сказал юноша.

Иныж поставил палец на лоб, Асланмиз хорошенько прицелился и выпустил стрелу с раздвоенным наконечником. Концы стрелы вонзились в глаза иныжа. В тот же миг джигит вскочил на своего коня, подлетел к иныжу и ударил его изо всех сил мечом. Он разрубил его кольчугу, но не коснулся его тела. Те-

перь иныж схватил коня джигита за хвост и не отпускал. Тогда джигит соскочил с коня и стал биться мечом. В конце концов иныж упал замертво. Асланмиз снес ему голову, привязал к седлу, наполнил кровью великана сулук и тоже привязал его к седлу.

Вернулся он к старухе — выбежала она ему навстречу, взяла сулук и выпила всю кровь. Потом взяла голову иныжа и, зажарив ее, съела.

— Ох-ох, стало легче у меня на душе,— сказала она.

Приехали они во двор иныжа и забрали все золото и другие его богатства.

Однажды ночью юноша лег спать и тяжело вздохнул.

— Что огорчает тебя? — спросила его жена.

— У меня еще есть жена, но она уже давно не знает, где я и что со мной. Это меня и печалит.

— Очень хорошо, что у тебя еще есть жена, надо ее найти.

Утром женщина рассказала матери о том, что беспокоит ее мужа. Та сказала:

— Надо вам ехать к первой жене.

Приготовились они в дорогу, взяли с собой столько золота, сколько могли довезти их кони, и поехали.

Встретили их с почетом — пши, как и в первый раз, устроил в честь зятя большое джегу, обрадовался его возвращению.

Зажил Асланмиз с женами мирно и счастливо.

Прошло немного времени, и однажды джигит опять тяжело вздохнул.

Жены спросили его:

— Чем мы тебя огорчаем, чем ты недоволен, скажи нам?!

— Я доволен своей жизнью, вы меня ничем не огорчаете, но меня печалит, что я давно не видел свою мать и не знаю, что с ней. Однажды я выехал на охоту и с тех пор не возвращался домой. Я не знаю, как она живет, и она не знает, что со мной,— ответил муж.

— Не печалься,— сказали жены.

Дочь пши пошла к отцу и сказала ему, что ее муж хочет поехать к своей матери.

— Если хочет, он может уехать, не спрашивая меня, но спасибо ему, что он спрашивает. Хотите — поезжайте с ним,— сказал пши.

Дал он столько богатства, чтобы хватило им на всю жизнь, дал много сопровождающих и сам проводил их до границ своего края.

Приехал Асланмиз в родной аул и нашел мать в нищете и в грязи. Его жены нагрели воды, выкупали старушку, одели ее в чистую одежду.

Вскоре он построил хороший дом и матери и себе. И стали они жить дружно, не доставляя матери ни забот, ни огорчений.

10. Сказка о младшем сыне

Жили на свете муж с женой. Было у них семь сыновей. Старшие сыновья все время проводили в походах, а младший — его звали Едижем — с утра до вечера играл в пыли на обочине дороги вместе со своими сверстниками.

Не было случая, чтобы Едиж не обыграл своего товарища, не забрал у него альчики да еще и не избил его. Постепенно ровесники перестали играть с ним. Тогда он стал пугать их и отбирать альчики. Но и после этого никто из ребят не соглашался играть с Едижем. Скучно ему стало, и пошел он к отцу.

— Отец, если я твой сын, отправь меня вместе с моими братьями в поход,— сказал он.

Посмотрел на него отец и рассмеялся:

— Значит, в поход хочешь отправиться — сесть на коня и ехать в далекие края. Ты еще мал, Едиж, только второй год ходишь в штанах. Подрастешь — отпущу тебя в поход.

Обиделся Едиж, долго и горько плакал, но и это не помогло — не отпустил его отец.

Прошел еще год. Но снова отец велел ему оставаться дома. Потом прошел еще год, и сын сказал отцу:

— Отец, прошу тебя, отпусти меня в следующий раз с братьями в поход.

— Сын мой, ты еще мал для походов, подожди еще немного, придет и твой черед.

— Нет, отец, я достаточно ждал. Если ты не отпустишь меня, я сам уеду.

— Ты жаждешь подвигов,— сказал отец,— но ты еще очень молод. Когда исполнится тебе тридцать лет, ты станешь мужчиной. Тогда и придет к тебе слава. Сейчас кости твои гибкие, как вишневые ветки. Если я отпущу тебя, переломают тебе ребра. Мужчину ожидает много трудностей, ты еще мал, чтобы их вынести.

— Я все могу вынести, отец,— сказал Едиж.— Как-то я залез на сливовое дерево — почти на самую верхушку, слома-

лась ветка, и я упал; но ведь я даже не сказал тебе ни слова, хотя мои руки после этого болели. А ты помнишь, как мой старший брат Пат упал с невысокой вишни, сломал руку и плакал. Но ему ты разрешаешь идти в поход, а мне — нет.

Как ни уговаривал он отца, все было напрасно. Тогда Едиж решил:

— Отправлюсь в поход сам, без разрешения отца и братьев. Когда вернусь с богатой добычей, пусть тогда скажет отец, мал я еще или уже вырос.

Отец в это время совершал дневной намаз *.

— Отец, попроси аллаха, пусть он сделает меня мужественным,— сказал Едиж и вышел во двор.

Не успел отец закончить молитву, а он уже оседлал коня, подъехал к порогу, сказал: «Не беспокойтесь за меня», трижды ударил коня кнутом и уехал.

Много ли он ехал, мало ли ехал и приехал в один аул. Пустил коня по безлюдной улице. Конь едва передвигал ноги, да и Едиж устал. Вдруг на улице встретился ему мужчина среднего роста.

— Сын мой, на этой улице опасно ехать ночью, заезжай в мой двор, будешь гостем,— сказал он Едижу.

— Нет, благодарю, я отправился в путь, и сидеть на одном месте мне не пристало. Я спешу ехать дальше — мой конь одолеет любую дорогу, если только она проходит по земле, а не по морю,— ответил Едиж и поехал мимо.

Опечаленный, вернулся тот мужчина домой.

— Что случилось, какая беда пришла к нам? — спросила его жена.

Муж рассказал ей о встрече с Едижем.

Услышала их разговор дочь, и захотелось ей увидать того парня. Вышла она на улицу, но всадника уже не было видно.

«Наверное, он настоящий мужчина, если так разговаривал с моим отцом. Будет жалко, если он погибнет на этой злополучной улице»,— подумала она и вернулась во двор. Девушка встала под навесом кухни и долго думала о неизвестном джигите. В это время ее отец вышел из дома — он хотел закрыть калитку — и увидел стоящего под навесом человека.

— Ну, кто это в темную ночь стоит под навесом? — крикнул он, но, увидев, что это его дочь, добавил: — Ты что стоишь ночью во дворе, испугала меня, сошла что ли с ума?

— Зачем ты говоришь так, отец! — ответила обиженно девушка.— Ты совсем не умеешь разговаривать с людьми.

— Почему же, дочь моя?

— Да потому что упустил гостя, а если бы умел разговаривать, как положено, пригласил бы его в дом.

— И что же, должен был принести его на руках к нам во двор?

В это время по этой улице ехал Едиж. Навстречу ему шел мужчина с фонарем в руках — он освещал себе путь. В зубах у него была серебряная трубка.

Заговорил мужчина:

— Пожалуй в мой дом, сын мой! Храбрее тебя я не встречал человека на этой улице — уже четыре года по ней не проехал ни один джигит. Будь моим гостем, поживи у меня! Долго я хожу по этой улице в поисках настоящего мужчины, теперь, кажется, я, наконец, встретился с ним.

Едиж ответил ему так:

— Ты ошибаешься, тат *, ты не встретил еще того мужчину, какой тебе нужен. Если кому-нибудь ты назовешь мое имя — Едиж,— никто в здешних местах не скажет, что он знает его.

— Нет, сын мой, я вижу, ты приехал из дальних краев — если бы ты не искал настоящих дел, не уехал бы так далеко от родного дома. Если не хочешь позора, должен послушать старшего и зайти в дом.

Едиж не мог обидеть старшего, не мог отказаться от приглашения. Привязал он своего коня к коновязи, а сам вошел в кунацкую.

Сразу же ему принесли четлибж *, накормили и приготовили постель. Хозяин отдал ему в жены свою красавицу дочь.

Прошло две недели, и однажды утром хозяин дома позвал Едижа к себе и сказал:

— Зять мой, ты уже отдохнул, теперь мы должны поехать по одному делу.

— Сейчас я соберусь,— сказал Едиж.

— Собираться не надо — садись в арбу и поедем,— сказал хозяин. А куда и зачем едут — не сказал.

Ехали они ехали и подъехали к высокой горе.

Тут они остановились, зарезали единственного коня, который был привязан к арбе, освежевали его. Потом старик сказал Едижу:

— Я отдал свою дочь тебе в жены потому, что ты — мужественный человек. Если это так, ты позволишь зашить тебя в конскую шкуру. На этой горе находится гнездо орла, который уносит к себе в гнездо людей и скот, лошадей и коров. Он под-

нимет тебя на гору, и ты увидишь там несметное количество золота и серебра, много оружия. Ты сбросишь их вниз. А потом я придумаю, как вернуть тебя обратно.

— Какой из меня мужчина, если я не сделаю этого,— сказал Едиж и позволил зашить себя в лошадиную шкуру.

Едва орел увидел лошадь, он слетел вниз и поднял Едижа на гору. Вскоре орел улетел, а Едиж вынул кинжал, разрезал конскую шкуру и вышел. Он осмотрелся и понял, что попал в другой мир [1]. Здесь было много серебра, золота и оружия. Джигит стал сбрасывать все это вниз. Он слышал, как тяжелые слитки падали вниз, но старик даже голоса не подавал. Тогда Едиж крикнул:

— Больше здесь нет ни золота, ни серебра!

Ответа он не услышал. А старик забрал все, что сбросил Едиж, и уехал. Прошел день, прошла ночь, а старика не было. Едиж очень хотел вернуться на землю, но не знал, как это сделать.

Он решил пойти осмотреть местность. Шел он долго и увидел наконец красивый замок с садом, обнесенный высокой оградой. Во дворец вел единственный вход, у которого сидел стражник.

Едиж сильно проголодался и стал просить стражника пустить его в замок. Тот разрешил ему войти, но предупредил, что ни в коем случае нельзя повредить даже маленькую веточку на деревьях, что фрукты надо сразу есть, а не класть в карманы. Еще он сказал, что скоро в сад прилетят три голубя и сядут на дереве, но к ним нельзя подходить.

Едиж сорвал несколько яблок и тут же съел их, ни одного плода не положил в карман. Стал он ходить по саду и вдруг увидел, как прилетели три голубя и сели на дерево.

Захотелось Едижу разглядеть их — подошел он поближе к дереву, на котором сидели голуби, и услышал их разговор.

— Давайте искупаемся,— сказал один из голубей.

— Зачем ты разговариваешь, ведь нас могут услышать,— ответил другой.

— Кто нас услышит, ведь здесь не бывает людей! Давай полетим туда, где мы обычно купаемся,— сказал один голубь и поднялся в воздух. Вслед за ним взлетели и два других. Едиж проследил их путь и пошел за ними. Вскоре он увидел, как голуби обернулись девушками красоты необычайной и пошли купаться. Пока они купались, Едиж подкрался к их одежде и забрал оперение самой прекрасной из красавиц. Девушки вышли

из воды. Две снова обернулись голубками и улетели, одна осталась нагая и горько заплакала.

— Отчего ты так горько плачешь, девушка? — спросил у нее Едиж.

— Украли мое оперение — вот я и плачу. Мои сестры улетели, а я сижу здесь.

— Выполнишь мою просьбу — получишь свое оперение, нет — пойдешь домой нагая.

Что оставалось девушке? Спросила она:

— А какая твоя просьба?

— Стань моей женой,— сказал Едиж.

— Коли я тебе нравлюсь, пойди к моему отцу и посватай меня — я скажу, где дом моего отца.

Но Едиж стоял на своем. Тогда она согласилась стать его женой, если он вернет ей голубиную одежду.

Он отдал ей одежду — оставил себе только голубиную маску, без которой она не могла улететь.

Они пришли в какой-то аул и остановились у одного хозяина. Едиж объявил, что он женился на дочери пши.

В ауле их приняли хорошо, и они остались там жить. Но что бы он ни делал своей жене, как ни старался задобрить ее, она оставалась холодна к нему. Стоило Едижу вернуться домой, как она заболевала. Вскоре у них родилась дочь.

Как-то Едиж спросил жену:

— Отчего ты так долго и часто болеешь?

— Я буду болеть, пока не получу голубиную маску.

До сих пор Едиж говорил, что он бросил ее маску в реку, но теперь, когда они столько прожили вместе и уже родилась дочь, он доверился ей, достал маску и вернул ее жене. И она сразу перестала болеть — просто ей было нужно, чтобы он вернул маску.

Когда Едиж ушел однажды из дому, жена надела голубиную маску, взяла дочь и улетела.

Едиж вернулся домой и не нашел жены; он понял, что произошло. Ему стало горько и обидно, и он пустился в путь.

Шел он шел и подошел к одной реке. В поисках брода он долго шел вдоль реки и завернул в небольшой аул. Пробыл там трое суток и отправился дальше. Шел он днем, шел ночью, устанет — ложится и спит, встанет — идет дальше.

Так пришел Едиж в другой аул. В том ауле в разгаре было пиршество. Пошел туда и Едиж, присел с краю стола, смотрит. Вдруг он увидел свою жену. Она была одета не так, как поло-

жено княжеской дочери, а как унаутка, и вела себя как унаутка — подавала пищу, подносила дрова. Едиж спросил мужчину, что сидел рядом с ним:

— Что это за пир и кто эта девушка-унаутка?

— Для девушки этот пир — не веселье. Она — дочь пши, но одета, как унаутка. И вот почему. Несколько лет назад она пропала. И все это время ее отец-пши горевал. Теперь она нашлась, и по этому поводу пши объявил праздник. Но он запретил ей надевать княжеские одежды, потому что она вернулась с ребенком, а где его отец,— она не знает. За то, что она опозорила своего отца, тот лишил ее княжеского сана и теперь она — унаутка [2].

— Тогда подойди к этой девушке и скажи, что среди гостей находится и Едиж.

Подошел тот человек к жене Едижа и сказал:

— Один гость послал меня к тебе. Он просил передать, что хочет видеть тебя — его зовут Едиж.

— Это мой муж,— радостно воскликнула женщина и побежала к отцу.

Пши, ее отец, велел позвать к нему Едижа и долго разговаривал с ним. Едиж рассказал ему все как было, и пши велел объявить:

— Приехал мой зять, муж моей дочери, теперь пусть наш пир продолжается в честь моего дорогого гостя и зятя Едижа.

Распорядитель сообщил все это собравшимся, и пир продолжался семь дней и семь ночей.

Теперь, по обычаю, Едиж должен был заплатить калым — выкуп за жену, а у него его не было.

Где взять калым? И вспомнил Едиж, что его дед часто говаривал: и лань возвращается на то место, где она родилась. И решил он отправиться домой.

Но как вернуться на землю? Думал Едиж думал и придумал, что отнести его на землю может тот же орел, который занес его на гору. Он дошел до сада, где увидел трех голубей, поел яблок и пошел дальше. Наконец он подошел к отвесной скале, где находилось гнездо орла.

Подкрался он к орлу, когда тот спал, и крепко вцепился в его спину. А когда утром орел взлетел и спустился вниз, Едиж спрыгнул и очутился на земле.

Ему было обидно, что никто не поверит, если он расскажет все, что приключилось с ним на горе. Собрал он золото и серебро, накрыл его, взял в карман несколько самородков и отпра-

вился в соседний аул. Там он купил несколько арб с лошадьми, вернулся к горе, нагрузил на них золото и серебро и вернулся в аул на ту страшную улицу, где повстречал старика. И старик узнал Едижа.

— Аллах пусть спасет меня, дочь моя, вернулся Едиж. Он убьет меня. Поэтому встреть его ласково, смири его гнев.

И отец отправил дочь встретить Едижа. Она вела себя так, как просил отец, чтобы тот поверил, будто она ничего не знает о том, что сделал ее отец Едижу. Едиж, как истинный мужчина, не дал ей понять, что он в обиде на ее отца.

Когда они подошли к дому, у ворот их встретил ее отец:

— О, кого я вижу, ты вернулся к нам на счастье!

— Я видеть тебя не хочу,— ответил ему Едиж.— Ты хотел разбогатеть и избавиться от меня, но тебе это не удалось. Только ради этой женщины я укротил свой гнев, не то жизнь твоя была бы в моих руках. Если хочешь жить, найдешь моего коня, не найдешь — убью, если даже у тебя семь душ.

— И конь твой здесь, мой дорогой зять, заходи в дом.

— Выведи коня! Я моложе тебя и не могу приказывать старшему [3], но, поскольку ты лгун, я позволю себе это. Выведи и оседлай коня. А ты,— обратился он к женщине,— если хочешь быть моей женой, одевайся быстро, я не видел своих родных семь лет, хочу к ним вернуться.

Жена быстро оделась, и они поехали в аул, где жил отец Едижа. Приехали они, когда в ауле шел пир. Это отец Едижа, потерявший надежду найти сына, справлял по нему тризну.

Когда отец увидел своего сына живым и невредимым, он радостно обнял его:

— Вчера ты был мальчиком, а сегодня настоящий мужчина,— сказал он.

Едиж привез три воза золота и три воза серебра. Тем, кто встретил его, он раздал воз золота и воз серебра.

Семь дней продолжался пир в честь возвращения домой Едижа.

Хабары о приключениях Едижа дошли и до царя. Велел он привести к нему славного джигита.

Пришел Едиж.

— Как ты убил орла? [4] — спросил царь.

— Вот как я убил его,— начал Едиж и рассказал царю все как было. Тогда царь сказал ему:

— Этот орел унес из моего царства много людей, сотни коней и прочего скота. Вот я и дал себе слово: тому, кто убьет это-

го орла, отдам табун лошадей. Возьми лучший из моих табунов — ты заслужил его своим мужеством, храбростью, умом.

Царь отдал Едижу табун лошадей и с почестями отправил его домой. По дороге Едиж раздал половину лошадей всем, кто хотел брать. Остальных он пригнал домой.

С той поры жил Едиж в своем ауле долго и счастливо.

11. Батыр, сын медведя

В одном ауле жили муж с женой. Дожили они до старости, а детей у них не было. И вдруг родился у них мальчик.

— Коли пришло нам счастье на старости лет, будем растить мальчика не в обычной колыбели — сделаем ее из бузины,— решили старики и отправились в лес. Они взяли с собой и ребенка. Оставили его на лесной поляне, а сами пошли в чащу.

В это время из лесу вышел медведь. Схватил он ребенка и скрылся в кустах [1]. Когда старик со старухой вернулись и не нашли своего сына, они горько заплакали.

— Несчастного собака кусает, даже если он сидит на верблюде,— сказала старуха,— так и у нас. Не смогли уберечь сына, которого ждали всю жизнь.

Поплакали они и вернулись домой.

А медведь стал растить младенца. Кормил он его только оленьим жиром да свежим медом. Мальчик рос день ото дня, и медведь назвал его Батыром.

Когда Батыр подрос, медведь вывел его из берлоги и подвел к большой чинаре.

— Вырви это дерево с корнем,— сказал он.

Батыр взялся за дерево, стал тянуть его, раскачивать в разные стороны, но вырвать не смог.

— Пойдем обратно в берлогу, ты еще не стал мужчиной!— сказал медведь и повел Батыра обратно в берлогу.

Стал он давать ему еще больше оленьего жиру и меду. Когда прошел год, медведь опять вывел мальчика из берлоги.

Снова подвел он его к большой чинаре и сказал:

— Вырви это дерево с корнем и посади верхушкой в землю.

Батыр взялся за дерево и вытащил его с корнем. Но посадить верхушкой в землю не смог.

— Ты еще не стал таким, как я хочу, пойдем обратно,— сказал медведь и отвел Батыра в берлогу.

Еще год кормил он своего воспитанника оленьим жиром и

свежим медом, а потом решил еще раз испытать его силу. Подвел он Батыра к вековой чинаре и сказал:

— Вырви это дерево с корнем и посади верхушкой в землю.

Одной рукой взялся Батыр за дерево, вытащил его из земли и посадил верхушкой в землю.

— Вот теперь ты стал настоящим мужчиной,— сказал медведь,— пойдем домой.

Он завел юношу в берлогу и достал какие-то лохмотья.

— Теперь послушай меня, Батыр,— сказал он.— Твои отец и мать живут в ближайшем ауле. Пойдешь прямо по этой тропинке и придешь в свой аул. Заходи в каждый дом и показывай эти лохмотья, тот, кто узнает их,— твой отец. Тогда ты скажи ему: «Я ваш сын, которого вы потеряли в лесу много лет назад».

Взял Батыр лохмотья и отправился в аул. Пошел он по улице и вдруг увидел аульский сход. Он подошел к мужчинам и показал им лохмотья. Они переходили из рук в руки и наконец попали к отцу Батыра. Он сразу узнал пеленки, в которые был завернут его сын, обнял юношу и повел его домой.

Стал Батыр жить в ауле. Вместе с отцом он работал в поле, и вскоре хабар о необыкновенной силе молодого джигита разнесся по всему аулу. Дошел этот хабар и до пши. А пши не любили, если кто-нибудь из простых джигитов превосходил их в мужестве или храбрости [2]. Задумал пши извести Батыра. Но он знал, что силой его не одолеть, и поэтому решил пойти на хитрость.

Аул, в котором жил Батыр, стоял на берегу реки. В этой реке поселился бля́го *, который преграждал своим телом течение реки, и аул оставался без воды до тех пор, пока жители не приводили ему на съедение девушку. Заполучив жертву, бляго давал немного воды, а потом снова запруживал реку. Вот и решил пши отправить Батыра к бляго.

Пошел Батыр к чудовищу. Когда он подошел близко к нему, дракон потянул воздух — но тут Батыр бросился в камыши, стал рубить их и связывать в связки. Потом принялся бросать их в разинутую пасть бляго до тех пор, пока тот не насытился. Только после этого Батыр подскочил к бляго, оседлал его и, держась за его уши, въехал на нем в аул. Бляго ревел на всю округу, из его ноздрей вылетал огонь — так что сгорела вся трава по обочинам дороги. Когда увидели это аульчане, повыскакивали они из своих дворов и бросились в ближайший лес.

Батыр на бляго влетел во двор пши и разъезжал по нему,

пока не разрушил все постройки. После этого он выехал со двора пши, убил бляго, а жителей аула привел обратно.

Еще больше возненавидел пши Батыра, стал думать, как бы избавиться от него. И задумал он послать джигита к семи людоедам-иныжам, которые жили на высоком кургане. Велел он Батыру вспахать землю вокруг кургана.

По приказу пши Батыру дали шесть тощих быков да старую соху и послали его пахать землю вокруг кургана.

Отощавшие быки не могли даже сдвинуть соху с места, и Батыр стал громко кричать на них. Услышали иныжи его крик. Прибежал первый иныж — схватил его Батыр, запряг в соху и крикнул на него еще громче. Следом прибежали другие иныжи — и каждого Батыр ловил и запрягал в соху. Без отдыха пахал он на иныжах весь день и всю ночь и к утру наконец закончил пахоту.

Утром пши послал к кургану своих людей — посмотреть, жив Батыр или съели его иныжи.

Издали увидели посланцы пши, что Батыр пашет на иныжах.

— Аллах, аллах, он запряг иныжей в соху, пашет на них, да еще покрикивает! — сказали они и бегом побежали в аул.

Как услышал это пши, возненавидел он Батыра еще больше и решил любой ценой избавиться от него.

Неподалеку от аула в лесу поселились два диких кабана. Они наводили ужас на жителей аула — никто не отваживался ехать в лес за дровами. Теперь пши решил послать Батыра в тот лес; он надеялся, что от кабанов храбрый джигит живым не уйдет. Он велел унаутам дать Батыру тупой топор, гнилую веревку, старую арбу, которая развалится при езде, и быков, которые разбегутся, как только их выпрягут.

Так и сделали, и поехал Батыр в лес. Едва он добрался до леса и распряг быков, как они убежали обратно в аул. Взял он топор — тот не рубит. Бросил его джигит и стал руками вырывать деревья вместе с корнями. Вырвал он несколько огромных чинар и стал складывать их в арбу — развалилась арба. Хотел он связать деревья, веревка порвалась на куски. Тогда сломал Батыр тонкие ветки, связал ими чинары, привязал их к арбе. Стал искать быков, не нашел. Что делать? Потащил он деревья на себе. В это время выскочил из лесу кабан. Схватил его Батыр, запряг в арбу, сел на дрова и поехал. Проехал немного, с ревом выбежал из лесу другой кабан.

— Вот и второй прибежал! — крикнул Батыр, поймал каба-

на, запряг его в арбу, сел на дрова и поехал в аул, прямо во двор пши.

Увидев, что Батыр снова возвращается невредимый, а страшные кабаны у него в упряжке, жители аула со страху залезли кто на плетень, кто на дерево, а кто даже на крышу своего дома.

— Ради тха, убери отсюда кабанов! — просили все Батыра.

— Разве кабаны страшнее вас — они не придумают того, что вы! — сказал Батыр.

Он выпряг кабанов, отпустил их в лес и сам пошел следом за ними.

Стал Батыр жить в лесу. Однажды во время охоты он встретил двух охотников. Они стали друзьями и поклялись все, что добудут, делить поровну между собой и никогда не изменять своей дружбе.

Отправились они как-то охотиться и встретили белого оленя необыкновенной красоты [3]. Пошли следом за ним. Кажется, совсем уже близко олень, но в тот миг, когда охотники приближаются к нему, он прыгает — и опять его не достать.

Добежал олень до какой-то скалы и скрылся в ее расщелине. Подошли сюда Батыр с товарищами, стали решать, кому войти в расщелину скалы. Те двое отказались. Пошел Батыр и увидел огромную яму.

— Поклянитесь, что не оставите меня без помощи, я спущусь в эту яму,— сказал Батыр. Охотники поклялись. Тут же сплели они сапетку из хвороста, сделали из оленьей шкуры ремень. Сел Батыр в сапетку *, и спутники опустили его в яму. В этой яме была узенькая тропинка — она вела в пещеру. Пошел Батыр по ней и наткнулся на дверь. Открыл он ее и вошел в большую комнату.

Перед ним сидели три девушки. Одна плакала, другая смеялась, а третья пела песню. Когда увидели они Батыра, бросились к нему.

— Зачем ты пришел сюда, джигит, ведь тебя ждет верная гибель! Ты попал во владения чудовища-иныжа, который убьет тебя и съест,— сказала плачущая девушка.

— Я не боюсь иныжа. Лучше скажите мне, отчего вы ведете себя так странно: одна — плачет, другая — смеется, а третья — поет песню?

— Я плачу потому,— сказала старшая девушка,— что сегодня иныж съест меня. Ее он съест завтра,— она показала на среднюю сестру,— потому она смеется — ведь она проживет еще

один день. А младшая наша сестра поет оттого, что ей суждено прожить еще два дня.

— А где теперь этот иныж?

— Здесь семь комнат, он спит в самой последней.

Батыр выхватил саблю и пошел по комнатам, открывая одну дверь за другой, и дошел до той комнаты, где спало чудовище. Взмахнул он саблей и отсек ему голову.

Обрадовались девушки.

— Аллах, аллах, как ты помог нам, ты спас нас!

Они тут же вынесли все золото и серебро, что было у иныжа, и стали складывать его в сапетку. Наполнив сапетку, они дергали за веревку, и охотники вытаскивали сапетку. После того как все богатства были подняты, в сапетку села старшая девушка, за ней средняя. Когда спустили сапетку за младшей, она сказала:

— Теперь садись ты, они могут оставить тебя здесь!

— Нет,— сказал Батыр,— ты женщина, я не могу подняться наверх раньше тебя.

— Лучше бы ты послушал меня,— сказала девушка.— Но если твои друзья бросят тебя в этой яме, запомни, что надо сделать. К той комнате, где спал иныж, пристроена овчарня. В ней три барана — серый, белый и черный. Если пойдешь в овчарню и бросишься на белого барана, он забросит тебя на семь ярусов вверх, и ты очутишься в наземном мире. Если же ты бросишься на черного барана, он забросит тебя на семь ярусов вниз, в подземный мир.

Сказав так, девушка села в сапетку, и охотники подняли ее наверх.

— Много еще там золота? — спросили они.

— Очень много,— ответила девушка.

Тогда они опустили сапетку в яму. Сел в нее Батыр, и стали они поднимать его. Но когда они увидели Батыра, отрезали ремни, и сапетка упала обратно в яму.

Понял Батыр, что его друзья нарушили клятву. Что было делать? Но тут вспомнил он слова, сказанные младшей из девушек, и пошел в овчарню. Когда он вошел туда, бараны стали бегать так быстро, что у него зарябило в глазах. Хотел Батыр броситься на белого барана, но в этот миг к нему подбежал черный, и Батыр упал на него. Подбросил тот джигита, и полетел он на семь ярусов вниз, в подземный мир.

Так очутился Батыр в другом мире [4]. Стал он осматриваться и увидел неподалеку гору. Поднялся на нее и увидел высокое

дерево. На его вершине было огромное гнездо. В нем сидели трое орлят и пронзительно шипели, словно просили помочь им.

«Что за диво!» — подумал Батыр. Вдруг он увидел, что по дереву ползет огромный удав — вот-вот он уже в орлином гнезде.

Выхватил Батыр саблю и разрубил удава на несколько частей.

Тут заговорил один из орлят человеческим языком:

— Аллах, аллах, какое великое дело ты сделал. Когда вернется наша мать, она отблагодарит тебя!

Не успел он произнести эти слова, как небо закрыла огромная туча, стало темно и поднялся ураган.

— Не пугайся, человек,— сказал тот же орленок,— это летит наша мать, полезай скорее в гнездо. Мы спрячем тебя под нашими крыльями, иначе она растерзает тебя.

Сел Батыр в гнездо, и орлята закрыли его.

Скоро на дерево опустилась огромная орлица.

— Фи, фи, чую человеческий запах,— сказала она.

— Посмотри, мать, вниз! — сказали орлята.

Взглянула орлица вниз и увидела изрубленного удава. Спустилась она с дерева и съела его.

— Для того, кто спас моих детей, я сделаю все! — сказала орлица.

Тут вышел Батыр из гнезда:

— Это я сделал!

— Тогда подойди поближе! — сказала орлица.— Ты спас моих детей — ведь этот удав каждый год съедал моих орлят, и я оставалась без потомства. Теперь ты убил его, и я хочу отблагодарить тебя. Скажи, как ты попал сюда и что тебе нужно?

Батыр рассказал орлице обо всем, что случилось с ним, и попросил:

— Если можешь, отнеси меня в наземный мир! Ничего другого мне не нужно.

— Очень давно, когда я была молодой, вместе с матерью летала в наземный мир,— сказала орлица.— Но чтобы вынести туда тебя, мне нужно мясо и шкуры семи буйволов. Из шкур надо сшить бурдюки и наполнить их водой.

Задумался Батыр.

— Где мне взять в чужом краю семь буйволов? — сказал он.

— Я отнесу тебя в ближайший аул, а ты как-нибудь заработай там семь буйволов — это будет мне пища на дорогу.

Согласился Батыр. Орлица посадила его на спину и полетела. Опустилась она за околицей аула.

— Когда приготовишь провизию на дорогу, сложи ее в этом месте и дай мне знать об этом,— сказала орлица и улетела.

Вошел Батыр в аул, видит — навстречу ему едет арба. Старичок, сидевший за кучера, громко пел песню, а красавица-девушка рыдала.

Остановил Батыр арбу.

— Что за чудо, тхамада *? Почему ты громко поешь, а девушка рыдает?

— Славный джигит, я пою потому, что везу эту красавицу в жертву бляго, который запрудил своим телом нашу реку. Как только я отдам ему девушку, он даст нам воды. Мы напоим скот, напьемся сами и останемся в живых — сейчас мы уже погибаем от жажды. Я радуюсь этому и пою. А девушка знает, что обречена на гибель, вот и плачет. Всех девушек нашего аула уже съел жестокий бляго. Сегодня везу ханскую дочь,— а что будем делать потом и не знаю.

— Возьми меня с собой! — сказал Батыр.

— Что, тебя тоже мучит жажда? Садись,— сказал старичок.

Поехали они дальше втроем. Старичок по-прежнему громко пел, а девушка плакала.

Когда подъехали совсем близко к реке, Батыр велел старичку остановиться и ждать его. А сам подоткнул полы своей черкески, выхватил меч и направился к чудовищу. Когда он был совсем близко, рванулся бляго и ринулся на него, словно гроза. Но Батыр взмахнул мечом и отсек ему челюсть; взмахнул второй раз — снес голову. Потом изрубил бляго на части, отрезал уши и бросил их в арбу.

— Езжай, тхамада, обратно,— сказал он старичку. А сам пошел в аул другой дорогой.

А старичок гордо уселся на арбе, словно он убил бляго, и въехал в аул, прямо во двор к хану.

В это время жители аула увидели, что в реке потекла вода, смешанная с черной кровью бляго.

— Аллах, аллах, что случилось? — Бросились все к старичку.

— А вы разве не видите,— с гордостью сказал он,— я убил бляго, освободил реку и привез обратно ханскую дочь.

— Отдаю свою дочь в жены храбрецу, который спас ей жизнь и жизнь всего аула! — сказал хан.

Когда услышала это ханская дочь, она сказала:

— Пусть этот храбрец снимет с арбы уши бляго! Сможет он это сделать — значит, и вправду убил чудовище!

Подвели старичка к арбе, да не смог он даже сдвинуть с места уши бляго.

— Воллаги *, кто не может снять с арбы уши бляго, тот и не мог положить их туда! — стали говорить аульчане.

Прогнали они обманщика-старичка прочь.

— Кто же убил бляго? — стали спрашивать ханскую дочку.

— Его убил человек не из нашего края. Я видела, он пошел в аул другой дорогой,— сказала она.

— Айда, марджа, быстрее найдите этого джигита и приведите его ко мне,— приказал хан.

А Батыр тем временем стоял неподалеку, разговаривал со стариками — он решил наняться пасти аульное стадо, чтобы заработать буйволов.

Увидели его посланцы хана и повели к нему.

— Попробуй, джигит, снять с арбы уши бляго! — сказал хан.

Батыр даже не стал касаться их руками — поддел кончиком сабли и сбросил с арбы.

— Вот кто убил чудовище! — закричали в один голос аульчане.

— Проси, джигит, что хочешь,— сказал хан,— за то, что ты спас жизнь моей дочери и избавил нашу реку от бляго, ты достоин любой награды!

— Мне нужны семь буйволов,— отвечал Батыр.

— Разве это много! — сказали жители аула и мгновенно пригнали ему семь буйволов.

Они приглашали его погостить у них, отдохнуть, но Батыр отказался.

Он погнал буйволов к месту, указанному орлицей, зарезал их, снял с них шкуры и сделал огромные бурдюки. В одну кучу Батыр сложил мясо, в другую — бурдюки, наполненные водой.

Когда все было готово, Батыр известил об этом орлицу. Тут же она прилетела и опустилась у околицы аула. Батыр положил на одно ее крыло мясо, на другое — бурдюки с водой, а сам сел ей на спину. Прежде чем взлететь, орлица сказала:

— Теперь держись за меня покрепче, чтобы тебя не снесло ветром. Если я скажу «кау», брось мне в клюв мясо, если скажу «кап», влей мне в рот воды. И она поднялась в воздух.

Летит орлица. Скажет она «кау» — Батыр бросает ей мясо, скажет «кап» — вливает воды. Так летели они семь дней и но-

чей — стали иссякать их запасы. Воды осталось совсем немного, а мясо кончилось.

Когда в последний раз сказала орлица «кау», Батыр отрезал саблей кусок от своей ноги и бросил ей в рот.

В это время они достигли наземного мира, и орлица опустилась на землю. Когда она сказала «слезай!», Батыр сошел на землю, но не мог стоять на ногах — присел.

— Ты почему сел? — спросила орлица.

— Затекли ноги от долгого сидения,— ответил Батыр.

— Это неправда! — сказала орлица. Пришлось Батыру признаться, что он отрезал кусок мяса от ноги и бросил ей.

— Я догадалась по вкусу, что это не буйволиное мясо,— сказала орлица.— Ну-ка, покажи ногу!

Показал Батыр ногу. Орлица плюнула на рану, и ее словно не бывало.

— Теперь я с тобой в расчете,— сказала орлица.— Ты в своем краю, желаю тебе удачи!

И она поднялась в воздух.

А Батыр отправился на поиски друзей, которые предали его. Много аулов прошел он и наконец в одном нашел их. Они построили себе прекрасные дома и жили за высокими заборами. Один из них женился на старшей девушке, другой — на средней, а младшую девушку, которая предупредила Батыра об опасности, сделали унауткой.

Батыр убил и предавших его друзей и их жен, а на младшей девушке женился.

12. Сказка о Долетмизе

Как сказывают и пересказывают, жил в одном ауле пши. Был он старый и давно уже не отлучался далеко от дома. Однажды решил он поехать посмотреть свои стада. Оседлал коня, сел и выехал со двора. Только подъехать близко к своим стадам он не мог — они были окружены свернувшимся вокруг них в кольцо бляго.

Пши повернул коня, но тут бляго преградил ему путь.

— Отдашь мне одного из твоих сыновей,— сказал он пши,— и увидишь радость от своего богатства. Коли не отдашь сына — погублю тебя.

— Отпусти меня — получишь одного из сыновей,— сказал пши.

Вернулся он домой и позвал к себе старшего сына.

— Ездил я взглянуть на наш скот,— сказал он,— но когда приехал, оказалось, что бляго свернулся кольцом вокруг наших стад. Он потребовал отдать ему одного из сыновей — с этим условием и отпустил меня.

— Аллах, аллах, отец, как ты мог согласиться, ведь богатство подобно росе! Будем живы — наживем богатство, а к чудовищу я не пойду,— произнес старший сын.

— Если тебе больше нечего сказать, пойди позови среднего брата,— приказал отец.

Среднему сыну он сказал то же, что и старшему. А тот, словно слышал ответ старшего,— ответил его же словами.

Тогда пши позвал младшего сына — Долетмиза — и рассказал ему о встрече с бляго.

— Отец, я отправлюсь к бляго! — сказал Долетмиз, вскочил на своего альпа * и скрылся из глаз.

Быстро он достиг мест, где паслись стада их отца, но чудовища уже не было. Только глубокий след остался на земле.

Подумал джигит: «Если вернусь ни с чем — позор мне! Узнаю, что случилось с этим бляго. Если возвращусь к людям с правдивым хабаром, мне не придется краснеть».

И он поехал по следу бляго. Подъехал к берегу незнакомой реки, спешился и спустился к реке. Здесь он увидел нагучицу с закинутыми назад грудями и с веретеном в руках. Подкрался он к старухе и приложился к ее груди.

— Ты моя мать, ты мой отец на том и на этом свете,— сказал он.

— Пусть бог выколет те глаза, что не увидели тебя, злосчастный юноша, откуда ты взялся? — стала проклинать юношу нагучица.

— Нан *, я иду по следу бляго. Когда наш отец приехал к своим стадам, оказалось, что они окружены свернувшимся вокруг них в кольцо бляго. Он потребовал от отца одного из сыновей, а за это обещал сохранить ему жизнь и богатство. Я выехал в путь, чтобы победить бляго, благослови меня, нан,— сказал юноша.

— Тогда слушай, мой мальчик! Здесь погибли многие славные богатыри. Но я помогу тебе. Тот, кого ты ищешь, сейчас переправился через реку. Когда ты перейдешь реку, встретишься с большими черными змеями. Тут же брось им свою бурку. Пока они будут переползать через нее, ты пойдешь дальше. После этого встретишь еще более страшное — голубых змей.

Брось им сумку от твоего седла. Пока они, вцепившись, будут ее переползать, ты пройдешь мимо них и очутишься в степи, где тебе ничто не будет угрожать. Тут ты увидишь большой дом из белого камня, обнесенный изгородью из колючего кустарника. Когда войдешь во двор, увидишь большую коновязь. Привяжи к ней коня, а сам входи в дом.

К тебе подойдет старик лет семидесяти с кумганом *, тазом и полотенцем. Он даст тебе умыться, а потом принесет анэ с едой.

Когда он принесет анэ с едой, ты не вставай и, как положено по обычаю, не говори: «Ты старик, я не буду есть, пока ты стоишь; и ты садись!» [1]. Сядь и отведай угощения. Когда в следующий раз старик придет с кумганом и тазом, ты не говори: «Я молодой, а ты старый, ты не можешь прислуживать мне». Прими его приход как должное.

Вечером, когда бысым * оставит тебя одного и уйдет к себе, загляни в соседнюю комнату через занавеску. В ней ты увидишь двух бляго. Как только увидишь их, пройди по крыльцу и зайди в эту комнату через дверь. Пока будешь обходить по крыльцу, те двое сбросят шкуры бляго и превратятся в красавиц. Эти девушки помогут тебе,— закончила нагучица.

Отправился юноша и сделал все так, как советовала нагучица.

Когда он вошел к девушкам, одна из красавиц сказала:

— Аллах, аллах, ты осчастливил нас своим прибытием! Мы знали, что ты приедешь. Мы звали всех княжеских сыновей, но никто из них не смог добраться сюда. Теперь, когда наш отец оказал тебе почести, он благословил твою женитьбу на нас. С этой минуты мы — твои жены. Теперь послушай, что мы скажем: утром вы с отцом сядете на коней и поедете в степь. Там он покажет тебе бесконечные стада коней, отары овец, табуны лошадей и обратится к тебе с такими словами: «Наш сын, ты приехал из далекой страны, и, по обычаю, я должен щедро одарить тебя!» Но ты ничего не бери.

«Я приехал в эти края не за богатством, а для того, чтобы больше увидеть и услышать, а потом рассказать своим друзьям о вашем крае. И у нас богатства в достатке»,— скажешь ему.

Но и после этого он будет долго уговаривать тебя принять подарки, но ты ни в коем случае не соблазняйся. Когда же отец будет продолжать настаивать и нельзя будет отказаться, попроси его: «Дай мне старого чалого коня, на котором ты выез-

жал в молодости в наезды, и старую сумку с инструментами, которую ты брал с собой»,— сказали девушки.

Утром старик выехал вместе с юношей в поле и показал ему бесчисленное множество коров, овец, лошадей.

— Скажи, сколько хочешь взять скота? — спросил он.

— Ничего не хочу. Я не ищу богатства и приехал не для пиршеств и развлечений [2]. Я приехал, наш дада *, чтобы больше увидеть и услышать, а потом рассказать своим друзьям о вашем крае. Больше мне ничего не нужно,— отвечал джигит старику.

— Мой сын, ты наш гость, если я не одарю тебя — позор мне, а если ты поедешь с подарками — люди будут хвалить и тебя и меня. Не позорь нас перед людьми! — сказал старик.

— Тогда, наш дада, отдай мне твоего чалого коня и старую кожаную сумку, что ты брал с собой в наезды. Ничего другого я у тебя не возьму,— сказал юноша.

— Сын мой, ты сам никогда не узнал бы об этом, пусть это пойдет на благо тем, кто тебя научил, давай вернемся,— сказал старик.

Вернулись они в дом старика, переночевали, а утром девушки набросили на себя шкуры бляго [3]. Юноша сел на коня и выехал вместе с ними.

Быстро и без препятствий одолел Долетмиз обратный путь. Ехал он днем и ночью и скоро приехал к своему аулу.

Остановились они у околицы.

— Расседлай коня и ложись отдыхать,— сказали девушки. Они приготовили постель и уложили его. А сами достали кожаную сумку с инструментами. К утру они построили красивые дома. Когда все было готово, они разбудили мужа, а сами ушли в дом.

Утром, когда аульчане погнали скот в стадо, они увидели новые дома.

— Вчера вечером на околице не было домов. Откуда появились они за ночь? — стали спрашивать аульчане друг друга.

Хабар о новых домах дошел до пши. Он сказал:

— Тому, кто пойдет и узнает, откуда появились эти дома, дам кисет золота.

Разве бывает, чтобы среди людей не нашелся охотник узнать! Таким оказался бедный Куйжий:

— Я пойду,— сказал он.— У меня много детей, если я и погибну, моим детям останется хоть кисет золота.

Пришел Куйжий и узнал, что эти дома принадлежат млад-

шему сыну пши. Долетмиз узнал Куйжия. Он обнял его и сказал:

— Аллах, аллах, Куйжий. Даю тебе кисет золота — ведь ты пришел ко мне первым из аульчан. Твой дом рядом с моим, будем соседями.— И Долетмиз подарил Куйжию один из своих домов [4].

Вернулся Куйжий, забрал жену с детьми, взвалил на плечи свой небогатый скарб и переселился в новый дом.

После Куйжия еще несколько человек побывали у Долетмиза. И они тоже забрали свое имущество и поселились рядом с ним. Увидели это старшие братья и пошли к отцу.

— Что происходит, наш отец?! Ты обманул нас, ведь ты говорил, что бляго требовал сына к себе на съедение, а младший брат вернулся с богатством и красавицами женами!

Поссорились сыновья с отцом и задумали убить его, уже схватились за палки. Тут вступились посредники — они развели братьев в стороны и приказали им три дня и три ночи не беспокоить отца. Тем временем пши отправился к усарежу. Он задумал погубить младшего сына и таким образом смирить старших сыновей.

— Я помогу тебе, — сказал усареж, выслушав рассказ пши.— Пришли Долетмиза ко мне, я задам ему такую задачу, какую он не сможет выполнить и погибнет.

Пошел Долетмиз к усарежу.

— Ты славный джигит! — сказал усареж Долетмизу.— Я был у твоего деда в его предсмертный час; он был моим другом, доверял мне и перед смертью завещал мне передать его потомкам, что оставляет сто пестрых и восемьсот белохвостых коней; их сторож — жеребец джинджиф *. «После моей смерти,— сказал дед,— они покинут наш край и уйдут в страну Итам-Итыку [5]. Там они будут до тех пор, пока в нашем роду не появится храбрец, который вернет этот табун обратно». Тебе суждено выполнить завещание деда.

— Я подумаю, как лучше это сделать,— сказал джигит и отправился домой.

Его жены ожидали его на дороге.

— Что сказал тебе усареж, зачем он звал тебя? — спросили они.

— Он сказал, что был другом моего деда. Умирая, мой дед сказал ему: «Я оставляю большое богатство — сто пестрых и восемьсот белохвостых коней со сторожем — жеребцом джинджиф. После моей смерти они покинут наш край и уйдут в

страну Итам-Итыку. Там они будут до тех пор, пока в нашем роду не появится храбрец, который вернет этот табун обратно». Мне суждено выполнить завещание деда.

— Это нетрудное дело! — облегченно вздохнули жены.— Пойдем посоветуемся с чалым конем, и он скажет нам, как лучше вернуть табун.

Долетмиз с женщинами вернулся домой и сразу пошел в конюшню к чалому коню. Поведал ему все, что сказал усареж.

— Это нетрудное дело! — сказал конь.— Если табун находится за морем, вернем его обратно. А сейчас иди в дом, ешь, пей, спи спокойно.

Утром Долетмиз взял с собой провизии впрок и отправился в путь. Когда они достигли морского берега, конь сказал:

— Держись за меня покрепче! — И прыгнул в море. Переплыв море и выйдя из воды, чалый сказал Долетмизу:

— Нам не вернуть табун силой, поэтому приходится идти на хитрость. Обмажь меня варом и обсыпь песком, чтобы другому коню было противно меня кусать. После этого ты спрячься в песке, а я побегу к тебе. Жеребец джинджиф не выносит, чтобы перед ним что-то двигалось. Когда я побегу, джинджиф с криком бросится на меня и станет кусать, но моя шкура, обмазанная песком и варом, быстро опротивеет ему. Тут я схвачу его зубами за колено, и он присядет. В тот же миг ты должен вскочить на него и изо всех сил бить его по голове кнутом. Джинджиф покорится тебе и скажет: «Уашхо мой кан * — небо свидетель, что я выполню все, что ты скажешь». После этих слов он исполнит любое твое желание. Вот тогда-то ты и прикажешь ему пригнать сто пестрых и восемьсот белохвостых коней,— сказал чалый конь.

Долетмиз сделал все так, как велел ему чалый, и джинджиф пригнал ему табун. Юноша вернулся с этим табуном домой.

Как увидели аульчане чудесных коней, тут же донесли об этом пши. Узнали об этом и сыновья пши и сказали:

— Неудивительно, что он вернул табун. Теперь пусть совершит поступок еще удивительнее, иначе мы убьем своего отца за то, что он обманул нас!

И на этот раз вмешались посредники, и пши снова отправился к усарежу.

— Что мне делать, сыновья не оставили намерения убить меня,— сказал он усарежу.

— Не убьют, возвращайся домой, я погублю Долетмиза, — сказал усареж и послал за джигитом. Пришел к нему Долетмиз.

— Мой сын, ты молодец, что пригнал коней своего деда! Теперь я скажу тебе вот что. Твой дед обычно ездил в дальние края за рисом и шелком. Однажды, когда он возвращался домой, поднялась буря и корабль со всем грузом и золотой палкой деда пошел ко дну. Морские животные спрятали золотую палку. Хорошо, если бы ты нашел ее и принес обратно,— сказал усареж.

— Я подумаю, как лучше это сделать,— сказал джигит и отправился домой.

Жены уже ожидали его на дороге.

— Что сказал тебе усареж, зачем он звал тебя? — спросили они.

— Он сказал, что я должен добыть с морского дна золотую палку моего деда, которая утонула вместе с его кораблем.

— Это нетрудное дело! — и на этот раз облегченно вздохнули женщины.— Пойдем посоветуемся с чалым конем, и он скажет, как лучше добыть золотую палку.

Долетмиз вернулся домой и сразу же пошел в конюшню к чалому коню. Рассказал он ему все, что сказал усареж.

— Это нетрудное дело,— сказал конь.— Я знаю, в каком месте на морском дне лежит эта палка. Мы достанем ее. А сейчас иди в дом, ешь, пей, спокойно спи.

Утром Долетмиз захватил провизии впрок и отправился в путь. Прибыли они к морю и опустились на дно морское — во владения морского царя. Чалый конь рассказал ему, зачем им нужна золотая палка, и морской царь отдал ее.

Когда Долетмиз вернулся, женщины сказали ему:

— Отнеси и отдай эту палку тому, кто не дает нам спокойно жить, а сам поскорее возвращайся домой.

Долетмиз, не заходя домой, отнес золотую палку и бросил ее во двор отца. Палка разлетелась на множество кусков, и все, кто был во дворе, стали набивать себе карманы золотом. Старшие сыновья пши увидели это и пришли в ярость.

Они снова бросились на отца и едва не убили его, но жители аула опять остановили их. Сыновья дали отцу два дня сроку, и он снова отправился к усарежу.

— Дважды сыновья сохранили мне жизнь, но в третий раз они непременно убьют меня!

— Воротись назад, я еще раз велю привести твоего младшего сына и дам ему еще одну задачу,— сказал усареж.

Когда в третий раз привели к нему Долетмиза, он сказал:

— Аферем! Сын мой, самый достойный из достойных му-

жей, ты выполнил два завета своего деда, осталось выполнить еще один. У твоего деда была золотая ванна и золотой кумган, которые он очень ценил и никому не доверял их, а забрал с собой на тот свет. «Если после меня в нашем роду появится настоящий мужчина, он придет и найдет их» — так говорил твой дед. Это не труднее того, что ты выполнял до сих пор, выполни и это, и тогда мы будем считать тебя мужчиной из всех мужчин, мой мальчик,— сказал усареж.

— Если смогу, выполню,— сказал юноша и вернулся домой.

Женщины встретили его словами:

— Нам не нравится, что ты все время ходишь к усарежу! Что придумал он на этот раз?

— Скажу хабар: мой дед унес с собой на тот свет золотую ванну и золотой кумган. Я должен принести их обратно — усареж считает, что пришло время это сделать.

— Это нетрудное дело! — и на этот раз облегченно вздохнули женщины.— Пойдем посоветуемся с чалым конем, и он скажет нам, как добыть золотую ванну и золотой кумган.

Долетмиз с женщинами вернулся домой и сразу пошел в конюшню к чалому коню. Рассказал он ему все, что сказал усареж.

— Это нетрудное дело,— сказал конь.— Я знаю дорогу на тот свет, и мы поедем туда утром. Не горюйте, отправляйтесь домой, ешьте, пейте, отдыхайте.

Утром, чуть раньше, чем в прошлый раз, Долетмиз сел на коня и выехал в путь. Подъехал он к холму. Конь остановился, холм разошелся, и конь вошел в него. Пройдя немного, конь снова остановился и сказал:

— Спешивайся и иди вперед. Когда зайдешь к своему деду, он будет совершать намаз*. Ты должен быстро сказать ему салям*. Если дед тут же не ответит тебе на приветствие, мы погибнем,— сказал чалый конь.— Пока дед нам не ответит, будем спускаться под землю. Когда же он наконец ответит на приветствие, мы снова вернемся в этот мир.

Войдя к деду, юноша застал его за молитвой и поздоровался с ним. Дед ответил ему на приветствие и потом сказал:

— Сын мой, ты пришел за этой золотой ванной и золотым кумганом. Я знал, что ты не мог спокойно сидеть дома; раз приехал, то получишь их. На обратном пути ты встретишься с теми, кто не дает тебе покоя — с отцом и старшими братьями. Но если я не скажу, ты их не узнаешь: твой отец превратился в свинью, а братья — в волков. Ты увидишь, как волки гонятся

за свиньей, но не могут догнать. Свинья — это твой отец, а волки — старшие братья. Когда их минуешь, встретишь каменное надгробие, где будут играть дети. Это усареж, к которому твой отец ходил за советом. В семье у тебя все хорошо, счастливого тебе пути, сын мой! — сказал дед и отдал юноше то, за чем он пришел.

На обратном пути Долетмиз увидел, как и говорил ему дед, отца, превратившегося в свинью, и братьев, ставших волками,— они бежали к лесу. Он прошел мимо и увидел каменное надгробие, где играли дети. Он прошел мимо, не сказав ни слова.

Миновав все это, юноша вместе с чалым конем возвратился к своим женам.

Счастливые и здоровые, они стали жить и наживать добро.

13. Курджимуко Лаурсен

Все было у Курджимуко Лаурсена: отец и мать, хорошая семья, достаток.

Во дворе у него стоял большой стог сена, приготовленный на зиму для скота. Однажды, когда хозяина не было дома, стог загорелся.

В это время Курджимуко Лаурсен возвращался домой. Увидел он, что горит сено, взял длинную хворостину и подошел к стогу. Стог горел снизу, а на верху его шипела змея.

— Оказавшемуся в беде не дают сгореть,— сказал Курджимуко Лаурсен и протянул змее хворостину. Та мгновенно проползла по хворостине и обвила шею спасителя.

Хотел Курджимуко Лаурсен снять змею — не смог; попробовали самые сильные джигиты аула — тоже не смогли. Решили так и оставить змею — побоялись, что, если станут снимать ее силой, она задушит своего спасителя.

Но змея не причиняла ему никаких хлопот. Постепенно все привыкли к тому, что Курджимуко Лаурсен ходит с змеей на шее, и перестали говорить об этом.

Однажды приснилось Курджимуко Лаурсену, будто пришел к нему какой-то мужчина и сказал: «Если хочешь, чтобы змея оставила тебя, ты должен пройти путь, который сможешь одолеть за семь месяцев. Приготовь достаточно запасов и отправляйся в дорогу. Первые три месяца будешь идти по лесу, следующие два месяца — под землей, шестой месяц — по песку и камням. На седьмой месяц пересечешь поле, усыпанное гусиными яйцами, и здесь змея оставит тебя».

Встал Курджимуко Лаурсен утром и сказал отцу и матери:

— Мне тяжело жить, потому что мой вид заставляет страдать ваши сердца. Сегодня приснился мне сон — если он исполнится, может быть, я избавлюсь от змеи.

— Пусть будет к добру твой сон,— сказала мать.— Скажи, сынок, что же тебе приснилось?

— Мне сказали во сне, что змея оставит меня, если я пройду путь, который одолею за семь месяцев. Вот я и решил отправиться в дорогу. Приготовь мне, мать, дорожной провизии, чтоб хватило ее до конца пути! — ответил Курджимуко Лаурсен.

— Вряд ли змея покинет тебя оттого, что ты пройдешь такой путь! Мало ли что приснится во сне — не губи себя и никуда не ходи! — стала просить его мать.

Но сын настаивал на своем, и мать приготовила дорожную провизию, чтобы хватило ему на семь месяцев. Навьючили ее на семь ослов, и Курджимуко Лаурсен отправился в путь.

Первые три месяца он шел по горам и долам, следующие два месяца — под землей, шестой месяц — по песку и камням. Седьмой месяц он шел по полю, усыпанному гусиными яйцами.

К тому времени дорожные припасы у него кончились, он был голоден и утомлен дорогой. Увидев большое дерево, он лег под ним и крепко уснул. Проснулся он оттого, что кто-то позвал его:

— Вставай, Курджимуко Лаурсен!

Тут Лаурсен почувствовал необычайную легкость — змеи на его плечах не было, а перед ним стояли три девушки. В руках они держали разные кушанья.

— Отведай нашего угощения,— сказали девушки и поставили перед ним еду.

Поел Курджимуко Лаурсен, огляделся — не увидел своего коня.

— Где мой конь? — спросил он.

— Отдыхай спокойно, твой конь не пропадет,— сказали девушки.

Вскоре Курджимуко Лаурсен уснул, а когда проснулся, рядом не было ни девушек, ни коня.

Забрался он на дерево, под которым спал, огляделся.

— Где же мой конь? — снова сказал он.

Вдруг он увидел, что на его коне едет какая-то старуха. «Э-э-э, пусть аллах пошлет ей несчастье, откуда у этой ста-

рухи мой конь и зачем он ей?» — подумал Курджимуко Лаурсен.

В это время старуха подъехала к дереву и сошла с коня.

— Добро пожаловать, Курджимуко Лаурсен, будь нашим гостем! — сказала она и пошла обратно.

Лаурсен сел на своего коня и поехал за старухой.

Гостил он у старухи три дня и три ночи. На четвертый день она сказала:

— Теперь тебе надо искупаться в семи водах.

Искупался джигит в семи водах, и старуха спросила его:

— Как теперь у тебя на душе?

— Мне кажется, я могу сделать больше, чем десять таких джигитов, как я! — ответил Лаурсен.

— Тогда надевай эту рубашку. — И старуха протянула ему новенькую рубашку.

— Как теперь у тебя на душе? — спросила она, когда Лаурсен надел рубашку.

— Мне кажется, не найдется в мире человека, которого я не смог бы победить!

— Тогда помоги мне одолеть моих врагов — семерых жестоких братьев — иныжей. Они живут недалеко отсюда. У них каждую ночь выпадает снег из камней и покрывает землю до половины человеческого роста. Каждое утро они заставляют меня убирать этот снег, а ночью он выпадает снова. Я долго искала человека, который смог бы одолеть этих иныжей. Однажды во сне кто-то сказал мне: «Если бы ты пошла к Курджимуко Лаурсену, он победил бы этих иныжей». После этого я обратилась в змею и привела тебя сюда.

Утром Курджимуко Лаурсен взял деревянную лопату, какой чистят снег, и вышел со двора.

Он шел и разгребал снежные камни, шел и ловил иныжей. Так он убил семерых иныжей. После этого пошел в конюшню и стал бить коней кулаком по хребту. Шестерым коням он перебил хребты, и они упали замертво, а седьмой даже не пошатнулся от его удара.

— Этот конь мне подойдет,— сказал джигит и пошел обратно к старухе.

— Какие хабары, сын мой? — спросила она.

— Я убил всех иныжей, успокоил твое сердце.

— Благодарю тебя. Ты сделал большое дело, но я хочу просить тебя еще вот о чем. Остался еще один мой враг. Сам он с вершок, борода его — семь вершков, ездит он верхом на петухе,

а вместо плетей у него шипящие серые змеи. Он похитил мою старшую дочь, и только ты можешь вернуть ее,— сказала старуха.

— Скажи, где твой враг, и я привезу твою дочь!

— Невозможно человеку отыскать место, где живет Сам-с-вершок. Сегодня ночью он должен приехать сюда — хорошо бы поймать его.

Лаурсен сел в засаде, стал ждать его приезда. Когда наступила полночь, прибыл Сам-с-вершок. Борода его была семи вершков, сидел он верхом на петухе, а вместо плетей у него были шипящие серые змеи. Схватил он среднюю дочь старухи и поскакал обратно.

Погнался за ним Курджимуко Лаурсен. Долго скакал, но не смог догнать — Сам-с-вершок подъехал к кургану и скрылся в нем.

Лаурсен не мог пройти туда, куда пошел Сам-с-вершок. Он вернулся к старухе, взял у нее деревянную лопату для снега и поскакал обратно к кургану. Расчистил он лазейку, через которую прошел Сам-с-вершок, проник в курган и схватил похитителя. Отнял он у него и петуха, и волшебную плеть из серых шипящих змей, и среднюю дочь старухи.

— А где старшая дочь старухи? — спросил он.

— Я ничего не знаю о ней,— ответил Сам-с-вершок.

— Лучше не говори так, поскорее приведи ее ко мне, не заставляй убивать тебя! — сказал тогда Курджимуко Лаурсен.

— Ну что ж, раз ты требуешь, я привезу ее, хотя я и не увозил ее. Отдай мне петуха и плети, и я верну тебе девушку,— пообещал Сам-с-вершок.

Только отдал ему Лаурсен петуха и плети, как захохотал Сам-с-вершок:

— Курджимуко Лаурсен, я обманывал не таких, как ты,— сказал он.— Теперь, когда у меня есть и петух и плеть, ты мне не страшен.

И он поскакал во весь дух.

Погнался за ним Курджимуко Лаурсен, настиг его у входа в подземелье и убил. После этого он вошел в курган, вывел оттуда девушку, вынес все богатства, что награбил Сам-с-вершок у людей.

Вернулся он к старухе, привез ей дочерей.

— Я покончил и с этим твоим врагом. Если у тебя есть еще враги, говори,— сказал юноша.

— Больше у меня нет врагов,— произнесла старуха.— Ты

одолел жестоких иныжей и злого старика, и все, кто страдал от них, вздохнут свободно. Теперь все мы будем жить спокойно. Если хочешь, возьми в жены одну из моих дочерей.

Женился Лаурсен на средней дочери старухи.

Прошло время. У Курджимуко Лаурсена родились сын и дочь. Однажды решил он осмотреть края, где поселился. Ехал он ехал и приехал к берегу моря.

Перед ним была изгородь из колючего кустарника, а за ней — кунацкая *. Заехал он во двор, крикнул: «Жиу!»

Вышла из дома женщина.

— Заходи к нам, будь гостем,— сказала она.

— А где твой хозяин? — спросил Курджимуко Лаурсен.

— Он в отъезде, но дом-то его стоит на месте, заходи, будешь гостем,— ответила женщина [1].

Не знал Курджимуко Лаурсен, что муж той женщины был иныж и что задумал он одолеть гостя хитростью.

Зашел Курджимуко Лаурсен в кунацкую. Его хорошо накормили и уложили спать.

А иныж тем временем сказал своей жене:

— Ты ведь можешь обернуться любым существом, и мы воспользуемся этим. Утром, когда наш гость будет разъезжать на своем коне по берегу моря, ты обернись уткой и плескайся у берега так, чтобы он заметил тебя. Сделай это два-три раза, а потом будто невзначай скажешь ему: «У меня была ученая утка. Теперь она уплыла в море, мне без нее скучно, а поймать ее никак не могу».

Гость пообещает тебе поймать утку. Когда он на другой день выедет на берег моря, ты опереди его, обернись уткой, плавай у берега и даже выйди на берег. Когда гость увидит тебя, он спешится. Ты плавай совсем близко от берега. Тогда он разденется и войдет в воду. Тут ты заплыви подальше в море и замани его туда, а когда он будет далеко от берега, поднимись и улети. Потом снова обернись человеком, возьми его нижнюю рубашку и возвращайся домой. Без рубашки я его легко одолею.

Вечером, когда возвратился Курджимуко Лаурсен, женщина понесла ему в кунацкую ужин. Стали они разговаривать, и между прочим она сказала:

— У меня была ученая утка. Теперь она уплыла в море, мне без нее скучно, а поймать ее никак не могу.

— Разве это трудно! — сказал Курджимуко Лаурсен.— Завтра же я поймаю ее!

На другое утро Курджимуко Лаурсен поел, оседлал коня и выехал со двора. Женщина опередила его — она обернулась уткой и стала плавать вдоль берега.

Когда Курджимуко Лаурсен подъехал к морю, он увидел, что утка плавает совсем близко от берега. Он быстро разделся, оставил одежду на берегу, а сам вошел в воду. Тотчас утка стала отплывать от берега. Она все больше удалялась в море, а джигит плыл за ней. Когда он был совсем близко от нее, утка поднялась и улетела.

Потом она снова обернулась человеком, взяла нижнюю рубашку Лаурсена, в которой была его сила, и вернулась домой.

Вышел Лаурсен на берег моря и не нашел своей рубашки. Понял он, что его обманули. Сел он на коня и поехал обратно. Когда въехал Лаурсен во двор, навстречу ему выскочил иныж и ударил его мечом.

— Ты убил меня,— сказал Лаурсен иныжу.— Прошу тебя, положи меня на коня и отпусти его.

Поскакал конь к старухе и привез своего хозяина, когда тот был уже едва жив.

— Аллах, аллах, что случилось? — запричитала старуха, увидев раненого Лаурсена.

— Не знаю, что случилось. Я потерял рубашку, что ты дала мне, а потом меня ранил какой-то иныж.

Старуха сняла джигита с коня и внесла его в дом.

Долго лежал Курджимуко Лаурсен, наконец поправился

Как и в первый раз, старуха искупала его в семи водах и дала ему точно такую рубашку, как та, что он потерял.

— Теперь ты сможешь победить иныжа? — спросила старуха.

— Обещаю тебе, что привезу его на крупе моего коня!

— Я не хочу, чтобы ты привозил его сюда — достаточно, если ты принесешь мне три полосы с его спины. А жену иныжа — колдунью — доставь сюда живой,— сказала старуха и отпустила джигита.

Поскакал Лаурсен к иныжу. Ворвался к нему в дом, схватил его и выволок во двор. Снял он со спины иныжа три полосы, привязал жену иныжа к крупу своего коня и поехал обратно.

Радостно встретила Лаурсена старуха.

— Теперь мое сердце успокоилось,— сказала она,— а тебе пришла пора возвращаться к отцу-матери. Мне оставь мальчика, а жену и дочку возьми с собой.

Так и сделали, и отправились они в путь.

Когда доехали до околицы аула, Лаурсен спросил у одного парня:

— Какие хабары у Курджимуковых?

— У них был один-единственный сын. Вокруг его шеи обвилась змея, и никто не мог освободить их сына от нее. Тогда он сам выехал в дальний путь, и с тех пор о нем ничего не слыхали. Все, что было у его отца-матери, забрал один пши, и старики живут теперь в нищете,— сказал парень.

— А не пустят ли эти старики меня на постой? — спросил Лаурсен.

— Может, и пустят,— ответил парень.

Приехал Лаурсен к своим родителям. Не узнали они его, и стал он у них жить.

Как-то Лаурсен спросил стариков об их житье-бытье, и они рассказали ему все и то, как их сын со змеей на плечах выехал из дому. «А теперь,— закончили они свой рассказ,— пши забрал у нас все, что было, и мы живем тем, что пожертвуют нам аульчане».

— Не падайте духом, вернулся ваш сын! — сказал Лаурсен.

Старики не поверили своим глазам и ушам, и пришлось Лаурсену рассказать все, что с ним приключилось. Обрадовались старики, когда убедились, что их сын вернулся живой и невредимый.

На другое утро Лаурсен отправился к пши. Он убил пши и всю его семью, прогнал орков *, а все их богатства раздал беднякам. Себе он взял только то, что забрал пши у его отца [2].

Слава о делах Курджимуко Лаурсена пошла по всей округе. А он стал жить спокойно и счастливо.

14. Сын слепого Ногая

До того как испортились глаза у Ногая, не было мужчины, который объездил больше, чем он. Говорили, что нет на этом свете места, где он не бывал. Ослепнув, он расседлал коня и перестал выезжать.

У слепого Ногая было три сына. Однажды он позвал их к себе и сказал:

— Оседлайте моего коня и отправляйтесь в путь. Если вы поедете туда, где не ступали копыта моего коня и привезете оттуда кусочек земли, я протру ею глаза и снова стану зрячим.

Кто согласен ехать, пусть отправляется в путь и не говорит, что уехал слишком далеко, куда бы ни отнес его мой конь. Скажите, кто решил ехать?

Старший сын сел на отцовского коня и отправился в путь. Скакал он несколько дней и ночей и прискакал к дереву, что стояло на развилке семи дорог. Здесь старший сын Ногая остановился и отдохнул. Внимательно рассмотрел он дерево, но не нашел следов пребывания здесь людей. Юноша решил, что его отец тут не бывал, взял немного земли у корня дерева и вернулся домой.

Когда он рассказал отцу, где взял землю, вздохнул слепой Ногай.

— Эх, сын мой, недалеко же ты уехал! Когда я выезжал в путь, я делал у этого дерева первый привал.

На второй день средний сын сел на сивого коня и отправился в путь. Скакал он несколько дней и ночей и достиг того дерева, что стояло на развилке семи дорог.

Он спешился и отдохнул под ним. Потом сел на коня и скакал еще несколько дней и ночей. Подъехал он к зарослям камыша, через которые пролегла узкая тропинка. Объехал он камыши вокруг, но не решился поехать по той тропинке — подумал, что сюда-то отец наверняка не добирался. Взял он немного земли и вернулся домой. Приехав к отцу, он рассказал ему, где взял землю. Когда Ногай услышал, что его средний сын доехал только до камышей, он сказал:

— Эх, сын мой, эту тропинку в камышах проложил я. Заросли камыша я проезжал за один день. Молодец, ты уже выехал за околицу аула и проехал дальше, чем твой старший брат. Но и ты не смог далеко уехать.

Когда собрался в путь младший сын, отец сказал ему:

— Ты младший из братьев — не говори, что уехал слишком далеко, и не возвращайся без земли, которая исцелит мои глаза.

Младший брат оседлал коня и отправился в путь. Он подъехал к дереву, что стояло на развилке семи дорог, сказал: «Тут старая коновязь моего отца» — и продолжал путь. Скоро подъехал он к зарослям камыша и по узкой тропинке, проложенной отцом, пересек их. «Теперь я только проехал околицу аула нашего отца»,— сказал он и поскакал дальше.

Ехал он много дней и много ночей, и кончились его дорожные припасы. Но он продолжал путь. Однажды на дороге перед ним блеснуло что-то длинное и тонкое. Джигит подъехал, спе-

шился и поднял сверкавшую на солнце вещь — оказалось, это было золотое перо какой-то птицы.

Он продел золотое перо между ушами коня — оно было таким большим, что закрыло круп коня до самого хвоста,— и поскакал дальше.

Долго он скакал и подъехал к какому-то аулу. Не хотел он заезжать в аул — направился в объезд. Но пши аула заметил незнакомца и послал к нему своих всадников, приказав им:

— Быстро верните этого джигита!

Вернулся сын слепого Ногая и заехал к пши. Трое суток пши угощал его. Когда прошло трое суток, пши, как и принято по обычаю, спросил джигита:

— Скажи мне, кто ты и откуда, куда и зачем едешь, что за золотое перо на твоем коне?

Сын слепого Ногая ответил так:

— Я без роду, без племени, выехал в путь и заблудился, вот и попал в твой аул.

— У меня нет сына, будь мне как сын,— предложил тогда пши.

Сын слепого Ногая долго не соглашался, но пши так настойчиво просил, что он уступил.

Обрадовался пши и велел сообщить всем в ауле, что теперь у него есть сын.

Вскоре пши показал юноше все свои земли и богатства, а потом сказал:

— У меня есть семь пелуанов *-работников. Поручаю их тебе, заставь их работать так, как хочешь.

Семь пелуанов — семь дюжих молодцов — совсем не подчинялись пши, и сыну слепого Ногая приходилось то и дело заставлять их работать. Затаили они зло на юношу и стали думать, как извести его. Ничего не придумав, они обратились за помощью к кудеснику-усарежу.

— Помоги нам погубить приемного сына пши — получишь любую награду. Не поможешь, лишишься жизни, если даже у тебя семь душ,— сказали пелуаны.

— Приходите завтра, я подумаю и скажу вам, как извести его,— отвечал им усареж.

На другой день пелуаны пришли к усарежу, и тот сказал им:

— Одолеть этого джигита можно только хитростью. Поэтому скажите своему пши так: «Сегодня, когда мы отдыхали от работы, слышали, как твой приемный сын говорил: „Коль захочу, смогу достать для пши ту золотую птицу, что освещает весь

мир и чье перо лежит на моем коне. Но зачем мне это делать?"» Пши разгневается и сам погубит приемного сына.

Вечером, когда пши возвращался в аул, пелуаны встретили его словами:

— Интересно то, что сказал сегодня твой приемный сын!

— Что же сказал он? — спросил пши.

— Если б я захотел, смог бы достать для пши ту золотую птицу, которая освещает весь мир и чье золотое перо лежит на моем коне, но зачем мне это делать?

Пши тотчас велел привести к нему сына и спросил, правду ли говорят пелуаны. Как ни убеждал джигит, что это неправда, пши не поверил и приказал любой ценой добыть для него чудесную птицу.

Загрустил сын слепого Ногая. Верный его друг — сивый конь — заметил, что хозяин не ест и не спит, думает, как быть. Заржал конь в конюшне, и джигит пошел к нему.

— Что тебя печалит? Отчего ты похудел и стал грустным? — спросил сивый хозяина.

Тот рассказал ему о приказе пши.

— Это нетрудно, мы сможем достать птицу. Но сразу не выезжай в путь. Через несколько дней пши спросит у тебя, почему ты не едешь; скажи ему, что тебе нужна его помощь. Пусть он прикажет своим пелуанам в течение двух недель держать меня так, чтобы я не касался ни земли, ни неба, пусть меня кормят лучшими кормами. Ты также должен хорошо отдохнуть. После этого пусть нагрузят тридцать возов проса и дадут тебе спутников, которые помогут везти его.

Прошло несколько дней, а сын слепого Ногая еще не отправился в путь. Пши позвал его к себе и спросил, почему он не едет за золотой птицей. Джигит ответил так, как велел конь.

Пятнадцать дней и ночей пелуаны кормили сивого коня отборными кормами, а сын слепого Ногая хорошо отдохнул. После этого ему дали тридцать возов проса и спутников, и он отправился в путь.

Много дней и ночей провел джигит в пути, да ведь недаром говорят — если все время идти, достигнешь конца пути. Когда дорога близилась к концу, снова заговорил сивый конь.

— Теперь послушай меня, хозяин! Скоро мы подъедем к большому лесу. Как минуем его, увидишь большой белый тополь. Я остановлюсь под ним, а ты вели сгрузить все просо и оставить под этим тополем и отпусти спутников. Когда они отъедут подальше, ты поднимись на кучу проса, прижмись к

дереву и сиди неподвижно. Вскоре прилетит к дереву та большая золотая птица, которая потеряла перо. Она трижды крикнет «куаг», а потом поговорит на птичьем языке с другими птицами. После этого птицы улетят, а золотая птица станет прыгать с ветки на ветку, спустится вниз и увидит просо. Когда она будет так близко, что можно достать ее рукой, и посмотрит вниз, схвати ее за ногу и держи крепко-крепко. Смотри, чтобы она не взлетела — иначе она унесет тебя в небеса. Поэтому ты держи ее изо всех сил, я подоспею к тебе на помощь, и вместе мы удержим ее. Если сделаешь все так, как я сказал, птица будет в твоих руках.

Сын слепого Ногая выполнил все, что сказал конь.

Доехав до большого тополя, он остановился и велел высыпать в кучу все просо. Отправив назад спутников, он взобрался на кучу проса и спрятался за стволом дерева. Через некоторое время стало светлее, чем в самый солнечный день,— то прилетела золотая птица. Оглядевшись по сторонам, она села на верхушку дерева. Когда она крикнула трижды «куаг», к дереву слетелись все птицы, какие были в этом мире, и сели на дерево. После того как золотая птица поговорила с ними, она трижды крикнула «куаг», и все птицы улетели. Взглянув вниз, золотая птица увидела просо и, прыгая с ветки на ветку, спустилась вниз. Тут сын слепого Ногая схватил ее за ногу.

Большая птица долго кричала и так сильно махала крыльями, что ветер от них чуть не свалил дерево. Но крепко держал ее сын слепого Ногая, а тут подоспел и сивый конь. Поймали они птицу и привезли к пши.

Удивились жители аула, когда узнали, что приемный сын пши добыл чудесную птицу — совершил такое, чего до сих пор никто не смог сделать. Далеко разнеслась весть о мужестве джигита, и многие пришли посмотреть на золотую птицу, многие поздравили князя.

А семь пелуанов не оставили злого умысла во что бы то ни стало погубить сына слепого Ногая. Они опять отправились к усарежу за советом.

И снова усареж посоветовал им пойти к пши и сказать ему, будто они слышали такие слова его приемного сына: «У подножия одной горы, между скал, живет львица с двумя львятами. Если захочу, смогу добыть этих львят и воспитать их для пши. Но зачем мне это делать?»

— Обещаю вам, что на этот раз пши разгневается и сам погубит приемного сына,— сказал усареж.

Как и в первый раз, вечером, когда пши возвращался в аул, пелуаны встретили его и сказали:

— О пши, владетель целой страны, у нас нет от тебя тайн, и мы не можем скрыть, что слышали сегодня от твоего приемного сына!

Перебивая друг друга, пелуаны рассказали пши, как научил их усареж.

— Он так и сказал?

— Так и сказал.

— Тогда приведите его ко мне.

Пришел сын слепого Ногая к пши.

— Поезжай и привези мне тех львят, которых воспитывает львица у подножия горы,— приказал ему пши.

— Не посылай меня за львятами, о которых я даже не слышал! — взмолился юноша.

Но пши был неумолим.

Новое горе свалилось на сына Ногая. Он загрустил. Верный его друг — сивый конь — заметил, что его хозяин не ест и не спит, думает, как быть. Заржал конь в конюшне, и джигит пошел к нему.

— Что тебя печалит? Отчего ты похудел и стал грустный? — спросил хозяина сивый конь.

Тот рассказал, что его печалит.

— Мы привезем львят, хотя это труднее, чем добыть золотую птицу. Поезжай к горе и дождись утра. На рассвете львица выйдет из убежища, оглядится и, никого не заметив, отправится в лес за пищей для своих детенышей, но вернется очень быстро. Ты спрячешься за горой, а я встану поближе к убежищу львицы. Как только львица войдет в лес, ты вынесешь львят, вскочишь с ними на мою спину, и я унесу тебя. Держись крепко в седле, еще крепче держи львят, а я не подведу.

Пятнадцать суток пелуаны кормили коня отборными кормами, а сын слепого Ногая хорошо отдохнул. После этого он сел на коня и отправился в путь. Много дней и ночей провел он в дороге. Когда приблизился джигит к горе, где обитала львица, он спешился и спрятался за горой. Спрятался и конь.

На рассвете львица вышла из убежища. Из ее глаз летели искры, и вокруг стало светло, как в самый солнечный день. Эти искры обжигали все вокруг, и потому львица легко побеждала любого врага. Сильной и страшной была львица.

Выследил сын слепого Ногая, когда она вошла в лес, схватил львят и вскочил на сивого коня.

Заревели львята, и мать в тот же миг выскочила из леса. В несколько прыжков она почти нагнала юношу, но сивый конь мчался во весь дух и унес хозяина. Долго гналась за ними львица, но, наконец, обессилела и повернула назад.

Привез львят сын слепого Ногая к пши.

Но пелуаны опять не оставили намерения погубить славного джигита. В третий раз отправились они к усарежу за советом.

— До сих пор мы не смогли избавиться от приемного сына пши. Если ты опять дашь нам плохой совет, погубим тебя.

Подумал усареж и сказал:

— Теперь скажите пши, будто слышали такие слова его приемного сына: «За горами живет громадный кабан — каждый клык его длиной в тридцать шагов. На свете нет человека, кроме меня, который осмелился бы приблизиться к тому кабану. Если бы я захотел, привез бы клыки кабана нашему пши, и он смог бы обнести свой двор забором из кабаньих клыков. Но зачем мне это?» От этого кабана юноша живым не уйдет, и вы пошлете его на верную гибель.

В третий раз пелуаны встретили пши и сказали ему, как научил их усареж.

Снова пши велел позвать к нему юношу и приказал привезти клыки того кабана.

Как ни убеждал сын слепого Ногая пши, что он ничего не знает о таком кабане и ничего не говорил, пши стоял на своем.

С поникшей головой вышел юноша во двор. Заржал сивый конь, увидев печаль своего хозяина.

— Что еще случилось? — спросил конь. Все рассказал верному другу юноша.

— Выполним и этот приказ пши. Было бы хуже, если бы нам приказали привезти кабаньи клыки раньше, чем мы добыли львят. А теперь не стоит падать духом. Львята уже стали настоящими львами и помогут нам — мы возьмем их с собой. Отправимся в путь вместе. Когда достигнем моста, я сам пойду к кабану. От моста до места обитания кабана пути еще семь дней и ночей, но если кабан будет гнаться за мной, я ускачу от него за три дня и три ночи. Когда ты услышишь стук моих копыт и дыхание кабана, отпусти львов. Они с двух сторон вцепятся в кабана, а ты сзади руби его мечом. Помни, нельзя приближаться к кабану сбоку, иначе он разрежет тебя своими клыками. Если сделаешь все так, как я тебе сказал, одолеешь кабана.

И снова пятнадцать дней пелуаны кормили коня отборными

кормами, а джигит хорошо отдохнул. После этого сын слепого Ногая сел на сивого коня, взял с собой львов и отправился в путь.

Когда достигли они моста, конь оставил здесь хозяина вместе со львами, а сам поскакал дальше.

Девять дней и ночей ждал сын слепого Ногая возвращения своего коня. На десятую ночь он услышал стук его копыт и тяжелое дыхание кабана. Он тут же отпустил львов, и как только кабан вступил на мост, львы вцепились в него так, что он не мог двинуться с места. Тут сын слепого Ногая подскочил к нему сзади и стал рубить его мечом. Много ударов нанес юноша, прежде чем лесной великан пал бездыханный.

И в третий раз вернулся юноша победителем, а пши велел обнести свой двор забором из кабаньих клыков.

Опять пелуаны отправились к усарежу. На этот раз он посоветовал им сказать пши, что слышали от его приемного сына новый хабар.

— Скажите, что на востоке нашего края живет красавица по имени Гегулез — нет на свете женщины красивее ее. Пши пошлет приемного сына за этой красавицей, и оттуда он уже не вернется живым. К ней невозможно приблизиться — сто собак, сто орлов и сто коней породы джинджиф стерегут ее. У девушки есть волшебная короткая плеть, от удара которой человек превращается в каменное надгробие. Никто из тех, кто хотел получить в жены эту красавицу, еще не вернулся обратно. Не останется в живых и сын слепого Ногая,— закончил усареж.

И на этот раз пелуаны встретили пши и рассказали ему о прекрасной Гегулез, как посоветовал им усареж.

Разгневанный, вернулся пши домой и велел позвать к себе сына.

— Ты хвастал сегодня, что, если захочешь, достанешь мне в жены красавицу Гегулез. Так вот, поезжай и не возвращайся без нее, не то мои пелуаны снесут тебе голову по моему приказу,— грозно сказал он.

Пши и слушать не стал о том, что юноша никогда не слыхал об этой красавице и никому не говорил о ней.

— Что еще случилось? — спросил конь.

Все рассказал он верному другу.

— Не печалься, выполним и этот приказ пши. Это будет труднее, чем добыть птицу, львят или победить кабана. Снова надо тебе набраться сил, а меня хорошо покормить.

Когда пройдет пятнадцать дней и ночей, отправишь большой

медный лагуп * и семь арб с варом туда, куда мы поедем. Когда доедем до места, надо будет сгрузить с подвод вар и лагуп, а возчиков отпустить.

— Зачем нам лагуп и вар? — спросил юноша.

— Без них нам не добыть красавицу Гегулез. Твой отец много раз отправлялся за этой девушкой, но так и не смог привезти ее. Красавицу стерегут сто собак, сто орлов и сто жеребцов из породы джинджиф. Но самый главный ее сторож — жеребец, с которым не может сравниться в силе ни один конь в мире. Вар и нужен нам для того, чтобы одолеть этого сторожевого жеребца. Мы растопим вар, и ты будешь мазать меня им до тех пор, пока мое тело не покроется толстым слоем вара. Ты останешься на посту, а я пойду вперед. Сторожевой жеребец погонится за мной. Когда я достигну моста, остановлюсь, и мы начнем кусать друг друга. Когда укусит меня сторожевой жеребец, он оторвет вар, а когда я укушу, оторву его мясо. Но все равно он доберется до моего тела. И когда я почувствую беду, я заржу. Тогда и ты вступай в битву, вдвоем мы победим его и возьмем с него обещание помочь нам.

После этого сын слепого Ногая и его конь отдохнули пятнадцать дней и ночей, окрепли и отправились в путь.

Юноша сделал все так, как научил его конь. Он взял достаточно дорожной провизии, большой медный лагуп, семь арб с варом и выехал. Когда доехали до места, сгрузили с подвод провизию, дрова, вар и лагуп, разожгли костер, а возчиков отправили обратно. Сын слепого Ногая растопил вар и принялся мазать им своего коня, велел ему нырять в реку и снова мазал его варом до тех пор, пока он весь не покрылся толстым слоем вара. После этого джигит остался на мосту, а сивый конь поскакал вперед.

Стал сын слепого Ногая ждать возвращения коня. Прошло девять дней и ночей. На десятую ночь поднялся ураган, закачался мост и послышался конский топот. Это сторожевой жеребец гнался за сивым конем и нагнал его на мосту. Стали они кусать друг друга. Укусит сторожевой жеребец сивого — отрывает вар. Укусит сивый конь — рвет тело сторожевого. Долго боролись они, и сивый конь уже потерял надежду победить. Заржал он, и в тот же миг вступил в битву сын слепого Ногая. Стал он наносить удар за ударом. Наконец, сторожевой жеребец-джинджиф заговорил:

— Не убивайте меня, скажите, что вам нужно, я помогу вам.

— Помоги нам раздобыть Гегулез,— сказал юноша.

Жеребец подсказал, как увезти девушку.

— Первым делом вы должны приготовить сто бараньих шкур и сто туш мяса,— сказал жеребец-джинджиф.— Ста сторожевым псам киньте туши, ста орлам бросьте шкуры, и, пока они будут драться, вы пройдете к Гегулез. К вам выйдет сама красавица и скажет: «Будь гостем, сын слепого Ногая!»

Она прикажет байкулам * отвести твоего коня и позаботиться о нем, а тебя пригласит к себе и станет спрашивать: «Ты приехал развеять скуку или сватать меня?» — «Я приехал сватом, а не развлекаться. Я заберу тебя, хочешь ты того или нет»,— скажешь ты ей. «Зачем же увозить насильно, если я гожусь тебе в жены, а ты мне в мужья, сын слепого Ногая?»,— скажет Гегулез и встанет.

Она возьмет небольшую кожаную сумку и начнет раскрывать ее. Но ты не дай ей этого сделать, потому что в ней лежит плеть, от удара которой человек превращается в каменное надгробие. Как только она станет открывать сумку, схвати ее за волосы и брось на пол. Если сделаешь все, как я сказал, красавица Гегулез будет в твоих руках.

Отпустил сын слепого Ногая коня-джинджиф, нагрел в лагупе воду и смыл со своего коня остатки вара. Сел он на сивого коня и поехал к чабану, у которого купил сто баранов. Он велел заколоть их, освежевать и погрузить на одну арбу шкуры, на другую — бараньи туши.

Когда приблизился он к владениям Гегулез, кинулись на него сто собак — он бросил им бараньи туши. Налетели на него сто орлов — он бросил им бараньи шкуры. Пока собаки грызлись за мясо, а орлы дрались за шкуры, сын слепого Ногая въехал во двор красавицы Гегулез и спешился.

Красавица Гегулез вышла из дому и встретила его такими словами:

— Будь гостем, сын слепого Ногая! Если погостишь год — мне это покажется неделей, погостишь месяц — покажется одним днем.

Позвала она байкула и велела приготовить стоянку для сивого коня. Пригласила сына слепого Ногая в дом, усадила его, а сама села на шелковую постель [1].

— Скажи, сын слепого Ногая, что тебя привело сюда — сватать меня приехал или случайно завернул? — спросила она.

— Я заехал сюда не случайно, я приехал сватом. Поедешь сама со мной — увезу, не поедешь — умыкну. Так что выбирай,— сказал сын слепого Ногая.

— Если ты считаешь, что я могу быть тебе женой, я согласна, ты достоин быть моим мужем,— сказала Гегулез и быстро встала.

Тут она достала кожаную сумку и открыла ее, но в тот же миг джигит вскочил и, прежде чем она успела взять плеть, схватил ее за косы и бросил на пол.

— Слушай, сын слепого Ногая, почему ты бросаешь меня на пол, если я пообещала стать твоей женой? — спросила Гегулез.

Но сын слепого Ногая, не слушая ее, взял кожаную сумку и вытащил оттуда сложенную вдвое короткую плеть. Он замахнулся, словно хотел ударить девушку.

— Не бей меня, я покорюсь тебе. Победило твое счастье,— сказала Гегулез.— До сих пор ударом этой плети я превращала всех женихов в камни, а их было без одного сто. Ты видел их каменные надгробия у дома. Но ты победил меня, теперь я буду такой, как ты хочешь,— сказала она покорно.

Сын слепого Ногая взял плеть и вышел во двор. Он шел вдоль каменной стены, ударял плетью окаменевших людей и оживлял их.

— Аферем, славный сын слепого Ногая, ты спас сто мужчин,— сказали они ему с благодарностью.

Мужчины, которым джигит вернул жизнь, стали ему сватами и вместе с ним и прекрасной Гегулез все отправились в путь.

Хорошие вести распространяются быстро. И весть о возвращении сына слепого Ногая распространилась по аулу. Вечером стали приходить к ним гости.

Пши устроил пир на шесть недель. Пока пили да ели, пока шел великий пир, Гегулез узнала все о подвигах сына слепого Ногая, о том, как хотели его погубить, и о том, что пши сам хочет жениться на ней.

После того как закончился пир, прекрасная Гегулез велела передать пши:

— Прежде чем прийти ко мне, пусть пши велит приготовить большой лагуп и налить туда сорок ведер молока. Когда его нагреют так сильно, что пойдет пар, пусть пши нырнет в корыто с одного конца и вынырнет с другого. После того как пши искупается в горячем молоке, он может войти ко мне,— сказала Гегулез.

Долго ли было приказать пши — унауты приготовили медный лагуп и корыто, вскипятили сорок ведер молока и налили

в корыто. Когда казалось, что молоко достаточно остыло, пши окунулся в горячее молоко и сварился в нем.

— Кто искупается в горячем молоке, тому я стану женой и отдам царство,— пообещала девушка пелуанам.

Семь пелуанов по очереди прыгнули в корыто и сварились, как и их пши.

Так пши и его семь пелуанов нашли свою гибель.

— Пусть красавица Гегулез достанется тому, кто привез ее, и пусть он будет нашим пши,— сказали люди.

— Красавица Гегулез хочет быть моей женой, но я не могу остаться здесь, я должен вернуться в свой аул, к своим отцу-матери, я выехал по делу, а не для того, чтобы оставаться здесь,— сказал сын слепого Ногая.

— А как же мы проживем без пши? — спросили люди у Ногая.

— Пусть никогда не будет у вас пши, от них больше вреда, чем пользы. О том, как жить, советуйтесь с умными мужчинами. Станете советоваться — достигнете согласия и счастливой жизни [2]. Будьте здоровы и счастливы, я вернусь к своим,— сказал сын слепого Ногая, взял с собой прекрасную Гегулез и отправился в обратный путь.

Жители аула щедро одарили его, а сотни всадников проводили его до родительского дома.

Долго ехал сын слепого Ногая и подъехал к околице родного аула. Отсюда он послал вестников к своему отцу: сообщить о возвращении сына.

Когда слепому Ногаю доставили весть о сыне, он сказал посланникам:

— Сын, о котором вы говорили, отсутствует уже семь лет. Мы думали, что он погиб, и вчера справили по нем поминки. Теперь скажите, кого он возьмет себе в жены.

— Он везет себе в жены Гегулез, прекрасней которой нет на этом свете,— сказали ему.

— Тогда знайте, что я много раз пытался привезти Гегулез, но мне это не удалось, хотя обо мне шла молва, что я объехал весь свет и для меня нет невозможного. Для меня было величайшим позором не добыть эту девушку, и тогда я притворился слепым и перестал выезжать в наезды. Теперь, когда эта красавица стала женой моего сына, ему нет места в моем доме. Так что скажите ему, что я его не пущу к себе. Пусть остановится там, где он сейчас.

Посланники вернулись и сказали сыну Ногая:

— Твой отец прозрел, вот какой хороший хабар привезли мы тебе. Он велел тебе оставаться там, где ты сейчас.

— Хорошо, что отец прозрел и убедился в том, что я достиг земли, где не ступали копыта его коня,— сказал тогда сын Ногая.

Он выполнил наказ отца и обосновался на том месте, где услышал слова отца. Он стал жить богато и счастливо с прекрасной Гегулез.

15. Приключения юноши

В давние времена жил один пши. Умерла его жена, и он женился на дочери другого пши. От первой жены у него остался сын, которого он, по обычаю, отдал на воспитание одному старику [1].

Однажды аталык * велел мальчику показать ладонь. Посмотрев на нее, он сказал:

— О-ой, мой мальчик, ты скоро умрешь!

— Ничего удивительного, если я скоро уйду с этого света,— ответил мальчик.

— Но послушай меня, мальчик, и ты останешься в живых.

— Говори, сделаю все, что ты скажешь!

— Пока не пройдет сорок дней, ты не должен ни с кем разговаривать, даже если на виселице наденут веревку тебе на шею. Сможешь ли ты это выполнить?

— Обещаю тебе, что выполню,— сказал мальчик.

— Ну, тогда иди домой.

И аталык отправил мальчика к отцу.

Мальчик пошел домой.

Отец долго расспрашивал его, почему он вернулся домой раньше положенного времени [2], но сын ничего не сказал ему. Тогда отец отослал его к мачехе. Та встретила его приветливо, усадила, поставила перед ним вкусную и разнообразную еду и сказала:

— О юноша, с тех пор как я попала в этот дом, я жажду встречи с тобой, твой отец не годится мне в мужья. С твоим отцом я расправлюсь, положу ему в пищу какую-нибудь отраву, и он умрет через сорок дней. Никто ничего не узнает, а для нас с тобой этот мир станет раем. Когда не будет твоего отца, тебя сделают пши.

И она хотела поцеловать юношу, но он ударил ее так сильно,

что выбил ей зубы, и, оставив окровавленную женщину, вышел во двор.

Мачеха порвала на себе одежду, обмазала платье кровью и стала громко кричать. Пши, услышав крик, послал людей и велел узнать, что случилось. Когда прибежали унауты, мачеха сказала:

— Сын пши пришел сюда и стал добиваться моей любви. Когда я пристыдила его, он порвал на мне одежду и ушел.

Разгневался пши, позвал своих подданных и велел им повесить сына.

Схватили они юношу и повели к виселице. Удивились жители аула, почему это пши велел повесить своего любимого сына. Они стали спрашивать молодого джигита, но он не сказал им ни слова; тогда пошли к пши и спросили у него.

— Ты так любишь сына, почему ты приказал казнить его?

Пши поведал им, что говорила ему жена.

— Нельзя по наговору женщины казнить человека. Разве ты не слышал историю о хаджи *? — спросил у пши один из его подданных.

— Нет,— отвечал пши.

— Тогда послушай,— сказал тот и начал свой рассказ.

«Давным-давно жил один нищий. Каждый день он ходил по базару, просил подаяния. Однажды к нему подошел какой-то мужчина и сказал:

— Скажи, бедняк, что ты хочешь — двадцать золотых, которые я украл, или два золотых, которые заработал честным трудом?

— Мне хватит одного золотого, нажитого честным трудом,— ответил нищий.

Мужчина дал ему один золотой, и нищий пошел по базару. Вдруг он увидел, что старик продавал птицу необыкновенной красоты — она сидела в клетке. Не мог удержаться бедняк — уж очень захотелось ему иметь эту птицу, он купил ее и отнес домой. Жена стала его ругать, упрекая, что он купил какую-то птицу, когда в доме нет ни куска хлеба.

Огорчился бедняк, да что делать — повесил клетку на потолочную балку и лег спать. Проснувшись утром, он подошел к клетке, чтобы взглянуть на птицу. Она сидела нахохлившись. Вдруг бедняк закашлялся. Птица встрепенулась, и из-под ее крыла выпала жемчужина.

Жена бедняка взяла жемчужину, пошла на базар, сдала ее скупщику и получила от него миску золота. Каждый день птица

давала беднякам по жемчужине. Они разбогатели, построили новый дом, и скоро у них родился сын.

Однажды муж сказал жене:

— Много лет я жил в бедности, теперь я стал богатым и хочу совершить паломничество в Мекку, поклониться священному камню.

В то время те, кто отправлялся в такой путь, возвращались обратно не раньше, чем через три-четыре года. Прежде чем отправиться в путь, муж сказал жене:

— Оставляю тебе нашу птицу — береги ее!

Уехал муж. Прошло время, и его жене захотелось иметь любовника. Однажды, стоя в коридоре своего дома, она увидела мужчину, который смотрел в ее сторону. Женщина пригласила его в дом, хорошо угостила и сказала: „Приходи ко мне вечером“.

Тот пришел вечером, полежал у нее на груди. Тут женщина и рассказала ему про птицу, благодаря которой они разбогатели.

Однажды любовник этой женщины пошел к своим приятелям. Он рассказал им о своей любовнице и о ее чудесной птице, которая каждый день приносит по жемчужине.

— Если эта женщина тебя любит, пусть она сварит эту птицу и даст тебе съесть ее голову. Тогда ты станешь или очень богатым человеком, или царем,— посоветовал ему один из друзей.

— Воллаги, я это выполню! — ответил мужчина.

На следующий день он пришел к своей возлюбленной и сказал ей:

— Если не сделаешь то, что скажу, не стану ходить к тебе.

— Нет ничего на свете, что я не сделала бы для тебя,— ответила она.

— Убей птицу, что сидит в клетке, и дай мне ее съесть,— сказал он.

— Я не стану огорчать тебя из-за какой-то птицы, ты съешь ее,— пообещала женщина.

Мужчина провел у нее ночь и на рассвете ушел. Женщина тут же вынула птицу из клетки и убила. Увидев это, ее сын стал громко плакать, его никак не могли успокоить. Женщина уже изжарила птицу, а мальчик все плакал.

Тогда одна из соседок посоветовала:

— Дала бы ты ребенку кусок мяса, может быть, он и замолчал бы.

Но мать не дала ему ничего, он стал плакать еще громче, и соседка сказала:

— Дай ребенку птичью голову, пусть съест — ведь ее не положено подавать гостям!

Женщина отдала мальчику птичью голову, он съел ее и тут же успокоился.

Когда настала ночь, пришел тот мужчина.

— Вот, я изжарила для тебя птицу, которая сделала нас богатыми: мне для тебя ничего не жалко. Если надо, и мужа своего принесу тебе в жертву,— сказала она и поставила перед ним блюдо с птицей.

Посмотрел он в тарелку и не увидел птичьей головы.

— А где голова птицы? — спросил мужчина.

— Мой мальчик громко плакал, и мы ничем не могли его успокоить. Тогда я отдала ему птичью голову — ведь ее не подают гостям,— и он успокоился,— сказала женщина.

Разгневался мужчина, ударил по блюду кулаком, разбил его и ушел. Отправился он к своему другу, который посоветовал ему съесть птичью голову, и рассказал, что произошло.

— Если съешь голову того мальчика, станешь или царем, или самым богатым человеком,— сказал тот.

Мужчина вернулся к женщине.

— Если любишь меня, дашь мне съесть голову твоего сына,— сказал он ей.

— Завтра вечером я сделаю это,— пообещала женщина.

Соседка слышала их разговор, она пошла к его аталык-ана * и рассказала, что услышала. Та ночью взяла мальчика, ушла с ним в другой аул и вырастила его как родного сына.

Когда мальчик возмужал, он добыл себе коня и оружие, стал охотиться. За отвагу и удаль, за щедрость его полюбили все аульчане.

Однажды юноша проходил мимо одного дома и увидел в окне прекрасную девушку. Решил он жениться на ней.

Посватал он эту девушку, и она согласилась стать его женой, но сказала, что она дочь царя и что нужно прислать сватов к ее отцу. Юноша подумал, что царевна не пойдет замуж за простого крестьянина, но все-таки послал сватов к царю. Царь сказал, что согласен отдать за него свою дочь при условии, если он убьет бляго, который уже столько лет свирепствует в его царстве.

Юноша согласился убить бляго, пусть только ему дадут проводника, который укажет местонахождение чудовища. Собра-

лись пятьдесят тысяч воинов царя и стали просить джигита не ехать к чудовищу. Они рассказали, что много раз пытались уничтожить его, но это им не удалось, и юноша, если поедет, погибнет. Но тот твердо стоял на своем, и царь дал ему проводника. Вместе с ним отправился и один из приближенных царя, который сам мечтал жениться на царевне.

Отправились они в путь. Долго ехали и увидели что-то черное и блестящее.

— Видишь вот это черное, блестящее вдали — это и есть бляго. Хочешь — иди дальше к нему, я останусь здесь,— сказал проводник и остановился.

Юноша верхом на коне подъехал прямо к бляго — тот крепко спал — и разрубил его. Неподалеку стояли воины, смотрели, что будет. Когда они увидели, что чудовище повержено, бросились к джигиту, а один из них сказал:

— О юноша, ты, наверное, съел голову чудесной птицы — этот дракон спит лишь в том случае, если к нему приближается человек, съевший голову такой птицы.

— Аталык-ана говорила мне, что я съел голову такой птицы,— ответил юноша.

В честь победителя дракона устроили большое джегу, которое продолжалось три дня. На четвертый день царь собрал приглашенных и сказал:

— Много лет я царствую у вас, может быть, кое-кого я из вас и обидел, может быть, есть недовольные мной. Теперь я состарился и хочу уступить свой трон тому, кто сегодня стал моим зятем.

Все согласились с ним, и юноша стал царем.

Юноша послал людей за отцом и матерью. Их привезли, и сын приветливо встретил их, устроил в их честь джегу на семь дней и семь ночей.

После окончания джегу молодой царь в присутствии всех собравшихся велел поставить старика и старуху в центре круга и объявил:

— Пусть они расскажут всю правду о своей жизни. Если они что-то скроют или солгут, я велю их казнить.

Старик первым рассказал о том, как он бедно жил, как купил волшебную птицу, как стал хаджи. Когда же пришел черед рассказывать старухе, она скрыла правду; тогда юноша позвал аталык-ану, и она рассказала о том, как вела себя женщина после отъезда мужа.

Молодой царь обратился к людям и сказал:

— Вот что со мной случилось, и теперь вы узнали, кто я и откуда я: это мой отец, это моя мать. О, моя мать, раскайся перед отцом в содеянном, и он простит тебя! Поселитесь в этом доме, вы найдете все, что будет нужно!»

Вот такую историю рассказал подданный пши.

Выслушал пши и велел не казнить сына, посадить его в темницу, а сам вернулся домой.

Но его жена опять стала требовать расправы над пасынком. Утром пши опять велел повесить юношу, и снова собрались люди. Кто-то из подданных сказал:

— Стоит ли из-за слов женщины убивать человека. Убьешь, а потом, даже если захочешь, не воскресишь его. Нельзя спешить в таком деле.

Вдруг люди увидели какого-то человека — он изо всех сил бежал к месту казни. То был аталык юноши. Подбежав, он бросился в ноги пши:

— Ой-ой, все это случилось из-за меня! — закричал он.— Это я велел мальчику молчать. Теперь расскажи, мой мальчик, как все было.

Юноша заговорил. Он рассказал обо всем, что произошло. Оказалось, что унауты пши слышали все, что говорила жена пши юноше, и они подтвердили правдивость его слов.

Пши снова разгневался. Он велел привести необъезженного семилетнего жеребца, привязать женщину к его хвосту и пустить коня по степи.

Так погибла коварная женщина, а остальные стали жить богато и счастливо.

16. Сказка о Тлеубокоже

Жил на свете бедный человек. Звали его Тлеубокож. К нему заходили и знатные люди — пши и дворяне. Они нередко брали его с собой в походы хагреем, но никогда не допускали ухаживать за своими конями. Не знали они, что хоть Тлеубокож и бедняк, но владеет чудесными конями и богатырской силой.

Был Тлеубокож гордым и независимым человеком, и один пши решил извести его.

Однажды утром пши поехал к Тлеубокожу. Тот жил на краю аула, его бедный двор весь зарос травой. Подъехал пши к ограде, позвал хозяина. Вышел из дому Тлеубокож.

— Добро пожаловать, пши,— пригласил он гостя.

— Благодарю,— ответил пши.— Поедем со мной, если у тебя нет коня с седлом, я дам его тебе.

— Есть у меня конь,— сказал Тлеубокож.

Зашел он за угол своей бедной сакли и вывел двух коней — серого и вороного с белой отметиной на носу. Пши сел на вороного, Тлеубокож — на серого.

И всадники поскакали.

Долго они ехали, долго скакали и встретили в степи табун коней знаменитого Тлегуц-жаче [1]. Захватили они табун и погнали к себе.

— Как поедешь — впереди табуна или сзади? — спросил Тлеубокож у пши [2].

— Поеду сзади,— ответил пши.

— Тогда проследи за тем жеребцом, он все норовит вернуться к хозяину [3].

Жеребец несколько раз пытался оторваться от табуна и уйти, но пши каждый раз заставлял его повернуть обратно. Неожиданно жеребец вырвался и убежал.

— Жеребец ускакал,— сказал пши Тлеубокожу.

— Лучше было бы его не упускать,— ответил тот.

Через некоторое время жеребец вернулся, а вместе с ним прискакал хозяин табуна — иныж. Подъехал он к пши и спрашивает:

— Угоняешь моих коней?

— Видишь, угоняю.

— Тебе не угнать мой табун, это под силу лишь Тлеубокожу.

И он поехал к Тлеубокожу. Пши поскакал следом за иныжем. И вот встретились три всадника. Спешился Тлеубокож, спешился и иныж — хозяин табуна.

Схватился Тлеубокож с иныжем, и начался поединок. Тлеубокож победил иныжа, и в тот же миг жеребец иныжа поскакал обратно — пши не смог удержать его. Ушел жеребец, а пши и Тлеубокож поехали дальше.

Прошло немного времени. Вдруг слышат — догоняет их второй иныж на том же жеребце.

— Угоняешь моих коней? — спросил он пши.

— Видишь, угоняю.

— Тебе не угнать мой табун, это под силу лишь Тлеубокожу.— И он поехал к Тлеубокожу. Пши поскакал следом за иныжем, и снова встретились три всадника. Спешился иныж, спешился и Тлеубокож. Схватились они — начался поединок.

Тлеубокож повалил великана, и в тот же миг жеребец иныжа поскакал обратно — пши не смог удержать его.

Вскоре на нем приехал отец убитых иныжей — самый жадный, самый главный из них — Тлегуц-жаче.

— Угоняешь моих коней? — спросил он пши.

— Видишь, угоняю.

— Тебе не угнать мой табун, это под силу лишь Тлеубокожу.— И он поехал к Тлеубокожу. Пши поскакал за Тлегуц-жаче.

Спешился Тлегуц-жаче, спешился и Тлеубокож.

— Может быть, я одолею его? — сказал Тлеубокож пши.— Если убью его, жеребец никуда не уйдет — он останется без хозяина.

Начался поединок. Долго боролись они. Наконец Тлеубокож сразил Тлегуц-жаче, но и сам был тяжело ранен. Жеребец ушел в табун.

— После захода солнца я умру,— сказал Тлеубокож.— Ты прикрой меня буркой, а сам садись на моего коня и покрепче привяжи себя к седлу, не то ветром тебя снесет с коня. Трижды ударишь коня плетью, и он побежит, а когда будет надо, сам остановится. Как только конь остановится, ты крикни три раза: «Тлеубокожа нет в живых!» — и уезжай.

С заходом солнца Тлеубокож умер. Пши прикрыл его буркой, пересел на его коня, крепко привязал себя к седлу и трижды ударил коня плетью.

Много ли, мало ли скакал конь — пши не знал. Когда конь остановился, пши крикнул три раза: «Тлеубокожа нет в живых!», и поехал туда, где он оставил убитых иныжей, Тлеубокожа и табун.

Подъезжает пши к месту поединка и глазам своим не верит — Тлеубокож жив, подгоняет табун. Пригнали они коней и вернулись в аул. Тлеубокож взял жеребца и семь кобылиц.

Прежде чем попрощаться с пши, Тлеубокож сказал ему:

— Если скажешь хоть слово кому-нибудь о том, что приключилось с нами в походе, расправлюсь с тобой и всем твоим родом.

Тлеубокож пустил жеребца и семь кобылиц пастись в поле.

Прошло лето. Пришла зима. Весной кобылицы ожеребились, но шесть жеребят не жили больше одного дня.

«Что это такое, что с ними происходит?» — стал думать Тлеубокож и решил не спать в ту ночь, когда должен был родиться последний жеребенок.

На рассвете жеребенок появился на свет, и тут же кто-то ворвался в конюшню. Тлеубокож выстрелил, пришедший выскочил и ушел в камыши.

Это было весной. Настала осень.

У Тлеубокожа была мать, были у него брат и сестра. Как-то осенью его мать и сестра пошли за камышом в поле и нашли там безногого иныжа.

— Что с тобой случилось, иныж, почему у тебя нет ног? — спросила мать.

— В этом виноват твой сын,— ответил иныж.

— Что же теперь делать? — спросили мать и дочь.

— Отвезите меня к себе, вылечите, и я возьму вас обеих в жены,— пообещал иныж.

— Хорошо,— сказали женщины.

Они положили великана на подводу, прикрыли его камышом и отвезли к себе. Поселили его в подземелье и долго лечили в тайне от Тлеубокожа. Иныж был мужем и матери и сестры Тлеубокожа.

Вскоре сестра Тлеубокожа понесла.

— Что теперь делать? — испугались женщины.— Ведь если узнает Тлеубокож, он убьет нас.

— Скажи брату, что ты заболела,— сказал иныж.

Сестра так и сделала.

— Я больна,— сказала она брату.

— Чем же лечить тебя? — сказал он и пошел за лекарем.

Кого только ни приводил Тлеубокож, никто из лекарей не мог вылечить его сестру.

— Что же делать? — забеспокоился иныж.— Если Тлеубокож узнает о том, что произошло, он всех нас убьет. Скажи-ка ему вот что: далеко от нашего края, за семью горами и долами, живет необыкновенная девушка, у нее чудесный сад, а в нем растет яблоня, только ее яблоко исцелит тебя. Тлеубокож поедет за этим яблоком и не вернется, а мы станем жить спокойно.

Когда вернулся Тлеубокож, сестра сказала ему, как научил ее иныж.

Оседлал Тлеубокож того жеребца, которого пригнал вместе с табуном Тлегуц-жаче, и поехал за чудесным яблоком.

Долго он ехал — сколько проехал, знал только он.

Однажды повстречался ему на дороге старый калмык. Он вез на арбе красивую девушку. Калмык пел песню, а девушка горько плакала.

— Скажи мне, старик, почему ты поешь, а девушка плачет? — спросил Тлеубокож.

— Аул, из которого я выехал, захвачен бляго, он грозит съесть всех жителей, если мы не будем каждый день отдавать ему на обед девушку. Сегодня выпал жребий этой девушке быть съеденной, и потому она плачет. Я останусь жив, и потому я пою.

— Тоже дело,— сказал Тлеубокож и поехал вслед за арбой.

Старик ехал медленно, Тлеубокож даже задремал в седле. Очнувшись, он спросил аробщика:

— Мы еще не доехали?

— Нет, не доехали.

Поехали они дальше. Прошло еще немного времени, опять джигит спросил:

— Мы еще не доехали?

— Нет,— снова ответил старик.

В третий раз Тлеубокож задал тот же вопрос, и в третий раз тот ответил «нет».

— Ах ты, рожденный собакой,— крикнул Тлеубокож,— сколько можно ехать?!

Старик соскочил с арбы и бросился в камыши, но Тлеубокож заставил его вернуться и приказал:

— Отведи арбу на обочину дороги и распрягай быков!

Старик привязал быков к арбе. Девушка сошла с дороги и встала у арбы.

Спешился и Тлеубокож, и тут же на дороге появился трехголовый бляго. Увидел он джигита:

— Эй, Тлеубокож, ты что, приехал лишить меня приятного обеда?

— Не такие, как ты, оставались без лакомых кусочков!

Они кинулись друг на друга. Поединок продолжался недолго. Тлеубокож убил дракона, бросил одну из его голов на арбу и велел старику везти девушку обратно, а сам поехал дальше.

А в доме, откуда взяли девушку для бляго, уже начали оплакивать ее. В это время и вернулся старик с девушкой. Радовались все. Стали расспрашивать, как это удалось девушке спастись. Старик сказал, что это он убил чудовище, забрал одну из его голов и спас девушку.

Удивились жители аула.

— Правду говорит старик? — спросили они девушку.

— Если это правда, пусть он вытащит из арбы голову бляго и положит ее перед вами.

Хотел старик поднять голову, но не смог.

— Видите, этот старик не мог убить чудовище, его убил молодой парень, он едет вон по той дороге,— сказала девушка.

Люди поехали вдогонку за Тлеубокожем и попросили его вернуться и погостить у них в ауле.

Вернулся джигит. Зарезали для него яловую корову, устроили в его честь большой пир.

— Если бы ты не спас нашу дочь, бляго съел бы ее. Мы ее отдадим тебе в жены,— сказали ему.

Согласился Тлеубокож. Перед тем как пойти в комнату к жене, он сказал:

— В конюшню к моему жеребцу поставьте кобылицу.

Так и сделали. Утром, перед отъездом, Тлеубокож сказал жене:

— У тебя родится сын, у кобылицы жеребенок. Если ты воспитаешь их вместе, это когда-нибудь обернется тебе добром.

Так он сказал и уехал.

Ехал он ехал и опять встретил старика и девушку на арбе. Старик поет, девушка плачет.

— Почему, дада *, ты поешь, а девушка плачет? — спросил Тлеубокож.

— В нашем ауле горе. Бляго оцепил его и грозится съесть всех жителей, если мы не будем отдавать ему каждый день девушку на обед. Сегодня пришел черед этой девушке, и потому она плачет. Я останусь жив и потому пою.

Поехал Тлеубокож за арбой и снова задремал в седле. Проснувшись, он спросил старика:

— Мы еще не доехали?

— Нет,— ответил тот.

Прошло еще немного времени, опять джигит спросил:

— Мы еще не доехали?

— Нет,— снова ответил старик.

В третий раз задал Тлеубокож тот же вопрос, и в третий раз тот ответил «нет».

— Ах ты, рожденный собакой,— крикнул Тлеубокож,— сколько можно ехать?

Старик кинулся в сторону, в камыши. Тлеубокож заставил его вернуться и приказал:

— Отведи арбу на обочину дороги и распрягай быков.

Девушка сошла с арбы и стала рядом с ней.

Спешился и Тлеубокож.

Вдруг появился дракон с тремя огнедышащими головами. Увидел он Тлеубокожа.

— Эй, Тлеубокож, ты что, приехал лишить меня приятного обеда? — спросил.

— Не такие, как ты, оставались без лакомых кусочков,— ответил джигит.

Схватились они, и Тлеубокож убил бляго, снес одну из его голов, бросил ее в арбу и отправил старика с девушкой обратно.

Во дворе у родителей девушки собралось много людей. Они громко плакали и причитали. Когда они увидели девушку живой, бросились к ней, стали спрашивать, как ей удалось спастись.

— Это я убил бляго,— сказал вдруг старик.

— Правду говорит старик? — спросили они девушку.

— Если это правда, пусть он вытащит из арбы голову дракона и положит ее перед вами.

Хотел старик поднять голову бляго, но не смог.

— Видите, этот старик не мог убить чудовище, его убил молодой парень, он едет вон по той дороге,— сказала девушка.

Несколько всадников поехали за Тлеубокожем и попросили его вернуться и погостить у них в ауле.

Вернулся джигит. Зарезали яловую корову, в честь его устроили большой пир.

— Ты спас нашу дочь, и мы отдаем ее тебе в жены,— сказали ему родители девушки.

Тлеубокож согласился.

— В конюшню к моему жеребцу поставьте кобылицу,— сказал он.

Так и сделали.

Переночевал он с женой, а наутро, уходя, сказал ей:

— У тебя будет сын, а у кобылицы — жеребенок. Воспитаешь их вместе, когда-нибудь обернется это тебе добром.

Так он сказал и отправился опять в путь.

Ехал он ехал и опять встретил арбу, на которой старик вез девушку.

— Почему, дада, ты поешь, а девушка плачет?

— У нашего аула появился страшный враг — бляго. Он грозит всех нас уничтожить, если не будем давать ему каждый день девушку на обед. Я пою, потому что вернусь, а она оплакивает свою горькую участь.

Поехал Тлеубокож вместе с ними.

Ехал он ехал и спросил:

— Приехали?

— Нет еще,— ответил старик.

Спросил второй раз, старик ответил «нет».

— Когда же ты доедешь? — рассердился Тлеубокож; старик в испуге выскочил из арбы и побежал в кусты.

Тлеубокож вернул его, приказал распрягать быков. Девушка вышла, встала рядом с арбой. Тлеубокож тоже спешился. Бляго сразу направился к ним.

— Что, Тлеубокож, приехал оставить меня без обеда?

— Ничего, потерпишь, не таких, как ты, я оставлял без обеда.

Кинулись они друг на друга, и началась схватка. Дрались долго. Наконец, поверженный, бляго упал. Снес Тлеубокож его голову, бросил на арбу и отправил старика с девушкой обратно.

Во дворе у родителей девушки собралось много людей, они громко плакали и причитали. Когда увидели они, что девушка вернулась домой, все бросились к ней и стали спрашивать, как ей удалось спастись.

— Это я убил бляго,— сказал старик.

Девушка же сказала, что дракона убил один джигит и поехал дальше своей дорогой, и она показала куда. Вернули его, пировали с ним, угощали его и отдали ему девушку в жены.

Прежде чем пойти к молодой жене, Тлеубокож сказал:

— Поставьте к моему жеребцу в конюшню кобылицу.

Так и сделали.

Тлеубокож провел ночь с женой. Утром, перед уходом, он сказал ей, что она родит мальчика, кобылица — жеребенка и что, если она воспитает их вместе, когда-нибудь это обернется добром для нее.

— Неожиданно мы стали с тобой мужем и женой,— сказала она.— Скажи мне, куда и зачем едешь?

— Далеко, за семью горами и долами, есть прекрасная девушка, у нее есть чудесный сад. Я еду за яблоком из этого сада, чтобы исцелить больную сестру.

— Прежде чем ехать туда, надо хорошо подготовиться. Неделю ты отдохнешь здесь, а я соберу тебя в дорогу. Тот сад охраняют сотня орлов и сотня стрелков, семь нагучиц ходят вокруг него, его сторожит собака. Вокруг сада стоит войско. Около полудня одно войско уходит, а через полчаса приходит другое,— сказала женщина.

Для ста орлов она приготовила сто цыплят. Для ста стрел-

ков — сто стрел. Семь нагучиц прикрыты одной смушкой — она приготовила для них красивые покрывала.

— У коня в кормушке будет мясо, у собаки — сено. Ты переложи мясо собаке, сено — коню,— сказала жена Тлеубокожа.— Скажи мне, как тебя найти, если ты не вернешься в положенное время?

— Мой конь оставляет необыкновенные следы, по ним и можно будет отыскать меня,— ответил Тлеубокож. Оставил он жене свой перстень, взял с собой цыплят, стрелы, покрывала и отправился в путь.

Когда увидел он орлов — бросил им цыплят, а когда встретил стрелков — отдал им стрелы: каждый из них хотел захватить себе побольше. Тем временем Тлеубокож благополучно проехал. Нагучицам он кинул дорогие покрывала. Вскоре Тлеубокож увидел коня, в кормушке которого было мясо, и собаку, в кормушке которой было сено, и переменил им корм.

Около полудня он приехал к саду. Было как раз время смены войска. Когда одно войско ушло, а другое еще не прибыло, Тлеубокож выбрал подходящий момент, забрался в сад и сорвал чудесное яблоко.

Хозяйка сада увидела его и крикнула:

— Мой конь, на помощь!

Но конь даже не шевельнулся, только прошептал:

— Доброго пути, молодец, ты сделал мне добро!

— Моя собака, на помощь! — крикнула тогда девушка.

Но собака тоже не шевельнулась:

— Доброго пути тебе, мой спаситель!

Девушка звала на помощь и нагучиц, и стрелков, и орлов, но никто из них даже не двинулся с места.

Прошло много времени с той поры, как Тлеубокож отправился за чудесным яблоком. У его жен родились сыновья, кобылицы ожеребились. Сыновьям исполнилось по восемнадцать лет. Старший сын оседлал коня и поехал к среднему, а вместе с ним — к младшему брату.

Третья жена Тлеубокожа собрала всех сыновей и сказала:

— Ваш отец давно уже отправился в путь и долгие годы сидит в седле. Если он жив, найдите его. Конь его оставляет необыкновенные следы. Идите по следам и найдете его.

Она надела перстень мужа на палец своего сына и сказала:

— Когда встретите отца, проезжайте мимо него так, чтобы он увидел этот перстень. Если он скажет: «Вернитесь», возвращайтесь, ничего не скажет — проезжайте мимо.

Сыновья отправились на поиски отца. Ехали они по следу, который оставил его конь, и наконец встретили отца. Они сразу узнали его — мать младшего сына подробно рассказала им, каков он собой.

Когда Тлеубокож увидел свой перстень на руке одного из джигитов, он сразу догадался, что это его сыновья. Но он не окликнул юношей, и они проехали мимо. Когда они были совсем далеко и стали уже теряться из виду, Тлеубокож окликнул их, и юноши мгновенно прискакали к нему.

Вместе с сыновьями Тлеубокож заехал к младшей жене. Здесь его встретили с большой радостью, щедро одарили и проводили в путь. Затем заехал он ко второй жене. И здесь встретили его с почетом и проводили с богатыми подарками. И первая жена встретила его хорошо, а ее родственники устроили в честь зятя семидневный пир.

Приехал наконец Тлеубокож в аул своего отца. Он оставил сыновей с табунами в камышах, а сам поехал разузнать, что произошло в ауле в его отсутствие.

Едет он по аулу и встречает табун таких же коней, как у его сыновей. Вдруг видит в яме мужчину с длинной бородой и почти раздетого — а на дворе была уже поздняя осень, стояли холода.

Остановился Тлеубокож, удивленно спрашивает:

— Ты чей родом?

— Я — младший брат Тлеубокожа.

— Какие хабары в ауле?

— Вот какие хабары,— и брат рассказал Тлеубокожу все: как мать и сестра нашли в камышах безногого иныжа, как вылечили его, как он взял их обеих в жены, как сестра его понесла и как она, боясь наказания брата, отправила его на поиски заветного яблока, из-за которого Тлеубокож должен был погибнуть. И действительно, он до сих пор не вернулся, наверное, погиб. Мать с сестрой родили двадцать пять иныжей, которые сожрали почти всех жителей аула. Меня они сделали табунщиком. Кормить кое-как кормят, а вот одежды почти никакой не дают.

— Как бы мне встретить всех двадцать пять иныжей вместе? — спросил Тлеубокож.

— Если начнешь угонять наш табун, за тобой погонятся сразу все двадцать пять иныжей,— ответил брат.

Он вышел из ямы, Тлеубокож дал ему одежду и повел к своим сыновьям. Он спросил старшего сына:

— Со сколькими иныжами ты мог бы справиться?

— Пока не вскипит вода для приготовления пасты, я убью десятерых.

Тлеубокож спросил среднего, сколько иныжей мог бы он убить.

— Пока не сварится паста, убью пятнадцать,— ответил тот.

На такой же вопрос отца младший ответил:

— Пока ты снимешь шкуру с овцы, я убью всех двадцать пять.

— Тогда пошли,— сказал Тлеубокож и погнал табун коней.

Поскакали за ними все двадцать пять грозных иныжей. Отец с сыновьями расправились с ними — всех уничтожили. Тлеубокож с сыновьями вернулся к себе домой.

Сыновья убили его сестру, которая отправила брата на верную гибель.

— Убейте и мать,— сказал Тлеубокож сыновьям.

— Нет, этого мы не можем сделать,— ответили они.

Тогда Тлеубокож вывез мать вместе с одноногим великаном и бросил их в зарослях камыша со словами:

— Мать, ты очень любила того, кто лежал здесь, теперь и ты полежи вместе с ним.

С тремя женами и со всеми своими сыновьями остался Тлеубокож и жил долго, так долго, что не мог ответить, сколько лет он прожил.

17. Сказка о пшитле *

Как сказывают и пересказывают, жили-были на свете муж с женой. Их дом стоял рядом с княжеским, а они были бедными пшитлями.

Однажды пши позвал к себе пшитля и велел ему ехать в дальний край, где он найдет много золота, привезет его пши и сам разбогатеет. «Кто знает, может быть, мне посчастливится»,— закралась надежда в сердце бедняка, и он решил ехать.

Пши хорошо знал, что посылает бедняка на верную гибель. А бедняк, надеясь выбиться из нищеты, усердно готовился в путь. Сидя на крылечке, он чинил конскую сбрую. Жена, сидевшая у его ног, просила мужа не уезжать. Она сердцем чувствовала, что он погибнет в чужом краю, а она со дня на день ожидала рождения ребенка. Но как ни просила жена, муж пропустил ее слова мимо ушей — он решил ехать.

К вечеру он приготовил коня и сбрую, жена уложила ему дорожную провизию. На рассвете, когда аул еще спал, пшитль сел на коня и отправился в путь. Никто не знал, куда он уехал.

Жена так и не дождалась его возвращения.

Когда пришел срок, у женщины родился сын.

Шел день за днем, месяц за месяцем, и так прошло много лет. Вырос мальчик, пошел ему восемнадцатый год.

Однажды парень играл с сынками пши и нечаянно сломал руку одному из них. Он громко заплакал, и на крик мальчика на улицу выбежала его мать:

— Если тебе некуда девать силу, то лучше узнай, где твой отец и что с ним произошло!

С той поры юный джигит стал часто думать о том, где его отец, и не раз спрашивал об этом у матери, но она не отвечала.

Однажды мать приготовила хантхупс * и поставила его перед сыном. Он стал просить, чтобы мать поела вместе с ним. Сын сказал:

— Нана, мы никогда не ели с тобой вместе. Давай теперь всегда будем есть вместе.

Удивилась женщина словам сына:

— Нет, мой мальчик. До сих пор мы не ели за одним столом и теперь не будем.

Но юноша не прикоснулся к еде, пока мать не села с ним за анэ.

Некоторое время сын ел молча, а потом неожиданно схватил руку матери и сунул ее в хантхупс:

— Нана, поклянись пастой-солью, что расскажешь мне обо всем, о чем я спрошу тебя,— сказал он.

— О мой мальчик, обещаю тебе, расскажу, что знаю. В этом большом мире мне плохо живется, но я не умираю. Что я могу рассказать тебе, когда я сама ничего не знаю о судьбе твоего отца. Отпусти мою руку.

— Нет, нана, пока не скажешь, что стало с нашим отцом и где он, не отпущу.

— О мой мальчик, кому я скажу, если не тебе. Отпусти руку, расскажу все, что знаю,— пообещала мать.

И она поведала сыну о том, как пши уговорил его отца поехать за богатством и как тот не вернулся. Она рассказала ему также, что отец вырастил в подземелье, тайно от людей, стригуна от своего коня на тот случай, если у него родится сын.

— Нана, если буду жив, обязательно узнаю хабар об отце,— сказал юноша.

День он провел в глубоком раздумье. А когда лег спать, долго не мог уснуть — все думал о том, что пойдет по следам отца и узнает хабар о том, жив ли отец или пропал. На рассвете сладкий сон одолел его. Приснилось ему, будто подошел к нему незнакомый мужчина и сказал: «Если отправишься в путь, переправишься через семь рек, выедешь на единственную дорогу, что идет через лес. Поезжай по этой дороге. Она приведет тебя к золотому дому, там ты и узнаешь хабар об отце и станешь богатым...»

В это утро джигит спал долго. Когда он проснулся, солнце уже было в зените.

— О нана, через несколько дней я отправлюсь в путь. Приготовь мне на дорогу гомыле *,— сказал он матери.

— О мой мальчик, я просила твоего отца никуда не ездить, он не послушал меня и не вернулся. Ты один, на кого я могу надеяться, поэтому прошу тебя — не покидай отцовский дом,— сказала мать и заплакала.

Но сын стал собираться в дорогу. Он оставил юношеские забавы и занимался только тем, что чинил сбрую, холил своего коня.

Пши, погубивший его отца, заметил приготовления молодого джигита и решил разузнать, что он задумал. Однажды пши послал за юношей своего унаута и велел привести его к себе.

Когда джигит вошел в дом, пши велел подать ему лучшее угощение, а после этого стал расспрашивать, далеко ли он собирается. Парень все рассказал ему, ничего не утаил.

Испугался пши, что молодой джигит захочет отобрать у него власть, и потому одобрил его намерение отправиться на поиски отца.

— О мой мальчик,— сказал пши,— я все вижу — как ты встаешь на рассвете, как обхаживаешь коня, как учишься рубить мечом. Все это хорошо, и пусть аллах поможет тебе в осуществлении твоих намерений. И я помогу тебе, чем смогу. Твой конь, оружие и снаряжение не годятся для дальнего пути. Подожди, мой мальчик, неделю, и я прикажу приготовить для тебя и коня и оружие,— сказал пши.

— Я не могу ждать еще неделю,— сказал юноша.

— Тогда пойди к моему табуну и возьми коня, на котором я выезжал в походы. Этот конь будет достоин тебя — перенесет тебя через семь рек, в окрестностях нет другого коня, который смог бы это сделать,— сказал пши.— Я велю отдать тебе мой меч, в молодости мне ни разу не пришлось краснеть из-за него,

но я считаю, тебе нужен лучший меч. Я велю заказать для тебя кузнецам самый хороший меч,— сказал пши.

И джигит направился к княжескому табуну, где взял коня пши. Неделю он кормил коня овсом, пас на лучшем лугу, поил ключевой водой. Прошла неделя, пши опять прислал за джигитом своего унаута, и они пошли в кузницу. Кузнецы вынесли готовый меч — он был обоюдоострый, тяжелый (32 фунта!) и сверкал, как солнце.

Пши едва приподнял меч, но взмахнуть им не смог.

— Посмотри-ка, мой мальчик,— сказал пши,— этот меч достоин тебя!

Джигит подошел, поднял меч и поиграл им в воздухе, будто у него в руках было куриное яйцо.

Бывалые кузнецы сразу поняли, что юноша владеет недюжинной силой и никто в окрестности не сможет его победить.

Когда юноша возвратился из кузницы, пши приказал приготовить для него дорожную провизию и проводил его в путь. Юноша сел на коня и выехал со двора. Вскоре он подъехал к реке. Конь остановился и стал пятиться назад. Поднял джигит плеть и вспомнил, что пши предупреждал его: нельзя бить коня плетью три раза, так как он может унести всадника очень далеко. Но он не придал значения словам пши и трижды хлестнул коня. Конь рванулся и поплыл, раздвигая воду грудью.

Он перенес хозяина через семь рек, и ни одна капля воды не попала на седока. После этого джигит изо всех сил натянул уздечку, и конь остановился как вкопанный. Юноша спешился, перекусил и отдохнул.

Отдохнув, он продолжал свой путь и скакал несколько дней и ночей без отдыха. Вскоре джигит приехал к дремучему лесу, нашел ту единственную тропинку, по которой должен был ехать, и вступил на нее.

Не сворачивая никуда, ехал он по этой тропинке три дня и три ночи. На третью ночь увидел дом необыкновенной красоты.

Он остановил коня, спешился и вошел в дом — в нем никого не было. Джигит немного поел и решил подождать прихода хозяина.

Прошло двое суток, а никто не появлялся. За это время юноша разглядел свое пристанище и понял, что это не простой дом. Когда он входил во двор — перед ним был огромный домище, а когда возвращался — попадал в одну-единственную комнату с одним входом.

Приглядевшись, джигит увидел, что дом сделан из золота, и тут он вспомнил, что именно такой дом видел во сне. Он решил подождать еще один день и, если опять никто не появится, возвращаться обратно, захватив с собой сапетку золота.

Приняв такое решение, джигит прилег отдохнуть и крепко заснул.

Было уже за полдень, когда он проснулся от сильного шума. Он открыл дверь и посмотрел вокруг, но никого и ничего не увидел. Шум все усиливался, и, предчувствуя опасность, джигит вынул меч и спрятался за дверью. Он решил снести голову тому, кто войдет в дом.

Через несколько мгновений показался семиглавый бляго. Когда бляго подошел к дому, он сразу узнал, что в нем находится человек.

— Аллах покровительствует нам, сейчас будем есть вкусное мясо маленького человека! — С этими словами семиглавый бляго открыл дверь и просунул шесть своих голов в комнату. Тут джигит взмахнул мечом и снес все шесть голов чудовища, а седьмую сильно повредил.

Пораженный бляго упал.

Думая, что семиглавый дракон убит, джигит сбросил его в глубокую яму, из которой, как говорили, никто не возвращается живой.

Не успел он отдохнуть от расправы с семиглавым драконом, как появилось второе чудовище. И его сразил молодой джигит.

Вслед за вторым появился третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой драконы — все они были с семью головами, и всех он сразил.

Расправившись с семью чудовищами, джигит подошел к дому, отколол золота, чтобы наполнить им сапетку и отнести ее матери. Тем временем он подумал: «Почему мы с матерью не можем здесь жить — ведь это лучше, чем быть рабами пши; золота нам хватит до конца жизни. Привезу сюда мать, и мы будем счастливо жить здесь с ней»,— решил он [1].

Он поскакал обратно и вскоре приехал домой.

Много лет был джигит в пути — за это время он возмужал, а мать его состарилась.

Когда он вошел в дом, то увидел старушку, сидевшую у печки. Она мешала золу в печке и плакала. Одета она была в тряпье.

— О нана, что случилось с тобой? — воскликнул джигит.

— О мой единственный мальчик, ты вернулся живой! Ка-

кое счастье, а я сижу и думаю, что ты уехал туда, куда поехал когда-то твой отец и не вернулся.— И мать бросилась обнять сына.

После возвращения джигита мать с сыном стали жить, никому не завидуя — ведь у них было много золота.

Прошло время, и сын стал уговаривать мать переехать туда, откуда он только что вернулся.

— О мой сын, как я покину аул, где прожила всю жизнь! Нет, я не смогу этого сделать,— сказала мать.

— Нана, нам нельзя не ехать. Там много золота, которого хватит на наш век. Почему мы должны быть здесь пшитлями? Давай поедем,— сказал сын.— Когда ты захочешь приехать сюда, я привезу тебя, и ты будешь гостить здесь столько, сколько пожелаешь,— пообещал он.

Вскоре они отправились в путь и приехали к золотому дому.

Хорошо жилось им на новом месте — сын уходил в лес на охоту, а мать оставалась дома.

Бывало, что сын не возвращался с охоты месяцами. Вместе с ним всегда были его верные собаки. Одна из них бежала далеко впереди хозяина и, почуяв опасность, возвращалась обратно, чтобы предупредить его о беде. Кроме собак у джигита всегда с собой были ружье и меч.

Однажды джигит отправился на охоту в лес, а мать, по обыкновению, осталась дома. Вдруг она услышала громкий стон и сильно испугалась — она ведь знала, что вокруг никто не живет. Она вышла во двор — никого не видно. Женщина вернулась в дом и продолжала делать свои дела. Через некоторое время стон повторился. Женщина снова вышла из дому, осмотрела весь двор. Стоны раздавались совсем близко. Тогда женщина подошла к яме, в которую ее сын бросил убитых драконов, и заглянула в нее: тут она увидела, что стонал тот семиглавый бляго, которому ее сын снес шесть голов.

Дракон вылез из-под трупов своих братьев и хотел выбраться из ямы, но она была такая глубокая, что он не мог этого сделать без посторонней помощи.

Увидев женщину, бляго жалобно попросил:

— Кто бы ты ни была, помоги мне выйти из этой ямы: если у тебя нет брата — буду тебе братом, если нет мужа — стану тебе мужем. Обещаю, что проживешь век в довольстве. Ради аллаха, помоги мне!

Но женщина ушла в дом, приговаривая: «Чтоб аллах умертвил тебя прежде, чем я тебя освобожу...»

Но вскоре она снова вышла из дому и пошла к яме. Как и в первый раз, бляго стал просить ее о помощи.

Женщина решила стать его женой и потому спросила:

— Как помочь тебе выйти из ямы?

— В конюшне стоят двенадцать лошадей, выведи их и привяжи к их хвостам большую веревку. Я ухвачусь за нее, и они меня вытащат,— сказал бляго.

Женщина быстро пошла в конюшню, вывела лошадей, привязала к их хвостам большую веревку и бросила конец в яму.

Бляго схватился за него, а лошади вытянули его из ямы.

После этого женщина отвела лошадей в конюшню; помогая больному, она завела его в дом. Бляго сказал:

— Достань вот там ключ и открой двери.

Женщина взяла ключ и стала открывать двери одну за другой, в доме оказалось семь комнат. В седьмой комнате лечились братья-драконы, и бляго стал врачевать здесь свои раны.

Молодой джигит и не подозревал о существовании этих комнат.

К возвращению сына женщина запирала их, а когда сын уезжал на охоту, она проводила с бляго время, как с мужем [2].

Прошло время, и женщина понесла. Она сказала об этом мужу-дракону, и он посоветовал:

— Когда родится ребенок, я отнесу его на развилку дорог и положу там. Твой сын, возвращаясь домой, найдет ребенка и возьмет с собой. Но сначала он положит его в конюшне, в яслях, а потом зайдет в дом. Когда ты начнешь расспрашивать его о причине печали, он все тебе расскажет и станет просить, чтобы ты воспитала подкидыша. Ты не соглашайся, а он будет настойчиво просить тебя: «Воспитай, нана, этого мальчика, он будет мне младшим братом, да и тебе не будет скучно...» Тогда ты без особой охоты согласишься, а дальше будет видно.

И вот пришел день, когда мать родила мальчика,— юноша в это время был на охоте.

К моменту возвращения юноши бляго отнес ребенка к развилке дорог и положил там, а сам вернулся домой.

Когда юноша возвращался с охоты домой, обычно одна собака бежала впереди него, а другая — рядом. Вдруг он увидел на дороге младенца-подкидыша. Удивился юноша — сколько лет он не встречал здесь ни одной живой души, кроме зверей или животных, а тут ребенок.

Взял он его и принес домой, но, побоявшись матери, положил в конюшне. Опечаленный, вошел он в дом. Мать, как обычно, радостно вышла навстречу сыну, завела его в дом, подала анэ.

— О мой мальчик, почему ты сегодня такой невеселый, что случилось? — спросила она.

Сын сидел молча, даже не притрагивался к еде. Мать настойчиво расспрашивала его, и тогда он рассказал, что нашел ребенка, и попросил:

— Нана, воспитай мальчика, и тебе не будет скучно одной, и мне он будет младшим братом!

Женщина не очень охотно, но согласилась. А для юноши мир стал светлым и радостным, он словно летал на крыльях радости. Он провел дома несколько месяцев, никуда не выезжая, и помогал матери воспитывать мальчика.

— Хватит мне отдыхать,— сказал однажды джигит, сел на коня и выехал в путь.

Прошло два или три года, а юноша все еще не знал, что его мать стала женой бляго и что его младший брат — сын бляго. И мать и бляго боялись, что он узнает об этом, и задумали погубить его.

Однажды, когда юноша, как обычно, поехал охотиться в лес, бляго вышел из своей комнаты и стал говорить с женой, как это сделать. В это время сын бляго играл, сидя у печки, и слышал, как отец сказал:

— Когда твой сын будет возвращаться с охоты, я его встречу и сражусь с ним. Но ты должна сделать так, чтобы он забыл дома либо меч, либо ружье. Лучше, если он будет без меча,— сказал бляго,— убить меня из ружья он сочтет недостойным для себя. Когда он не станет стрелять в меня, я скажу: «Спешивайся, поиграем в хеч-хас *». Он сойдет с коня, и мы начнем бороться. Один из нас должен победить. Если я одержу победу — хорошо, но если победит он, то сожжет мое тело, а прах развеет по ветру. Когда такое свершится, ты пойди к тому месту, где он будет сжигать мое тело, возьми немного земли, пропитанной моим жиром, свари ее вместе с пастой и накорми своего сына. Когда он съест эту пасту, он умрет, а я тут же воскресну.

Женщина согласилась сделать все так, как научил ее бляго.

А маленький мальчик, сидевший перед печкой, хорошо запомнил этот разговор.

Вдруг во дворе послышался шум — то вернулся с охоты сын женщины. Бляго тут же скрылся в своей комнате, а женщина

вышла из дому. Она так радостно встретила сына, как будто бы и не замышляла против него ничего дурного.

Обрадовался джигит, увидев мать такой веселой.

— Что, нана, жива? А я опасался за тебя — мне приснился дурной сон, и я вернулся с охоты раньше времени, потому что сильно беспокоился и за тебя, нана, и за брата. Что поделывает мой младший брат? — спросил он у матери.

— Сын мой, ничего не случилось со мной, и твой младший брат целыми днями сидит у печки и играет,— сказала женщина.

Пока юноша ставил коня в конюшню, женщина пошла в комнату и быстро приготовила для него анэ.

Когда юноша вошел в комнату, младший брат с радостью бросился ему на шею.

— Чем занимаешься, мой младший брат? В каких геройских делах проводишь дни? — спросил юноша.

— Придет время, и ты увидишь, что я делаю,— отвечал, смеясь, брат.

Юноша умылся, поел. Вместе с ним поел и младший брат.

Отдохнув несколько дней, юноша опять сел на коня и уехал. Перед отъездом мать сказала ему:

— О мой сын, сегодня не бери с собой и меч и ружье — возьми что-нибудь одно.

— Мать, меч болтается туда-сюда, а ружье более удобно,— сказал он, но, не желая обидеть мать, оставил ружье, взял меч и уехал.

Пока он охотился, бляго готовился к его возвращению. Женщина ему помогала. А младший сын, слышавший разговор отца и матери, которые задумали погубить его старшего брата, подставил скамейку и достал с полки ружье брата, вынес его из комнаты и спрятал в кормушке. После этого он вернулся, сел на прежнее место и продолжал играть.

Бляго приготовился к поединку и вышел из своей комнаты вместе с женщиной. Он хотел взять ружье, но не нашел его.

— Ты сказала, что заставила сына оставить ружье, где же оно? — спросил бляго.

— Да, он оставил ружье, но, наверное, вернулся и все-таки взял его с собой.— О мой мальчик, ты не знаешь, где ружье твоего старшего брата? — обратилась женщина к младшему сыну.

— А мой старший брат вернулся с дороги, взял ружье, даже со мной не поговорил и быстро ушел,— ответил мальчик.

Бляго некоторое время стоял в раздумье, потом сказал женщине:

— Пойду-ка, встречу его безоружным, а он не сочтет за честь для храброго мужчины убивать безоружного.— И он отправился к развилке дорог, где стал ждать возвращения юноши.

Не успел он сесть, как из-за угла выскочили две собаки — одна остановилась как вкопанная, а другая побежала обратно к хозяину, чтобы предупредить его об опасности. Джигит тут же приготовился к встрече с врагом.

Подъехав к развилке дорог, он вдруг увидел того семиглавого бляго, которого давно считал убитым,— только теперь у него была одна голова: бляго сидел в тени деревьев.

— Что я вижу, откуда ты взялся, разве я не убил тебя в тот раз? Ты остался жив, но теперь-то я расправлюсь с тобой!— сказал джигит.

Тем временем младший брат, спрятавшись за деревом, наблюдал за ними. Он предусмотрительно захватил с собой ружье и украдкой шел следом за бляго, прячась от него за деревьями. Мальчик очень боялся, что отец убьет его старшего брата.

— О юноша, кто безоружен, того не встречают оружием!— сказал бляго.— Если хочешь, слезай с коня, поборемся в хечхас, а?

Джигит был уверен в своих силах и потому согласился.

Он сошел с коня и подошел к дракону. Они встали лицом к лицу. Первой была очередь бляго. Он схватил юношу и вбил его в землю по колени. Когда настала очередь юноши, он взял бляго и, высоко подняв, вогнал его в землю по бедра. Рассвирепел бляго и, схватив юношу второй раз, вбил его в землю по бедра. Тут джигит понял, что если не приложит все силы и все умение, то погибнет. И когда опять подошла его очередь, он высоко поднял бляго и вбил его в землю по пояс. Бляго, схватив джигита в третий раз, ударил его изо всех сил, но вогнал его в землю чуть-чуть ниже пояса. Тогда юноша собрал все свои силы и вбил противника до шеи — так, что он уже не смог освободиться.

В тот же миг к ним подскочил младший брат, который наблюдал за поединком из засады. В руках он держал ружье.

— Скажи, брат, куда мне стрелять? — спросил мальчик.

— Мой младший брат, стреляй ему в голову,— сказал джигит.

Выстрелил мальчик и убил своего отца — бляго.

Юноша тут же сжег тело дракона, а золу развеял по ветру.

Посадив брата к себе на коня, он поехал домой. Когда подъехали близко к дому, мальчик сказал:

— Давай, я тут сойду, а то мать узнает, что я помог тебе расправиться с бляго, и будет меня бить.

Так и сделали.

У ворот мать ожидала сына.

— Мать, как там младший брат? — спросил юноша.

— Там, за конюшней играет,— ответила она.

Юноша зашел в дом, брат тоже прибежал и даже виду не показал, будто что-то произошло.

Сели братья, поели.

На другой день юноша сел на коня и уехал, сказав матери, что вернется через два дня. А женщина пошла к развилке дорог, где был сожжен ее муж-бляго, взяла там немного земли и к возвращению сына приготовила с этой землей пасту.

Когда вернулся старший сын, мать не вышла его встречать. Джигит был удивлен. Ведь всегда раньше она встречала его у ворот. Он не мог понять, что случилось с матерью, быстро вошел в дом и спросил:

— Нана моя, что случилось с тобой?

— Сын мой, целый день болит голова, прямо умираю от боли. Раньше она у меня не болела. Дома нету ни капли воды, я еле-еле принесла немного и сварила пасту,— сказала мать и поставила перед сыном анэ.

Юноша не садился за анэ, не помыв руки. Маленький мальчик, стоявший рядом, сказал:

— Мой старший брат, я мигом принесу воды, а тебя прошу: пока я не вернусь, не прикасайся к этой пасте.— И побежал к колодцу.

Женщине не понравились эти слова младшего сына.

— Можно один раз и не помыть руки, зачем ты слушаешь, что скажет тебе этот подкидыш! То, что говорит мать, которая тебя родила, для тебя ничего не значит!

Тем временем вернулся мальчик с водой, полил из кувшина старшему брату. Сели они вдвоем ужинать, и мальчик снова попросил старшего брата:

— Прежде чем начнем есть, мой старший брат, дай этой пасты собачке!

— Этот паршивец много болтает! — сказала женщина и ударила мальчика по голове.

Но юноша дал кусок пасты собачке. Она проглотила ее и тут же сдохла.

После этого мальчик рассказал брату все, что знал о замысле матери и бляго.

Узнав о коварстве матери, юноша вывел из конюшни двенадцать коней, привязал к ним женщину и пустил их в поле. Они разорвали ее.

С тех пор братья стали жить еще дружнее, чем прежде. Мальчик вставал всегда рано, готовил для брата еду, вовремя разжигал огонь, приносил воду, убирал в доме. Так прожили они много лет.

Однажды, встав, по обыкновению, рано утром, мальчик обнаружил, что жар в очаге, который он с вечера засыпал золой, потух. Мальчик огорчился из-за того, что нечем развести огонь. У старшего брата в кармане лежало кресало, но если бы он зашел за ним в комнату, то мог бы его разбудить. Что делать? Он вышел из дому, залез на самое высокое дерево и осмотрелся, не светит ли где огонек.

Вдалеке он заметил огонек, быстро спустился с дерева и пошел на него. Долго он шел и наконец увидел, что войско иныжей окружило дворец ногайского хана. Осаждавшие развели костер.

Мальчику нужно было унести огонь, чтобы приготовить еду для старшего брата. Неслышно ступая по земле, он прокрался между иныжами и подполз к костру. Тут он увидел, что над огнем подвешен большой котел, в котором варились человеческие ноги и руки.

Мальчик неслышно взял головешку и пустился в обратный путь. В это время подул ветер, и огонек от головешки упал на иныжа. Тот закричал и, протянув руку, схватил мальчика. Он поднял страшный шум:

— Э-эгей, я поймал человечка и хочу бросить его в котел!

Одни иныжи кричали: «Брось его в котел, наедимся досыта». Другие предложили: «Не надо бросать в котел, лучше пусть он поможет нам. Если поможет — отпустим».

Иныжи хотели, чтобы мальчик помог им в одном деле.

Так как мальчик торопился к старшему брату, он пообещал иныжам:

— Завтра в это время я буду у вас, только сейчас отпустите меня!

Иныжи отпустили мальчика с условием, что он возвратится к утру.

Мальчик вернулся домой, развел огонь и приготовил еду. Когда старший брат встал, еда была готова, он хорошо поел и,

даже не подозревая о приключениях младшего брата, сел на коня и уехал.

Подошел срок, назначенный иныжами, и мальчик отправился к ним. Увидев его, иныжи обрадовались. Дело в том, что иныжи решили женить своего царя на дочери ногайского хана, славившейся своей красотой, но хан не хотел выдавать ее за иныжа.

Поэтому-то иныжи и окружили дворец хана.

Тот огромный дворец — больше, чем адыгский аул,— был обнесен высокой каменной стеной, и иныжи не могли пробраться в него.

Иныжи сказали мальчику, что он должен помочь им любым путем пробраться во дворец.

Немного подумав, мальчик сказал:

— Найдите гирю побольше и толстую скрученную веревку.

— Это нетрудно,— сказали иныжи и быстро принесли все необходимое. Но они не могли понять, что будет делать мальчик с веревкой и гирей.

Когда все было готово, мальчик сказал иныжам:

— Привяжите веревку к гире и забросьте ее во дворец.

Иныжи так и сделали.

— Теперь я поднимусь по этой веревке во дворец. Там я открою малые ворота; большие я не смогу открыть. Конечно, малые ворота для вас будут узки, и когда вы будете проходить, вам будет больно, но терпите, чтобы никто не узнал о вас,— предупредил мальчик.

Так и сделали.

Мальчик вошел во дворец и открыл малые ворота. Иныжи с радостью кинулись к воротам.

— Без шума входите по одному. Пока я не скажу: «Иди следующий», пусть никто не проходит в ворота,— сказал мальчик.

Он пропускал иныжей по одному, каждого убивал и отрезал ему уши. Так он убил всех иныжей.

Все отрезанные уши иныжей он связал и повесил около комнаты, где спала дочь хана. Потом он проник в ее комнату, снял с ее пальца кольцо, а сам положил дочь так, что голова оказалась там, где были ноги. После этого он возвратился домой.

Утром ханские слуги удивились, увидев связанные уши иныжей. Они не могли понять, кто это сделал.

Хан собрал всех людей своего ханства и объявил:

— За того, кто убил иныжей, отдам свою дочь.

Сыновья многих именитых людей стали говорить: «Я убил

иныжей». Но доказать свое геройство они не могли, и хан велел их казнить. Головы девяноста девяти молодцов были насажены на колья.

Хан приказал любой ценой найти храбреца.

Однажды к хану пришли три охотника и сказали:

— Мы на охоте встречаемся с одним юношей. Он очень видный, пригожий, с ним всегда две верные собаки. Но мы даже не знаем его имени.

— Это он! Только он мог убить иныжей! Найдите его! Даю вам три дня сроку! — сказал хан и велел охотникам отправиться на розыски.

Охотники пожалели, что рассказали об этом хану: за три дня разве найдешь юношу, а не выполнить приказ хана они не могли.

Два дня их поиски были безуспешными. Они очень устали, но на третий день надо было возвращаться к хану. И вдруг под вечер охотники увидели юношу — он сидел под деревом и отдыхал.

Обрадованные охотники рассказали юноше хабар.

— Не пойду я к хану, не убивал я иныжей,— сказал джигит.

— Без тебя нам возвращаться нельзя. Хан велит нас всех повесить,— сказали охотники.

— Если мой приезд спасет вам жизнь — я поеду с вами, но я не сражался с иныжами,— снова сказал джигит и поехал с охотниками к хану.

Прибыли они в ханские владения. Пошел джигит прямо к хану.

— Ты можешь говорить, что не убивал иныжей, но, кроме тебя, никто другой не мог этого сделать и никто другой не осмелился бы войти в спальню моей дочери,— сказал хан.

— Поверь мне, хан, я не встречал иныжей, я занимаюсь только охотой,— сказал юноша.

Задумался хан.

— В моей стране не осталось ни одного человека — старого или молодого,— кого не привели бы ко мне. Взгляни — вот головы девяноста девяти джигитов, которые утверждали, что они убили иныжей, но ничем не могли этого доказать. Я велел казнить их — видишь, их уже девяносто девять, до ста не хватает одного,— сказал хан, показывая рукой на вздернутые на кольях головы джигитов.

—О хан, я нисколько не боюсь тебя, но я не могу приписать себе чужие подвиги. Поверь мне, хан,— сказал юноша.

— Тогда помоги мне узнать, кто это мог сделать — будь он молод или стар, мужчина или женщина.

— Я никого не знаю, кто бы мог сделать такое,— сказал охотник. Но, подумав, добавил:— Не знаю, хан, у меня есть младший брат, но он еще так мал, что сам не может себе носа вытереть, не говоря уже о том, чтобы совершить такой подвиг. Он даже не знает, живут ли здесь поблизости люди или нет. Всю жизнь он провел в лесу,— сказал юноша.

— Тогда это он! — решил хан.— Не уходи отсюда, пошли за ним и пусть приведут его,— приказал хан.

Хан приказал устроить для джигита пир, а тем временем посланцы поехали за его младшим братом.

Мальчик пригласил гостей в дом. Угостил их, а потом спросил о цели приезда, и они сказали, что его ждет к себе хан.

Мальчик сказал:

— Я поеду один, без вас, а вы возвращайтесь к хану.

Со всего ханства собрались люди в ожиданий храбреца, который победил иныжей.

Тем временем мальчик снарядился, сел на своего коня и поехал.

Когда он стал приближаться к ханским владениям, ожидавшие его люди увидели, как дорога через лесную чащу засверкала, словно восходящее солнце.

— Вот едет храбрец,— сказали все, и шум пронесся по толпе.

Выехал из лесу всадник в сверкающей на солнце одежде. Всем пришлась по душе его манера держаться на коне. А старший брат, никогда не видавший его на коне, удивился тому, какой славный джигит его младший брат. Все решили, что, кроме него, никто не мог победить иныжей.

Дочь хана в это время сидела на шандаке и смотрела на приближающегося всадника. Подъехал он к шандаку, отдал девушке кольцо и хотел уехать.

— Это он убил иныжей, и мое кольцо — тому доказательство,— сказала девушка.

Хан велел:

— Приведите ко мне этого джигита,— он станет моим зятем!

Когда мальчик приблизился к хану, тот сказал:

— Я отдаю тебе в жены мою дочь!

— Нет, хан, я не буду твоим зятем,— отвечал мальчик.— И я это сделал не для твоей дочери. Я попал в беду и дал слово иныжам помочь им. Но я обманул их и убил всех иныжей.

Я сделал это ради старшего брата — и прошу тебя, отдай свою дочь ему.

Старший брат стоял и ничего не говорил. Он только удивлялся тому, что видел и слышал. Хан согласился отдать дочь в жены старшему брату. Свадебный пир длился семь дней, а после этого братья вернулись домой.

С этого времени все трое стали жить богато и счастливо, никому не завидуя.

18. Хан Сантемир и хан Тохтамыш

Хан Сантемир и хан Тохтамыш были кунаки. Если один из ханов приезжал в гости к другому, хозяин устраивал богатый пир — каких только яств там не было! А потом они отправлялись на охоту.

Однажды хан Сантемир гостил у хана Тохтамыша. Захотел гость поохотиться. А разве мог хан Тохтамыш не порадовать своего гостя, не исполнить его желания! Оседлали коней, вывели собак, снарядился Тохтамыш, а гость его — Сантемир — всегда готов был к охоте. Пустились они в путь.

Больше всего любили ханы соколиную охоту. И в этот раз охотились они с соколами, состязались, чьи птицы лучше. Соколы Тохтамыша одержали победу. И решил хан Сантемир любой ценой раздобыть соколов со двора Тохтамыша. Стал он просить кунака, чтобы тот отдал ему несколько птиц, но Тохтамыш не соглашался. И продавать не хотел — не нужны ему были деньги. Был Тохтамыш богат, кладовые его полны золота, серебра и драгоценных камней, а на высокогорных пастбищах паслись несметные табуны скакунов кабардинской породы. Понял Сантемир, что не заполучить ему соколов Тохтамыша. И решил он пойти на хитрость.

А что можно было придумать, когда охранял соколов Тохтамыша человек неприступный и жестокий, как и его владыка? «Но как бы суров и ловок он ни был, любой хан должен быть хитрее простого охотника»,— решил хан Сантемир.

Дольше обычного остался он гостить у своего кунака, и наконец удалось ему узнать слово, с помощью которого можно было проникнуть в помещение, где растили соколят.

Недаром в народе говорят: «Кто ищет, тот найдет». Как только узнал хан Сантемир заветное слово, отправился он туда, где под семью замками росли ханские соколы. Когда

стражник преградил ему дорогу, хан Сантемир произнес заветное слово и добавил, что он пришел за своими соколятами. Поверил стражник, что сам Тохтамыш прислал своего друга, и отдал Сантемиру двух соколят. А тот даже не попрощался с хозяином, не поблагодарил Тохтамыша за угощение, а поскорее отправился домой.

На другой день Тохтамыш, гуляя по саду, стал хвалиться своими соколами, рассказал своим приближенным о последней охоте и закончил, смеясь:

— Воллаги, мой гость — хан был так огорчен тем, что мой белохвостый сокол победил его соколов, что даже уехал, не попрощавшись.

В ответ на это один из приближенных робко заметил:

— Мой господин, зачем ты дал ему соколят, разве ты хочешь, чтобы он победил тебя в следующий раз?

Когда услыхал это Тохтамыш, не поверил своим ушам. Не сразу понял он, что хан Сантемир увез двух его соколят, а когда понял, пришел в страшную ярость. В гневе долго не мог сказать ни слова, а потом вдруг как затопает ногами, как закричит:

— Скажи, что ты ошибся, несчастный!

Но тот снова рассказал, как хан Сантемир получил соколят.

Тут же призвал Тохтамыш своих верных слуг и приказал казнить стражника, который караулил соколов, аул хана Сантемира сжечь, а его самого взять в плен.

Люди Тохтамыша сожгли аул Сантемира, а ему удалось бежать и спастись. Одна женщина в то время ожидала ребенка и поехала в другой аул погостить к своему отцу. Там у нее и родился чудесный мальчик.

Услышали жители аула, что хан Тохтамыш отдал приказ — убивать всех мальчиков, что родятся в этом ауле, и стали прятать младенцев. А женщина решила отдать младенца на воспитание старику, у которого был один-единственный сын, да и тот дурачок. Старик обрадовался и назвал чудесного мальчика Эдидж [1].

Прошло много времени. Эдидж подрастал, а старик все скрывал его от людей — никогда не выпускал из подземелья, где он рос. Но слух о том, что у старика растет необыкновенный мальчик, дошел до Тохтамыша. Разве мог после этого хан жить спокойно! Отправил он отряд своих воинов, приказал им разыскать Эдиджа и убить его.

Стали слуги Тохтамыша рыскать по всему аулу.

Однажды спешились они во дворе аталыка Эдиджа. Сразу смекнул старик: раз пришли в его дом слуги хана, верно, напал хан на след Эдиджа. Значит, нет смысла скрывать юношу. Он и виду не подал, что растерялся: вывел своего глупого сына. Обрадовались воины — большую обещал Тохтамыш награду, схватили мальчишку, вывезли за аул и убили.

А Эдидж остался жив.

Не по дням, а по часам рос Эдидж и скоро стал красивым, стройным джигитом, бесстрашным и добрым. Крепко любил его старик, но все горевал — не мог забыть родного сына, которого погубил, чтобы спасти Эдиджа. И когда Эдидж стал настоящим воином, рассказал ему аталык, как хан Тохтамыш убил его отца и мать, как разыскивал он Эдиджа и как вместо него был убит его глупый сын. Теперь, сказал старик, настала пора наказать Тохтамыша за его жестокость.

— Но,— добавил еще старик,— Тохтамыш — самый сильный и злой из всех ханов. Нелегко будет победить его, и, если он хотя бы заподозрит тебя, сразу велит казнить! Проникнуть к Тохтамышу невозможно. Но существует обычай — отправлять от одного хана к другому в гости всадников. Сейчас подошла очередь нашего хана, и ты поедешь старшим среди них.

Отправляя своих воинов, хан Сантемир сказал Эдиджу:

— По дороге тебе преградит путь чудовище с семью головами. Спастись от него может только храбрец. Чудовище не тронет тебя, и, когда ты приедешь к Тохтамышу, тебя спросят, как это тебе удалось спастись от семиглавого дракона? А ты отвечай: «Я не видел того, о чем вы говорите. Я видел страшилище с семью хвостами и одной головой. Я отрубил семь хвостов, оставил одну голову и приехал к вам». О чем бы ни спросили тебя, отвечай наоборот. Они подумают, что ты убил меня и приехал служить хану Тохтамышу, и примут тебя, как почетного гостя.

Явился Эдидж со своими спутниками к хану Тохтамышу — они должны были служить у него целую неделю.

Много ли, мало ли пробыл Эдидж у хана — никто не знает, но только каждый день он обязан был заходить к хану за поручением. И всякий раз, когда Эдидж входил к Тохтамышу, тот приподнимался на своем троне, как будто приветствовал его. Жена хана заметила, что хан воздает почести своему слуге — у кабардинцев положено вставать, когда входит лишь старший, уважаемый человек. А разве был кто-нибудь важнее хана Тохтамыша! Не осмелилась жена хана сказать ему об этом, боя-

лась его гнева, решила она схитрить. Однажды незаметно приколола булавкой ханские одежды к трону, на котором он сидел.

В это время вошел Эдидж. Как всегда, хан хотел встать, да не смог приподняться с трона. Но он не подал виду, что замешкался, и отдал Эдиджу распоряжение. Тот вышел, а Тохтамыш обернулся к своей жене-гуаше и спокойно спросил:

— Что это значит?

— Прошу тебя, хан, скажи мне, кто этот юноша? — ответила та вопросом на вопрос.

— А почему ты спрашиваешь, гуаша, кто этот юноша?

— Ты даже не замечаешь, хан, что воздаешь ему почести — встаешь при его появлении. Это — верный знак, что юный джигит погубит тебя.

Слова гуаши запали в душу Тохтамыш-хана. Ничего не ответил он, а про себя подумал: «Я могу погибнуть лишь от руки того, чей род я уничтожил. Надо узнать, не принадлежит ли юноша к такому роду».

Хан приказал собрать мудрецов аула. Думали они думали и решили: наварить побольше крепкой махсымы * и устроить пир. Так и сделали. Тохтамыш-хан назначил Эдиджа виночерпием — стоит юноша у огромной кадки посреди двора и разливает махсыму. А подданные Тохтамыша пристально его разглядывают, чтобы узнать, какого он рода. Так продолжалось долго, но никто не смог ответить на вопрос хана. Тут один старик и говорит другому:

— На берегу реки Кумы живет самый мудрый в Кабарде старец. Ему уже сто десять лет, он все знает. Только он сможет сказать, из какого рода этот юноша.

Долго ли распространиться вести — дошел разговор стариков до Тохтамыш-хана. И велел хан срочно привезти мудреца. Узнал о разговоре стариков и Эдидж и понял, что задумал Тохтамыш. Эдидж шепнул своим всадникам:

— Держите наших коней отдельно от коней хана, и пусть они будут наготове. А у коней хана подрежьте подпруги.

Вскоре привезли в аул старого мудреца, и Тохтамыш вместе с ним подошел к Эдиджу:

— Ну-ка, Эдидж, угости своей крепкой махсымой самого старшего в нашем краю!

И бровью не повел Эдидж, не подал виду, что догадался, зачем привезли мудреца. Наполнил хмельной махсымой чашу и поднес ее старейшему. Пьет мудрец махсыму, а сам пристально вглядывается в Эдиджа.

Осушил старик чашу до дна, произнес здравицу в честь хана, а закончил ее так:

— И там стоит, и здесь стоит, лицом он похож на Балкия, а волосом на Кутлина [2].

И понял хан, что Эдидж — тот, кого он искал.

Мгновенно приказал хан своим воинам:

— Эдидж — тот, кого я ищу столько лет, хватайте его!

А мудрец, выполнив свой долг перед ханом, шепнул Эдиджу, желая спасти прекрасного юношу:

— Обнажи меч, сынок, вскочи на кадку и начинай биться, не то пропадешь.

В тот же миг выхватил Эдидж свой сверкающий меч, одним ударом убил Тохтамыша и, расчищая себе дорогу, побежал к ограде. Только перемахнул он через забор — увидел своих воинов. В тот же миг вскочил на коня Эдидж, и поскакали они во весь опор.

Воины Тохтамыш-хана хотели устремиться в погоню, вскочили на своих коней, но подрезанные подпруги порвались, а всадники свалились с седел и никуда не поехали.

Вернулся Эдидж вместе со своими воинами к Сантемир-хану. Не успели они даже спешиться, как узнали, что на аул напали враги и похитили дочь Сантемира. Хан вызвал Эдиджа и говорит:

— Враги застигли нас врасплох. Наша охрана убита, меня связали, а мою дочь схватили и увезли. Я только успел крикнуть ей, что ты освободишь ее.

Эдидж пообещал хану вернуть дочь, и воины, не расседлывая коней, снова отправились в путь.

Долго ли скакали они, коротко ли, а только увидели наконец у дороги костер, оставленный врагами,— в нем еще тлели угли. Вокруг валялись остатки обеда, обглоданные кости.

У кабардинцев был в старину обычай — гадать по бараньей лопатке. Возьмет мудрец кость, посмотрит в нее на свет и увидит все, что хочет узнать.

Взял Эдидж баранью лопатку, посмотрел и видит: враги остановились на привал и обедают. И тут же увидел, что у врага есть свой мудрец, который умеет гадать по лопатке. Значит, они уже знают, что скачет погоня. Как тут быть? Велел Эдидж своим воинам вылить всю воду, что была в их сулуках. Вылили они воду — образовалась речка. Тогда Эдидж приказал повернуть седла задом наперед, сесть на коней и сделать вид, будто они переправляются через речку. Так и сделали.

Посмотрел мудрец Тохтамыша в лопатку и увидел, что воины Эдиджа повернули обратно.

— Давайте отдохнем, погоня повернула назад,— сказал мудрец. Они хорошенько отдохнули, не спеша тронулись в путь. Медленно ехали они по пустыне, и люди и кони страдали от нестерпимой жары и жажды. А когда достигли леса, кони стали щипать зеленую траву, а потом направились на водопой.

Тем временем Эдидж, обманув вражеское войско, обратился к своим всадникам:

— Я пойду к нашим врагам и стану у них поваром, а вы идите за мной на расстоянии. После привала я буду оставлять под кустом кусок мяса,— значит, все в порядке. Но если вы не найдете мяса, спешите на помощь. Подъезжайте совсем близко и разводите костер — я буду знать, что вы рядом.

И Эдидж поскакал за воинами Тохтамыша, догнал их и попросил, чтобы его взяли поваром. Некоторые не хотели принимать его, но Эдидж настоял, чтобы его отвели к предводителю.

— Я мог бы разделаться с теми, кто задержал меня,— сказал он.— Но я воин и подчиняюсь порядку — вот и попросил отвести меня к тебе. Мне нужно проехать вперед, разреши мне, ведь вас целое войско, а я один: разве может целое войско испугаться одного мальчишки? Я — маленький человек и делаю только то, что мне приказано. Пропусти, а если ты в чем-то сомневаешься, дай мне любое испытание!

Предводителю понравился статный юноша, его хорошие манеры и мудрые слова. И хотя мудрец Тохтамыша шепнул ему: «Сдается мне, будто именно этого молодца видел я, когда он переправлялся через речку, мой господин!» — предводитель словно не слышал и продолжал разговор с Эдиджем:

— И я, славный юноша, тоже делаю только то, что мне прикажут. Но я не хочу, чтобы ты приехал в наше ханство прежде меня. Лучше, если бы ты сейчас вернулся обратно и приехал к нам через неделю!

Ни слова не возразил Эдидж — только сильно задумался. Опять обратился к нему предводитель войска:

— Что, славный юноша, не нравится тебе мое решение?

— Не нравится,— ответил Эдидж.

— Что же делать, придется взять тебя с собой. Согласен ли ты быть у нас поваром?

— Что ж, если нет ничего другого, придется быть поваром!

И стал Эдидж поваром во вражеском войске. Быстро подру-

жился он с воинами и вошел в доверие к предводителю. После каждого привала он, как и обещал, оставлял под кустом кусок мяса.

Миновали они пустыню, достигли зеленого леса. Отпустили коней пастись, а сами расположились на отдых. Пришло время гнать лошадей на водопой, а речка далеко-далеко вьется узкой лентой. Стали спорить: одни говорили, что каждый должен напоить своего коня, а другие, чтобы несколько человек погнали на водопой всех коней.

Долго спорили они и в конце концов решили, что половина всадников погонит коней на водопой, а потом пригонит их напрямик к большой дороге. Туда же придут и остальные. С тем и разошлись. А Эдидж не спешит, будто убирает после обеда, а потом потихоньку направляется к большой дороге.

Вскоре всадники Эдиджа пришли на стоянку и не нашли под кустом куска мяса. Поняли они, что надо спешить, и поскакали. Приблизившись к вражескому войску, свернули с дороги и развели костер. А Эдидж развел свой костер. Догнали воины Эдиджа своего предводителя и первым делом прикончили тех поваров, что были с ним.

Потом поскакали дальше, догнали пеших всадников Тохтамыша и сразились с ними. А Эдидж вынес из шалаша дочь Сантемира, посадил на своего коня и помчался, как ветер. Воины его поскакали к водопою, пленили всех врагов и повернули домой.

Трудно было всадникам Эдиджа, сильно устали они. Пошел среди них ропот: до каких пор можно скакать без устали? Перестали они повиноваться Эдиджу.

Наступила ночь, и войско подъехало к широкой реке — нужно переправиться через нее, а там уже и до дому рукой подать. Но совсем отбились воины от рук, не слушают Эдиджа, и он умаялся, да что делать?

Остановились на берегу реки, и велел Эдидж каждому взять столько камней, сколько можно донести. Но измученные и недовольные воины не выполнили приказа: мало кто набрал много камней; некоторые взяли по нескольку штук, а иные даже не нагнулись, не подняли ни камешка! А когда перешли реку, воины, вконец обессиленные, бросили и то, что несли.

И вот наконец вернулись они в свой аул и разошлись по домам. А когда отдохнули и посмотрели, что за камни привезли, оказалось чистое золото!

Бранили они себя за то, что ослушались мудрого совета

Эдиджа, да ведь близок локоть, а не достанешь — надо было вовремя делать, что сказано.

А Эдидж направился прямо к Сантемир-хану. Обрадовался хан, что его дочь жива и здорова, и отдал ее юноше в жены. Устроил он пышную свадьбу — пир на весь мир. И зажил Эдидж со своей красавицей женой мирно и счастливо.

19. Кадир

Охотник Кази был пшитль. Каждый день отправлялся он на охоту. Бродил по лесу с утра до ночи, а всю добычу должен был отдавать пши. Жестокий был тот пши, а какой жадный! Принесет Кази всю добычу за день, пши выберет самую лучшую часть, а остальное отдаст охотнику — это и будет ужин его сыновьям.

Однажды отправился Кази на охоту. Целый день бродил по лесу, устал, да неудачным оказался день, ничего он не подстрелил. Делать нечего — возвращается домой с пустыми руками. Идет по лесной тропинке и вдруг видит на верхушке дерева большую красивую птицу. Выстрелил Кази, не промахнулся, перебил птице крылья. Упала она на землю. Поднял ее Кази, а птица вдруг заговорила человеческим голосом:

— Жаль мне умирать, да что делать! Хочется мне, чтобы и после смерти помогла я людям. Знай, охотник: тот, кто съест мое сердце, станет знаменитым воином, а кому достанется моя голова,— падишахом.

Захотелось Кази, чтобы один из его сыновей стал падишахом, а другой — знаменитым воином, отнес он птицу домой, отдал ее жене и говорит:

— Не трогай птицу, пока я не вернусь, а я пойду еще разок в лес, может подстрелю что-нибудь для князя.

Наступил вечер, а пши еще не получил своей доли от Кази. Разгневался он и послал к нему унаута: «Где Кази, почему ничего не принес сегодня?»

Жена Кази сказала, что ее муж вернулся с одной-единственной птицей — она сидит в клетке.

Вернулся унаут и передал эти слова пши.

Пуще прежнего разозлился пши и теперь уже сам пошел в дом Кази. Увидел диковинную птицу, и захотелось ему стать падишахом [1]. Он приказал слуге убить птицу, а жену Кази заставил изжарить ее.

Изжарила она птицу и отдала детям ее голову и сердце, сказав: «Не станет пши есть самое плохое». Поели мальчики и ушли играть, а жена Кази накрыла анэ для пши, подала ему блюдо с дичью.

С жадностью набросился пши на еду, прежде всего решил съесть голову и сердце птицы, да не нашел их.

Позвал он жену охотника и потребовал голову и сердце птицы. Женщина ответила, что она отдала их своим сыновьям. Пши велел привести мальчиков.

Испугалась женщина, что убьет он ее детей, отыскала их и велела им бежать куда угодно, лишь бы скрыться с глаз пши.

Выбежали мальчики из аула, бегут куда глаза глядят. Бежали они много дней и ночей, и застигла их метель. Подул сильный ветер, повалил густой снег, дети потеряли друг друга и разбежались в разные стороны.

Попал старший из братьев в незнакомый аул. Идет он по чужой улице, оглядывается, не знает, как ему быть дальше.

В том ауле жил падишах. Увидел он, что по улице идет мальчик, оглядывается, словно загнанная собака, и горько плачет. Велел падишах привести к нему мальчика.

Привели мальчика к падишаху, и тот спросил, чей он, откуда идет и как попал в этот аул. Мальчик рассказал, что с ним произошло.

У падишаха не было сына. Очень уж хотелось ему иметь сына, и он решил оставить мальчика у себя, вырастить и отдать за него замуж свою дочь. Перед смертью падишах так и сделал — завещал приемному сыну свою дочь в жены и свой престол.

А что же стало с младшим братом, Кадиром?

Когда стихла снежная буря, увидел он, что оказался в необозримой степи. Вдали стоял большой белый дом. Мальчик к нему и направился.

Вошел в дом и увидел спящего иныжа. Забился Кадир в угол, сидит, дрожит: что-то дальше будет. Вскоре проснулся иныж. Обрадовался он, что обед сам пришел к нему. Но потом разглядел, что мальчик еще очень мал — не хватит даже на закуску,— и решил прежде подкормить его как следует, а уж потом съесть.

Долго прожил Кадир у иныжа: хорошо кормил его великан, надеясь потом вдоволь полакомиться. И превратился мальчик в высокого, стройного, отважного в набегах и битвах, красивого юношу. Тогда-то и решил иныж, что пришла пора его съесть.

Было у иныжа правило: прежде чем съесть свою жертву, он зажаривал ее в специальной медной башне. Для этого привозил семь возов дров, раскладывал их вокруг башни и разводил огромный костер. А того, кого хотел съесть, бросал в башню.

Так поступил он и на этот раз. Когда костер разгорелся, иныж и говорит Кадиру:

— Полезай-ка побыстрее в башню и вынеси оттуда мешок проса.

— Разве смогу я туда залезть?

Тогда иныж стал уговаривать его залезть в башню — ведь это совсем не страшно! Кадир и попросил его показать, как нужно взбираться по лестнице.

Едва иныж поднялся и заглянул в башню, как Кадир дернул лестницу, великан свалился в раскаленную башню и сгорел.

Так Кадир спасся от верной гибели. Пошел он осматривать владения иныжа и подошел к конюшне, куда иныж никогда не пускал его. Взломал Кадир дверь и вошел. В конюшне стояли три коня. Один — белый, другой — каурый, а третий — вороной с белыми ногами. Вдруг один из коней заговорил человеческим голосом:

— Освободи нас, славный юноша; если понадобимся тебе, отыщешь нас в любую минуту; вырви только из наших грив по одному волоску и, когда тебе будет нужна помощь, поднеси их к огню.

Вырвал Кадир по волоску из гривы каждого коня и отпустил их.

Что было делать Кадиру? Не оставаться же во владениях иныжа. Пустился он в путь, стал искать, где живут люди, и пришел в аул, где его старший брат был падишахом.

Когда братья затерялись в степи, они были совсем маленькими мальчиками. Теперь же превратились в славных джигитов. Не узнали братья друг друга. Пришел Кадир к падишаху и нанялся к нему конюхом.

Сколько прошло времени — никто не знает, но однажды пошла по аулу весть, будто соседний падишах решил напасть на того, у которого служил Кадир, сделать его своим пшитлем, его жену — своей унауткой, а его дочь — своей второй женой. Он прислал двух гонцов, чтобы передали его слова: «Сдавайся, пока жив, не то убью тебя и разорю твой аул».

Что было делать падишаху?

Приготовился он к битве. На другой день подошло к аулу огромное войско. Увидел Кадир, что его падишаха ждет верное

поражение, и решил помочь ему. Вышел он в степь, поднес к огню волосок вороного коня, и в тот же миг прискакал к нему конь. К седлу его было приторочено полное снаряжение для всадника.

В тот день Кадир нанес войску врага большой урон.

Сильно удивился падишах, когда увидел незнакомого воина, и решил узнать, кто он такой, откуда родом?

И на другой и на третий день яростно сражался Кадир с врагом, а падишах все еще не узнал имени доблестного юноши.

На третий день, когда битва уже подходила к концу, Кадир был ранен в руку, и падишах сам перевязал ему рану своим шелковым платком. Кадир не покинул поля боя, пока не уничтожил последнего врага.

Так Кадир помог падишаху одержать победу над врагом и сохранить войско. А сам вернулся в конюшню. Раненая рука болела, и он прилег, укрывшись своей старой буркой.

На другой день Кадир не смог работать — еще сильнее разболелась рука. За весь день он даже не поднялся с постели, не притронулся к пище.

Удивился падишах, почему не работает конюх, и спросил у слуг, что случилось. Они ответили, что Кадир заболел и что его рука перевязана красивым шелковым платком.

Тут падишах вспомнил храброго юношу, которому он перевязал рану на поле боя. Он решил навестить его. Когда увидел падишах, что храбрец, спасший его страну и войско, лежит в конюшне, он приказал отвести его в дом, одеть в дорогие одежды, назначить старшим в войске и отдал за Кадира свою дочь.

Сыграли богатую свадьбу.

Счастливо зажил Кадир с молодой женой, мудро командовал войском, всегда одерживал победы.

И решил он наказать того пши, из-за которого он с братом вынужден был покинуть родной аул. Сказал об этом падишаху, и тот разрешил ему отправиться в боевой поход. Когда войско было готово к выступлению, падишах решил и сам принять участие в походе.

Незаметно подошло войско Кадира к его родному аулу и застало пши врасплох. Тот не успел даже опомниться, как Кадир убил его и перебил всю его свиту. Он забрал все имущество пши и раздал его беднякам.

А когда Кадир с падишахом пришел в дом своих родителей, которые состарились от горя и почти ослепли от слез, они узнали в падишахе своего старшего сына, а в Кадире — младшего.

Обрадовались старый охотник и его жена встрече с детьми, которых считали навсегда потерянными, и устроили пир на весь мир.

20. Ханская дочь

Жили-были на свете два хана. Хотя знатностью они были равны, но один был богат, а другой — совсем обнищал, только что назывался ханом.

Богатый хан имел дочь — писаную красавицу, а бедный — единственного сына. Вот и стал сын бедного хана просить отца:

— Пошли, отец, сватов к богатому хану, хочу жениться на его дочери.

Отец ответил:

— Не отдаст он за тебя свою дочь — ведь он богат, а мы бедны.

Но сын все настаивал. И пошел бедный хан к богатому.

Тот принял гостя с радостью:

— Добро пожаловать, будь гостем! Какие дела привели тебя ко мне — давненько ты не захаживал!

Бедный хан сказал:

— По всей Кабарде идет слава о твоем богатстве. Да ведь недаром говорят: всякий богач может обеднеть. Пока что никто не зарекался от бедности. Поэтому не смотри, что я беден, отдай за моего сына свою дочь.

Богатый хан ответил вот что:

— Я всегда рад породниться с тобой, но у меня есть братья и сыновья. Я должен посоветоваться с ними и тогда дать ответ.

Возвратился бедный хан домой.

Богатый собрал своих братьев и сыновей и сказал им:

— Сын бедного хана просит отдать за него вашу сестру и племянницу.

Все в один голос закричали:

— Не нужен нам оборванец, не отдадим за него нашу красавицу!

Хитрый хан сказал им в ответ: не стоит хвалиться богатством, известно ведь, что альчик * сегодня твой, завтра чужой. Не будем громко говорить о том, что он беден. Давайте потребуем от него большой калым за нашу дочь — пусть приведет сто серых лошадей с седлами и к ним сто походных сумок, полных золота.

На другой день богатый хан велел позвать к себе бедного и сообщил ему, что согласен отдать за его сына свою дочь, но за такой калым: сто серых лошадей с седлами и к ним сто походных сумок, полных золота. «А когда приведут их в ханскую конюшню, да сверх того уплатят по обычаю выкуп, какой найдется у хана, тогда я отдам свою дочь»,— сказал он.

Как узнал сын бедного хана, сколько должен он заплатить за невесту, решил уйти хоть на край света, а на калым заработать.

Была у него старая лошадь. Оседлал он ее и отправился в дальний путь.

Едет-скачет, едет-скачет. Приехал в широкую степь. В той степи жил богатый ногайский хан.

Приблизился джигит к его шатру и говорит:

— Не нужен ли тебе работник — я всякое дело умею хорошо делать!

— У меня как раз недостает табунщика,— отвечал хан.

Не стал джигит договариваться ни о сроке работы, ни о плате и стал пасти коней. Проработал он год — ни разу за это время не отлучался от табуна. Хан уже и забыл о новом табунщике, как вдруг однажды утром пришел тот к его шатру и говорит:

— Хан, срок моей работы истек. Уплати за труд, что, потвоему, следует.

Хан отвечает:

— Выбери из табуна, который ты пас, самого лучшего коня, который придется тебе по сердцу!

Поехал джигит в степь. Поймал он коня, какой понравился ему, и привел его.

А хан тем временем стал думать: «Когда я сказал, что у меня нет табунщика, этот парень поступил ко мне, не назначив определенной платы, и целый год работал без устали. С того времени, как я разбогател, я не встречал человека, который работал бы, не выговорив заранее платы. Видно, большая нужда заставила его пойти в работники!»

И спрашивает хан табунщика:

— Скажи, какая забота привела тебя в нашу степь?

Рассказал юноша, что ищет богатства, чтобы заплатить калым за невесту.

— Тогда отведи обратно в табун коня, какого ты выбрал,— говорит ему ногайский хан.— Возьми с собой мою серебряную уздечку. Отпустив лошадь, стань неподалеку от табуна. Тряхни

серебряной уздечкой, протяни ее вперед. Тот конь, который сам вложит голову в уздечку, и будет тебе верным другом.

Взял джигит серебряную уздечку, подошел к табуну и потряс ею. Ни один из красавцев коней не обернулся на ее звон. Подошла к нему одна из самых худых лошадей — старая вороная кобыла, все ребра сквозь кожу видны, и вложила в уздечку голову.

— Да ну тебя! — прогнал ее юноша и снова стал трясти уздечкой. Трижды отгонял он паршивую клячу, и трижды возвращалась она к нему. Что было делать? Повел ее юноша к хану.

Хан и говорит:

— Вот и забирай ее на счастье. Ты сказал, что ищешь богатства, оттого я отдаю тебе именно эту лошадь. Я стал богатым с ее помощью, а теперь отдаю ее тебе. Веди! Хорошо ухаживай за ней и помни: если бы я дал тебе целый табун, это было бы одно и то же. Жалко мне расставаться с ней, да стар я, и нет у меня сил холить лошадь, а у тебя, вижу я, будет ей хорошо.

С этими словами отпустил хан юношу. Тот привел лошадь в свое селение.

Богатые невестины родственники стали глумиться над бедным женихом:

— Слыхали? Вернулся наш новый родственник, целый год странствовал. Наверно, добыл уже сто серых лошадей,— так болтали они.

Услыхал юноша обидные слова, сел на заработанную лошадь и уехал, а куда уехал — никто не знал. «Никогда не возвращусь»,— решил про себя юноша.

Едет-скачет, едет-скачет. Приехал к глубокой лощине, заросшей камышом. Направил клячу вдоль камыша и встретился с маленьким всадником.

Стреножил тот коня, снял с него седло, положил под голову, завернулся в черную бурку и заснул. А молодой жених спешился, стреножил свою лошадь и улегся рядом со спящим. Крепко спали они всю ночь. Проснулся на рассвете маленький всадник, удивился:

— Кто это прилег ко мне? Кому жизнь надоела на этом свете? Что привело сюда славного джигита? Пусть он мне все расскажет. До этого не причиню ему никакого зла. Эй, вставай! — закричал Коротыш.

Стащил он с юноши бурку и говорит:

— Я разбудил тебя, чтобы узнать, почему тебе надоело жить

на свете. Пока толком не ответишь, я решил не причинять тебе никакого вреда. Расскажи мне всю правду!

— Я ищу богатства,— отвечал юноша.— Для того чтобы раздобыть его — непременно оно мне нужно,— я и решил подвергать себя любым опасностям.

— Я помогу тебе получить то, что ты ищешь. Заведи-ка в камыши и свою и мою лошадь,— сказал Коротыш.

Что было делать сыну бедного хана? Завел он обеих лошадей в камыши. Тем временем маленький всадник разыскал в камышах протоптанную тропу и пошел по ней. Вдруг видит: едут по тропе сто верховых на серых конях.

Всех до одного истребил Коротыш, забрал сто серых лошадей со ста золотыми седлами, со ста походными сумками к ним, полными золота. Потом вывел табун из камышей.

— Эй-эй, выходи! — крикнул он юноше.

Тот привел двух лошадей — свою и маленького всадника.

— Ты сказал, что тебе нужно богатство. Возьми этих лошадей на счастье,— сказал Коротыш и подарил юноше сто серых лошадей со ста золотыми седлами, со ста походными сумками, полными золота.

На прощание он сказал юноше вот что:

— В следующую пятницу вечером приезжай сюда же. Смотри не забудь, не то упустишь верную удачу.

Возвратился жених домой со ста серыми лошадьми. Еще когда был он в дороге, тот хан, который не хотел отдавать ему своей дочери даром, прослышал, что сын бедного хана возвращается с богатой добычей. Обрадовались братья и сыновья богатого хана, решили, что юноша пригонит свою добычу прямо к ним, и стали готовить ему пышную встречу.

Однако не погнал юноша сто серых лошадей к богатому хану, а привел их домой.

Собрались все его родственники, и он раздал всех лошадей собравшимся, как полагалось по обычаю. Не обошел ни одного, кому надлежало дать коня.

Незаметно наступил назначенный срок — пятница, и поехал жених к тому, кто подарил ему сто серых лошадей.

И на этот раз Коротыш спал, завернувшись в бурку, а рядом пасся его стреноженный конь. Юноша подошел к спящему и прилег рядом. Едва стало светать, проснулся Коротыш. Услыхал он шум.

— Вставай! — закричал он и разбудил юношу. Тот встал.

— Скорее заводи лошадей в камыши! — приказал Коротыш.

Только успел юноша отвести лошадей в камыши, как показались сто верховых на серых конях.

А маленький всадник уже сидит в засаде. Подъехали они поближе, Коротыш выскочил им навстречу и обратил верховых в бегство.

— Эй, молодец, выводи поскорее лошадей! — закричал Коротыш.

Юноша вывел их. И снова Коротыш подарил юноше сто серых лошадей и сказал на прощание:

— Возьми их, они принесут тебе удачу. А в следующую пятницу приезжай опять. Смотри не прозевай.

Погнал юноша табун к себе домой.

Опять ждал богатый хан, что отдаст ему жених добычу. Но снова сто серых лошадей с золотыми седлами и походными сумками, полными золота, привел юноша к себе домой, а не к богатому хану, который не пожелал отдать за него свою дочь без выкупа.

Собрались родственники богатого хана, стали думать-гадать: «Отчего он не гонит добычу к нам? Что у него на сердце против нас? Хотел взять в жены нашу красавицу, мы согласились, дело стало за выкупом. Теперь у него есть чем заплатить, а он медлит».

Долго судили-рядили и наконец решили так: «Кто же отдаст даром таких лошадей? Если хочешь, хан, породниться с ним, к себе его привлечь, то стань на дороге, когда наступит срок, и дай понять жениху, что мы охотно принимаем его сватовство, что для нас оно будет праздником. Если он согласится, попроси его поднять чашу...»

Хан так и поступил. Юноша остановился, выпил поднесенную чашу, но не успел еще вернуть ее хозяину, как захмелел. Сонное зелье было в той чаше. И вот с криком: «Аллах подарил хану зятя» — понесли юношу на руках и уложили в комнате, где сидела дочь хана.

А чудесного коня юноши — его верного альпа — слуги подвели к золотому столбу и привязали там.

«Вот проснется наш зять, тогда сядет он на своего альпа»,— говорили родственники.

Юноша выспался, пришел в себя и видит — сидит рядом с ним на тахте дочь хана.

— Как я сюда попал, как я здесь очутился? — спрашивает он.

— Ты сам пришел,— отвечает девушка.— Я не приглашала

тебя и согласия на свадьбу не давала. Ты сам без зова приехал, как же иначе?

— Раз сам пожаловал, сам и уйду,— сказал юноша, выскочил во двор, сел на коня — только его и видели. Опозорил невесту, дочь богатого хана.

С тех пор никогда его не видели в том ауле.

И с тех пор, говорят, перестали в Кабарде требовать выкуп за невесту.

21. Красавица Елена и богатырь-женщина

Карабатыр-Занэ и его женитьба

На берегу моря был укрепленный город, в котором был князем Карабатыр-Занэ, красивый и статный юноша. Он славился умом и богатырской силой. Занэ уже достиг совершеннолетия, и старики этого кале* решили между собой женить князя. Сообщили они князю, в чем дело. Занэ, конечно, не прочь жениться, но поблизости нет подходящей невесты. Тогда князь велел оседлать коня, вооружился в блестящие доспехи и отправился в соседние царства-государства искать себе невесту. Ездил наш джигит из одной страны в другую, заглядывал в царские палаты и под соломенные крыши деревенских домов; наводил через других справки, но нигде не оказалось такой невесты, которая бы была ему по душе. Наконец, он нашел в отдаленной земле, в одном замке, в котором гостил, такую красавицу, какой никогда не было на свете; имя ее было Елена. Лишь только увидел красавицу Занэ, его сердце загорелось любовью. Тогда князь спросил Елену, не желает ли она стать его женой, на что она изъявила согласие.

Пришло время, и они сыграли свадьбу. Поженившись, они собрались в город, где княжил Занэ. По приезде в кале с молодой женой Занэ созвал близких ему людей, и в замке пошло веселье. Пировали они один день, пировали другой. Время бежало быстро, и не заметили князь с княгиней, как прошли две недели. В этой стране был обычай: по прошествии двух недель каждый новобрачный должен был покинуть свою жену на целый год и отправиться в чужие края путешествовать [1]. Пришлось и Занэ исполнить народный обычай. Как ни тяжела была разлука, но он был вынужден подчиниться вековым обычаям народа.

Уехал Карабатыр путешествовать с тяжкими думами, снедаемый тоской по покинутой им молодой жене.

Прошел месяц, а то и два, когда в столицу князя прибыл из заморского города Шахар, лежащего недалеко от нынешнего Стамбула, купец, юноша необыкновенной красоты. Пристав со своим кораблем к берегу, он стал выгружать привезенные им товары, каких в этой стране никогда не видали: шелка, драгоценные сосуды и разноцветные камни. Выгрузив свой товар, он спросил, где ему можно было бы с ним расположиться. Ему указали на княжеский дом. Направился туда заезжий гость. Войдя в дом, он просил доложить хозяйке о его просьбе. Княгине доложили, и она согласилась оказать ему гостеприимство, сказав: «Князь, правда, уехал, но дом его стоит на месте, и ворота гостю открыты: пусть он пожалует!»

Остановился в доме красавец купец, разложил свои товары, и народ стал стекаться со всего города, чтобы любоваться тонкими тканями и блестящими каменьями. По всему городу только и толков, что о красоте купца и о редких качествах его товаров. И княгиня не осталась равнодушной к необыкновенной красоте и приветливости заезжего гостя. Она стала его приглашать в свои чертоги, расспрашивала про чужие края и находила удовольствие в беседах с ним. Со своей стороны, и купец чувствовал неодолимое влечение к одинокой женщине; у нее он проводил все свое свободное время, и нет ничего удивительного, что он очаровал ее своей красотой и льстивыми речами. Сближение делалось все теснее и теснее и, наконец, перешло в преступную связь. Уже полгода гостил купец в княжеском доме. Время для влюбленных бежит незаметно, срок возвращения мужа подходит все ближе и ближе, и с душевной тревогой они думают о предстоящей разлуке. Купец уверяет Елену, что он без нее жить не может, и Елена чувствует то же. Вместе они придумывают всевозможные средства никогда более не разлучаться, но ничего не идет в голову. Однако то, чего не могли придумать влюбленные, придумала унаутка, поверенная всех тайн княгини. Однажды она стелила постель гостю. Веселый всегда, купец стоял в задумчивости и не начинал с ней, по обыкновению, разговора.

— Что ты, милый гость, стоишь невесел и головушку повесил? — спросила унаутка.

— Ты ведь знаешь,— сказал купец,— как я люблю княгиню: мне без нее нет житья! Пособи как-нибудь моему горю!

Унаутка задумалась, а затем сказала с тревогой:

— Как же мне помочь тебе? Что же будет со мной, когда вернется наш князь?

— Помоги мне, дахэ *, я тебе отдам все, чем владею: дорогие ткани и разноцветные камни!

— Что пользы в богатстве, когда отнимут жизнь,— ответила унаутка.

— В таком случае, я сделаю так, что никто не будет знать о твоем богатстве: я прикажу вырыть во дворе яму, отнесу туда все дорогие вещи; из этой ямы велю сделать подземный ход с потайной дверью в твою горницу. Таким образом, ты будешь богата, и никто не станет тебя подозревать!

Служанка изъявила свое согласие и обещала всячески содействовать его затее — овладеть ее госпожой. Она сговорилась с ним о подробностях похищения Елены: купец должен был на лодке дожидаться в глубине залива под прикрытием прибрежных кустов; к этому месту она выйдет со своей госпожой выкупаться в море, он должен как будто невзначай подъехать и пригласить ее прокатиться, все остальное — это уже его дело...

Похищение Елены

В назначенный день вышла княгиня со своей унауткой из дому, спустилась с высокого берега к морю и, сбросив с себя одежду, начала купаться. Не зная ничего о заговоре, она беззаботно резвилась со своей служанкой в плещущихся у берега волнах, как вдруг возле нее, на своей легкой лодочке, очутился возлюбленный ее купец. Княгиня обомлела от неожиданной встречи и хотела броситься к берегу, но милый ее сердцу купец приковал ее к месту льстивыми своими речами:

— Поедемте прокатиться, милая Елена; поищем прохладу в тени прибрежной рощи!

Княгиня согласилась и уселась с милым в лодочку; легкое суденышко полетело стрелой по колыхающейся поверхности моря и направилось не к прибрежной роще, но к стоящему с поднятыми парусами кораблю купца. Тут только она догадалась о намерениях гостя!

Несколько мгновений Елена, казалось, колебалась: с одной стороны, ей тяжело было покидать родную сторону и близких ей людей, но, с другой, ее неодолимо влекла любовь к красавцу купцу и загадочная даль моря. После минутной борьбы с самой собой она бросилась в объятия милого. Корабль, приняв дорогую ношу, вышел в открытое море.

Служанка видела похищение своей госпожи, но, зная, что все совершается согласно уговору, и получив за это дорогую плату, она не звала на помощь бывших на берегу людей. Да и звать-то было бы напрасно: корабль еле-еле виднелся на краю небосклона.

Вернувшись в дом, она заперлась в комнатах княгини. На вопросы, где госпожа, она отвечала, что княгиня нездорова и потому не может выходить; все же посылаемые мнимой больной кушанья она съедала сама. Таким образом она три дня скрывала отсутствие княгини. По прошествии трех дней она стала ломать в отчаянии руки и ударять себя в грудь, неистово крича, что ее милой госпожи не стало: не бежала ли она с заезжим гостем по морю? Только теперь все догадались о побеге Елены. Отплытие корабля, правда, многие видели, но на это никто не обратил внимания. Да и кто станет в приморском городе этому удивляться: мало ли кораблей чуть ли не каждый день туда приходит и оттуда уходит по всем направлениям!

Все жители в страшном волнении. В скором времени предстоит возвращение князя; что они ему скажут, когда он спросит, где его молодая жена? Все себя упрекают в том, что не уберегли его красавицы жены!

На первых порах никто не хотел верить тому, что их гордая княгиня сбежала с купцом; всем казалось более вероятным, что она где-нибудь заблудилась в окрестностях города. Гонцы летят во все стороны, и вдоль всех берегов снуют лодки, чтобы разыскать исчезнувшую Елену — но все напрасно! Наконец, после долгих поисков всем стала ясна действительная причина исчезновения княгини.

Наступил давно ожидаемый день: приехал Карабатыр-Занэ. Князя встречают его верные люди, ведут в кунацкую и дают ему кушанья и напитки. По приезде его поразило то обстоятельство, что вместо приветствий и криков радости его встречают унылые и грустные лица. Сердце князя чуяло беду, но обычай не позволял броситься на половину княгини, куда он рвался всеми помыслами своей души. Солнце уже садилось, когда князь велел отвести себя в чертоги своей молодой жены, по которой он истосковался за год разлуки. Несмотря на приказание, люди не трогаются с места и стоят в угрюмом молчании. В нетерпении Занэ вторично приказывает вести себя к жене. Тогда те из его челяди, кто посмелее, собрались с духом доложить своему повелителю о том, что его молодая жена исчезла неизвестно куда... Как громом сразило это известие Карабатыр-Занэ; его

сердце сжалось от боли, и, не заглянув даже в опустевший дом, он тут же решил отправиться на поиски жены.

Не было уголка в его владениях, куда бы не заглянул неутешный Занэ. Но все напрасно: нет нигде Елены, его ненаглядной жены!

Потратив на бесполезные поиски много времени, князь хотел уже возвращаться домой; но по пути он вспомнил, что где-то невдалеке живет аталык его отца. Узнав в точности о его местожительстве, он направил туда своего коня. Подъехав к дому, он увидел согбенного летами старца с длинной седой бородой, сидящего на завалинке. Опершись на суковатую палку, старик смотрел своими умными глазами на приближающегося джигита. Сейчас же узнал старик сына своего питомца. Почтительно он приветствовал князя, ввел его под свою кровлю и велел слугам принести что бог послал для угощения дорогого гостя. Стали они беседовать о том, о сем, и с первых же слов старца Занэ понял, что и в эту глухую местность дошел слух об исчезновении княгини. Тогда Занэ решил сразу приступить к делу и рассказал ему о своих бесполезных поисках.

— Напрасно, пши,— сказал старик,— тебя считают таким умным человеком: видно, твой ум не соответствует храбрости! К чему ты ищешь жену в своих владениях? Разве на твоей земле она могла бы где-нибудь укрыться? Не теряй понапрасну времени и отправляйся не долго думая за море — в чужие края! Прислушайся ко всякого рода слухам: чем женщина красивее, тем больше о ней разговору. Поищешь год, поищешь два: авось и найдешь!

Понял князь справедливость слов старика. Он вернулся домой и стал готовиться к предстоящему пути, решив добыть Елену даже со дна моря!

Поиски Елены

Карабатыр-Занэ снарядил корабль и вышел в открытое море. Плыл он не один день и не два, а противоположного берега все-таки не было видно. Наконец, после продолжительного плавания вдали показались горы. Обрадовался Занэ, надеясь в этой заморской стране узнать что-нибудь о своей исчезнувшей жене; он стал уже искать глазами безопасную бухту, куда бы ему можно было направить свой корабль, как вдруг заметил другой корабль, идущий к нему навстречу. На палубе этого корабля сто-

ял юноша, лицо его было женственно красиво; грудь покрыта блестящим панцирем, за плечами торчал колчан со стрелами, в правой руке он держал лук, сбоку была привешена сабля, а на голове сверкал стальной шлем. И наш князь стоял на палубе в панцире и шишаке, а на груди его был знак княжеского достоинства — бронзовый медальон. Коль скоро юноша узнал по этому знаку, что на встречном корабле едет пши, он бросился с корабля в лодку и в несколько ударов весел очутился у корабля Карабатыр-Занэ. После взаимных приветствий юноша спросил Занэ:

— Куда держишь путь, пши?

— Еду куда глаза глядят!

— Как же это у тебя нет с собой товарища, с которым бы ты мог делить все трудности пути и коротать время в беседах? Хочешь, я буду тебе другом?

Пши с радостью согласился и, решив отправиться в дальнейший путь вместе, причалил к близкому берегу со своим товарищем.

Выйдя на берег, они увидели недалеко от моря белеющие стены города. Туда они направились и спустя немного времени вошли беспрепятственно в городские ворота. Войдя в город, они повернули направо в переулок и, миновав первый дом, остановились в следующем доме. Отдохнув несколько от пути, пши рассказал товарищу о цели своего путешествия.

— Я ищу жену, которую у меня похитил купец,— сказал князь,— не найду ее здесь, отправлюсь в другие города, а то и на край света!

— Каким же способом ты надеешься узнать про свою жену?

— Буду спрашивать всякого встречного-поперечного, авось от кого-нибудь и узнаю!

— Так ты ничего не узнаешь! Лучше сделать вот как: ты переоденешься нищим, а в лохмотьях будет тебе везде доступ; прося милостыню, ты будешь заглядывать и туда, куда никого не пускают; перед нищим никто не стесняется; нищий и не спрашивая может разведать самые сокровенные тайны.

Мысль товарища пришлась по душе Занэ. Он решил переодеться как можно скорее. С этой целью юноша отправился в город, который, как видно, был ему знаком по прежним его посещениям, добыл две сумки, лохмотья, палку для защиты от собак, и вскоре вместо блестящего джигита предстал сгорбленный нищий, протягивающий руку за подаянием.

Покинув постоялый двор, пши начал свой обход со следующей улицы. Неутомимо шныряет наш нищий по всем закоулкам, заглядывает во все углы как богатых дворцов, так и бедных хижин, разузнавая, что ему нужно, а чтобы не возбудить подозрений, он кидает все, что ему подают, то в одну, то в другую сумку.

Не пропустил наш нищий, как казалось, ни одного дома; ничто не ускользнуло от его зоркого взгляда. Тем не менее его поиски не увенчались успехом. Наш нищий пал духом и с отчаянием в душе возвратился к дожидавшемуся его спутнику.

— Ну что? Нашел? — спрашивает его юноша.

— Нет ее нигде: я не пропустил ни одного дома!

— А был ли ты в том богатом дворце, что рядом с нами, на нашей же улице?

Оказалось, что там он не был. Не долго думая наш нищий, сгорбившись в три дуги, заковылял по улице, постукивая своей палкой. Подойдя к воротам, он просится во дворец. Стража беспрепятственно его впускает. С протянутой рукой он пробирается из комнаты в комнату. Везде его щедро наделяют; смело он поднимается во второй ярус дворца и в уединенной комнате, роскошно отделанной и богато убранной, видит хозяйку дома, развалившуюся на тахте и дающую приказания своим слугам. Но каково было его удивление, когда в прекрасной хозяйке он узнал Елену! И она тотчас же его узнала. Но не с радостью встретила она своего мужа: гневно сверкнули ее глаза; громким голосом приказала она слугам прогнать назойливого нищего и даже сама бросила в него метлой!

Нищего вытолкали со срамом из роскошных палат и прогнали со двора. Понуро свесив голову, он поплелся к своему спутнику, чтобы рассказать ему, как он нашел Елену и как нерадостно она его встретила.

— Что мне теперь делать, друг? Раскинь-ка ты своим умом: наверное, что-нибудь придумаешь! — взмолился убитый горем Занэ.

— Сбрось сейчас эту личину, теперь нужно добывать Елену с оружием в руках!

Борьба из-за Елены

Храброе сердце Карабатыр-Занэ откликнулось на смелый призыв его спутника. Грязь с лица нищего была смыта, лохмотья полетели к ногам, вся его фигура мгновенно выпрями-

лась, и не прошло нескольких минут, как из сгорбленного старикашки вышел статный юноша в кольчуге, шишаке и с шашкой в руках.

— Ну, теперь нечего терять время! — воскликнул спутник.— Выручай Елену с оружием в руках, а я буду сдерживать напор стражи и прикрывать твое отступление! Нужно идти напролом: или мы ее сегодня добудем, или сложим здесь головы!

Решив так, оба джигита врываются в ворота дома. Озадаченная стража не посмела оказать им сопротивления. Карабатыр стремительно бросается вверх по лестнице, между тем как его спутник остается на нижней площадке. Мощной рукой Карабатыр опрокидывает сдерживающих его воинов, сталкивает одним ударом трех оробевших врагов вниз по ступенькам лестницы и, ворвавшись в знакомый ему терем, хватает лишившуюся чувств Елену; с дорогой ношей он устремляется к воротам дома. Придя в себя от неожиданного нападения, народ бросается отовсюду на смелых рыцарей; но оба джигита не падают духом; Карабатыр, держа левой рукой Елену, правой отбивается от наседающих на него воинов, а спутник, рубя направо и налево, прикрывает отступление своего товарища. Таким образом наши богатыри, несмотря на тучи несущихся на них стрел и сотни напирающих со всех сторон врагов, отступают медленно к морскому берегу, где их дожидается корабль. Благополучно они добрались до корабля и велели быстро отчалить от берега. Ветер был попутный, и корабль плавно понесся по морю. С палубы богатыри продолжали еще отстреливаться, пуская одну за другой свои стрелы, несущие верную смерть в густую толпу врагов.

Гибель Елены

Плывет по морю Занэ с добытой им в кровавой борьбе Еленой, сопутствуемый своим товарищем. По прошествии нескольких дней они стали медленно подходить к родному берегу. Они уже были недалеко от города, когда Занэ обратился к своему спутнику со следующими словами:

— Вот мы уже близко от берега. Надеюсь, ты не откажешься погостить у меня: я хотел бы отблагодарить тебя достойным образом за дружескую услугу.

— К тебе я не поеду, неотложные дела призывают меня домой. Отблагодарить же ты меня можешь, только поделившись со мной нашей добычей.

— К чему делиться? Бери себе ее совсем: все равно мне с ней не жить!

— Нет, мы должны поделить ее пополам! — Сказав эти слова, спутник нанес Елене удар шашкой и разрубил ее пополам...

В первое мгновение Занэ был поражен ужасом; он никак не ожидал подобного исхода. Тем не менее ему не было жаль любимой им прежде женщины: до такой степени ее измена заставляла страдать его гордость! Твердым голосом сказал Занэ:

— Я возьму голову Елены. Вернувшись в свой город, я покажу ее народу! Пусть все знают, что их князь вернулся не с пустыми руками и что неверную жену постигла заслуженная кара!

Услышав эти слова, спутник поднял туловище Елены и бросил его в море. Садясь в свое судно, он сказал Карабатыру:

— Прощай, Занэ! Ты, правда, лишился Елены, но она тебе изменила и никогда не была бы тебе верной женой. В утешение тебе скажу, что у семи братьев Барахуновых есть сестра: она тебе будет подругой жизни!

Сестра Барахуновых

По возвращении домой Занэ объявил всем о гибели Елены и велел показать народу ее голову. Примирившись со своей потерей, он решил собраться в путь, чтобы разыскать семерых братьев Барахуновых. Не было страны по всему материку, где бы не искал их Занэ. Убедившись, что ему не найти их на материке, Карабатыр сел на корабль и пустился разыскивать их по всем морям. Проехал Занэ вдоль и поперек Кара-тэнгиз *, а затем решил исследовать весь Ак-тэнгиз *.

На этом море был большой остров, к которому и пристал Занэ. Высадившись на берег, князь стал расспрашивать, не живут ли там братья Барахуновы. Оказалось, что действительно они живут на этом острове. Тогда Занэ сел на лошадь и направился в близлежащий город. Войдя в городские ворота, он спросил первого встречного, где ему искать братьев Барахуновых. Ему указали на дворец. Постучался у калитки князь: его впустили, и он вошел в княжеский терем. Братья встретили его весьма радушно, хотя они не знали, что он за человек и откуда он, но, судя по имеющемуся у него на груди знаку, они догадались, что это пши.

После ужина Занэ уложили в мягкую постель. На следую-

щее утро братья в полном сборе встретили своего гостя и, по обычаям страны, тогда только решились ему предложить вопрос, что он за человек и откуда прибыл. Тогда пши сообщил им, что он Карабатыр-Занэ и приехал добиваться руки их сестры. Услышав это, шесть старших братьев ничего не ответили и грустно опустили глаза. Младший же брат весело посмотрел на Занэ и, выждав некоторое время, обратился с упреком к старшим братьям.

— Что молчите, братья? Гость ждет вашего ответа.

Тогда старший из братьев решился сказать недовольным голосом:

— Наша сестра обладает богатырской силой; она не только горда, но и жестока. Никто из нас не решится сообщить ей о твоем сватовстве; да и никто из нас не дерзнет переступить порог ее терема!

Услышав это, младший брат сказал:

— Пусть я и погибну, но я готов пожертвовать собой ради нашего дорогого гостя! Сейчас я пойду доложить ей о твоем предложении!

Сказав это, младший из Барахуновых отправился в сестрин терем, но вдогонку ему крикнул Занэ:

— Скажи только сестре, что я хочу ее видеть, чтобы ей лично передать свою просьбу!

Младший из Барахуновых, войдя к сестре, сказал ей смело:

— У нас, сестра, со вчерашнего дня гостит Карабатыр-Занэ и хочет увидеться с тобой. Каков будет твой ответ?

— Пусть князь войдет! — ответила Барахунова. Младший из Барахуновых невыразимо обрадовался и стрелой полетел к Карабатыр-Занэ. Сияя от счастья, он сообщил ему о решении сестры. И старшие братья были необыкновенно рады, что их гордая сестра, которой никто не решался сделать предложение, боясь ее богатырской силы и крутого нрава, видимо, смягчилась.

Вмиг собрался Карабатыр-Занэ и отправился в терем гордой княжны. Когда Занэ вошел, княжна Барахунова, которая ни перед кем не вставала и к которой даже никто не осмеливался подойти, поднялась со своей тахты и, когда Занэ подошел ближе, даже протянула ему руку. Тогда Занэ, сделавшись смелее, сказал:

— Прослышав, княжна, о твоей ненаглядной красоте, я приехал предложить тебе руку и сердце. Желаешь быть моей женой?

Не ответив ни слова, княжна отвернулась. Тогда Занэ решился снова предложить ей тот же вопрос. И тут она ничего не ответила, отвернувшись еще больше прежнего. Наконец, на третий вопрос Карабатыра гордая красавица сказала скороговоркой:

— Я на все согласна!

Услышав желанный ответ, Занэ вне себя от радости бросился из терема княжны. Братья его поджидали во дворе, и когда услышали о решении сестры, то велели немедленно объявить народу радостную весть: их, мол, недоступная сестра, к которой женихи не осмеливались даже подступиться, смягчила свой нрав и выбрала себе в мужья Карабатыр-Занэ.

Свадебные празднества

Назначен был день свадьбы. К этому дню каждый из братьев велел заколоть по быку, корове и овце. Народу собралось видимо-невидимо, и пир был на весь мир. Во время всеобщего веселья явился певец и расположился среди пирующих гостей. Взяв в руки апепшину, певец стал воспевать родную быль народа; все слушали с вниманием. Затем певец провел рукой по звонкой апепшине и стал напевать песню о том, как заморский купец увез из терема могущественного пши его красавицу жену.

Занэ сейчас же догадался, о ком идет речь в этой песне, но братья и сам певец не знали, что она относится к нему. Грустно повесил Занэ свою голову, и слезы покатились по его лицу. Заметив, что эта песня производит тяжелое впечатление на гостя, братья велели певцу спеть другую.

Снова ударил певец по струнам и стал напевать о том, сколько крови пролилось из-за Елены, когда обманутый муж стал ее добывать с оружием в руках. Еще больше поник Занэ головой: еще тяжелее сделалось ему оттого, что его судьба стала достоянием народных певцов.

Увидев, что и новая песня певца навеяла мрачные думы на Карабатыр-Занэ, любезные хозяева предложили гостям развлечься, по обычаям страны, состязаниями и играми. Гурьбой повалили подгулявшие гости из зала в обширный двор. По знаку молодежь затеяла игры и стала в борьбе пробовать свою молодецкую силу: кто боролся в кулачном бою, кто поднимал тяжести, кто выказывал свою ловкость в беге взапуски. Затем

началась стрельба в цель из лука. В заключение стали состязаться в том, кто дальше бросит камень. Ко всему Занэ молча присматривался, не принимая участия в состязании. Видя это, гости обратились к нему со следующими словами:

— Дорогой гость! В наших играх ты не захотел принять участия. Вот мы теперь бросаем камни; покажи, пожалуйста, свою ловкость!

Очнувшись от задумчивости, Занэ поспешил ответить:

— Могу ли я отказать просьбе всех гостей! Я готов попробовать свою силу в умении бросать камни!

С этими словами Карабатыр-Занэ поднял с земли тяжелый камень и бросил его с размаху втрое дальше, чем удавалось бросать самым ловким из гостей.

Все онемели от удивления, стоя неподвижно на месте. Когда же гости несколько пришли в себя, то стали наперерыв один перед другим восхвалять богатырскую силу Занэ.

— Да если бы мы и сто лет упражняли наши силы, то нам никогда бы не сравниться с тобой!

Этим закончились свадебные увеселения. Когда гости разошлись по домам, то в городе только и было речи что о необыкновенной силе Карабатыр-Занэ. На небе высыпали звезды, и совсем уже стемнело, когда Занэ отвели в терем к его молодой жене, где их и уложили спать.

Ночные похождения Барахуновой

Была уже глубокая ночь. Занэ не мог заснуть, так как заметил в своей молодой жене какую-то нервную возбужденность. Желая узнать причину этого, он притворился спящим и стал сильно храпеть. Тем не менее он внимательно следил за всеми движениями жены.

К его удивлению, она поднимается с постели и со светильником в руках отправляется в смежный со спальней зал. Занэ провожает жену глазами. В зале она открывает сундук и вынимает оттуда панцирь, шишак, шашку и лук с колчаном, наполненным стрелами. Привычной рукой она надевает на себя доспехи и прячет под шишаком свою золотистую косу. Перед удивленным взором Занэ предстает настоящий рыцарь с воинственной осанкой. В полном вооружении она спускается во двор, отправляется в конюшню, выводит оттуда своего коня и, оседлав его, проворно вскакивает на него. Оказавшись на своем

скакуне, таинственный рыцарь гарцует по каменистому двору, а затем, ударив коня плетью, мчится стрелой через открытые ворота в темень глухой ночи.

Все это видел Карабатыр-Занэ; не долго думая он вскакивает с постели, надевает свое вооружение, садится на коня и мчится вдогонку за женой, следя за ней на некотором расстоянии. В темноте ночи она не заметила едущего по ее пятам всадника.

Долго ли, коротко ли они ехали, но очутились в глубоком овраге, где уже собрался отряд вооруженных людей. Не замеченный никем, Занэ смешался с толпой и стал наблюдать за тем, что творится.

Затевался набег на соседний город, и всем делом, как оказалось, руководила его жена. Обсудив сообща план действий, все остановились на следующем решении: в случае удачно совершенного набега они должны навьючить лошадей награбленным добром, между тем как их вождь богатырской своей рукой станет сдерживать напор врагов. Тем временем они успеют укрыться с награбленным добром в безопасном месте.

Сказано — сделано. В условленный час толпа вооруженных людей врывается в город, рубит безжалостно сонных жителей, грабит, что попадается под руку поценнее и навьючивает добычей лошадей. Жители растерялись: ошеломленные неожиданным нападением, они сначала были не в состоянии защищаться, но вскоре собрались с силами и бросились на грабителей. Согласно уговору, богатырь-женщина громит врагов, напирающих на нее отовсюду густой толпой. Но их число все растет; стеной подступают они к борющейся в одиночку женщине. К своему ужасу заметил Занэ, наблюдавший со стороны за исходом борьбы, что его жена как будто изнывает в неравной борьбе. Не долго думая он бросается в бой. Вдвоем они совершают чудеса храбрости. Видит богатырь-женщина, что другой витязь, еще более могучий, чем она, выручает ее из беды, и невольно удивляется его несокрушимой силе и геройской отваге. Вдруг она заметила, что с руки незнакомца струится кровь: его ранила вражеская стрела в том месте, где наручник сходится с перчаткой. С быстротой молнии она очутилась возле него и обвязала руку своим шелковым платком. Борьба пришла к концу: враги отступили, и нападавшие разъехались по домам с богатой добычей.

Развязка

Когда участники набега еще делили свою добычу, Занэ вскочил на коня и был таков... Богатырь-женщина искала глазами своего спасителя, но его и след простыл. Тогда и она вскочила на коня и помчалась по направлению к своему терему. Еще не забрезжил свет, когда она очутилась в постели рядом со своим мужем. Занэ притворился спящим. Поднимая одеяло, она заметила, что рука ее супруга обвязана шелковым платком. Тотчас она узнала свой платок и, конечно, догадалась, в чем дело. Изумление перешло в стремительный порыв страсти: она бросилась на грудь Занэ со следующими словами:

— Знай, дорогой Занэ, что до сих пор я не была похожа на других женщин: по ночам я выезжала тайно от всех, чтобы принимать участие в набегах, и пропадала по целым неделям и месяцам, совершая в разных местах геройские подвиги. Однажды я, переодетая мужчиной, встретила в открытом море рыцаря, искавшего свою жену, и помогла ему ее разыскать. С помощью оружия мы ее взяли, но затем я разрубила неверную женщину пополам и бросила труп в море...

Теперь настала очередь удивляться Занэ: в чертах лица своей дорогой жены он узнал верного спутника. В избытке чувств он хотел броситься в объятия своей жены, но она, отстранив его, сказала:

— До сих пор я была богатырь-женщина; но, найдя богатыря-мужчину, превосходящего меня своей силой, я покоряюсь ему, бросаю свои прежние привычки и возвращаюсь к занятиям, свойственным другим женщинам: домашнему хозяйству, пряже и рукоделию. Я хочу быть слабой женщиной: так будет лучше как для тебя, так и для меня!

На следующее утро чудесное превращение богатырь-женщины стало известно всем жителям. Радовались не только братья Барахуновы, но и их подданные. Все спешили в терем, чтобы поздравить Карабатыр-Занэ, сильного мужчину, и его несравненную жену, слабую женщину.

Среди пиршеств и увеселений протекло несколько дней, а затем счастливая чета, богато одаренная семью братьями Барахуновыми, уселась на корабль и отплыла при попутном ветре в родной кале.

22. Каждый молодец на свой образец

В одном ауле жил хан, а у этого хана была единственная дочь, в которой он, как говорится, души не чаял. Хан готов был для нее достать птичьего молока, если бы это было возможно; одним словом, не было ничего, в чем бы он мог ей отказать. Одевал он ее в шелка и драгоценные каменья и берег пуще глаза.

Однажды в жаркий летний день собрались над аулом черные тучи, и разразилась страшная гроза. То и дело слышались раскаты грома. Вдруг сверкнула молния: страшное чудовище опустилось над ханским домом, разрушило его и унесло ханскую дочь. Придя в себя от испуга, хан бросился искать свою дочь: на месте, где стоял его дом, дымились еще развалины, а ее, как говорится, и след простыл. Хана нельзя было утешить в его горе. Случившееся он объяснил наказанием великого тха за его грехи, но сбежавшийся со всего аула народ дал несчастью другое толкование.

В ханском ауле жила бедная вдова с семью сыновьями. Муж ее давным-давно умер, а чтобы содержать себя со своими детьми, она принимала в своем доме кутил-мужчин. От этого шел по всему аулу соблазн, и жители, собравшись у неутешного хана, все в один голос стали твердить, что несчастье произошло оттого, что у них в ауле живет распутная женщина. Хан приказал ее сейчас же выгнать из аула: ее выгнали, и она поселилась в пещере за аулом.

Прошло с тех пор довольно много времени; она перебивалась кое-как со своими семью сыновьями, которые у нее все были богатыри и каждый из них обладал сверхъестественной силой. Однако мать их вовсе не догадывалась о присутствии у сыновей каких-нибудь особенных качеств. Однажды пришел к вдове из аула какой-то мужчина в гости и, уходя домой, оставил ей кусок ситцу. Когда семь сыновей увидели ситец, они стали просить мать, чтобы она им сшила рубашки. Всем братьям хотелось прикрыть свою наготу, а между тем ситцу хватало только на одну рубашку. Видя, что на всех не хватит, мать сказала, обратившись к сыновьям: «Ну, хорошо: вот вы все ко мне пристаете, чтобы я вам сшила по рубашке; что же вы можете сделать для своей бедной матери?»

Тогда один перед другим братья стали говорить о своей богатырской силе и исчислять свои необыкновенные качества. Мать догадалась, что ее сыновья — богатыри, и ей пришло в го-

лову, что они могут выручить унесенную чудовищем дочь хана. Не долго думая она отправилась в аул к хану и сказала ему о том, что ее сыновья добудут его дочь из рук чудовища. Выслушав ее, хан велел позвать ее сыновей. Пошли, привели. Стал хан их спрашивать по старшинству.

— Я умен,— говорит первый,— могу быть военачальником целого войска, а если понадобится, то и ханом: за советом в карман не полезу.

— Я силен,— говорит второй,— могу носить на своей спине припасы для целого войска; могу работать, не разгибая спины, круглый год.

— Я — пловец,— говорит третий,— могу на себе, как по волшебному мосту, переправить целое войско через реки и моря: для меня нет ни в чем преграды.

— Я — скороход,— говорит четвертый,— могу пагнать кого угодно: мои ноги быстрее стрелы.

— Я — дальнозоркий,— говорит пятый,— могу видеть, поднявшись на возвышенность, все, что делается на белом свете!

— Я — вор,— говорит шестой,— могу вытащить яйцо из-под курицы-наседки так ловко, что она этого не заметит!

— Я храбр,— говорит, наконец, седьмой,— могу, если мне дать оружие, бороться с целым войском!

Услышав все это, хан позволил вдове снова поселиться в ее доме, а ее молодцов-сыновей велел одеть и обуть, дал им прекрасное вооружение и отправил их разыскивать дочь, похищенную чудовищем.

Долго искали братья это чудовище. Наконец они прибыли к берегу моря. Пловец в одну минуту переправил своих шестерых братьев через море на тот берег; за морем пятый брат поднялся на возвышенность и увидел вдали страшное чудовище. Пошли туда братья. Первый, умный, стал распоряжаться, что кому делать. Подойдя к логовищу чудовища, они вдруг увидели необыкновенную картину: свившись кольцом, чудовище продолжало свой семисуточный сон, а в середине этого кольцеобразного круга сидела, повесив свою красивую голову и проливая обильные слезы, девушка — ханская дочь.

Пошел вор и вынул оттуда девушку так ловко, что чудовище этого не заметило. Скороход, взяв девушку у вора, пустился бежать. Добежав до берега моря, он остановился в ожидании братьев. Прибыли братья. Все подкрепили свои силы имевшейся на спине у брата-силача провизией и легли отдохнуть.

Они собирались уже переправляться через море, когда чудо-

вище, проснувшись и не увидев своей прекрасной пленницы, мигом очутилось у того места, где были братья с ханской дочерью. Храбрец тотчас принял меры к отпору. Завязался бой. Боролись они долго, но наконец чудовище так уморилось и так запыхалось, что искры полетели из его ноздрей. Не справившись с нашим храбрецом, оно улетело назад в свое логовище. Братья в одно мгновение переплыли через море и возвратились благополучно домой.

Получив обратно свою любимую дочь, хан не знал, чем и отблагодарить братьев-богатырей. Но не только хан восхвалял необыкновенные качества братьев, но и все жители аула, забыв об их происхождении, не находили слов для прославления их подвигов.

Спустя неделю, когда хан пришел в себя от радости по случаю возвращения дочери, он ее спросил, за кого из семи братьев-богатырей она желает выйти замуж. В ответ на это девушка сказала:

— Чудовище ведь не убито и, вероятно, вернется; поэтому я выйду за храбреца.

Хан согласился, и через неделю была назначена свадьба. Накануне свадьбы случилась гроза, и молния-чудовище снова ударило в тот дом, где была девушка; чудовище хотело уже похитить ее, но тут храбрец, вынув свою шашку, отрубил ему голову, которая была сожжена на костре.

Таким образом храбрец отстоял свою невесту и навсегда избавил ее от опасности. На следующий день отпраздновали свадьбу, и молодые супруги зажили на славу.

И я на свадьбе был, бузу пил и халвой закусывал. В то время, когда хан награждал остальных братьев богатыми подарками, и мне достался хороший кинжал; но на обратном пути у меня его отняли абреки *.

23. Сказка об Анзауре

В одном большом и богатом ауле жили три брата Атажукаевы, владетельные дворяне, власти которых подчинялся весь аул. Главное богатство всех жителей аула, а также и Атажукаевых составляли громадные табуны лошадей самой лучшей породы, которыми они гордились и берегли как зеницу ока.

Однажды, когда весь аул праздновал окончание пахоты, в самый разгар пира прибежали испуганные пастухи и донесли,

что внезапно явились в поле какие-то три великана и угнали весь скот, пасшийся на лугах.

Ошеломленные таким страшным несчастьем жители аула вместе со старшим Атажукаевым немедленно помчались в погоню за похитителями. Выехав за аул, они увидели клубившуюся вдали пыль, поднятую, очевидно, угнанными табунами.

Вскоре жители аула догнали похитителей, трех громадных великанов, и вступили с ними в бой. Жаркая схватка длилась недолго: большая часть сельчан была перебита, а остальные в паническом страхе бежали обратно в аул, оставив в руках великанов свои табуны. В числе павших был и старший брат Атажукаевых.

Долго горевали обиженные жители, но ничем не могли помочь своему горю и решили на будущее лучше охранять свои стада.

Прошел год, снова настал праздник окончания пахоты, и веселые жители аула шумно пировали, забыв недавнее горе. Как вдруг в самый разгар веселья опять поразило их страшное известие, что скот их снова угнан теми же тремя великанами. Произошла такая же погоня жителей аула за похитителями, на этот раз во главе преследователей был средний брат Атажукаевых. Но жестокая судьба была неумолима: более половины храбрых преследователей вместе с Атажукаевым были изрублены, а остальные бежали обратно. Весь скот опять достался великанам.

Совсем приуныли жители аула: замолкли песни, утихли игры, печально глядела молодежь, всем было не до веселья, все со страхом ожидали лета и воссылали мольбы аллаху о защите их трудом нажитого богатства от дерзких грабителей.

Больше же всех горевали Атажукаевы: они лишились почти всего богатства, а после смерти двух старших братьев, которые были бездетны, род их почти угасал; вся надежда теперь была на младшего Атажукаева, имевшего молодую жену.

Наконец настала весна, и был назначен обычный пир по окончании пахоты. На случай нападения к пасшимся табунам была приставлена усиленная охрана. Но ничто не помогло: как и прежде, был угнан последний скот жителей, а сами они, предводительствуемые младшим Атажукаевым, помчались за похитителями. Преследователи были почти все перебиты; в их числе был убит и последний из рода Атажукаевых.

Замолк разоренный аул, печаль траурной пеленой обвила осиротевшие сакли; больше всех убивалась молодая жена пос-

леднего Атажукаева; но аллах сжалился над ней, и в тот момент, когда она увидела труп горячо любимого мужа, она почувствовала себя беременной.

«Велика милость аллаха,— подумала молодая женщина.— Если у меня родится мальчик, то не угаснет род Атажукаевых и будет кому отомстить врагам за отца и дядей».

И она с надеждой и страхом ожидала появления на свет ребенка.

Через несколько месяцев Атажукаева родила сына, прекрасного сильного мальчика, названного по желанию матери Анзауром. Вместе с молодой матерью радовался весь аул и возносил хвалу аллаху. С этого времени набеги злодеев прекратились, и аул понемногу стал богатеть, и население пополняться.

Прошло уже двенадцать лет после смерти последнего Атажукаева. За эти годы крошечный ребенок, отпрыск рода Атажукаевых, превратился в сильного, красивого мальчика, больше походившего на взрослого юношу. Он был высок ростом и строен, а на прекрасном лице лежала печать ума и непреклонной энергии. Атажукаева страстно любила сына, да и все жители аула от мала до велика любовались и гордились им.

Анзаур был своенравный и вспыльчивый, но вместе с тем великодушный и добрый мальчик. Во всех играх он поражал своей ловкостью, меткостью глаза и силой мышц; его товарищи по играм гордились им и нисколько не обижались, видя его всегда победителем. Но вот однажды, играя с товарищами, он поссорился с одним из них и сильно побил его.

— Тебе стыдно бить меня,— сказал обиженный,— вместо того чтобы драться, ты лучше спросил бы у матери, кто угнал ваши табуны и лишил тебя отца и двух дядей!

Услышав такие слова, Анзаур помчался стрелой к своему дому и, найдя мать, сказал ей:

— Мне сильно нездоровится, и будет лучше, если я лягу, а ты мне сейчас же приготовь мамрис *.

Мать Анзаура, привыкшая немедленно исполнять все желания сына, сейчас же принялась за приготовление заказанного кушанья. Когда мамрис был готов, она выложила его в глубокую глиняную посуду и понесла в комнату сына.

Анзаур лежал на тахте, притворившись больным.

— Вот, сын мой, мамрис, который ты просил! — сказала Атажукаева.

— Я болен и не могу держать ложку — корми меня из рук,— произнес Анзаур и, когда мать протянула руку к миске

с кушаньем, быстро схватил ее руку и опустил кисть руки в горячий мамрис. Атажукаева вскрикнула от нестерпимой боли.

— А! Тебе больно? — гневно воскликнул сын.— А моему сердцу еще больнее оттого, что ты скрываешь правду о судьбе моего отца! Поклянись мне сказать все, и я выпущу твою руку.

Атажукаева, испытывая ужасную боль от ожога, дала клятву ничего не утаить и сказать всю правду. Анзаур выпустил руку матери и приказал ей рассказать все подробно. Тогда она поведала сыну все о трех печальных годах, предшествовавших его рождению.

— Отчего же ты от меня скрывала это до сих пор? Не я ли последний из рода Атажукаевых и не на мне ли лежит обязанность отомстить злодеям за смерть отца и дядей и за угнанный табун? — грозно спросил Анзаур свою мать.

— О, сын мой! — горячо воскликнула женщина.— Как тебе не грешно все это говорить мне, твоей матери! Не для мести ли я тебя растила и берегла и не жила ли я все эти годы одной надеждой воспитать сильного духом и телом героя, способного со временем отомстить жестоким злодеям! Но ты был еще слишком мал, и я терпеливо ждала той минуты, когда ты обратишься в юношу.

— Хорошо, я верю тебе,— сказал Анзаур.— Прости меня за причиненные тебе страдания и добудь мне немедленно хорошую лошадь, заготовь также провизию для дальней дороги.

— Провизию я тебе приготовлю,— сказала Атажукаева,— а лошадей у нас нет, ты это и сам знаешь.

— Ну, ничего, лошадь я и сам себе добуду; ты только не опоздай с провизией.

С этими словами, взяв уздечку, Анзаур пошел в поле, где паслись табуны лошадей аульных жителей. Войдя в середину табуна, юноша встряхнул уздечкой, и перед ним тотчас же появилась чалая лошадь с атажукаевским тавром, но такая с виду плохая, что на нее было противно смотреть. Анзаур встряхнул второй раз уздечкой, и снова перед ним предстала та же чалая лошадь; он в третий раз встряхнул уздечкой и опять явилась все та же лошадь.

— Ну, видно, судьба моя такова: я последний из рода Атажукаевых! Какую посылает аллах, ту и надо брать.

Сев на чалого коня, Анзаур поспешил к родному дому, навьючил всю заготовленную матерью провизию, попрощался с ней и пустился в путь.

Весело было на душе у прекрасного Анзаура — он в первый раз чувствовал себя полностью свободным взрослым юношей и горел жаждой отомстить убийцам близких людей. Долго он ехал по равнине, прислушиваясь к журчанию ручейков и пению птичек и зорко всматриваясь в таинственную даль. Там, далеко впереди, виднелась высокая гора, вся изумрудная от покрывавшей ее молодой травы и пестревшая разноцветными цветами. Анзаур решил въехать на самую вершину этой горы, чтобы осмотреть местность. Приблизившись к подошве горы, он заметил подъезжавшего к той же горе по другой дороге всадника. Поднявшись на вершину горы, Анзаур столкнулся с незнакомцем, въехавшим на своей лошади с другой стороны.

Они обменялись приветствиями, и незнакомец, оказавшийся пожилым человеком, спросил Анзаура, куда он держит путь и по какому делу. Анзаур, видя в незнакомце порядочного человека, откровенно поведал ему о цели своего путешествия.

— Большое же ты задумал дело,— сказал незнакомец, выслушав Анзаура,— возьми меня на помощь, авось я тебе пригожусь.

— Спасибо тебе, добрый человек,— ответил юноша,— я с удовольствием принимаю твое предложение.— И они поехали вместе.

Долго ли, коротко ли ехали всадники, наконец, перед ними засинел густой лес: они решили въехать в его чащу и узнать, не живет ли кто там. С большим трудом пробирались лошади среди густо разросшихся и сплетшихся кустарников, обходя купы вековых деревьев, заграждавших им путь. Наконец лес стал редеть, и путники увидели небольшую гору, а под горой — дом, обнесенный крепкой изгородью, с большим базом во дворе для лошадей. Анзаур предложил своему товарищу подъехать вместе к самому дому и все хорошенько осмотреть.

Объехав вокруг дома и заглянув во двор и на баз, Анзаур убедился, что в данную минуту обитателей жилища нет дома, но то, что здесь живут люди, можно было видеть из того, что во дворе все было чисто и прибрано. Осмотрев все обстоятельно, Анзаур обратился к своему спутнику:

— Ты оставайся здесь и отдыхай, а я пойду посмотрю, нет ли здесь вблизи лошадей — этот баз, очевидно, построен для громадного табуна.

И действительно, предположение юноши скоро оправдалось: невдалеке от дома была обширная поляна, вся обнесенная тесно росшими друг возле друга громадными ветвистыми деревьями,

а на поляне, покрытой сочной, душистой травой, пасся огромный табун лошадей. Здесь были и совсем простые верховые лошади, были и чистокровные породистые кони, резко отличавшиеся от других своей красотой и легкостью движений.

Сильно забилось сердце у залюбовавшегося Анзаура, и он невольно подумал: «Не моего ли отца и дядей эти чудные кони?»

И, войдя в середину табуна, Анзаур стал внимательно оглядывать лошадей. Какова же была его радость, когда он увидел, что все самые красивые лошади имели на себе атажукаевское тавро! Несомненно, это были те самые бесценные табуны лошадей, которыми так гордился его род и которые так безжалостно были отбиты неизвестными грабителями. Горячая кровь прилила к голове Анзаура, и гневом сверкнули его глаза.

— О, аллах, помоги мне наказать злодеев! — воскликнул он, в бессильном бешенстве сжимая рукоять своего меча.

Вернувшись к дому, где отдыхал его спутник, Анзаур передал ему свои наблюдения и сообщил, что нашел драгоценные родовые табуны.

— Теперь, мой друг,— сказал он,— мне надо готовиться достойно встретить хозяев этого жилища и отплатить им так, как они того заслуживают.

— Располагай мной, как для тебя будет лучше,— ответил товарищ,— я же со своей стороны готов всячески помогать тебе.

— Спасибо! Давай прежде всего привяжем наших лошадей к деревьям; потом я пойду и на всякий случай загоню все табуны в баз, а ты выбери самый высокий дуб, залезь на его вершину и наблюдай, не покажется ли кто из моих злодеев, чтобы я мог достойно встретить врага.

Распорядившись таким образом и привязав своего чалого коня к дереву, Анзаур пошел загонять табуны в баз. Лошади охотно и послушно пошли к дому, имея впереди себя трех жеребцов дивной красоты и редкой породы, носивших на себе атажукаевское тавро.

Загнав все табуны в баз и крепко заперев его, Анзаур спросил у своего спутника, не видит ли он чего-нибудь подозрительного в чаще леса.

— Пока еще ничего не вижу,— ответил товарищ с вершины дуба,— но мне слышится какой-то неясный шум и треск, производимый точно лошадиными копытами.

— Смотри же, следи хорошенько, а я пока приготовлюсь к бою.— И Анзаур стал оттачивать свой меч.

— Скорее готовься! — вдруг крикнул товарищ Анзаура.— Едет страшный великан!

— Я не боюсь его! — с гордостью воскликнул юноша.

В это время на поляну выехал ужасный великан и, увидя незнакомого юношу, державшего в руке обнаженный меч, спросил его сурово:

— Кто ты, дерзкий, и что нужно тебе в наших владениях?

— Кто из нас более дерзкий, это тебе ответит мой меч! Выходи со мной на бой! Я приехал сюда смыть кровь моего отца и наказать тебя за отнятое богатство!

— Ах ты, мальчишка этакий! — с насмешкой в голосе загремел великан.— Не хочешь ли ты в самом деле помериться со мной силами?! Это будет забавно!

И чудовищный великан при последних словах захохотал. Смех его, как рокочущий гром, далеко разнесся по лесу.

— Ну, выходи! Давай поиграем!

Не успел великан взмахнуть своим мечом, как уже лежал у ног Азнаура с разрубленной головой.

Счастливый и довольный, Анзаур поспешно принялся за работу: содрав с великана всю кожу, он до половины наполнил кожаный мешок кровью убитого, а мясо и кости выбросил в овраг. Едва он кончил свою работу, как товарищ снова предупредил Анзаура о приближении второго великана.

— Ничего! Аллах поможет мне и на этот раз справиться со злодеем.

И действительно, вышло так, как говорил юноша: вскоре и другой великан лежал на земле с разрубленным черепом. Разрезав туловище убитого, Анзаур влил часть крови великана в тот кожаный мешок, в котором находилась кровь первого врага, а тело убитого выбросил в ров. Покончив с этой работой, юноша крикнул товарищу, чтобы он слез с дерева.

— Ну,— сказал он,—с двумя великанами я покончил вполне удачно; теперь надо ждать третьего; но я уверен, что он скоро не придет; я же нуждаюсь в отдыхе: мне необходим крепкий сон; пока я буду спать, береги хорошенько моего чалого жеребца; если убережешь до моего пробуждения, все кончится благополучно, а если ты его не укараулишь, то мне несдобровать: хоть я и убью великана, но сам буду опасно ранен.

— Не беспокойся, храбрый юноша,— ответил ему товарищ.— Спи спокойно! Пока ты будешь отдыхать, я глаз не сведу с твоего коня.

Но едва лишь Анзаур смежил усталые глаза и погрузился

в глубокий сон, его спутник тоже стал чувствовать необыкновенную усталость во всем теле. «Прилягу-ка я,— подумал он,— ведь это мне нисколько не помешает бодрствовать и зорко следить за лошадью».

Но едва он лег под дерево, неподалеку от привязанного чалого жеребца, как глубокий сон мгновенно овладел им.

В то время как оба путника предавались сну, внезапно явился третий великан. «Э, да здесь уже кто-то хозяйничал»,— подумал он, увидя привязанного к дереву жеребца. Осмотрев чалого коня и найдя на нем атажукаевское тавро, великан встревожился и, не зная об участи двух первых великанов, решил немедленно оповестить их о случившемся. Не долго думая великан отвязал от дерева чалого жеребца, сел на него и уехал в чащу леса искать своих товарищей.

Тем временем проснулся Анзаур и прежде всего бросился к тому месту, где был привязан конь.

— Ах, несчастье! — горестно воскликнул юноша.— Чего я опасался, то и случилось: пропал мой конь, а с ним и моя сила уменьшилась наполовину!

И он начал будить спавшего товарища:

— Вставай скорей! Сейчас должен явиться на поляну великан, и мне предстоит тяжелая борьба, ты ведь не уберег моего чалого.

—О, прости меня, юноша,— сконфуженно воскликнул товарищ,— но клянусь тебе, я не виноват в случившемся!

— Я и не виню тебя. Аллах поможет мне в правом деле. Ты только обещай исполнить мою просьбу: во время поединка великан нанесет мне тяжелую рану, хотя и сам свалится, разрубленный моим мечом; и вот, чтобы спасти меня от смерти, ты после поединка немедленно положи меня в мешок с кровью. В этом мешке я должен пролежать пятнадцать дней, на шестнадцатый же выйду из него совсем здоровым и сильнее прежнего, так как в меня перейдет кровь убитых. Во время моей болезни ты хорошенько наблюдай за табунами. Если же тебе надоест ждать моего выздоровления, то забирай с собой все табуны и уходи отсюда.

Не успел Анзаур сделать последние распоряжения, как послышался шум и треск ломающихся веток и на поляну выехал великан на чалом жеребце. Увидя Анзаура, он крикнул ему с бешенством:

— Так это ты, дерзкий мальчишка, лишил меня моих товарищей?! Ну, несдобровать же тебе теперь!

И с этими словами рассвирепевшее чудовище бросилось с поднятым мечом на Анзаура, и закипел смертный бой. Долго они сражались с переменным успехом; но вот в то время, когда Анзаур наносил смертельный удар мечом по голове великана, сам юноша покачнулся от удара противника и тоже, как подкошенный, упал на землю. Наступила мгновенная тишина. Товарищ Анзаура, все время чутко прислушивавшийся и наблюдавший за борьбой, вышел из-за деревьев и осторожно подошел к лежавшим. Убедившись, что великан убит, он уже смело наклонился над Анзауром и увидел, что жизнь в теле юноши еще теплилась, как неприметная искра.

Верный распоряжениям Анзаура, товарищ тут же опустил тело раненого в мешок с кровью и, считая себя виновником происшедшего несчастья, дал себе слово никуда не отлучаться из леса до полного выздоровления Анзаура.

Наконец прошло пятнадцать дней; на шестнадцатый из мешка вышел юноша и предстал пред глазами изумленного товарища. На лице Анзаура не осталось и следа болезни: он имел цветущий вид и поражал своей красотой и мощью.

— Ну, спасибо тебе, товарищ! — сказал Анзаур.— Ты был мне верным другом. Другой на твоем месте не стал бы ждать и угнал бы все табуны.

— Не за что тебе меня благодарить, ты и так достаточно поплатился из-за моей оплошности,— ответил товарищ.

После этого они стали собираться в обратный путь. Скоро по лесу пошел шум и треск — это шли табуны лошадей.

Бодро и радостно ехал Анзаур со своим товарищем, и незаметно они прибыли на вершину той горы, где произошла их встреча.

— Ну, товарищ,— обратился Анзаур к своему спутнику,— теперь время нам расстаться; но прежде чем мы в последний раз пожмем друг другу руки, я хотел бы тебя отблагодарить за твою бескорыстную дружбу. Выбирай любое: или трех знаменитых жеребцов с атажукаевским тавром, или весь атажукаевский табун, кроме этих трех благородных животных.

Спутник Анзаура выбрал весь табун. Поблагодарив и распрощавшись, он погнал впереди себя отобранный атажукаевский табун, а Анзаур поехал в противоположную сторону, гоня впереди себя табуны жителей своего аула и трех заветных жеребцов.

Не успели оба путника съехать с горы, как обоим одновременно пришла одна и та же мысль, что за все это время ни тот,

ни другой даже не подумали назвать свои имена, и они решили теперь же поправить свою ошибку, и поэтому неудивительно, что оба опять съехались на вершине горы.

Товарищ Анзаура назвал себя и между прочим сказал, что у него есть дочь, удивительная красавица, но очень капризная; что ей пришла в голову мысль выйти замуж за того, кому придется впору та одежда, которую она сшила своими руками.

— И вот я сколько времени езжу из одного места в другое, но до сих пор еще не нашел ни одного человека, которому была бы впору сшитая дочерью одежда,— сказал товарищ Анзаура.

— А дай-ка мне примерить,— со смехом предложил юноша и стал надевать на себя весь костюм, сшитый руками неизвестной ему красавицы.

Каково же было удивление отца девушки, когда он увидел, что весь наряд сидел на Анзауре, как сшитый по мерке!

— Ну, быть тебе моим зятем! — радостно воскликнул он.

— Что ж? Я согласен. Бери теперь же с собой одного из трех жеребцов — это будет часть калыма за твою дочь, а остальных жеребцов я сам пригоню, когда приеду жениться.

После этого будущие родственники, довольные и веселые, разъехались в разные стороны.

Однажды мальчики, пастухи того аула, в котором жила мать Анзаура, увидели вдали громадный столб клубившейся пыли; перепуганные, они с криком и плачем прибежали в аул. На вопрос жителей, чего они испугались, пастухи ответили, что, верно, идет большое войско на их аул, так как столб пыли, виденный ими, слишком велик.

Перепуганные жители побросали свои работы и побежали в поле, чтобы встретить войско.

Каково же было их удивление, когда они, всмотревшись в даль, увидели в облаках пыли быстро бегущих лошадей! Никому и в голову не могло прийти, что это возвращались их табуны, отнятые храбрым Анзауром, которого они считали давно погибшим.

Тем больше было радости и счастья, когда через некоторое время перед изумленными жителями аула предстал сам богатырь Анзаур и передал им в целости и сохранности сильно размножившиеся за много лет их отсутствия табуны. Но больше всех радовалась мать Анзаура, считавшая его давно умершим и даже носившая по нему траур.

После первых минут свидания молодой богатырь поведал матери и всем жителям аула о своих приключениях, а также и

о том, что он уже счастливый жених неизвестной ему красавицы.

— О сын мой! — воскликнула Атажукаева с радостью.— Ты слава и гордость моя! Напрасны были мои слезы и печаль — не угас род Атажукаевых, а окреп и возвеличился в лице твоем, мой храбрый Анзаур!

Все жители аула тоже прославляли молодого Атажукаева за его необычайные подвиги, и в честь его приезда, а также на радостях, что получили в сохранности свои давно исчезнувшие табуны, стали устраивать пиры, на которых храбрый Анзаур был везде желанным почетным гостем.

Наконец, когда все увеселения окончились, Атажукаев стал собираться в путь за своей невестой. Выехав на заветной чалой лошади и ведя за собой на поводу двух знаменитых жеребцов из отцовского табуна, он быстро приближался к аулу девушки.

Подъезжая к самому аулу, Анзаур переоделся в одежду, сшитую руками красавицы, чтобы она могла сразу признать в нем своего жениха.

Когда перед ним показались первые сакли аула, его внимание было привлечено веселыми группами жителей. Одни танцевали под звуки инструментов, другие пели, третьи состязались в беге, и все были наряжены в лучшие одежды. Анзаур был удивлен. «Что такое произошло в ауле?» — подумал он и, проезжая мимо танцующих, задержал своего коня и обратился с вопросом:

— Объясните мне, пожалуйста, добрые люди, причину вашей радости, чтобы и я, путник, мог разделить с вами веселье.

Увидя перед собой прекрасного юношу, танцующие с уважением и любопытством обступили его, с искренним восхищением любуясь богатырем и восторгаясь его чудными жеребцами.

— Кто ты, прекрасный чужеземец, мы не знаем; но вид твой внушает всем нам уважение, и мы охотно удовлетворим твое любопытство,— почтительно проговорили окружающие.— Мы празднуем свадьбу дочери владетельного дворянина.— И они назвали имя будущего тестя Анзаура.

Атажукаев весь вспыхнул от гнева, но сдержался и спокойно спросил:

— За кого же выходит девушка?

— О, ее жених очень знатный и могущественный калмыцкий хан. Он мельком увидел девушку и, плененный ее необыкновенной красотой, берет ее насильно себе в жены. Поезжай и

ты, прекрасный путник, в дом невесты; тебя примут там с почетом, и ты будешь для всех желанным гостем.

Поблагодарив танцующих за объяснения, Анзаур направил своего чалого по указанию жителей к дому дворянина.

— Кто этот красавец-богатырь? Жаль, что он раньше не видел невесты! Вот он был бы настоящим мужем для такой красавицы, не то что старый хан! — рассуждали между собой сельчане после отъезда юноши.

— А видели его коней? — говорили другие.— На что уж ханские кони прекрасны, но в сравнении с этими жеребцами они никуда не годятся. Только зачем он сам едет на такой невзрачной лошади? — недоумевали они.— Да, наверное, этот путник не простой человек.— И долго еще пирующие жители аула вели разговоры об Анзауре.

В то время сам юноша уже подъезжал к дому невесты и был с почетом встречен гостями, среди которых не видно было лишь одного хозяина. Анзаур, несмотря на гнев, радушно разговаривал с гостями и охотно принимал участие в их веселье. Когда начались танцы, он выступил в середину круга и начал танцевать. Все с восхищением смотрели на прекрасного богатыря и удивлялись ловкости и красоте его движений.

Красавица невеста, узнав о прибытии нового гостя и горя нетерпением посмотреть на него, вышла к гостям и, увидев танцующего Анзаура в одежде, сшитой ее руками, сразу узнала в нем своего настоящего жениха и, смело выступив вперед, закружилась перед Атажукаевым в веселой пляске.

«А, вот кто моя невеста! — подумал Анзаур.— Ну, такую красавицу добровольно я никому не отдам и не побоюсь никакого хана».

Во время пляски прекрасная девушка незаметно вручила свое кольцо Анзауру и шепнула ему:

— Увези меня! Я буду на балконе ждать тебя.

— Будь покойна,— ответил ей так же тихо Анзаур.— Я увезу тебя, и ты будешь моей женой.

Никто из гостей не мог слышать этих переговоров, так как все были увлечены, наблюдая пляску прекрасной пары, и невольно у всех пирующих промелькнула одна и та же мысль: «Вот этот богатырь был бы настоящим мужем для такой красавицы!»

Когда танцы окончились и девушка ушла на свою половину, Анзаур незаметно прокрался сквозь толпу и вышел во двор; здесь он приготовил своих лошадей и стал ждать, когда

можно будет среди шума на пиру выкрасть девушку. И вот, улучив удобную минуту, он подошел к балкону, на котором сидела красавица, окруженная своими подругами, выломал одним ударом кулака доски балкона, схватил девушку, посадил ее на одного из своих коней, сам сел с ней и, держа на поводу заветного чалого, быстро помчался из аула.

Подруги красавицы своими криками всполошили пирующих; начались расспросы, поднялась суматоха, а сам жених, калмыцкий хан, приказал своим приближенным и телохранителям немедленно садиться на лошадей и мчаться за дерзким похитителем ханской невесты. С ними должен был ехать и отец девушки, еще не знавший, что вором был Анзаур, законный жених его дочери.

Как ни спешил обиженный хан, как ни торопили своих калмыцких скакунов посланные, все же не могли догнать Анзаура.

Не видя наконец за собой погони, он остановил своего коня и сказал красавице:

— Пока при мне мой чалый, нам нечего бояться. Выехавшие за нами наездники, наверное, теперь рассыпались по всей дороге, и мне легко будет по одному всех перебить; если только ты не боишься, то я их примерно накажу.

— С тобой, мой богатырь, я ничего не боюсь! — с гордостью ответила красавица. И они поехали обратно в аул.

И действительно, так и случилось, как говорил Анзаур. По пути они нагоняли ехавших обратно наездников, и Атажукаев без труда расправлялся с ними при помощи своего меча.

Самым последним из преследуемых наездников был сам отец красавицы. Он ехал на том самом жеребце, которого получил от Анзаура в калым за дочь. Атажукаев узнал своего жеребца, но не мог признать в наезднике отца невесты, так как он сидел к нему спиной, и хотел уже нанести ему смертельный удар, но в это время наездник обернулся, и рука Анзаура, направлявшая удар, сама собой опустилась.

Анзаур стал упрекать своего будущего тестя за измену данному слову.

— Не вини меня, друг мой,— сказал отец красавицы,— своим упорством перед старым могущественным ханом я ничего бы не выиграл: мне ли спорить с таким сильным противником?! Я даже не мог оповестить тебя о случившемся, так как хан слишком торопился со свадьбой. Но ты не кручинься: тебе ли, такому богатырю, победившему даже великанов, бояться старого хана?

— Мой меч покажет ему, как я боюсь его! — пылко ответил Анзаур.

— Нет, этого не следует делать, пока он у меня в доме.— У хана много приближенных, телохранителей и слуг, глубоко преданных ему, и они могут жестоко выместить свой гнев на моей семье и на ни в чем не повинных жителях моего аула; а я лучше дам тебе такой совет: я возьму с собой дочь в аул и там объявлю хану, что сам отбил ее, а дерзкого похитителя убил. Ты же на это время скройся где-либо поблизости, у кого-нибудь из моих подчиненных; тебя никто не выдаст, а когда хан тронется в путь, увозя мою дочь в свое ханство, мы с тобой и другими удальцами догоним свадебный поезд, выкрадем дочь, и ты увезешь ее тут же в свой аул. Таким путем все обойдется тихо, без крови.

— Хорошо, я последую твоему совету,— ответил Анзаур,— но не ручаюсь за себя, что оставлю в живых своего кровного врага.

Приехав в аул с дочерью, отец невесты успокоил хана рассказом о смерти похитителя дочери. Обрадованный хан начал торопить своих приближенных с отъездом. К вечеру все было готово, и красавица принуждена была отправиться в путь. Дорога, по которой им надо было ехать в калмыцкое ханство, пролегала через лес. И вот, когда часть свадебного поезда уже скрылась в чаще деревьев, к наездникам подкрался Анзаур со своим будущим тестем с целью выкрасть девушку; но их присутствие было замечено приближенными хана, и завязалась жаркая битва, в которой принял участие даже сам хан.

Но с таким богатырем, как Анзаур, трудно было бороться телохранителям хана. Ряды их таяли с удивительной быстротой от меча Анзаура и тех удальцов, которые ему помогали. В конце битвы осталась лишь небольшая горстка людей, тесно сплотившихся вокруг хана и его невесты. В последней схватке пал пораженный смертельным ударом отец невесты. Увидя залитое кровью тело отца, красавица выхватила меч и стала наносить удары ханским телохранителям, мстя за убитого.

Последним из обороняющихся остался хан, и он дорого продал свою жизнь: в то время как острый меч Анзаура наносил ему смертельный удар, сам Анзаур пал, сраженный мечом старого хана.

Красавица с горестным криком склонилась над богатырем и начала осматривать его рану. Скоро луч надежды и радости проник в ее сердце: ей показалось, что Анзаур дышит.

Обмыв его рану, перевязав ее и освежив запекшийся рот раненого холодной водой, девушка убедилась, что богатырь жив, но, требует немедленной помощи. Не теряя времени, она уложила на лошадь сначала тело убитого отца, потом осторожно перенесла раненого Анзаура на чалого коня и, сев рядом с ним, поехала в аул. Здесь, похоронив убитого отца, красавица принялась ухаживать за раненым.

Скоро целебные травы и хороший уход поставили на ноги больного Анзаура. Когда он совершенно окреп, была отпразднована веселая свадьба, и молодые, забрав с собой все приданое, а также тот табун лошадей с атажукаевским тавром, который был подарен Анзауром отцу красавицы после борьбы с великанами, отправились в родной аул богатыря, где его с нетерпением ждала старая мать.

Нечего и говорить о той радости, которой было полно сердце счастливой матери Анзаура при виде сына-богатыря и красавицы невестки. А все жители аула, узнав о его новых подвигах, устроили большой пир, на котором чествовали его и пели ему хвалебные песни, прославлявшие его диковинные подвиги и выражавшие пожелания ему долгой и счастливой жизни.

24. Чья заслуга больше?

Жил-был богатый хан; у него было три сына. В ханском ауле жила круглая сирота, девушка удивительной красоты. Однажды старший сын хана, возвращаясь с охоты, увидел красавицу и влюбился в нее без ума: он стал за ней ухаживать, а затем сделал ей предложение. Девушка согласилась. Жених посещал ее каждый день и приносил ей различные подарки.

Месяц спустя жениху по какому-то делу пришлось уехать в отдаленный аул на весьма продолжительное время. Дела его задержали на чужбине долее, чем он предполагал. В отсутствие старшего брата увидел девушку средний; он точно так же в нее влюбился и сделал ей предложение. Девушка согласилась, но промолчала о том, что дала слово старшему брату. Спустя некоторое время он по приказанию своего отца уехал в другой аул, к своему дяде, дядя задержал его у себя дольше двух месяцев. Тем временем младший брат влюбился в ту же самую девушку и, не зная ничего об отношении к ней старших братьев, предложил ей руку и сердце. И он также получил ее согласие.

Возвратился средний брат, а за ним и старший. Когда они рассказали отцу о своей поездке, то старший объявил ему и бывшим тут же братьям, что собирается жениться.

— Кто же твоя невеста? — спрашивает отец.

— Моя невеста — сиротка, которая живет в нашем ауле.

— Она моя невеста! — говорит средний.

— Нет, моя! — сказал младший.

Затеялся между ними спор, так как никто из них не хотел уступить невесту другому. Пришлось обратиться к кадию *; привели к нему бедную девушку, виновницу расприи между братьями. Строгим голосом спросил ее судья о причине такого странного поведения.

— Я бедная девушка,— ответила она робко,— а они все трое из богатой и знатной ханской фамилии. Каждый из них делал мне предложение в разное время; что же мне было делать? Отказаться — значило обидеть влюбленного юношу! Притом первые два долго не возвращались, а каково положение беспомощной и одинокой сироты, вы сами знаете!

— Да, тебе трудно было поступить иначе,— сказал старик судья,— но все-таки ты должна сделать между ними выбор.

— Если я выберу одного из них,— сказала девушка,— то другие скажут: чем мы хуже его!

— Нельзя же тебе всех обидеть!

— А чтобы никого не обидеть, пусть они все трое, если меня любят, едут путешествовать: кто из них достанет для меня вещь, какой никто не видал и слыхом не слыхал, за того я и выйду!

Каждый похвалил девушку за находчивость. Тогда братья взяли с нее клятву, что она не выйдет замуж до их возвращения, и отправились в путь-дорогу.

Ехали они ехали, долго ли, коротко ли: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; наконец они все трое, изъездив вдоль и поперек не только соседние, но и отдаленные государства, встретились на славном базаре города Вавилона. Там они надеялись достать вещь, которая придется по душе их невесте. И действительно, каждому из них удалось сделать редкую покупку: старший купил волшебное зеркальце, в которое если посмотреть, то видно, что на свете делается; средний купил волшебный ковер, на который если сядешь, то в одно мгновение очутишься там, где пожелаешь; младший, наконец, купил волшебный кубган, из которого если полить водой умершего прежде, чем опустить в могилу, то он оживет.

Вернулись братья с базара и наперерыв один перед другим стали восхвалять свою покупку.

— Давайте смотреть в мое зеркало,— говорит старший брат,— увидим, что делает наша невеста!

Они бросились к зеркалу и, к своему ужасу, увидели, что любимая ими девушка, из-за которой они ездили за тридевять земель, лежит мертвая на столе.

— Давайте сядем на ковер,— говорит средний.

Все трое сели на ковер-самолет и в ту же минуту очутились в родном ауле у тела их невесты. Тогда младший плеснул на нее водой из чудо-кубгана, и, к общему удивлению, девушка поднялась, как будто очнулась после долгого сна. И тут-то снова завязался между братьями спор.

— Девушка принадлежит мне,— говорит старший,— так как, не будь зеркала, мы не узнали бы о ее смерти!

— Девушка моя,— сказал средний,— не будь моего ковра, мы бы не могли поспеть сюда вовремя!

— Хорошо,— говорит младший,— один из вас узнал, что она умерла, а другой принес нас сюда: что же вы сделали бы, если бы не мой кубган, который вернул ей жизнь?

Так как спор их ни к чему не мог повести, то они снова обратились к кадию, чтобы он их рассудил. Кадий посоветовал им опять отправиться в Вавилон, чтобы у тамошнего халифа искать суда и расправы. Отправились братья, оставив в ауле зеркало, ковер и кубган. Пока они судились в Вавилоне, девушка снова заболела и умерла, а так как ее некому было возвратить к жизни, то ее и похоронили [1].

25. Кто больше?

Давно это было; быль ли это или нет, не скажу. Слышал это я от стариков, а старики от дедов и прадедов; так оно переходило из рода в род и перешло наконец к нам. Сказывают, что в это старое время был на Кавказе у одного хозяина такой большой бык, что, когда он пил воду, иссякали кавказские реки: хозяин должен был гонять его каждый раз к водопою на Черное море.

Вот однажды погнали этого быка три сына хозяина; старший сидел на голове между рогами, средний на спине, а младший сзади около хвоста. Встретился им по дороге всадник. Увидев чудовищного быка, всадник не вытерпел и закричал гром-

ко: «Что за диковина!» Его крик услыхал старший из братьев, сидевший между рогами быка и погонявший его хворостиной.

— Поклонись,— сказал он всаднику,— от меня моему среднему брату: он сидит на спине быка!

Всадник доехал до него только в полночь и передал ему поклон от старшего брата. В свою очередь, средний брат передал поклон младшему. К младшему же брату всадник доехал только утром на рассвете и передал ему поклон среднего брата.

Пригнали братья быка к морю. Напоив быка, они слезли с него и пустили его пастись на лугу. Вдруг с поднебесья спустился орел, схватил когтями быка и поднялся с ним в воздух. Братья ахнули от удивления и, лишившись быка, отправились пешком через горы домой.

Спустя некоторое время пошел дождик. На том месте, где орел схватил быка, старик пастух пас коз; он от дождя спрятался под бородой козла. Доедая лопатку быка, орел спустился на землю и сел на спину того самого козла, под бородой которого спрятался старик пастух. Дождь перестал идти, и старик вышел из своего убежища, чтобы посмотреть, не прояснилось ли небо. Испугавшись, орел взвился в воздух и уронил лопатку, которая попала старику в глаз и там застряла. Он почувствовал сильную боль и стал ощупывать свой глаз, но не мог ничего найти. Когда он вечером пришел домой, то заставил семь снох порыться в его глазу и поискать засевшую там соринку. Снохи искали-искали, но ничего не могли найти. Наконец один табунщик, который случился по соседству, взял веревку и, как стоял, влез в глаз старика. Поискав там хорошенько по всем углам, он нашел лопатку, к которой привязал веревку; вытащить самому ему было не по силам. Он вылез из глазной впадины, согнал быков со всего аула, привязал веревку к ярму и, погоняя изо всех сил быков, с трудом вытащил из глаза лопатку необыкновенных размеров. Тогда он, чтобы с кем-нибудь опять не случилась беда, оттащил ее подальше за аул в степь.

Со временем лопатка покрылась пылью; затем образовался толстый слой земли и наконец она обросла травой. Таким образом вырос настоящий бугор, а так как почва на нем была очень хорошая, то там и поселился целый аул. Никто из жителей не знал о том, что их аул расположился на лопатке. Людям было невдомек, но лисица это пронюхала и повадилась каждую ночь отгрызать по кусочку. Грызя и обгладывая эту лопатку, она ворочала ее мордой и сдвигала с места: аульные жители думали, что это землетрясение, и стали приносить богам жертвы. Но

так как это повторялось каждую ночь, то они догадались, что это не землетрясение, а что-то другое, и решили по очереди караулить вокруг аула. Наконец одному караульному удалось подстрелить зловредную лисицу.

На следующее утро весь аул собрался смотреть своего врага; лисица лежала, вытянувшись во всю длину. Жаль им стало дорогой шкурки лисицы, и они решили сообща снять ее. Однако это им удалось сделать только с той стороны, которая была обращена вверх; перевернуть же лисицу они были не в силах, хотя все за это усердно принимались. Как раз в это время шла на речку за водой женщина из соседнего аула. Она увидела мертвую лисицу, перевернула ее на другой бок и сорвала с нее другую половину шкурки; к этой шкурке она прибавила еще триста бараньих овчин и сшила шапочку своему мальчику.

Подул с моря сильный ветер и разнес по степи кости бедной лисицы. Череп ее катился, как перекати-поле, все дальше и дальше и, катясь все к востоку, остановился в калмыцкой степи, куда кабардинцы ездят за солью. Ехало сорок арб [1]; передний аробщик заснул, и быки, спасаясь от непогоды, заехали прямо в череп лисицы, а за первой арбой, конечно, и все остальные. Проснулись аробщики и, не зная, где они находятся, стали орать во все горло.

Недалеко от этого черепа был кош, в котором спали калмыки. Собака их прослышала, что где-то шумят, и побежала, громко лая, в этом направлении. Прибежав к черепу, она его обнюхала, толкнула его мордой и перевернула на другую сторону, от чего шум еще усилился. Влезть туда она, конечно, не могла: она взяла череп в зубы, принесла его в кош и положила в углу. Хозяева проснулись и услышали какой-то крик; они стали доискиваться, где это кричат, и, к своему удивлению, заметили, что шум раздается из стоявшего в углу черепа. Тогда они послали мальчугана узнать, что делается внутри черепа, и вскоре он вывел оттуда сорок арб.

— Куда вы, чудаки, забрались? — крикнул им старший из хозяев.

— Да мы к вам за солью!

— Какой вам соли еще нужно, когда вы заблудились в лисьем черепе!

С этими словами он вынул из кармана комок соли и бросил аробщикам. Этот комок оказался для них горой; они его разбили на мелкие куски, разложили на своих арбах и, довольные, уехали домой.

26. Бык-великан

У трех братьев только и было богатства что единственный бык. Но был тот бык не простой. Был он так велик, что, когда стоял на одном месте, пасся на лугах семи гор [1]. Ему не хватало всей воды рек Марта, Пшиша, Пчаша, он пил и из других рек — Лабы, Шхатдащи.

Однажды братья решили отвести быка на водопой к большой реке Пшиз — Кубани. Старший из братьев сел на шею быка, средний — на спину, младший — у хвоста. Взяли они с собой провизии и отправились в путь.

В пути встретился им всадник. Старший брат попросил его:

— О мардж, когда встретишь моего среднего брата, скажи ему, чтобы живее подгонял быка.

Всадник ехал целую неделю, пока не встретил среднего из братьев.

— Старший брат велел передать тебе, чтобы ты живей подгонял быка,— сказал он.

— Раз так, когда встретишь нашего младшего брата, поторопи и его!

Всадник опять ехал неделю и, наконец, встретился с младшим из братьев и передал ему просьбу старших.

И после этого братья еще ехали на быке целую неделю и, наконец, прибыли к Пшиз. Всю реку выпил бык-великан — ни одной капли не оставил.

— Слава богу, наконец наш бык напился,— сказали братья,— немножко отдохнем и вернемся домой.

Расположились братья на берегу реки Пшиз. Вдруг налетел огромный орел, растерзал быка и почти всего съел. Осталась только одна бычья нога — он схватил ее и улетел.

Долго летел орел. Вдруг один чабан, пасший на лугу овец, заметил в небе огромного орла. Он пристально смотрел вверх, а в это время из клюва орла выпала бычья нога и попала в глаз чабану.

Вернулся чабан домой, обратился к своим семи молодым снохам:

— Послушайте, садитесь-ка в лодки, возьмите по веслу и заплывайте в мой глаз, сегодня попала в него соринка, беспокоит меня, хорошо бы ее вытащить.

Молодые женщины сели в лодки, взяли семь весел, заплыли в глаз свекру, поискали-поискали, с трудом нашли продырявленную орлиным клювом бычью ногу и выволокли ее.

Чабан взял в руки бычью ногу, вынес ее из дому и выбросил.

Прошло много лет. Бычья нога покрылась землей и превратилась в высокий холм. Высокая трава росла на том холме, текли там звонкие ручьи — полюбилось то место людям, и они стали здесь селиться. Выросло на холме семь аулов.

Возчики соли заезжают на подводах в дыру на бычьей ноге, едут семь дней, нагружают соль и едут семь дней и ночей обратно.

Однажды возвратились семь подвод с солью. Старуха увидела их и попросила дочь:

— Сходи, дочка, попроси у них горсточку соли и принеси сюда мне.

Они высыпали ей на ладонь всю соль из семи подвод, но ее хватило, чтобы заполнить ладонь. Принесла дочь эту соль матери, старуха высыпала ее в рот и съела.

Как-то лиса увидела продырявленную бычью ногу. Она начала грызть ее и, конечно, пошевелила ногу, вместе с ней затряслись все семь аулов. Стали люди удивляться — отчего это земля трясется.

Так шло время, и однажды люди заметили лису, которая грызла кость. Они послали охотников, и те убили лису.

Охотники сняли с лисы шкуру с одной стороны и сделали из нее папахи всем мужчинам семи аулов. Хотели снять шкуру и с другой стороны, но не смогли перевернуть лису.

Убитая лиса лежала неподалеку от аула. Проходила однажды мимо молодая женщина. Увидала она лису. Взяла она в одну руку ведро, в другую — коромысло и крючком коромысла перевернула лису.

— Может быть, хватит на шапку для моего маленького сыночка,— сказала она и сняла шкуру с оставшейся части лисы. Она добавила еще меху к шкуре лисы и сшила младенцу шапку.

А теперь скажите, кто же был больше всех?

27. Девочка, которая принесла золото

У одной маленькой девочки умерла мать. Отец погоревал-погоревал и привел в дом новую жену. Была она вдовой и имела свою дочку.

С приходом мачехи у сиротки началась совсем другая жизнь. Мачеха заставляла ее делать всю черную работу по дому

и почти не кормила: даст кусок холодной пасты с солью да кружку воды, вот и вся еда — и на завтрак, и на обед, и на ужин.

Удивлялась мачеха: сиротка работала от зари до зари, ничего не ела, а росла и хорошела на глазах. Она не знала, что перед смертью мать девочки отрезала свою грудь и отдала ее дочери со словами: «Когда нечего будет есть, пососи мою грудь — насытишься».

И сиротка часто прикладывалась к материнской груди, и это придавало ей силы.

Задумала мачеха извести падчерицу и стала еще больше обижать ее. Однажды, когда девочка поздно вечером закончила все дела по дому и хотела присесть отдохнуть, мачеха стала бранить ее и оставила без ужина.

Пошла девочка к сундуку, где лежала материнская грудь, и только достала ее, как сзади подкралась мачеха. Вырвала она у девочки грудь, выбежала во двор и бросила ее в реку, которая протекала через их двор. А падчерицу приволокла в дом и заперла в темной комнате. Несколько дней продержала она ее там, а потом выпустила.

У сиротки была только одна мысль — отыскать материнскую грудь. Отправилась она в путь, пошла по берегу речки, в которую злая мачеха бросила грудь.

Шла она шла и увидела под деревом птичку. У нее было сломано крыло, и она никак не могла взлететь на дерево.

— Помоги мне, маленькая красавица, у меня сломано крыло, посади меня обратно на дерево, когда-нибудь и я пригожусь тебе!

— Обязательно посажу, только скажи мне, не видала ли ты грудь моей матери, которую унесли волны этой речки?

— Не горюй, ты обязательно найдешь ее! — сказала птичка.

Посадила девочка птичку на дерево и пошла своей дорогой.

Шла она шла и увидела огромного быка — он застрял в болоте и не мог выбраться из него.

— Не видел ли ты, бык, грудь моей матери, которую унесли волны этой речки!

— Я не видел, но ты непременно найдешь ее. Помоги мне выбраться из трясины! — сказал бык.

Только взялась девочка за бычий рог, как он вышел из болота и поблагодарил ее за помощь.

Пошла девочка дальше. Много ли, мало ли шла она и увидела печку.

— Помоги мне, маленькая красавица,— заговорила печка.— Вот уже десять лет, как меня не топили, оттого я и летом замерзаю. Положи дрова, разведи огонь, чтобы я согрелась — когда-нибудь и я пригожусь тебе.

— Я помогу тебе, разведу огонь, но скажи, печка, не видала ли ты грудь матери, которую унесли волны этой речки?

— Аллах возвратит ее тебе,— сказала печка.

Девочка развела в печке огонь и пошла своей дорогой.

Шла она, бежала, шла, бежала и увидела однажды на берегу реки высокий дом: был он весь из стекла и сверкал на солнце.

Девочка вошла в дом и огляделась. В нем никого не было, и она поняла, что здесь давно не убирали. Прошла девочка дальше и увидела в колыбели младенца — он громко плакал. Она взяла ребенка, помыла его, перепеленала, постелила в люльке все чистое и положила его обратно. Потом она выстирала белье, перемыла посуду, убрала в комнате. После этого взяла ребенка и стала с ним играть.

Вскоре вернулся хозяин. Он удивился, найдя в доме порядок, но, когда увидел девочку, все понял.

— Чья ты, девочка, как попала в наши края? — спросил он.

Она рассказала, что злая мачеха бросила в реку грудь ее покойной матери и теперь она идет, чтобы найти ее.

— Ты непременно найдешь ее! — сказал хозяин дома. — А пока возьми этот сундук и возвращайся к себе.

И он дал девочке сундук — она едва подняла его — и гомыле на дорогу.

Пустилась сиротка в обратный путь. Долго шла она, и кончились ее припасы. Стала она голодать. И тут увидела она печку, которую топила. Печка была горячая, а в ней — много теплого хлеба.

— Подойди ко мне, девочка, поешь хлеба! — сказала печка.

Накормила она девочку досыта и дала ей хлеба в дорогу

Пошла девочка дальше. Вскоре она увидела знакомую птичку, та громко пела, а из клюва ее сыпались золотые зернышки, их под деревом была уже целая куча.

— Подойди ко мне, девочка, возьми себе золота, сколько сможешь донести, — сказала птичка, — ведь ты помогла мне в ненастный день.

Девочка насыпала золота в свой платок и пошла дальше.

Тем временем во дворе ее отца громко запел петух:

— Кукареку! Возвращается та, которая несет золото!

Мачеха выскочила на крыльцо, стала прогонять петуха:

— Чтоб ты сгорел в огне — что ты говоришь! Скажи лучше, что падчерица давно умерла!

Убежал петух подальше, а вскоре снова подошел к крыльцу и запел:

— Кукареку! Возвращается та, которая несет золото!

И снова мачеха с проклятиями прогнала петуха. Но через некоторое время он снова подбежал к крыльцу и в третий раз пропел свои слова.

В это время отворилась калитка, и во двор вошла девочка. В одной руке она держала сундук, в другой — платок с золотом.

Мачеха с дочерью выбежали на крыльцо, будто они и вправду были рады возвращению сиротки. Они ввели ее в дом, стали обнимать и угощать.

Вечером, когда вернулся с поля отец, решили посмотреть, что же принесла сиротка. Открыли сундук и ахнули — каких только нарядов там не было, и все из золота, а сверху лежала грудь девочкиной матери.

И тут решила мачеха послать свою дочку, чтобы она тоже вернулась с такими же подарками. В один миг отрезала она свою грудь и бросила ее в речку. Потом быстро приготовила гомыле и отправила дочь в дорогу.

— Найди и принеси мою грудь,— сказала она.

Неохотно отправилась в путь мачехина дочка. Шла она шла и увидела под деревом птичку. У нее было сломано крыло, и она никак не могла взлететь на дерево.

— Помоги мне, маленькая красавица, у меня сломано крыло, посади меня обратно на дерево, когда-нибудь и я пригожусь тебе! — сказала птичка.

— Скажи, не видала ли ты грудь моей матери, которую унесли волны этой речки, тогда посажу.

— Ты обязательно найдешь ее, только помоги мне,— отвечала птичка.

— Хоть умри — не посажу! — сказала мачехина дочка и пошла дальше.

Шла она шла и увидела огромного быка — он застрял в болоте и не мог выбраться из него.

— Эй, старый бык, не видал ли ты грудь моей матери, которую унесли волны этой речки?

— Я не видел, но ты непременно найдешь ее. Помоги мне выбраться из трясины, — попросил бык.

— Чтоб ты сгинул в болоте, зачем залез туда? Не стану тебе

помогать, некогда мне с тобой возиться! — сказала мачехина дочка и пошла дальше.

Много ли, мало ли шла она и увидела печку.

— Помоги мне, маленькая красавица, — заговорила печка. — Вот уже десять лет, как меня не топили, оттого я и летом замерзаю. Положи дрова, разведи огонь, чтобы я согрелась — когда-нибудь и я пригожусь тебе.

— Ты говоришь чепуху, скажи лучше, не видала ли ты грудь моей матери, которую унесли волны этой речки?

— Не беспокойся, найдешь ее, — отвечала печка.

— И ты тоже не беспокойся — кто-нибудь разведет огонь, и ты согреешься.

— Не ленись развести огонь, я замерзаю!

— Не разведу, мерзни еще! — С этими словами мачехина дочка пошла дальше.

Много ли она шла, мало ли шла и увидела однажды на берегу реки высокий дом: был он весь из стекла и сверкал на солнце.

Вошла в него мачехина дочка, огляделась. В нем никого не было, и она поняла, что здесь давно не убирали. Прошла она дальше и увидела в колыбели младенца — он громко плакал. Разозлилась мачехина дочка:

— Здесь никого нет, и мне придется нянчить его — лучше я убью его.

В это время вернулся хозяин.

— Чья ты, девочка, как попала в наши края? — спросил он.

— Я ищу грудь своей матери — ее унесли волны нашей речки, — отвечала мачехина дочка.

— Ты непременно найдешь ее, а пока помоги мне — прибери в доме, постирай, вымой посуду: у меня умерла жена, я один не справлюсь с хозяйством.

— Конечно, приберу, — сказала мачехина дочка, а сама еще больше все разбросала. Потом взяла палку и перебила всю посуду. Смотрит хозяин, что делает гостья,— ничего не говорит.

— А теперь, красавица, искупай моего ребенка,— сказал он.

Мачехина дочка взяла ребенка, вынесла его во двор, положила на пенек и отрубила ему голову.

Потом она вошла в дом и обратилась к хозяину.

— Я сделала все, что ты велел, теперь отдай мне грудь моей матери!

— Да, ты все сделала прекрасно. Получай! — сказал хозяин и протянул гостье большой сундук, точно такой же, какой он отдал сиротке.

Обрадовалась мачехина дочка, схватила сундук и заторопилась домой — она думала, что сундук полон золота.

Шла она шла и проголодалась — она ведь не взяла на обратный путь гомыле. В это время увидела она печку, которую отказалась затопить. Печка была горячая, а в ней было много теплого хлеба.

— Я умираю с голоду, дай мне кусочек хлеба, печка-красавица! — взмолилась мачехина дочка.

— Вспомни, что ты сказала мне, когда я попросила тебя развести огонь,— отвечала печка.— Не только не дам тебе хлеба, но даже и близко не подпущу!

И она прогнала мачехину дочку прочь.

Пошла она дальше и вскоре увидела знакомую птичку. Она громко пела, а из клюва ее сыпались золотые зернышки — их под деревом была уже целая куча.

— Прошу тебя, золотая птичка, дай мне немного золота, я отнесу его матери! — попросила мачехина дочка.

Но птичка не дала ей ни зернышка.

Шатаясь от голода, пошла мачехина дочка дальше.

Тем временем во дворе у них громко запел петух.

— Кукареку! Возвращается мачехина дочка, несет сундук со всякой нечистью!

Мачеха выскочила на крыльцо, стала прогонять петуха.

— Чтоб ты сгорел в огне — что ты говоришь! Скажи лучше, что возвращается моя дочь с золотой ношей.

Убежал петух подальше, а вскоре снова подошел к крыльцу и запел:

— Кукареку! Возвращается мачехина дочка, несет сундук со всякой нечистью!

И снова мачеха с проклятиями прогнала петуха. Но через некоторое время он снова подбежал к крыльцу и в третий раз пропел свои слова.

Не выдержала мачеха — убила петуха палкой.

В это время отворилась калитка, и во двор вошла мачехина дочка с сундуком в руках.

Выбежала мать ей навстречу, обрадовалась, когда увидела сундук.

Завела она дочку в дом, не терпелось ей узнать, что она принесла. Но прежде мачеха велела закрыть двери, чтобы никто не узнал об их богатствах. Когда же сундук открыли, увидели в нем червей, змей, ящериц. Они изгрызли мачехину грудь и сидели в ней.

Из сундука выползла огромная змея — она ужалила сначала мачеху, потом ее дочку, и они тут же умерли. Хотели они погубить девочку-сиротку, а погибли сами.

А отец с дочерью зажили с тех пор счастливо.

28. Фаруза

Как сказывают и пересказывают, рассказчик не прибавляет, кто слушает — не забывает, кто пересказывает — не сокращает, жила красивая девочка, звали ее Фаруза. Умерла у нее мать, и отец взял в жены другую.

У мачехи была своя дочка, которая ничем не походила на Фарузу — ни красотой, ни нравом. И мачеха и дочь были одинаково жадные, завистливые, грубые. Никто в ауле не любил их.

Фаруза же была добрая, покладистая, аккуратная. Она была искусной швеей, шила быстрее и красивее всех в ауле — недаром говорили, если она обошьет просяное зерно, никто не разглядит следов ниток. Добрая молва об этой девочке шла по другим аулам.

Мачеха возненавидела Фарузу за то, что она во всем превосходила ее дочь. Потому-то она заставляла ее работать с утра до ночи — топить печку, стряпать, мыть и стирать.

Родную же дочь она наряжала, как княжну, а если отправлялась в гости, непременно брала ее с собой.

Однажды мачеха с дочерью собрались в гости в соседний аул, а Фарузу оставили стеречь дом. Уезжая, мачеха приказала падчерице:

— Не уходи из дому и не оставайся в нем. Если же я застану тебя здесь или не застану, будь у тебя хоть семь душ, ни одной не оставлю.

Уехали мать с дочерью, осталась Фаруза одна. Не знала она, что делать: и уйти нельзя и дома быть не велено.

Вдруг опустилась на дерево, что стояло у крыльца, какая-то птичка.

— Ци-ци, о чем плачешь, маленькая красавица Фаруза? — спросила она.

— Моя мачеха со своей дочкой уехала в гости, а мне приказала и не уходить из дому и не оставаться в нем. Вот я и не знаю, как мне быть,— отвечала девочка.

— Разве это трудно выполнить — проще всего! — сказала маленькая птичка.— Когда вернется твоя мачеха, стань так, чтобы одна твоя нога стояла за порогом, а другая — в доме.

Сказав эти слова, птичка вспорхнула и улетела. А Фаруза к тому времени, когда должна была вернуться мачеха, встала так, что одна ее нога была за порогом, а другая — в доме.

Вернулась мачеха с дочкой. Увидела она, что падчерица выполнила ее наказ, разозлилась и закричала:

— Ты почему стоишь у порога, разве тебе нечего делать?

Падчерица ответила ей:

— Когда вы уезжали в гости, сказали мне: «Не уходи из дому и не оставайся в нем. Если же я застану тебя здесь или не застану, будь у тебя хоть семь душ — ни одной не оставлю». Вот я и сделала так, как вы велели.

Что было делать мачехе? Поняла она, что падчерица умнее ее, и еще больше возненавидела ее.

На другой день она снова собралась со своей дочкой в гости. Перед отъездом мачеха высыпала пшено и ячмень в одну сапетку и сказала Фарузе:

— До моего приезда отдели пшено от ячменя. Не управишься, будь у тебя хоть семь душ, ни одной не оставлю.

Уехала мачеха, а Фаруза со слезами села к сапетке: она знала, что ей ни за что не управиться до возвращения мачехи. Стала она перебирать по зернышку и вдруг увидела ворону, которая опустилась на дерево.

— О чем плачешь, маленькая красавица Фаруза? — спросила она.

— Моя мачеха со своей дочкой уехала в гости, а мне приказала отделить пшено от ячменя.

— Разве это трудно выполнить — проще всего! — сказала ворона, каркнула и улетела.

Скоро она вернулась с целой стаей ворон. Они опустились на землю и быстро отделили пшено от ячменя.

Когда мачеха вернулась, она увидела во дворе две сапетки — в одной было только пшено, в другой — только ячмень.

Еще больше разозлилась мачеха и закричала:

— Ты не могла одна так быстро управиться, скажи, кто помогал тебе?! Не скажешь, будь у тебя хоть семь душ — ни одной не оставлю!

Испугалась Фаруза и рассказала, что ей помогли птицы.

На другой день мачеха послала Фарузу в лес за дровами. А сама высыпала пшено и ячмень в одну сапетку и велела своей дочери отделить пшено от ячменя, пока она будет в гостях.

Дочь мачехи села во дворе и стала, бранясь, перебирать по зернышку. В это время на дерево спустилась ворона.

— Что ты делаешь, девочка? — спросила она.

Ничего не ответила мачехина дочка — схватила камень и бросила в птицу. Ворона улетела и вскоре вернулась с целой стаей ворон. Они спустились к сапетке и вмиг склевали все, что в ней было, до зернышка.

Когда вернулась мачеха и узнала, что птицы склевали зерно, она дочери не сказала ни слова, а Фарузу сильно побила.

На следующий день мачеха позвала Фарузу и дала ей необработанную шерсть.

— Вымой эту шерсть, высуши, перебери, спряди и сотки из нее сукно. И если не управишься к моему приходу, будь у тебя хоть семь душ — ни одной не оставлю! — сказала она падчерице. А сама пошла с дочкой гулять по аулу.

Села Фаруза, положила на крыльцо шерсть и горько заплакала. В это время подошла к ней корова и спросила:

— Почему плачешь, красавица Фаруза?

— Мачеха велела мне вымыть эту шерсть, высушить, перебрать, спрясть и выткать из нее сукно. А если я не управлюсь к ее приходу, она снова побьет меня.

— Разве можно плакать из-за этого? — сказала корова и стала есть шерсть. Съела она всю шерсть и ушла в хлев.

Ничего не сказала Фаруза, еще горше заплакала, потому что знала — больно побьет ее мачеха. Но вскоре она увидела, что корова идет к ней обратно. Подошла корова к девочке и говорит:

— Ну-ка, Фаруза, подставь руки.

Протянула девочка руки, и корова выплюнула готовое сукно.

Обрадовалась Фаруза и стала спокойно ждать мачеху.

Вскоре она с дочкой вернулась. Когда увидела мачеха готовое сукно, закричала:

— Ты не могла одна так быстро управиться, скажи, кто помогал тебе? Не скажешь, будь у тебя семь душ — ни одной не оставлю!

Испугалась Фаруза и рассказала, что ей помогла корова.

«Разве моя дочь не сможет сделать так?» — подумала мачеха.

На другой день она послала Фарузу в лес, а своей дочери дала необработанную шерсть и велела:

— Вымой эту шерсть, высуши, перебери, спряди и сотки из нее сукно.

Принялась дочка за работу, стала, бранясь, перебирать по волоску. Подошла к ней корова.

— Ты что ворчишь, девочка?

— Мать велела мне вымыть эту шерсть, высушить, перебрать, спрясть и выткать из нее сукно. Да разве я управлюсь!

— Я помогу тебе,— сказала корова и стала есть шерсть.

Увидев это, девушка схватила палку и стала бить ею корову. Но она съела всю шерсть и ушла в хлев.

Когда мать вернулась, дочка рассказала ей о случившемся. Мачеха набросилась на Фарузу и избила ее, а корову решила зарезать.

Услышала это Фаруза, заплакала и пошла к корове предупредить, что ее хотят зарезать.

— Послушай, красавица, что я скажу тебе,— сказала корова.— Когда зарежут меня и съедят, ты собери мои кости и закопай их под кормушкой — они когда-нибудь пригодятся тебе.

Фаруза так и сделала, собрала все до одной кости коровы и зарыла их под кормушкой.

Много времени прошло после этого. Случилась как-то в ауле большая свадьба, продолжалась она семь дней — семь ночей.

Когда мачеха с дочкой нарядились и собрались на ту свадьбу, Фаруза попросила:

— Возьмите и меня с собой!

— Кто пустит такую оборванку на свадьбу?! Сиди карауль дом! — сказали они и ушли.

Грустная сидела Фаруза и вдруг вспомнила, что сказала ей корова. Пошла она в хлев и стала копать землю под кормушкой. Копнула один раз — и выехал откуда ни возьмись золотой фаэтон, а в нем лежало золотое платье, словно сшитое специально для Фарузы, и золотые башмачки.

Фаруза надела золотое платье, обулась в золотые башмачки, села в золотой фаэтон и поехала на свадьбу.

Когда она приехала, все стали спрашивать друг у друга:

— Аллах, аллах, что за красавица, словно тхаухуд *! Откуда она, чья дочь?

Каждый хотел танцевать с ней, но вела она себя очень скромно.

Поздно вечером, когда гости стали расходиться по домам, Фаруза, сопровождаемая всем аулом, села в фаэтон и уехала. Лошади понеслись так быстро, что никто не мог ее догнать и никто не узнал, куда она уехала.

Вернулась Фаруза домой, сняла с себя золотое платье и золотые башмачки, положила все в фаэтон и поставила его под коровью кормушку. Надела свои обычные лохмотья и стала ждать возвращения мачехи.

Вскоре вернулась мать с дочкой. Они наперебой рассказывали о чудесной гостье, которую видели на свадьбе.

— Ах, какие вы счастливые! Возьмите завтра и меня с собой, может, и я увижу ту красавицу,— попросила Фаруза.

— Кто пустит такую оборванку на свадьбу! Сиди карауль дом! — сказали они.

На другой день они снова отправились на свадьбу, а Фарузу оставили стеречь дом.

Фаруза опять пошла в хлев, выкатила золотой фаэтон, надела золотое платье, обулась в золотые башмачки, села в фаэтон и поехала на свадьбу. Как и в первый день, она долго была на свадьбе, а потом быстро уехала. И в этот раз никто не мог ее догнать и никто не узнал, куда она уехала.

В ауле только и было разговоров что о загадочной гостье на свадьбе. Некоторые даже говорили, что она из джиннов, но другие уверяли, что она обыкновенный человек. Заспорили несколько джигитов и договорились на третий день задержать ее.

А Фаруза и на третий день поехала на свадьбу. Когда веселье подходило к концу и Фаруза уже собралась уезжать, джигиты преградили ей путь. Но девушке удалось вскочить в фаэтон и уехать — только золотой башмачок упал с ее ноги и остался на дороге.

Его поднял самый храбрый и самый красивый из всех джигитов аула.

— Я найду красавицу, которой принадлежит этот башмачок, и возьму ее в жены,— сказал он.

На следующий день он пошел по аулу, заходил в каждый двор и просил всех девушек примерять золотой башмачок — только никому он не был впору.

Пришел джигит к дому Фарузиной мачехи. Она вымыла ногу своей дочери, думала, что на мокрую ногу башмачок лучше налезет, долго возилась, но он был слишком мал.

В это время джигит увидел во дворе Фарузу.

— Пусть наденет башмачок и та девушка,— сказал он.

— Да нет, ей он тем более не подойдет. К тому же она еще никогда не была на свадьбе,— отвечала мачеха.

Но джигит настоял на своем, и Фарузе дали башмачок. Надела она его, все ахнули — словно он был сшит на нее.

— Как хорошо, что славный джигит нашел себе достойную невесту! — стали говорить в ауле и радоваться.

Когда Фарузе пришло время ехать к жениху, она выкатила золотой фаэтон, надела золотое платье, обулась в золотые башмачки и в сопровождении всего аула поехала.

А мачеха с дочкой чуть не умерли от зависти.

29. Три дочери старика

У одного старика было три дочери. Старик этот был беден, не имел средств содержать свою семью. Раз, выйдя в поле и бродя там, наткнулся он нечаянно на яблоню. Сорвал три яблока, по одному для каждой дочери, положил их в свои ноговицы, вернулся к дочерям и сказал старшей из них:

— Сними с меня ноговицы.

— До тебя ли мне, когда я умираю с голоду,— сказала она и не согласилась.

Потом старик обратился с той же просьбой к средней дочери, но и она отказалась. Тогда младшая дочь встала и, говоря: «Бедный отец, когда ты был богат, за тобой все ухаживали, а теперь тебя, обедневшего, никто не хочет знать», сняла с него ноговицы, из которых выпали три яблока.

Тогда старшие девушки попросили младшую, чтобы она дала им по яблоку. Хотя младшая ответила: «За что я вам дам, когда вы не хотели снять ноговиц», но дала им по яблоку.

Тогда старик сказал дочерям, что он поведет их на другой день собирать яблоки к яблоне. Утром он ушел раньше их, сказав, что будет идти и строгать палку, а они шли бы за ним по этому следу. Придя к яблоне, старик вырыл большую яму, накрыл ее ковром; потом, тряхнув хорошенько яблоню, покрыл ковер яблоками.

Когда девушки, придя, взбежали на ковер, все три упали в яму и остались там. Старик, накрыв хорошенько яму сверху, вернулся домой. Старшая из трех девушек попросила у бога, чтобы в настиле ямы проделалось отверстие, хотя бы не больше ушка иголки. По ее просьбе открылось отверстие в настиле ямы. Средняя попросила: «Боже, открой верх ямы и дозволь нам выйти из нее». Как она просила, верх ямы сам собой снялся, и они из нее вышли. Затем и младшая попросила: «Боже, пошли нам одно блюдо, полное лыбжа *». Как она попросила, так перед

тремя девушками и очутилось блюдо лыбжа. Они хорошенько поели и поднялись потом на яблоню.

Пока они там сидели, один хан, бывший с товарищами на охоте, подъехал к ним и спросил, что они за люди. Те ответили, что они адыге. Тогда хан спросил, какую работу они могут делать.

Старшая сказала, что в один день может приготовить всю одежду на его всадников; средняя сказала, что приготовит одежду на пятьдесят всадников; младшая же сказала: «А я, если рожу, то рожу двух детей: одно дитя мужского пола, другое женского пола; у каждого из них одна половина будет белого золота, другая желтого золота».

Тогда хан, обдумав сказанное девушками, младшую из них выбрал себе в жены, а двух старших отдал своим товарищам. Взяли они девушек и уехали. Прослышав, что хан привез себе жену, устроили большой пир. В скором времени забеременела жена хана; но она еще не успела родить, как хан уехал в дальний путь, откуда не мог вернуться раньше чем через год. В его отсутствие жена его разрешилась и, как говорила, родила близнецов. Но как только она родила, сестры ее прибежали и подменили детей двумя щенками; малюток же отнесли и кинули в воду.

Когда настало время возвратиться хану, к нему выехали навстречу и сказали, что жена его разрешилась от бремени и родила двух щенят. Хан приказал встретившим его тотчас вернуться, зарезать быка, снять с него кожу, не разрезая ее, положить в эту кожу ханшу и привязать потом к воротам. Как только вернулись они, немедля зарезали быка, вложили в его кожу ханскую жену и привязали к воротам.

Брошенные в воду дети были взяты госпожой речной [1].

Жена хана, привязанная к воротам, видела каждый день, как дети ее сидели на большом камне, находившемся посередине реки. Увидев однажды, что одна женщина проходила мимо, она попросила у нее немного муки. Та дала ей муки. Тогда ханская жена сделала из этой муки две лепешки, одну из них замесив на молоке из своей груди, а другую на воде. Лепешки эти она переслала сидевшим на камне детям через одну женщину, шедшую по воду, попросив ее, чтобы она положила те лепешки на большой камень, находящийся в воде.

Женщина отнесла и положила лепешки на камень. Когда дети, по обыкновению, вышли к камню, то увидели на нем лепешки и поспешно схватили их; мальчику попалась лепешка,

сделанная на молоке, девочке же — приготовленная на воде. Мальчик, попробовав свою лепешку, вскричал:

— Аллах, аллах, какая вкусная, будто она приготовлена на грудном молоке!

Девочка сказала:

— А мою будто месили на воде.

Говоря так, они съели лепешки. Потом они вернулись к госпоже речной; та спросила их, что они сегодня видели. Дети ответили, что они на камне нашли две лепешки: одна из них, казалось, замешена на грудном молоке, другая на воде, и они их поели. Тогда речная госпожа сказала, что они в таком случае не могут стать ее детьми и отпустила их. Дети отправились в лес. Мальчик выстроил рубленый дом и поселился в нем с сестрой. Ежедневно убивал он оленей, и этим они жили.

Однажды, когда народ собрался сообща принести жертву, один бедняк, не имея, что положить в складчину, пошел в лес, думая, не найдет ли он там или дохлого зайца, или оленя, чтобы присоединить его к общему сбору. Ходя по лесу, он наткнулся на дом мальчика. «Пожалуй, дада, к нам, мы такие же, как ты, люди», — сказал мальчик и затем зазвал его к себе, накормил вдосталь, дал ему мяса, сколько тот мог взять, и отпустил домой. Старик, все удивляясь виденному, вернулся в аул и, отправившись к тем двум женщинам, которые кинули детей в воду, сказал, что он видел какое-то чудо в лесу и хочет сказать о том хану.

— Да пропадешь ты, негодный! Если ты видел какой-нибудь шайтанский дом, то можно ли о том говорить хану?! — сказали женщины и не пустили старика к хану.

Обе женщины отправились потом к девочке и, сказав ей: «Бедняжка, какая может быть у тебя радость, если твой брат не достанет тебе такого-то голубя, находящегося в том-то месте», — вернулись домой.

Вернувшийся брат застал сестру плачущей. На вопрос, о чем плачет, она объяснила, что не будет знать покоя до тех пор, пока он не привезет ей голубя, находящегося в таком-то месте. Пошел брат к речной госпоже и объявил ей:

— Как теперь быть, сестра плачет, требуя, чтобы я принес ей голубя.

— Поразил бы бог тех, которые научили ее этому, — сказала речная госпожа, — но делать нечего, надо за ним ехать. На пути ты встретишь одну грушу, плоды которой будут до того кислы, что невозможно положить их в рот; но ты скажешь, ка-

кие они вкусные, сорви три груши, из них одну съешь, а две другие положи за пазуху — тогда ты проедешь мимо этой груши, а иначе она тебя не пропустит. Проехав грушу, ты встретишь очень мутную реку. Ты скажи: какая это чудная река! Слезь с коня, умойся и напейся этой воды — тогда река сделается мелка и ты проедешь ее, а иначе и она тебя не пропустит. После этой реки ты встретишь пески. Скажи: какой чудесный песок, ах, если бы он находился в моем крае! Затем возьми немного песку и положи за пазуху — тогда и пески тебя пропустят. Проехав пески, ты встретишь голубя, сидящего на шандаке *. Ты схвати его и скачи назад. Хозяин голубя крикнет тогда вслед тебе: «Хахай *, пески мои, не пускайте его!» Но пески пропустят тебя, сказав: «Да принесут тебя ему в жертву! Когда служанки брали песок, ты ругал их, говоря, что они пачкают дверь». Когда приедешь к реке, он снова крикнет: «Хахай, река моя, не пускай его!» Но и река тебя пропустит, сказав: «Да принесут тебя в жертву ему! Когда служанки приносили два ведра воды, ты ругал их, говоря, что они вместо воды принесли песку». Наконец он крикнет: «Хахай, моя груша, не пускай его!» Но и она, ответив: «Да принесут тебя ему в жертву! Когда мальчики приносили груши тебе, ты ругал их, говоря, что они принесли кислых груш», пропустит тебя и ты вернешься домой с голубем.

Мальчик отправился в путь. Как говорила речная госпожа, так он и поступил и привез сестре голубя. Девочка с тех пор проводила время, забавляясь голубем.

Однажды тот же бедный старик пошел опять в лес и снова набрел на дом мальчика; тот зазвал его к себе, накормил вдоволь и, дав ему как можно больше мяса, отпустил домой. Старик опять сообщил двум женщинам, как и прежде, все виденное. Женщины пошли бегом к девочке. Брата ее не было дома, а она сидела, забавляясь голубем. «Несчастнейшая, и ты довольствуешься тем, что имеешь какого-то негоднейшего голубенка! Что за жизнь твоя, если снохой твоей не будет Айриш-Айриша-кан» [2],—сказали девочке женщины и ушли.

Вернувшись, брат застал сестру рыдающей. Спрашивает, что случилось. Сестра ответила, чтобы он взял себе в жены Айриш-Айриша-кан.

— Вот несчастье, где же я ее достану! — сказал брат и пошел к речной госпоже.

Та спросила, зачем он пришел.

— Пришел я вот зачем: сестра моя плачет и требует, чтобы я дал ей в снохи Айриш-Айриша-кан,— сказал он.

— Что же делать, сестра хочет, верно, погубить тебя во что бы то ни стало. Поезжай, она находится вот в таком-то месте. Из-за нее сто человек превратились уже в каменные столбы. И ты становись с самого их края и три раза крикни ее по имени; если она повернется и взглянет на тебя, возьми ее и вернись; если же она не оглянется, то и ты превратишься в столб,— сказала ему речная госпожа.

Юноша поехал и, став с самого края столбом, крикнул что есть мочи: «Хахай, Айриш! Она не оглянулась, и ноги его до колен окаменели. Второй раз крикнул он: «Хахай, Айриш!» — и на этот раз она не оглянулась, и он до поясницы превратился в камень. Наконец, когда он третий раз крикнул: «Хахай, Айриш!» — и она не оглянулась, он весь превратился в камень.

Между тем сестра глядит, слушает — нет ее брата, исчез. Наконец она отправляется к речной госпоже.

— Брат мой пропал,— говорит она ей.

— Кто же виноват? Ты, негодная, не успокоилась, пока не погубила его. Ступай вот к тем столбам; самый крайний из них —твой брат. Стань и ты рядом с ним и крикни три раза: «Хахай, Айриш!» Если она оглянется,— твой брат вернется, если же не оглянется,— и ты также превратишься в столб,— сказала ей речная госпожа.

Девушка пошла и стала на самом краю столбов. Крикнула она раз: «Хахай, Айриш!» — та не оглянулась, и девушка до колен стала камнем. Крикнула второй раз: «Хахай, Айриш!» — та не оглянулась, и девушка превратилась до поясницы в каменный столб. Наконец, когда в третий раз девушка крикнула: «Айриш-Айриша-кан, да опакостят уста твоего отца собаки, почему ты не хочешь оглянуться ради меня!» — та засмеялась: «Кик, кик, кик», и оглянулась. Тогда все столбы снова ожили. Кто помнил свой дом, поехал домой, кто же не помнил, присоединился к юноше, который тотчас же вернулся с сестрой домой.

Пришел снова в лес старик и видит — большой пир у того юноши. Пригласили и его зайти, накормили, дали мяса и отпустили домой. Вернувшись, старик пришел к хану и сказал: «Я видел чудо в лесу: там живет какой-то юноша, а при нем одна девушка и много другого народа». Хан велел скорее оседлать коня, поехал в лес и нашел там пир и большое веселье.

— Селям алейкум *,— сказал хан, остановившись перед домом.

— Алейкум селям *,— ответил юноша, выходя из дома к хану и приглашая его слезть с коня и быть гостем.

— Слезать с коня мне некогда, но я бы желал знать, кто ты такой,— сказал хан.

— Я не говорю всякому встречному, кто я такой,— ответил юноша.— Заходи ко мне в дом, тогда узнаешь, кто я.

Хан зашел к нему. Приняли его как нельзя лучше, кормили, поили и веселили, сколько только могли. Хан опять спросил, кто он такой, юноша.

— Кто я такой — скажу, когда приеду к тебе погостить,— ответил юноша.

— Очень хорошо; только в тот день, когда ты соберешься ко мне, дай мне о том знать,— ответил хан и уехал домой, получив на свою просьбу согласие юноши.

Юноша, выбрав одну пятницу, собрался к хану. Не доехав немного до хана, юноша послал к нему сказать, что он едет, но не въедет к нему во двор, пока женщина, привязанная к воротам, не будет отвязана. Две собаки, те самые, которые щенками были подкинуты жене хана, встретили и обняли его, одна спереди, другая сзади, и таким образом юноша ехал. Посланного хан воротил назад, сказав, что он не отвяжет женщины.

— Если не хочет отвязать — и я не еду к нему,— сказал юноша и хотел уже вернуться назад.

Тогда хан сказал, что, нечего делать, отвяжет женщину, и велел, отвязав ее, запереть в катухе. Потом приехал и юноша вместе с двумя собаками, чему весь народ крайне удивился, говоря: как могли привязаться к нему такие злые собаки, не дававшие никому прохода!

Въехал юноша во двор, слез с коня — хан устроил ему большой пир. Юноша велел принести ему какую-либо старую чашку. Накладывая в эту чашку всяких кушаний, какие приносили в продолжение всего пира, он отсылал их к женщине, которая была привязана к воротам. Кончился и пир.

— Скажи же теперь, кто ты,— спросил тогда хан юношу.

— Если желаешь знать, кто я, то ты — мой отец, а женщина, привязанная к воротам,— моя мать,— сказал юноша.— Если не веришь, вели призвать двух ее сестер и спроси.

Потом хан велел привести тех двух женщин и, привязав их к хвостам необъезженных лошадей, пустил в степь.

С того времени хан, признав юношу за сына, его сестру за дочь и свою жену опять за жену, живет с ними и до сих пор. По этому случаю, говорят, и заведен обычай, что князья и ханы не разводятся со своими женами.

30. Чудесная гармошка

Жили-были три брата-охотника. Однажды вечером, как обычно, отправились братья в лес. Только въехали в чащу, увидели вдалеке огонек — никогда прежде они его не видели. Удивились охотники, захотелось им узнать, кто это появился в лесу, и пошли они на этот огонек. Пришли к огромной пещере. Вошли в нее и видят — сидят три девушки, красоты необыкновенной: если взглянешь на них, долго потом будешь глаза протирать, словно на солнце взглянул.

— Откуда вы, прекрасные девушки, и как попали сюда? — спросили братья, опомнившись.— Мы охотимся в этом лесу много лет, но никогда здесь огня не видели. Что привело вас в эти края?

— Мы из соседнего аула,— ответили девушки,— однажды мы пришли в лес за цветами да за орехами, тут нас схватил лесной человек. Видали вы когда-нибудь такое чудовище? Весь он покрыт волосами, а в груди его торчит топор. Вот и держал он нас в темной пещере. Теперь лесной человек умер, а мы открыли вход, отвалили тяжелый камень, может быть, добрые люди спасут нас, помогут выбраться?

Полюбились братьям прекрасные девушки, и решили они взять их себе в жены. Как и положено, заговорил первым старший брат.

— Прошу тебя, красавица, будь моей женой! — обратился он к старшей из девушек.

— Я обещаю быть тебе верной женой,— отвечала она,— и каждый год буду приносить мальчика и девочку.

Средняя девушка посулила второму брату, что у нее каждый год будет рождаться необыкновенная девочка: половина волос на ее голове будет белого золота, а половина — червонного. А младшая сказала младшему брату, что у нее каждый год будет рождаться сын — настоящий богатырь-нарт.

Женились братья на красавицах девушках и зажили счастливо.

Прошло время, и стало ясно, что только старшая из них сдержала свое слово. Однажды отправились братья на охоту, а в это время у жены старшего брата родились мальчик и девочка необычайной красоты. Украли завистливые сестры ее детей, положили их в камышовый сундук и бросили в реку, а вместо них подложили щенят.

Вернулись братья с охоты, и, когда старший увидел, что его

жена принесла щепят, разгневался, запер жену в сарае и приказал никогда не выпускать ее.

А сундук с детьми плыл по реке, и у чужого аула волной выбросило его на берег. В том ауле жили старик со старушкой. Детей у них никогда не было. И вот однажды пошла старушка к реке за водой и видит: волны прибили к берегу камышовый сундук. Открыла она сундук и увидела там чудесных мальчика и девочку. Обрадовалась старушка, принесла их домой. Назвали они девочку Бабух, а мальчика — Черим.

Прошло много лет, мальчик стал красивым, стройным юношей, а девочка — самой красивой среди красавиц аула.

Однажды почувствовал старик приближение смерти и позвал к себе Черима:

— Когда ты подрастешь и станешь настоящим джигитом, тебе понадобится конь: он стоит в конюшне, и там же висят твои доспехи.— С этими словами старик умер.

Вскоре и старушка почувствовала приближение смерти. Позвала она Бабух, завела ее в комнату, куда до сих пор никто не входил, и открыла перед ней огромный сундук, окованный железом. У девушки глаза разбежались, каких только нарядов там не было! Этот сундук старушка завещала Бабух.

Умерла старушка, и остались брат с сестрой совсем одни. Что делать? Решил Черим заняться охотой. Однажды вывел он своего коня-альпа, положил на него золотое седло, надел доспехи, сел на коня и отправился на охоту.

Только въехал в лес, как увидел трех охотников. Они выгнали из лесу оленя, но никак не могли подстрелить его — олень все время убегал в лес. Погнался за ним Черим, догнал, схватил за рога и положил на холку своего коня. Только охотники его и видели.

Так поступил он и на другой день.

Удивились охотники, не знали они, откуда взялся статный, ловкий джигит, и решили познакомиться с ним.

На третий день, когда Черим уже укладывал оленя на холку коня, окружили его охотники.

— Славный юноша,— заговорил старший из них,— нам пришлись по сердцу твой облик, твои манеры и мужество. У меня нет сына, и я хочу, чтобы ты стал мне сыном.

— Если вы оказываете мне такую честь, я с радостью стану вашим сыном и буду стараться изо всех сил, чтобы быть достойным вас,— ответил Черим и вместе с охотниками поехал в аул.

Оказалось, что тот охотник, которому так понравился Черим, был его отцом, а два его спутника — братьями отца.

Въехали всадники во двор и спешились. Когда направились они к дому, мать Черима, много лет томившаяся в сарае, посмотрела в щелку и узнала в стройном юноше своего сына.

— Ой,— закричала она,— это мой сын. У него должна быть сестра, если она жива.

Обрадовался Черим, догадавшись, что попал к своим родителям. Он велел привести мать в кунацкую и немедленно съездить за сестрой.

Только теперь понял отец Черима, какое зло совершили его невестки, заменив детей щенками. Он приказал привязать злодеек к необъезженным лошадям и пустить их в поле.

У жены младшего охотника была сестра — колдунья. Задумала она отомстить за сестру, извести Черима. Однажды, когда Черим уехал на охоту, нарядилась колдунья и отправилась в гости к Бабух. Приходит она и видит, что Бабух сидит и плачет — скучно ей.

— Бедняжка, почему плачешь? — вкрадчиво спросила колдунья.— Видно, скучаешь. Если бы твой брат любил тебя, свою единственную сестру, то непременно бы принес тебе золотую гармошку, что хранится между двух скал. Конечно, трудно достать ту гармошку — ведь скалы каждую минуту то расходятся, то сходятся с такой силой, что превращают в порошок все, что попадет между ними. Но зато, если у тебя будет гармошка, ты никогда не будешь скучать.

Вскоре вернулся Черим, и Бабух рассказала ему о чудесной гармошке и попросила брата достать ее.

Сел Черим на верного альпа и отправился в дальний путь. Конь Черима понимал человеческую речь и сам умел говорить. Когда стали они подъезжать к скалам, альп сказал своему хозяину:

— Скоро мы достигнем скал. В тот момент, когда они разойдутся, ты дай мне один чурек и трижды ударь меня плетью. Я проскочу между скал, а ты на лету схвати гармошку.

Так и сделали.

Словно ветер, промчался альп между скал — едва успел Черим схватить гармошку. Только выскочил конь, как скалы со скрежетом сдвинулись, чуть не оторвали альпу хвост.

Привез Черим своей любимой сестре гармошку. Была она вся из чистого золота, а когда играла, то всякий, кто слушал ее, забывал о всех заботах и болезнях.

Повеселела Бабух — сидит, играет. А колдунья подумала, что Черим наверняка погиб между скал, но на всякий случай решила проверить. Пришла она к Бабух и увидела у нее в руках чудесную гармошку. Даже позеленела колдунья от злости и придумала новое злодейство.

— Хорошая гармошка,— сказала она,— но достать ее — не самое трудное дело на свете. Слыхала я, вон за теми горами живут семь братьев и есть у них одна-единственная сестра. В саду ее растет чудесная яблоня. В течение одного дня на ней распускаются почки, она зацветает, отцветает, а к вечеру на ветвях вызревают красивые, вкусные яблоки. Если бы Черим любил тебя, он посадил бы ту яблоню в твоем саду, а девушку сделал твоей служанкой.

Вернулся Черим, и Бабух поведала ему о чудесной яблоне.

Что делать? Не мог Черим отказать любимой сестре, сел на своего альпа и отправился в дальний путь. Добрался до гор, где жили братья, схватил девушку, вырвал с корнем чудесную яблоню и поскакал обратно. Братья пустились за ним в погоню и быстро догнали его. Отняли у него сестру и яблоню, а его бросили в темницу. Но не смогли они поймать его альпа, вырвался он и прибежал домой.

Бабух завела альпа в конюшню, принесла ему свежего сена и свежей травы, но конь даже не притронулся к ним. Встревожилась Бабух и говорит:

— Скажи мне, верный альп, что случилось с моим единственным братом, где ты оставил его?

— Если хочешь, чтобы вернулся твой единственный брат,— ответил альп,— возьми свою золотую гармошку и садись ко мне в седло. Я отвезу тебя во владения братьев и посажу у тропинки, по которой они обычно носят воду. Когда ты станешь играть на своей гармошке, братья выйдут послушать музыку, и ты попросишь их освободить Черима.

Так и сделали. Села Бабух у тропинки и заиграла. В это время сестра тех братьев направилась за водой. Услышала она игру Бабух и остановилась. Так красиво и задушевно играла Бабух, что девушка не сдвинулась с места, присела у тропинки и забыла, куда и зачем она шла.

Долго просидела она так, и стали братья беспокоиться — что случилось с сестрой? Вышел брат и сказал:

— Что это ты, сестра, застряла здесь? — Но тут услышал игру Бабух и, изумленный, застыл на месте. Вышел за ним второй брат, потом третий, четвертый. Все семь братьев уселись

вокруг Бабух и, не шелохнувшись, слушали ее игру. Вдруг Бабух перестала играть. Опомнились братья.

— Ради аллаха, сыграй еще, дай нам наслушаться чудесной музыки,— стали они просить.

— Я буду играть для вас, сколько хотите, только освободите моего единственного брата! — ответила Бабух.

Братьям не терпелось поскорее снова услышать волшебные звуки. Они тут же освободили Черима, отдали ему в жены свою красавицу сестру, а в придачу еще и чудесное дерево.

Бабух играла братьям столько, сколько они хотели, а потом стала женой самого красивого и храброго из них.

Пусть и тот, кто прочитает эту сказку, будет удачлив, как Бабух и Черим.

31. Сын бедной вдовы

Жила-была вдова. Была она бедная — бедней всех в ауле. Только и радости у нее что единственный сын. Мать души в нем не чаяла, трудилась днем и ночью, чтобы мальчик был сыт, обут и одет, но бедность не покидала ее дома. И решил юноша пойти в работники. Нанялся он чабаном к одному богачу. Договорились, что проработает он пять лет и за это время ни разу не должен отлучаться от стада.

Стал юноша чабаном. Прошло три года, и затосковал он по матери. Увидели это его товарищи-чабаны и говорят: «Пойди домой, проведай мать — не скажем мы хозяину, что ты отлучался».

Пошел юноша домой, повидался с матерью. Мать приготовила ему на дорогу гомыле, и рано утром отправился он обратно.

Идет он и вдруг видит на дороге змеенышей. Удивился он, почему так медленно они ползут, и решила, что голодные. Накормил их и пошел дальше.

В это время змея, мать тех змеенышей, вернулась с добычей. Удивилась она, когда увидела своих детей сытыми и веселыми. Змееныши рассказали, что накормил их какой-то добрый человек.

Догнала змея юношу:

— Зачем ты накормил моих детей, ты ведь знаешь, что люди и змеи — давние враги. Я хочу знать, что ты дал им,— дай и мне попробовать.

Отведала змея, что ели ее дети, и осталась довольна. И решила отблагодарить юношу.

— С этого дня ты станешь понимать язык птиц и зверей. Открой-ка рот!

Испугался юноша — много слыхал он о коварстве змей. Но что было делать? Открыл рот, и змея плюнула ему под язык.

Прислушался, что за диво! Сколько секретов зверей и птиц узнал он! Поблагодарил змею и пошел своей дорогой. Шел-шел, вот уже и видна вдали его отара; вдруг слышит он — одна ворона говорит другой:

— Сегодня ночью на эту отару нападут разбойники-волки и перережут все стадо; вот уж завтра наедимся мы с тобой досыта!

А другая ворона отвечает:

— Нам немало пищи достается и от чабанов, поэтому лучше бы, если бы эта отара осталась целой. Догадались бы чабаны уйти вот в ту лощину.

Пошел юноша дальше и слышит — два волка говорят о том же. Пришел он к чабанам, а как сказать им, что понял он разговор ворон и волков, как предупредить о беде? Думал, думал и решил сказать, что видел плохой сон, а потому лучше бы перебраться им вон в ту лощину. Посмеялись над ним чабаны и не стали перегонять отару. А юноша перегнал своих овец и сам укрылся в лощине. Только успел он сделать загон для овец, как услышал вой волка, предупреждающий других волков, что надо нападать на отару.

Разговор волков услышали собаки-овчарки, охранявшие отару; самая большая из них — красивая черная собака — сказала:

— Огромная стая волков собирается напасть на отару; если бы наш чабан зарезал самого жирного барана и накормил нас как следует, мы смогли бы одолеть волков.

Быстро выбрал парень самого жирного барана, зарезал его и накормил собак.

Когда ночью на отару напали волки, собаки без труда растерзали их. А от той отары, что паслась на прежнем месте, не осталось ни одной овцы — всех угнали серые разбойники.

Утром юноша выгнал свою отару из лощины и направился в аул. Навстречу ему валом валил народ — услышали люди о нападении разбойников-волков и спешили на помощь чабанам. Среди них был и хозяин отары, которую пас юноша. Обрадовался он, когда увидел, что все его овцы целы, щедро наградил юношу и отпустил домой.

И зажили юноша со своей матерью богато и счастливо.

32. Дочь одного старика

У одного старика была дочь. Когда он поехал в Мекку, он оставил дочь на руках своего работника, говоря: «Дочь моя твой акамаш*, следи за ней, исполняй ее требования, словом, заботься о ней, как о своей госпоже».

Старик уехал, и в целом дворе остались только работник и дочь старика. По прошествии короткого времени работник возымел относительно оставленной на его попечение девушки дурные мысли. Девушка, как он ее ни упрашивал, не соглашалась исполнить его требование; но так как ей наконец не стало дома житья от работника, то она ушла из дому и почти никогда туда более не заходила — жила то у одних, то у других соседей. Настало, таким образом, время возвращения старика, и прибыл гонец с известием, что хаджи доехали уже до такого-то места и через два-три дня будут дома [1].

Тогда работник поехал навстречу старику хаджи и объявил, что дочь, оставленная им на его попечение, несмотря на все его просьбы, увещевания и угрозы, со времени его отъезда стала вести себя самым предосудительным образом и теперь она беременна.

— В таком случае возвращайся скорее назад, сделай с ней что хочешь, но только чтобы я ее больше не видел и не слышал о ней,— ответил огорченный хаджи.

Работник, только того-то и желавший, возвратился и, не говоря дочери старика ни слова, схватил ее, увел и бросил в степи. Работник вернулся и остался у старика хаджи, не знавшего о его вине, самым доверенным человеком. Между тем девушку, поселившуюся в камышах, нашел хан, бывший на охоте. Девушка понравилась ему, и, получив на свой вопрос, обыкновенная она смертная или нет, ответ, что она такой же человек, как и он, хан взял ее с собой и женился на ней. Девушка оказалась отличной женой, любила и покоила хана, который, видя это, радовался, что он не поколебался жениться на девушке неизвестного рода и племени, найденной в степи. Она родила ему сына.

Раз, когда хан лежал в постели, а она нагнулась, чтобы сгрести и закрыть огонь, она задумалась; простояв с поникшей головой некоторое время над огнем, она наконец, очнувшись, тяжело вздохнула и сказала, что это просто так, без особенно важной причины, которую стоило бы ему сообщить. Но хан не удовольствовался таким ответом и настоятельно просил, чтобы она сказала ему, о чем вздохнула. Жена сказала тог-

да: «А у меня есть там, далеко, дом, отец и другие родственники; теперь я вспомнила о них и, не зная, что с ними сталось, вздохнула».

— Как! Ты помнишь своих родных, знаешь, где они живут? Почему же ты этого не говорила мне до сих пор? — вскричал хан.

Потом он предложил ей поехать проведать отца, если желает, и получил в ответ, что она была бы рада узнать, что сталось с отцом, но не говорила ему об этом, не решаясь оставить его скучать одного, без нее; но что если теперь ему угодно позволить ей увидеть родных, то она с радостью исполнит угодное хану. На другой же день хан приказал готовиться в путь. Когда было изготовлено достаточное количество бузы, сдобных печений и прочее необходимое для дороги, жена выехала, сопровождаемая довольно большой женской и мужской свитой.

Долго ли, мало ли ехали они и, наконец, приехали в одно место; распрягли арбы, вынули бузу; все сопровождавшие ханшу много выпили, охмелели, и каждый, где сидел, там и заснул. Остались трезвыми только аталык ханши и одна ее служанка; они имели особый умысел, для достижения которого и напоили всех. Аталык ханши, у которого первое время после того, как она вышла замуж за хана, до вступления в его дом, согласно обычаю, жила ханша [2], польстился на нее и подговорил служанку, чтобы она помогла ему сотворить над ханшей, что ему желательно. С целью привести в исполнение этот замысел и напоила она своих спутников. Когда все уснули, аталык объявил ханше, чего он от нее желает. Ханша отказала. Но аталык стал грозить ей, говоря, что он кинет в воду ее сына, наконец ее самое, если она не согласится на его требование. Ханша оставалась все-таки непреклонна. Тогда аталык напал на нее, желая силой достигнуть своей цели. Ханша, не видя другого спасения, кинулась в воду и сама; ребенок ее был раньше кинут в воду аталыком. Тогда этот последний, сознавая, что он слишком далеко зашел, и опасаясь, чтобы товарищи не узнали его вины, улегся и сам, притворившись хмельным. Служанка сделала то же самое.

Наконец очнулись спутники ханши и видят — нет ни ханши, ни ее сына. Недоумевая, куда они могли деться, кинулись туда и сюда искать, но нигде их не нашли. Устав искать, собрались все вновь около арб и стали совещаться, что делать, что им теперь сказать хану.

— Да что будем сидеть тут, не дуть же в бжамий * над мертвой! Пойдем назад и перестанем ломать голову над тем, что

сказать хану о его жене, которая ушла туда, откуда пришла,— сказал кто-то.

— И вправду,— ответили другие,— как мог он решиться взять в жены девушку, найденную в степи, не зная, человек она или дух какой. Наверное, она была какой-нибудь дух,— сама пропажа ее доказывает это.

Ободрив себя таким рассуждением, свита ханши вернулась назад и на вопрос хана, куда девали его жену, ответила: «Кто знает, где она! Откуда пришла, туда и ушла».

Хан подумал: «Как я мог, в самом деле, предположить, что женщина, найденная в степи, может быть мне женой», — и на том успокоился.

Бросившаяся в реку ханша была прибита к берегу далеко от арб. Обсушившись, оправившись несколько от постигшего ее горя, пошла она бродить без цели по степи. Встретился ей пастух с козами. Отдав ему свои ценные одежды, она взяла у него его платье и оделась в него. Потом, оставив пастуха, побрела далее.

Пришла она к одному пастуху, пасшему баранов; переночевав там и узнав, что один хозяин ищет пастуха, она нанялась к нему на пять лет, получив вперед шестьдесят овец, которые по прошествии пяти лет должны были стать с их приплодом, по обычаю, ее собственностью. Прожила она на этом коше свои договоренные пять лет, и наконец до исхода их осталось всего день или два. Овцы ее были сосчитаны и отделены особо. За все это время ни одному человеку не пришло в голову, что она была не мужчина, а женщина; так ловко вела она себя.

Вечером, перед тем днем, как должен был кончиться срок уговора, на кош приехал ее отец с работником, наговорившим на нее, а также и хан с ее аталыком. Ханша, отозвав тогда логупажа * в сторону, сказала ему:

— Завтра я должен расстаться с кошем, на котором прожил пять лет, не слыша за все это время ни от одного человека ругательного слова. Позволь же мне перед расставанием зарезать одного своего барана и угостить своих товарищей. Кстати, у нас есть и гости, следовательно, и для них не нужно будет резать барана.

Логупаж согласился на ее просьбу. Тогда она сама поймала лучшего из своих баранов, зарезала, чисто сняла с него кожу, разрезала на части и положила в котел варить, внутренности же надела на вертел, разложила большой огонь и, усевшись жарить их, сказала гостям, сидевшим у огня:

— Не хотите ли от скуки послушать одну сказку; на кошу нам больше нечем вас позабавить.

Гости просили ее рассказать.

Тогда она последовательно передала все с ней случившееся, окончив свой рассказ следующими словами:

— Если же мои слова вам кажутся неправдой, то вот убедитесь.— И, сняв шапку, показала свои волосы. Тогда узнали — отец свою дочь, хан свою жену; тотчас старик своего работника, а хан аталыка привязали к необъезженным коням и пустили их в степь. Таким образом хан отыскал свою жену, а она нашла снова и своего мужа и своего отца. Все они вместе живут и доселе. Ушами вы слышали, да проживете, пока увидите глазами.

33. Сказка о черепе

В одном ауле жил старый эфенди * Гасан. Служа в мечети, он еще находил время заниматься собиранием и исследованием целебных трав и кореньев, из которых приготовлял полезные лекарства, и слыл в народе за искусного лекаря. К нему постоянно приходили жители его аула, да и обитатели отдаленных аулов нередко заглядывали в его саклю.

У эфенди Гасана была единственная дочь, звали ее Фатьма; она была красивая и умная девушка, старик отец очень ее любил. Видя, с каким интересом она следит за его лекарственными опытами, он стал знакомить ее с целебными свойствами трав и кореньев, и когда эфенди Гасану случалось отлучиться из дома, а это бывало довольно часто, то он без боязни оставлял свою домашнюю аптеку в руках дочери.

Однажды эфенди Гасан возвращался из дальнего аула знакомой горной тропой и был немало испуган и удивлен, когда увидел на дороге человеческий череп. В первую минуту под влиянием страха он хотел бежать, но любопытство заставило его пересилить страх, подойти к черепу и взять его в руки. Но как же был поражен старик, когда увидел на черепе надпись, которая гласила: «От меня еще должны погибнуть семь человек».

Прочитав эту загадочную надпись, эфенди Гасан завернул череп в платок и быстро пустился в путь, все время думая о таинственной угрозе черепа. Придя домой и запершись у себя, эфенди Гасан стал думать, как ему поступить со своей находкой: оповестить ли жителей родного аула, рассказать ли дочери и посоветоваться с ней, или сохранить все в тайне.

После долгих размышлений эфенди Гасан решил так: все сохранить в тайне, чтобы понапрасну не волновать жителей аула и не пугать дочь, а череп немедленно сжечь. «Огонь уничтожит все чары,— думал эфенди Гасан,— и таким образом угроза черепа сама собой потеряет силу».

Решив так, старик развел в очаге огонь, и, когда дрова разгорелись и показалось пламя, эфенди Гасан бросил череп в очаг. Долго пришлось ему ждать, пока кости черепа превратятся в золу, но он терпеливо дождался этого, потом тщательно собрал всю золу и высыпал ее в платок, крепко обвязал кулек веревочкой и спрятал в самый отдаленный уголок своей домашней аптечки. После этого он совершенно успокоился.

Вскоре ему пришла в голову мысль пойти в Мекку на поклонение Каабе, и он стал собираться в дорогу. Его паломничество должно было продлиться не менее года, и эфенди Гасан согласно этому устраивал свои домашние дела. Так как у него, кроме дочери, никого не было из близких, то эфенди оставил ее полной хозяйкой всего своего имущества. Фатьма горько плакала, узнав, что отец уходит и оставляет ее одну на такое долгое время, но, как покорная дочь, не смела ни возражать, ни уговаривать. Прощаясь с Фатьмой, эфенди Гасан советовал ей не грустить.

— Если же,— сказал он,— найдет на тебя минута грусти, ты всегда ее прогонишь от себя работой. Перебирай мои лекарственные травы, сортируй их, как я тебя этому учил, и ты, занятая полезным делом, будешь без грусти вспоминать обо мне.

После ухода отца Фатьма долго плакала и никак не могла приняться ни за какое дело, но наконец она устыдилась своего малодушия, решила последовать совету отца и принялась перебирать и сортировать лекарственные травы и коренья. Их было очень много, все они были разложены в отдельных мешочках, и Фатьме предстояло много работы. Однажды, перебирая мешочки и разглядывая их содержимое, она напала на платок, в котором был завязан пепел от сожженного черепа. Открыв платок и увидев в нем какую-то серую массу, Фатьма остановилась в удивлении.

«Что это может быть за лекарство такого странного вида и почему отец ничего мне не сказал о нем?» — подумала она. И девушка решила попробовать порошок на вкус; взяв маленькую щепоточку, Фатьма положила ее на язык и убедилась, что это простая зола.

Через некоторое время после этого девушка вдруг с ужасом почувствовала, что она беременна; с этого времени она уже не

могла спокойно заниматься работой: стыд и страх перед отцом причиняли ей сильные нравственные муки и лишали ее возможности что-либо делать. Время шло, а эфенди Гасан все не возвращался. Наконец Фатьма родила прекрасного здорового мальчика; к этому времени вернулся долгожданный эфенди Гасан. Когда жители аула прослышали о его возвращении, то устроили почтенному старику торжественную встречу, как самому почетному и уважаемому лицу. Поздоровавшись с односельчанами и не видя дочери, эфенди Гасан наконец не вытерпел и спросил:

— Скажите мне, что значит, что я не вижу моей дочери? Умерла она или с нею случилось что-либо ужасное? Отвечайте мне скорее!

Жители аула, для которых не было тайной рождение ребенка у Фатьмы, отвечали так:

— Дочь твоя без мужа родила.

Этот ответ как громом поразил эфенди Гасана, и односельчане ждали, что сейчас услышат из уст старика неумолимый жестокий приговор презренной девушке. Но каково же было их удивление, когда эфенди Гасан вместо ожидаемого гневного проклятия произнес слова примирения и любви:

— То, что вы мне сказали, очень горько для моего сердца и позорно для моих отцовских седин; но я слишком люблю мою дочь, чтобы ее губить,— я ее чистосердечно прощаю и прошу вас привести ко мне мою дочь с ее ребенком.

Пораженные таким великодушием, жители аула немедленно исполнили желание старика эфенди, и к нему приведена была Фатьма с новорожденным сыном. Девушка горько плакала и не смела взглянуть в лицо отца.

— Не плачь, Фатьма,— сказал эфенди Гасан,— а лучше откровенно расскажи, как было дело, и помни, что великодушие отца может быть безгранично.

Услышав такие слова, Фатьма с любовью взглянула на отца и попросила, чтобы ей дали Коран.

— Отец! — горячо воскликнула она, кладя руки на Коран.— Клянусь этой священной книгой, что все, что я тебе скажу,— истинная правда, а потом делай со мной что хочешь!

И Фатьма подробно рассказала эфенди Гасану о том, что с ней произошло в его отсутствие. Выслушав внимательно исповедь дочери, старик сказал:

— Успокойся, дочь моя! В сердце своем я не осуждаю тебя и не лишу тебя моей родительской любви; вины твоей в твоем

проступке нет — я был сам виноват! — и он рассказал дочери историю о черепе.

После этого эфенди Гасан торжественно признал в сыне своей дочери своего внука, и с этого времени горячо полюбил ребенка и окружил его попечениями и нежной заботой.

По желанию старика мальчика назвали Исааком. Это был необыкновенно красивый и здоровый ребенок; жители аула невольно заглядывались на него и удивлялись его чрезвычайно быстрому развитию и царственному виду.

Аул, в котором жил эфенди Гасан, был расположен на берегу моря, и сюда нередко заходили торговые турецкие корабли; и вот однажды, когда Исааку было уже двенадцать лет, его увидел на берегу только что приехавший купец.

Необыкновенная красота мальчика пленила сердце богатого купца, и он стал расспрашивать у бывших на берегу людей, чей это ребенок и нельзя ли его купить у его родителей. Ему посоветовали попытать счастья, но за успех не ручались, потому что мать этого мальчика и в особенности дед слишком горячо его любили, чтобы расстаться с ребенком.

— О! — воскликнул купец. — Я не пожалею никаких денег, лишь бы мне купить этого мальчика! — и тут же попросил одного из бывших на берегу пойти для переговоров к эфенди Гасану.

Посланный передал старику предложение купца, но эфенди Гасан ответил, что без согласия дочери он не может решить такое важное дело, и, велев подождать, сам пошел на половину дочери и передал ей предложение турецкого купца. Выслушав отца и подумав, Фатьма сказала:

— Хорошо, отец, продавай Исаака; только пусть этот купец даст за него триста золотых! — Это составляло три тысячи рублей, и, называя эту сумму, Фатьма была вполне уверена, что таких денег купец никогда не даст и Исаак останется с ней. Но купец, услышав от посланного о цене, без всякого торга немедленно изъявил свое согласие.

Как ни горько было эфенди Гасану и Фатьме, но они не могли изменить своему слову и должны были расстаться с Исааком. Горько было и мальчику покидать родной аул, где мирно протекло его детство и где все любили его, но он безропотно подчинился воле матери и деда.

Привезя Исаака на свою родину, купец занялся его воспитанием: пригласил к нему лучших учителей и с радостью и гордостью следил за необыкновенными успехами юноши. В этом

городе, где поселился Исаак, жила одна бездетная чета, люди очень богатые; и вот им приглянулся своей красотой юноша: как мужу, так и жене одновременно пришла в голову мысль усыновить этого юношу, и они повели торг с купцом и предложили ему за Исаака тысячу золотых, что составляло десять тысяч рублей. Хотя купец и очень любил Исаака, но сумма, предложенная за него, была так соблазнительно велика, что он после недолгих колебаний согласился уступить юношу.

К этому времени Исаак уже стал забывать далекий аул и родных; шумный торговый город, в который он был привезен, невиданные постройки и дворцы — все это отвлекало его мысли от родины, и он с большим удовольствием бродил по многолюдным улицам, с восхищением останавливая взоры на всем, что только попадалось на пути. Названые родители Исаака, горячо любя и ревниво оберегая свое сокровище от посторонних глаз, совсем запретили ему выходить за ограду дома.

Но вот как-то Исаак ослушался приказания названых родителей и вышел на улицу; здесь его внимание было привлечено группой всадников, ехавших мимо его дома. Это была блестящая кавалькада: неизвестные люди поражали своей драгоценной одеждой и своими манерами, а редкой породы лошади — своей горделивой поступью; все обличало, что эти всадники были не простые горожане. Заинтересованный Исаак глаз не мог отвести от прекрасного зрелища и решил, что это непременно царская свита, и одного всадника, особенно выделявшегося роскошью одежды, Исаак признал за царя.

И действительно, это был царь, ехавший в сопровождении своей свиты на прогулку. Поравнявшись с Исааком, царь мельком взглянул в его сторону и замер в удивлении, как будто чем пораженный: у него промелькнула мысль, что этот юноша с таким царственным видом может впоследствии быть ему опасным соперником. Остановив коня, он приказал Исааку подойти к нему и стал его расспрашивать подробно, кто он, кто его родители и где он живет. Исаак правдиво отвечал царю на его вопросы и рассказал о себе все, что знал. После этого царь написал что-то на куске бумаги, запечатал и вручил это письмо Исааку с таким наказом:

— Немедленно иди в крепость, вручи мое письмо лично начальнику крепости и жди его приказания.

Исаак, послушный воле царя, не заходя даже домой, прямо отправился в крепость. Дорогой ему надо было проходить мимо царского дворца, и в то время как юноша поравнялся с дворцом,

на балкон вышла царская дочь, окруженная подругами и прислужницами. Исаак невольно загляделся на прекрасную царевну, и в это время они встретились взорами. Царевна, взглянув на Исаака, в свою очередь, была ослеплена его красотой и в невольном порыве воскликнула:

— О прекрасный юноша, кто бы ты ни был, подойди ко мне!

Исаак с восторгом и робостью исполнил желание красавицы царевны. Тогда она начала расспрашивать его, куда он идет. Исаак поведал царевне о приказании царя и показал врученное ему письмо.

— О, ты еще успеешь исполнить волю царя, моего отца, а сначала расскажи, кто ты, где живешь и кто твои родители; но прежде чем начнешь рассказывать о своей судьбе, войдем во дворец и позволь мне тебя угостить.

Царевна ввела юношу в одну из роскошных зал дворца и велела прислужницам принести всевозможные лакомства и освежающие напитки. Когда все было принесено, она усадила Исаака и сама, сев с ним рядом, стала его угощать. Исаак, ослепленный невиданной роскошью убранства залы и слушая чарующий голос красавицы царевны, совершенно забыл о поручении царя и послушно отвечал на расспросы царевны.

Девушка незаметно вынула из рук Исаака письмо, сломала печать и прочла. В письме было сказано:

— Повелеваю начальнику крепости немедленно казнить подателя этой записки.

Прочитав эти грозные слова, царевна незаметно разорвала письмо и, продолжая угощать и расспрашивать, написала другое, запечатала и потихоньку вложила его в руки юноши. После этого царевна сама напомнила Исааку, что он должен торопиться с выполнением царской воли.

Юноша горячо поблагодарил царевну за угощение и радушный прием и немедленно отправился в путь. Придя в крепость, он попросил стражу провести его к паше, начальнику крепости, так как он пришел с письмом самого царя. Стража немедленно доставила Исаака к паше. Взяв письмо, паша прочел:

— Как только прибудет с письмом юноша, немедленно собрать войско и идти во дворец, чтобы женить этого юношу на моей дочери.

Паша сейчас же отдал приказ войску выступать для сопровождения жениха царевны во дворец. Ошеломленный Исаак глазам своим не верил, видя, что творилось вокруг него, машинально сел на подведенного для него коня и поехал во главе

войска в царский дворец, где ко времени его приезда уже все было приготовлено для свадебной церемонии. Все это произошло так необыкновенно скоро и неожиданно, что, когда Исаака стали поздравлять, он все еще не мог прийти в себя от изумления.

В это время царь возвращался с прогулки во дворец и по дороге заехал в крепость справиться, точно ли исполнено его приказание. На вопрос царя паша ответил:

— Как можешь ты сомневаться, государь?! Повеление твое исполнено, и я могу только поздравить тебя с прекрасным зятем!

Изумленный царь никак не мог понять, о каком зяте говорит паша, и потребовал от него свое письмо. Прочитав его, царь мог только прошептать: «Видно, на это воля аллаха, и я должен покориться ей!» — и молча удалился из крепости.

С течением времени царь не только примирился с мыслью о браке дочери, но даже искренне привязался и всей душой полюбил своего зятя, признав в нем даровитого и умного человека, и настолько приблизил его к себе, что даже назначил на должность царского советника, с тем чтобы впоследствии вручить ему управление всем царством.

Однажды Исаак вышел отдохнуть на закате на пригорок, возвышающийся перед дворцом, и как-то невольно оглянулся и увидел на балконе царицу, мать своей жены. Царица, посмотрев на Исаака, вызывающе засмеялась, а потом с видом смущения скрылась во дворце.

— Как она, однако, ловко притворяется! Точно хочет мне доказать, что никогда не видела ни одного мужчины, кроме своего мужа! — сказал громко Исаак.

Эти слова были буквально переданы царице одним из придворных, следившим за Исааком.

Оскорбленная царица донесла об этом царю и просила его, чтобы он заставил зятя объяснить, на чем тот основывает подобное обвинение, и пусть он докажет, что она именно такова, как он о ней думает. Позванный Исаак нисколько не смутился, а, смело обратясь к царю, сказал ему:

— Государь, прикажи твоей жене вручить мне все ее ключи!

Как ни было это неприятно царице, но она не смела ослушаться воли царя и выдала все бывшие при ней ключи.

— А теперь, государь,— сказал Исаак,— позволь мне обыскать покои на половине твоей жены.

Царь и на это дал согласие. Тогда Исаак в сопровождении царя и всей свиты начал обыскивать комнаты дворца, и в одном из дальних покоев найдены были семь сундуков громадных размеров с небольшими отдушинами. Когда начали вскрывать сундуки, то в них нашли по мужчине.

— Теперь видишь сам, государь, что если я возводил обвинение на твою жену, то на это у меня были веские доказательства. Позволь же смыть с тебя это оскорбление.— И, не дожидаясь разрешения царя, Исаак отсек шашкой головы всем семерым мужчинам и этим самым оправдал слова, написанные на черепе, найденном эфенди Гасаном.

После этого царица была казнена, а когда царь умер, Исаак был провозглашен государем вместо него.

34. Заяц и его мать

У семи братьев была одна-единственная сестра. Все братья были женаты. Так как они очень любили свою сестру, то жены их стали ей завидовать и раз пошли к орсарыжу, чтобы он научил их, как заставить братьев разлюбить сестру. За это они обещали ему много золота.

Орсарыж посоветовал им достать заячьего сала и дать поесть девушке-сестре: тогда она станет беременна и братья разлюбят ее. Женщины сделали так, как советовал мудрец, и девушка стала беременна. Тогда братья ее взяли да и бросили в степи. Там она родила зайца, за которым скоро открылось такое свойство, что если он, отправившись в степь, находил какую-нибудь ветошь, то она превращалась опять в новую вещь. Этим способом он добывал пропитание матери и себе. Таким образом прожили они долго.

Наконец заяц как-то раз сказал: «Пойду-ка попрошу хана подарить мне какую-либо саклю» — и отправился к нему. Отвесив низкий поклон, попросил заяц хана: «Дай мне, зиусхан *, одну саклю, в которой могла бы поселиться несчастная моя мать, бедная моя мать». Хан подарил ему какую-то саклю. Снова ударив ему челом, заяц сказал: «Если дашь позволение, хочу еще об одном тебя просить: дай мне две или три арбы, чтобы перевезти наш скарб». Хан дал ему и арбы. Затем заяц вернулся к матери. Наложил он на арбы все свое имущество, посадил туда и мать и переселился в аул, в саклю, подаренную ему ханом.

И вот жили в этой сакле заяц со своей матерью; как-то раз

заяц сказал: «Пойду-ка я к хану и попрошу его, если он не пренебрегает нами, посетить нас и отведать нашего хлеба-соли».

Пошел он к хану и, ударив челом, попросил его об этом. «Хахай, приду»,— сказал хан и, взяв с собой нескольких человек, пошел к зайцу. Тот обрадовался гостю так, что и не знал, куда его посадить.

Хану очень понравилась мать зайца. С тех пор как он увидел ее, он ни о чем уже другом думать не мог, не глядел более и на свою жену; что бы ни готовилось у него дома, он не мог отведать прежде, чем не пошлет этого кушанья матери зайца. Тогда жена хана снарядилась ехать домой, к матери, за ядом, чтобы отравить мать зайца. Когда она отправилась, пошел и заяц вслед, но так, что его никто не приметил.

Прибыли к матери. Все находившиеся в ее доме и прибывшие с ее дочерью, попив, поев, улеглись, а мать с дочерью остались наедине; заяц же в это время сидел под нарами и ждал, о чем они станут говорить между собой. Дочь сказала: «В нашем ауле живет одна женщина с сыном, зайцем; хан так ею обольщен, что не дает нам поесть ни одного приготовленного у нас кушанья, без того чтобы не послать от него и ей часть». Мать ответила на это: «Когда вернешься домой, вели приготовить хантхупс из сарачинской крупы и насыпь в него вот это» — и она дала дочери яд.

Услышав и хорошо запомнив эти слова, заяц утром, чуть свет, вернулся домой. Вскоре возвратилась и жена хана. Тотчас велела она сварить хантхупс из сарачинской крупы и, когда он был готов, сказала зайцу, чтобы он сходил домой за чашкой, в которую наливали порцию для его матери. Заяц принес. Ханша взяла чашку и, будто размешивая в ней хантхупс, всыпала туда яд. В тот же миг заяц выскочил из сакли и, взбежав на один холм, поднял тревогу, крича: «Хахай, войско приспело!»

Все бывшие в сакле вместе с самой ханшей выскочили на этот крик во двор узнать, что случилось. Пока они там стояли, заяц прибежал назад в саклю и налитый для его матери хантхупс перелил в чашку ханши, потом присоединился к стоявшим на дворе, справляясь, в свою очередь: «Что случилось?»

Когда люди разошлись и ханша вернулась в свою саклю, зайцу отдали его чашку, говоря: «Отнеси своей матери ее часть».

Заяц ушел домой с чашкой. Ханша, как только хлебнула свой хантхупс, умерла. Разнеслась тотчас весть о ее смерти. Услышав о том, заяц, ударяя себя по голове, пришел оплакивать ханшу. Оплакав ее, заяц попросил потом собравшихся на

похороны ханши женщин, чтобы две или три из них пошли с ним, чтобы его несчастная мать, его бедненькая мать, пришла с ними тоже оплакать ханшу. Взяв с собой женщин, заяц в сопровождении их привел свою мать. Она, оплакав ханшу, возвращалась домой и была усмотрена ханом, который приказал не отпускать ее домой. Она была оставлена и взята потом ханом в жены. После того и заяц ушел на жительство в степь, и от него-то, говорят, произошли теперешние зайцы.

35. За зло плати добром

В Крыму жил богатый и уважаемый всеми ногаец. Однажды пришла ему в голову мысль: «В здешнем краю, правда, я пользуюсь славой и уважением, но за его пределами меня вовсе не знают. Не отправиться ли мне на чужбину людей посмотреть и себя показать? Пусть и в чужих краях разнесется обо мне слава!»

Подумав это, он приискал себе товарища и пустился в путь-дорогу вверх по Кубани. В те времена жил на Кубани влиятельный князь по имени Каноков. Подъезжая к его усадьбе, ногаец встретил пастуха и спросил:

— Чей это дом?

— Это дом Канокова,— ответил пастух.

— Примут ли меня в этом доме? — спросил чужеземец.

— Конечно, примут! — ответил пастух.— Хозяин рад каждому гостю, и, если даже его нет дома, тебя там встретят радушно. Пожалуйста, заезжай! — Сказав это, он привел гостя к дому и дал знать домашним о его прибытии.

— Милости просим! Войдите! — сказала хозяйка.— Князь скоро приедет!

Он вошел в гостеприимный дом, ему отвели кунацкую, и он там расположился в ожидании хозяина. Каждый день ему накрывали стол, но один прибор ставили для хозяина. Князь все не возвращался. Гость стал скучать, и тогда начали приводить в дом девушек, чтобы они развлекали его танцами.

Через некоторое время гость влюбился в княгиню и сказал ей об этом. Услышав это, княгиня сказала:

— Пусть то, что ты мне сказал, будет между нами: я останусь верна мужу. Если бы князь мне не верил, то не женился бы на мне; да и я, если бы ему не верила, то не вышла бы за него. Изменить мужу — большой грех, и потому затаи в себе

свое желание! — Больше они об этом не стали говорить и разошлись.

Но на следующую ночь гость из кунацкой перелез через забор и, подойдя к дому, выставил из петель дверь; пробравшись тихонько к кровати, на которой почивала княгиня, он схватил спящую за голень.

— Кто это? — спросила княгиня.

— Это я! — ответил гость.

— Так ты не поверил моим словам! — сказала княгиня. — Дальше этого не иди и, пока ничего не заметили спящие здесь служанки и тебя не узнали, убирайся отсюда поскорее!

Но сколько она его ни просила, он и слушать не хотел. Тогда она схватила стоявшую у очага железную лопату и, размахнувшись, разбила ему в кровь лицо с такой силой, что он упал в обморок. После этого, не дав даже знать об этом служанке, она сильной рукой схватила лежавшего в обмороке гостя и выбросила за дверь. Затем она улеглась спать как ни в чем не бывало и заснула глубоким сном.

Спустя немного гость пришел в себя и, обливаясь кровью, побрел в кунацкую. Случилось так, что как раз в это время подъехали к кунацкой верховые и слезли с лошадей. Предводитель их вошел в кунацкую и, найдя там окровавленного гостя, спросил его, что с ним случилось; тот, не зная, что это приехал князь, рассказал ему обо всем чистосердечно.

Каноков тотчас же послал в дом за тряпками и велел перевязать раны гостя. Гость не догадывался, что это хозяин, пока не наступило время идти спать. Когда же он увидел, что приехавший отправился спать в дом, как в собственный, то сообразил, что это хозяин, и сильно испугался.

Когда князь вошел в дом и поздоровался с княгиней, то она ему ни слова не сказала, что случилось с гостем, да и князь не дал ничего заметить, что знает обо всем.

На следующий день князь зашел в кунацкую и спросил гостя:

— Ну, милый гость, теперь ты мне скажи, ради чего приехал? Приехал ли ты по какому-нибудь делу или ты хочешь добыть богатства?

— Я приехал не ради богатства, — ответил гость, — и не ради какого-нибудь дела; я приехал, чтобы повидать тебя, но бог покрыл меня позором, да и я сам себя опозорил; сделай мне милость, позволь мне возвратиться домой!

— Ты приехал из чужой страны, — ответил хозяин, — как

можно, чтобы я тебя отпустил? Я осрамил бы себя! — Он упросил гостя остаться на несколько дней.

Пошел пир горой, а когда пришло время гостю уезжать домой, он подарил ему из табуна несколько лошадей и проводил его с большим почетом в сопровождении целой свиты. Когда они простились, то гость еще раз вернулся и сказал Канокову:

— Не возьму твоих подарков и не хочу знакомства с тобой, если ты мне не дашь слова приехать в мой край ко мне в гости. В первой кибитке, к которой ты завернешь, тебе укажут дорогу ко мне!

— Приеду! — сказал князь крымскому гостю, и после этого они попрощались и разъехались.

Прошло несколько лет. Каноков не мог исполнить своего обещания навестить приятеля. Ногаец все ждал, но наконец потерял терпение и, взяв с собой нескольких товарищей, отправился к своему приятелю Канокову, чтобы узнать, что с ним случилось: уж слишком долго он заставил ждать себя.

Когда он подъехал к знакомому аулу, то был поражен неожиданным зрелищем: аула как не бывало — весь сгорел. Войско, разорившее его, уже удалялось. Канокова, очевидно, не было дома. Тогда ногаец остановил товарищей и сказал им:

— Разоренный войском аул — тот самый, где я у князя пользовался хлебом-солью, я должен узнать, что случилось с одной женщиной. Если хотите, то будьте мне товарищами; если же нет, возвращайтесь домой!

Сказав это, он поскакал, а товарищи последовали за ним. У окраины аула они увидели под большим деревом женщину, которую грабили окружившие ее всадники. Ногаец сразу узнал княгиню Канокову. С гиком бросились ногайцы на врагов, перебили их и освободили пленницу. С освобожденной княгиней ногайцы возвратились в Крым.

Когда Каноков возвратился, то не нашел своего аула: все истреблено огнем, жители разбежались или захвачены в плен, имущество разграблено, а семьи не существует. От боли сжалось его сердце, и ему стал свет не мил. А между тем он не знал, что княгиню увез ногаец в Крым, где она, сделавшись его сестрой, жила под покровительством его матери в довольстве и роскоши.

Терзаемый горем, Каноков вспомнил о ногайце.

— Дай-ка поеду к своему приятелю в Крым! — вдруг решился он и, не найдя даже спутников, в чем был, в том и поехал.

Когда он доехал до ногайских кибиток, то спросил первого встречного:

— Где дом такого-то? Ведите меня туда!

Канокова в рваном платье ввели в кунацкую. Хозяина не было дома. Довольно долго Канокову пришлось прожить у ногайца, а так как он был бедно одет, то на него там мало обращали внимания.

Наконец возвратился домой хозяин в сопровождении большой свиты. Зайдя в кунацкую, он сейчас же узнал Канокова, но не подал даже вида, что знает, кто он. «Так вот как поступает друг, на которого я рассчитывал! — подумал Каноков.— Зачем же я приехал сюда?»

Ему сделалось очень тяжело на душе, и он не знал, что с собой делать. Когда наступила ночь, ногаец, никому не сказав ни слова, принес из дома в кунацкую сундук, полный принадлежностей мужского костюма, прося гостя переодеться и извиняясь, что на костюм его раньше не обратил внимания.

На следующий день он распустил слух, что князь, его друг, приехал с Кубани в эту ночь. Канокова, как будто только теперь приехавшего, приняли с большим почетом. Тогда ногаец спросил своего гостя, что ему нужно.

— Что бы со мной ни случилось, я дал слово навестить приятеля,— сказал гость.— И вот я здесь, но я теперь без семьи и без имущества; неприятель в мое отсутствие разорил мой аул, и я ушел одинокий и нищий.

— Как-нибудь помогу беде,— ответил ногаец.— А если в моей стране ты найдешь женщину, похожую на твою жену, то я тебе ее высватаю!

После этого ногаец стал возить своего гостя по всем аулам, не найдется ли где-нибудь женщина, похожая на его жену. Нашлась у одного обнищавшего хана дочь, просватанная уже за какого-то молодого человека. Когда Канокову показали эту девушку, он сказал:

— Вот она похожа на мою жену!

Богач ногаец стал приставать к бедному хану, чтобы он выдал свою дочь за Канокова.

Хан, соблазнившись богатством ногайца, отказал молодому человеку и выдал ее за Канокова. Когда ее привезли к Канокову и он в первую же ночь пошел к жене, то застал ее в слезах.

— Чего ты плачешь? — спросил Каноков.

— Как же мне не плакать! — ответила молодая женщина.— Жадность моего отца довела меня до гибели!

— Каким это образом жадность твоего отца могла тебя погубить? — спросил муж.

— Сейчас же тебе объясню! — ответила жена.— Твой приятель, ногаец, соблазнил моего отца богатством, он отказал любимому мной жениху, бедному юноше, и выдал за тебя!

— Если это так,— сказал Каноков,— то упаси меня бог, чтобы я отнял тебя у другого!

С этими словами Каноков оставил молодую женщину и вернулся в кунацкую, где и лег спать.

Когда на следующий день в кунацкую зашел хозяин, то Каноков сказал:

— Бог да сохранит меня от того, чтобы я пожелал отнять у кого-нибудь жену; хотя ты считаешь меня способным на это, но я держусь на этот счет другого мнения!

— Что же мне делать? — ответил ногаец.— В нашей стране не найдется другой, похожей на твою жену!

Следует сказать, что все время, когда Каноков гостил в чужом доме, его жена, живя у ногайца в довольстве и роскоши, не знала о пребывании здесь мужа. Сознавая, что наступил подходящий момент, чтобы отблагодарить князя, ногаец сказал своей матери:

— Матушка! Я хочу гостя ввести в наш семейный круг. Попросите сестру принарядиться как следует!

Княгиню одели в нарядное платье. Лишь только Каноков вошел в семейную комнату ногайца, муж и жена узнали друг друга и оставались некоторое время в недоумении, как поступить в данном случае. Видя их затруднительное положение, ногаец сказал:

— Вот, милый гость Каноков, ты нашел свою жену. Бог да благословит вас! Она была мне вместо родной сестры! В этом деле ты оказался выше того, чем тебя считали другие. Я хотел, чтобы ты мне отплатил за то, что я тебе сделал хорошего, но вышло иначе: я у тебя в долгу! Пойдем в кунацкую!

С этими словами они вышли из семейной комнаты ногайца. После того как Каноков погостил еще некоторое время у ногайца, он его отпустил домой, дав ему на прощание много богатства, табун лошадей, много унаутов и домашней утвари, а княгине унауток, и сам проводил его на Кубань. Тем временем аул Канокова отстроился понемногу, так как бежавший народ начал отовсюду собираться. С вестью о приезде князя с княгиней поскакал в аул сам ногаец:

— Ваш князь с княгиней возвращается с унаутами, табу-

ном, стадом овец и другого скота. Приготовьте ему дом, в котором он должен остановиться!

Весь аул обрадовался хорошей вести; все ему приготовили дом и поспешили выехать навстречу своим господам. С большим почетом они встретили князя и княгиню и ввели их в дом.

После этого ногаец вернулся к себе домой, в Крым.

Кто оказался более благородным из этих двух друзей?

36. Губная гармошка

У одного бедного старика было три сына: двое старших — умные, а третий — дурак.

Когда старик умер, старшие братья разделили между собой все, что осталось от отца, а дураку дали только спицу от колеса арбы да сказали, что и этого много; ведь недаром говорят в народе: «Глупому сыну не оставляй наследства, не пойдет оно ему впрок».

Решили братья отправиться на поиски счастья.

Старшие оставили имущество дома, а дурак захватил с собой все свое богатство — спицу.

Шли они шли — долго шли, а когда стало темнеть, вошли в лес. На ночь братья решили взобраться на какое-нибудь дерево и там просидеть, чтобы не встретиться с разбойниками. Старший брат и говорит:

— Как же нам быть с дураком, как поднять его на дерево со спицей?

— Позаботьтесь лучше о себе,— сказал дурак,— а я и сам заберусь на дерево.

Старшие братья влезли на самую верхушку, а дурак уселся на нижней ветке. Хотел и он влезть повыше, да не смог.

Сидит дурак, крепко держит спицу, не спит. Вдруг под деревом, на которое взобрались братья, остановились разбойники-абреки. Они возвращались из набега, устали, проголодались и решили поужинать.

Собрали они побольше сухих веток, развели костер, положили мясо в котел, подвешенный над огнем. Долго варилось мясо, а когда было уже готово и абреки собрались ужинать, с дерева вдруг упала спица: это задремавший дурак уронил ее. Упала спица в кипящий навар, и кипятком обдало всех абреков. Испугались они и разбежались в разные стороны. А все добро, что они награбили, осталось под деревом. Тут дурак крикнул:

— Слезайте, братья, забирайте добро — вот и нам счастье привалило!

Отдал он старшим братьям все богатство, а себе взял только мешок проса. Взвалил его на спину, поднялся с ним на большой курган и стал топтать просо ногами.

Проходил мимо один старик; увидел это и удивился:

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Хочу хоть раз досыта наесться пасты,— ответил дурак.

— Ты лучше продай просо мне — я дам тебе за него, что тебе надобно!

— Ничего мне не нужно, кроме губной гармошки!

— А разве ты умеешь играть на ней?

— Не умею, так научусь!

Достал старик из-за пазухи губную гармошку и отдал ее дураку, а сам забрал мешок проса.

Сел дурак на кургане и стал играть на губной гармошке. И произошло чудо: зайцы, волки, лисы, медведи — все звери вдруг стали плясать исламей *.

Играет дурак не переставая — устали уже звери, не могут больше плясать и остановиться не могут. А медведь так едва на ногах стоит — держится за дерево и ходит вокруг него.

Надоело дураку играть, спрятал он гармошку и лег спать. Как выспался, встал и пошел в город. Шел, шел по улицам и вдруг вспомнил про свою гармошку. Достал он ее и снова заиграл. Навстречу ему старик: он нес полную корзину яиц. Услышав звуки необыкновенной гармошки, старик пустился в пляс. Разбились все яйца, а старик все не может остановиться — пляшет и пляшет.

Пошел дурак по городу, решил наняться в работники. Вдруг видит — идет по дороге пши. Подошел он к пши и говорит:

— Возьми меня в работники!

— А сколько потребуешь за год работы?

— Пять рублей,— ответил дурак.

Обрадовался пши, что нашел такого дешевого батрака, и повел его к себе.

На другой день дурак выгнал пастись быков, а сам присел на кургане. Быки себе пасутся, а дураку что делать? Скучно стало ему смотреть по сторонам. И тут вспомнил он про губную гармошку. Достал ее и заиграл. Быки перестали щипать траву, прислушались — да вдруг как пустятся в пляс! Целый день плясали без передышки. Вечером пригнал их дурак домой, а голодные быки стали стаскивать с крыши солому и с жадностью поедать

ее. И так каждый день: с утра до вечера играл дурак на своей гармошке, а быки плясали. И травинки не успевали они сорвать за целый день и до того отощали, что остались от них только кожа да кости.

Видит пши — вот-вот его быки подохнут с голоду, и решил он посмотреть, как пасет их новый пастух. Когда на следующий день погнал дурак быков в степь, пши вышел за ним следом и спрятался в кустах.

Пригнал дурак быков туда, где росла самая высокая, сочная трава, едва было видно в ней огромных быков. Но не успели они и наклониться к траве, как достал он свою гармошку и заиграл на ней. Тут же пустились быки в пляс — забыли о траве. Не утерпел и пши, пустился в пляс. Сильно кололи его колючки, да не мог он усидеть на месте. В один миг изорвал платье, а все тело его покрылось ранами. Не вынес пши боли и громко закричал. Услышал его дурак, бросил играть и удивленно осматривается: кто может кричать в степи, где, кроме него, нет ни души?

Пши выскочил из кустов и помчался во весь дух в аул.

Разве мог кто-нибудь узнать в израненном оборванце пши? Мальчишки решили, что какой-то абрек забежал в село, и натравили на него собак. Еще больше испугался пши и со страху подпрыгнул так резво, что легко перемахнул через высокий забор. Только попал он к себе во двор — вышла на крыльцо гуаша. И она не узнала в этом оборванце своего мужа и приказала дворовым вытолкнуть его со двора. Схватили они колья и хотели уже избить незваного гостя, но тут пши заговорил, и унауты узнали своего господина. Они вымыли его, переодели и отвели в дом.

Рассказал пши жене о чудесной гармошке дурака. Удивилась она, ни за что не хотела поверить: как это губная гармошка может творить чудеса? Разгневался пши и решил проучить жену.

Вечером дурак пригнал быков с пастбища. Пши позвал его к себе в дом и приказал ему сыграть на гармошке. Едва поднес он гармошку к губам, как гуаша пустилась в пляс. А проученный уже пши велел привязать себя крепко-накрепко к столбу так, что не мог даже двинуться с места. Но и он не выдержал и при первых звуках едва не разорвал веревку.

— Будь ты проклят, перестань сейчас же, не то я задохнусь! — закричал пши.

Дурак положил гармошку за пазуху и пошел спать в сарай.

Когда он уходил, услышал, как пши говорил жене:

— Давай прогоним дурака, не то не будет нам покою ни днем, ни ночью!

На другое утро встал дурак пораньше, пошел к хозяину и говорит:

— Если ты хочешь, чтобы я ушел, отдай мне половину твоего имущества, не то я заставлю тебя и твою жену плясать без отдыха днем и ночью!

Что было делать пши?

Почесал он затылок, подумал да и отдал дураку половину своего богатства.

Вернулся дурак к своим братьям, взял в жены самую красивую девушку аула, и зажили они припеваючи.

Коли не верите, что все это правда, спросите у гуаши. Правда, я не знаю, где она живет, да ведь узнать это просто — любая ее соседка вам скажет.

37. Гадальщица Бабочка

Один мулла ехал вдоль аула на розыски своей пропавшей лошади. Ему встретилась женщина. Почему-то предположив, что женщина эта должна быть гадальщица, мулла пристал к ней, чтобы она погадала ему о его пропавшей лошади. Не слушая уверений бедной женщины, что она не умеет гадать и в жизни своей не брала с этой целью в руки фасоли [1], мулла вынудил ее зайти с ним в ближайшую саклю. Там, достав у хозяина фасоли, он посадил женщину гадать; она кинула раза два фасоль и, чтоб только отделаться как-нибудь от назойливого муллы, сказала: «Ведь лошадь, которую ты разыскиваешь, стоит за твоим двором, возле сена твоих соседей». Мулла, вернувшись, в самом деле нашел свою лошадь на том самом месте, на которое указала женщина. «Какая сведущая гадальщица»,— удивился мулла, загнав коня домой.

Через несколько дней после того у дочери хана пропал перстень. Как ни разыскивали, к каким гадальщицам ни обращались, никак не могли найти перстень. Хан был сильно огорчен этой пропажей. Придя раз к хану и узнав, о чем он печалится, мулла посоветовал ему обратиться к гадальщице, отыскавшей его коня. Послали тотчас за ней. Как она ни отказывалась, ее все-таки усадили гадать.

В это самое время гадальщицу вызвала из комнаты старая служанка хана, которая, испугавшись, что гадальщица сама все

откроет, созналась в том, что она украла перстень ханской дочери, и просила гадальщицу, чтобы она не выдала ее; перстень же она возвратит тотчас, положив его под порог. Бабочка охотно согласилась и, уверив старуху, что не выдаст ее, вернулась в комнату. Зная уже, где перстень, она смело могла гадать; кинув раза два фасоль, чтобы дать время старухе положить перстень на место, она самоуверенно сказала: «Ах, бог мой, да ведь перстень, над отысканием которого вы так долго ломали голову, лежит тут же под порогом!» Пошли, и что же? Действительно, нашли его, так как укравшая старуха только что положила его туда.

Когда хану доложили об этом, ему вздумалось испытать, насколько в самом деле велико умение гадальщицы. Призвав ее, он сказал: «Если ты хорошая гадальщица, я сожму что-либо в своем кулаке так, чтобы ты не видела, а ты отгадывай, что будет у меня в кулаке. Отгадаешь — значит, ты хорошая гадальщица, и я тебя награжу; если же нет, ты — только обманщица, и я велю тебя казнить».

Тут-то Бабочка окончательно поникла головой. Хан выслал ее и только подумал, что бы положить в кулак, как в комнату влетела бабочка. Хан подумал, что это отличный случай и гадальщице никак не может прийти в голову, что он, сидя в комнате, мог поймать бабочку. Схватив и сжав ее в кулаке, он велел снова ввести гадальщицу и усадил ее отгадывать.

Бедная женщина, усевшись и кидая фасоль, стала размышлять о том, как вывернуться из этого безвыходного положения, так как не могла же она, не умея вовсе гадать, извернуться при помощи фасоли. Но, как ни думала, ничего не могла придумать. Тогда в отчаянии она сказала, обращаясь к самой себе: «Бедная Бабочка, попала ты теперь в гибельное для тебя место!»

— Ну и гадальщица! — сказал тогда сильно удивленный хан (не знавший, что имя гадальщицы также Бабочка), разжимая свой кулак и выпуская оттуда бабочку. Женщина, не веря своему счастью, поспешила убраться поскорее восвояси с данным ей ханом золотом, закаиваясь во всеуслышание никогда более не гадать.

38. Один вор искуснее другого

В одном ауле жили два вора; одного из них звали Кайтуко, а другого Шералуко. У последнего был сын восемнадцати лет по имени Кучук. Однажды Шералуко испытал неудачу: в то

время, когда он выводил лошадь, его ранили; от последствий раны он и умер. По смерти отца Кучук явился к его товарищу Кайтуко и сказал:

— Отец мой был с тобой в дружбе; вы вместе воровали и по-братски делились добычей, и я хотел бы продолжать отцовское дело; только позволь мне у тебя поучиться воровскому ремеслу!

— Хорошо, я готов тебя научить уму-разуму. Приходи ко мне сегодня в гости!

Кучук пришел к нему в гости, но хозяина не было дома: он отлучился куда-то по делу. Войдя к нему, Кучук спросил у старухи матери Кайтуко:

— Дома ли мой друг?

— Кайтуко нету дома; но если он твой друг, то, пожалуйста, будь гостем!

Кучук рад случаю поболтать; он уселся на лавке и стал рассказывать старухе всякие небылицы. Старухе гость пришелся по душе, и она начала угощать его бараниной и бузой. Тем временем зоркий глаз Кучука заметил, что под потолком сакли висит вяленая баранина, на вид весьма жирная и, должно быть, весьма вкусная. Разгорелись глаза у будущего вора, и он решился украсть ее следующей ночью. Наболтавшись со старухой вдоволь, Кучук ушел. Немного спустя является Кайтуко в дурном расположении духа. Желая его развеселить, старуха сейчас же ему докладывает, что у них был в гостях Кучук.

— А бузу он пил? — спросил Кайтуко.

— Да, пил! — ответила старуха.

— А когда пил, не смотрел ли он вверх?

— Да, смотрел!

— Стало быть, он видел под потолком вяленую баранину?

— Должно быть, видел.

— Он ее непременно украдет следующей ночью!

— Да ведь он друг тебе!

— Друг-то друг, но он из таких, что последнюю рубашку снимет с тела.

Подумав немного, Кайтуко сказал своей матери:

— Знаешь что, матушка? Сними баранину, спрячь в сундучок и положи к себе на ночь под подушку; авось он не найдет!

Как сын сказал, так мать и сделала. Сын лег спать на кровати, а мать на полу и положила себе под подушку сундучок с вяленой бараниной. Ночью почти каждый час Кайтуко спрашивал мать, цел ли сундучок.

— Да, цел! — отвечала мать, и Кайтуко на некоторое время успокаивался.

Под утро Кайтуко одолела дремота, и наконец он крепко уснул. Подкрался Кучук; видя, что дверь накрепко заперта, он взобрался на крышу сакли, а оттуда через трубу пролез внутрь. Стал он ощупывать то место, где висела баранина, но, к своей досаде, ничего не нашел. Вор догадался, что опытный хозяин понял его намерения и принял меры предосторожности.

— Мяу-мяу! — раздается по сакле чуть внятное мяуканье, и слышно даже, как кошка скребет своими лапками.

— Черт с ней, с этой бараниной! — ворчит недовольная старуха.— Спать мне не дадут! То раньше говорили, что вор за ней полезет, а тут уж кошка подбирается.

— Мяу-мяу! — снова послышалось громкое мяуканье кошки. Старуха разворчалась, и теперь ей уж не было удержу.

— Ну, право, чего она лезет? Баранину ведь я спрятала в сундучок и положила под подушку. Жирен кусок, да не про тебя припасен!

А Кучуку только это и нужно было. Мяуканье кошки прекратилось, и раздосадованная старуха, успокоившись несколько в своей тревоге, забылась старушечьим сном. Этим моментом воспользовался Кучук, вытащил неслышно из-под подушки сундучок, пролез тихохонько в трубу и был таков...

Прошло две-три минуты. Проснулся Кайтуко и спрашивает мать:

— Матушка, лежит ли сундучок на своем месте?

— Как? Что? Сейчас тут была кошка! — пробормотала оторопевшая старушка, заметив пропажу сундучка.

Кайтуку же не нужно было говорить это два раза: он знал, что это была за кошка! Сейчас же он вскочил с постели, надел платье своей матери и прямым путем через огород побежал в саклю Кучука, где и очутился раньше хозяина. Вслед за ним входит Кучук, а на пороге его встречает мать-старушка.

— Бедный сын! — говорит Кайтуко, подделываясь под голос матери Кучука, а она ли это была действительно, трудно было узнать в темноте ночи.— Ты целую ночь трудился. Дай что у тебя в руках, а сам ложись отдохни!

— Да, я и впрямь устал! — сказал Кучук; ему и невдомек, что это не его мать. Он отдал Кайтуко сундучок, а сам отправился в конюшню, чтобы посмотреть, цела ли его лошадь. Воспользовавшись этим, Кайтуко скрылся за саклей и тем же путем отправился домой.

Утром проснулся Кучук, а так как его обоняние все еще щекотал приятный запах вяленой баранины, то первым делом он попросил мать испечь баранину, которую он раздобыл ночью.

— Что ты плетешь? — спросила мать.— Ты мне ничего не передавал.

Сейчас же смекнул Кучук, в чем дело: его перехитрил Кайтуко!

— Как? — крикнул Кучук, задетый этим за живое.— Кайтуко, чего доброго, подумает, что я ему не чета. Как бы не так! Я ему докажу, что есть на свете воры почище его.

На следующий день Кучук захватил с собой два красных чувяка своей матери и отправился к Кайтуко. Тот принял его дружелюбно, как ни в чем не бывало, не сделав ни малейшего намека на их обоюдные подвиги. Что и говорить: ни тот, ни другой не ударил лицом в грязь! Кучук предложил Кайтуко идти воровать вместе; Кайтуко согласился. Вышли они из аула и пошли по большой дороге. Везет на арбе крестьянин сено.

— Давай,— говорит Кучук,— сведем быков у хозяина!

— Разве это возможно? — говорит Кайтуко.

— Для хорошего вора все возможно. Вот тебе два чувяка: положи один вот здесь на дороге, а другой там — подальше! Крестьянин увидит сперва один чувяк, соскочит с арбы и побежит поднимать, а там еще впереди другой; тем временем мы отпряжем быков и спрячем их в ближайшем лесу.

И действительно, когда крестьянин увидел первый чувяк, он соскочил с арбы и побежал его поднимать. Подняв один, он увидел лежащий поодаль другой чувяк и побежал за ним; подняв и этот, он скинул свои старые дырявые чувяки и стал примерять новые. Долго он мучился, стараясь их надеть, но это ему никак не удавалось: женские чувяки не лезли на мужскую ногу. Крестьянин так увлекся своим делом, что о быках совершенно забыл, не предполагая, конечно, что с ними могло что-нибудь случиться. А между тем воры на свои руки охулки не положили: мигом отпрягли быков и угнали в ближайший лес. Там они живо отрубили им головы, воткнули эти головы в топкое болото так, что только торчали рога, а сами с тушами быков спрятались.

Провозившись вдоволь с чувяками и наконец бросив их, крестьянин заметил, к своему ужасу, пропажу быков. Сейчас же он бросился по свежим следам разыскивать их. Прибежал к тому болоту, где в самом топком месте торчали бычьи головы с

развесистыми рогами. Ему показалось, что быки его завязли в болоте. Он решил вытащить их оттуда. Крестьянин разделся и, оставив свою одежду на берегу, полез в болото. Тем временем Кучук выскочил из засады, схватил одежду крестьянина и опять скрылся в чаще. Бедняк, вытащив из болота головы своих быков, подумал, что он как-нибудь по неосторожности оторвал их от туловища, и стал плакать. К довершению горя он, вылезя из болота, не нашел своей одежды.

Делать было нечего: бедняк отправился в чем мать родила на свет к оставленной им арбе с сеном, но не нашел ни арбы, ни сена. Тут он окончательно потерял голову:

— Ну и обчистили же меня воры: нет ни арбы, ни сена, ни быков — и рубашку даже сняли с тела!

Горемычный пшитль плетется с невеселыми думами домой; во всех же встречных он возбуждает смех, так как никто не привык видеть на дороге совсем нагого человека, с одной только хворостиной в руках. Немного спустя ему попались навстречу около двадцати верховых. Увидев его, они покатились со смеху.

— Что такое с тобой случилось, чудак? — спрашивают они его.

— Берегитесь: в этой местности появился вор, который у меня украл быков, одежду, а вдобавок и арбу с сеном; у вас он, наверное, угонит лошадей! — Всадники стали смеяться еще больше:

— Как это так? Расскажи еще раз! Ах ты, окаянный!

Крестьянин не стал с ними больше разговаривать и пошел своей дорогой. Проехав несколько верст, всадники расположились близ леса на ночлег: разбили палатку, скинули с себя бурки и оружие и, стреножив лошадей, пустили их пастись под надзором двух караульных. Когда совсем стемнело, они развели огонь и стали жарить шашлык и в котле варить баранину. Сидя у огня, они вспомнили предостережение нагого пшитля и начали друг другу рассказывать о разных подвигах известных своей ловкостью воров; караульные же зорко смотрели за лошадьми. Вдруг подходит к караульным закутанный в бурку Кучук и говорит:

— Идите к костру: шашлык уже готов; покамест я покараулю лошадей!

Не подозревая ничего, караульные отправились к костру.

— На кого вы оставили лошадей? — спрашивают их товарищи.

— Как на кого! Да ведь вы позвали нас есть шашлык, прислав караульного нам на смену!

Тут только все догадались, что караулить-то остался вор, про которого их предупреждал встретившийся им крестьянин. Все бросились за лошадьми, но Кучук успел их уже припрятать в лесу, а тем временем, пока они искали, он, оставив их под надзором своего товарища Кайтуко, бросился в палатку, в которой никого не было; там он забрал все бурки, башлыки, окованное серебром оружие всадников и седла, стащил совсем уже зажаренный шашлык и варившуюся в котле баранину, бросив туда взамен свою старую изодранную бурку, и скрылся в темноте ночи.

Между тем всадники после напрасных поисков вернулись к костру, чтобы по крайней мере подкрепить свои силы шашлыком и вареной бараниной. Но каково было их изумление, когда они и здесь ничего не нашли, кроме котла, в котором варилась истрепанная бурка.

— Вот это так вор! — вырвалось у одного из пострадавших. Но что же всадникам оставалось делать, как не вернуться пешком в свой аул!

39. Мал мала меньше

У бедной старушки вдовы было три сына-карлика, и ростом малы до того, что ничего подобного никто никогда не видел: старший — ростом в три вершка, средний — в два, а младший — в вершок.

Дома нечего было есть, и поэтому они ходили на заработки, чтобы прокормить себя и старушку мать. Однажды им повезло больше, чем обыкновенно: они пришли домой и принесли с собой в виде заработка трех козлов и три хлеба. Свой заработок они считали настоящим богатством и принялись за дележ: конечно, каждому пришлось по козлу и хлебу. Чем больше имеешь, тем больше хочется иметь; так и нашим карликам вздумалось еще попытать счастья: не заработают ли они столько, чтобы уже больше не нуждаться. Отправляется старший на заработки, взяв с собой козла и хлеб. Идет он себе большой дорогой, заворачивает во все аулы и спрашивает, не нуждаются ли где-нибудь в работнике; наконец, проходя через поле, он заметил пахавшего землю великана.

— Не нужен ли тебе работник? — спросил карлик. Великан

посмотрел на карлика, чуть заметного от земли, и сказал насмешливо:

— Пожалуй, такой работник, как ты, как раз мне нужен; нанимайся на целый год: за ценой не постою!

Сторговались за сундучок золота.

— Ну, так как ты уже нанялся ко мне, то ступай ко мне домой, зажарь хорошенько твоего козла и порежь твой хлеб на куски; вместе поужинаем!

Карлик отправился исполнить поручение своего нового хозяина. Жена великана ни во что не вмешивалась и предоставила распоряжаться работнику, зная, конечно, чем все это кончится.

Вечером пришел домой великан и хотел сесть за стол; но в доме не было ни стула, ни лавки.

— Ступай на двор и принеси на чем бы можно было сидеть. Но смотри,— добавил хозяин,— чтобы эта вещь была ни из камня, ни из земли, ни из дерева!

Сколько ни искал работник, он не мог найти такой вещи. Когда он вернулся, то заметил, к своей досаде, что все, приготовленное им для обоих, съедено хозяином. В сердцах спрашивает он хозяина:

— Куда девалась моя доля?

— Извини, пожалуйста,— ответил великан,— мне страх как хотелось есть; я и тебя съем на закуску! — С этими словами он схватил карлика и проглотил.

Долго братья дожидались возвращения старшего. Тогда средний, желая также попытать счастья, решил пойти на заработки; младший остался при старухе матери. Случилось так, что средний пошел той же самой дорогой, по которой шел и старший.

Неудивительно, что он наткнулся на того же самого великана: его постигла та же участь, что и старшего брата.

Наконец, решил идти на заработки Вершок. Так как и он пошел той же самой дорогой, то и он нанялся в работники к великану за ту же плату, за которую нанимались его старшие братья. И его великан отправил к себе в дом с тем же поручением.

Пока великан пахал, он приготовил ужин из своего козла и хлеба; все это он разделил пополам и тут же вырыл небольшую яму, которую накрыл скошенной им травой. Вечером пришел великан.

— Ступай на двор и поищи что-нибудь, на чем бы можно

было сидеть. Но смотри,— прибавил он,— чтобы эта вещь была ни из камня, ни из земли, ни из дерева!

Смекнул Вершок, в чем дело, и притащил железный плуг, которым пахал великан.

— Садись, болван! — сказал при этом Вершок.

Удивился его догадливости великан и принялся с жадностью поедать свою долю. Вершок, конечно, не мог съесть столько, сколько великан, и несъеденное им бросал незаметно в яму. Великан удивлялся все более и более, видя прожорливость Вершка; он еще доедал свою долю, когда Вершок, покончив со своей, стал самодовольно пыхтеть и поглаживать брюхо.

— Дай-ка, пожалуйста, мне еще кусок от твоей доли,— сказал Вершок,— мне страх как хочется есть!

— Ты и без того уже съел больше, чем следует! — ответил с досадой великан.

— Что ты? — сказал Вершок.— Я еще могу и тебя съесть!

Великан, недалекий умом, так-таки поверил и струсил. На следующий день отправился хозяин пахать со своим работником. Смышленый Вершок все надувал своего хозяина, выдавая себя за силача; работал-то, собственно, великан, а Вершок только делал вид, что это он сам трудится, и покрикивал на хозяина; великан голодал по целым дням, а Вершок отведывал от своей порции, которую он припрятал в яме. Великан, конечно, всем этим тяготился, но ему уже трудно было избавиться от умного карлика, завладевшего им вполне.

Однажды вечером они вернулись с поля; хозяин замешкался во дворе, а тем временем Вершок юркнул в светлицу и спрятался за очагом. Вошел недовольный хозяин и, думая, что Вершок еще возится в сарае, стал жаловаться жене:

— Знаешь, жена, у нашего слуги необыкновенная сила. Но дело не в силе: он умен не по росту. Он нас еще обоих погубит,— добавил великан,— если мы как-нибудь с ним не покончим. Вот что мне пришло в голову: когда он будет спать, мы его привалим тяжелым камнем!

Хозяин с женой отправились искать подходящий камень, а Вершок тем временем приготовил связку камыша, завернул все это в одеяло и положил на своей постели; сам же спрятался на прежнее место. Притащили великан с великаншей тяжелый камень и взвалили на постель карлика; камыш стал трещать, а они вообразили, что это хрустят косточки карлика.

— Ну,— сказали в один голос великаны,— мы теперь разделались с проклятым работником!

Отделавшись, как им казалось, от работника, они улеглись спать. Прекрасно выспался также Вершок в своем уголке. На рассвете он поднялся раньше всех, подошел к постели великанов и стал трунить над ними.

— Вы думали, безмозглые великаны,— сказал Вершок,— что вы так легко справитесь со мной; у меня ведь больше силы, чем у вас обоих. Этот камешек, которым вы меня думали придавить, пощекотал меня славно!

Тут уж великаны окончательно убедились, что им не сладить со смышленым карликом, и поэтому решились как можно скорее расплатиться с ним и отпустить его домой. Дали они ему целый сундук золота вместо обещанного сундучка.

— Вот тебе,— сказал великан,— плата за твою службу, даже больше положенной; ступай себе домой!

— Что тебе вздумалось, тупица ты этакая, заставлять меня нести такой сундучище; неси сам!

Великан совсем растерялся и, не зная, что делать с умным Вершком, взвалил на плечи сундук и двинулся в путь. Вершок, не желая себя утомлять, вскочил на сундук и стал указывать великану дорогу. На половине пути стояло большое грушевое дерево со спелыми грушами. Подойдя к нему, великан остановился, нагнул дерево и стал лакомиться грушами; Вершок уселся на сучок и тоже ел груши. Когда же великан, наевшись досыта груш, отпустил нагнутое дерево, то сидевший на сучке Вершок, описав дугу, перелетел на другую сторону. Карлик грохнулся бы на землю, если б тут не случилась лисица, которая ему попалась как раз между ног. Сидя на ней верхом и крепко держа ее за уши, карлик крикнул:

— Вот, смотри, великан, какой ты недогадливый! Ты ел груши, а я, увидев лисицу, перепрыгнул через дерево и поймал добычу!

— Как же это так? — сказал в недоумении великан; он так-таки и не догадался, в чем дело; подержав немного лисицу, Вершок отпустил ее и опять вспрыгнул на сундук.

Уважение и даже какой-то суеверный страх, который великан стал питать к Вершку, не имели с тех пор уже пределов.

Не доходя до дома, Вершок остановил великана и сказал, что пойдет попросит мать приготовить что-нибудь поесть. Спустя некоторое время он вернулся, и они пошли в дом Вершка. Мать Вершка возится около очага и не говорит ни слова. Великан поставил сундук около старухи и, отойдя назад, уселся у дверей.

— Матушка! — сказал Вершок.— Дай-ка поесть чего-нибудь нашему дорогому гостю!

— Что же я ему дам? — спросила мать.

— Как что? Я ведь, уходя на заработки, оставил тебе двух убитых мной великанов; неужели ты их уже съела?

— Да разве вы едите великанов? — спросил с изумлением гость.

— Как же; мы то и дело питаемся их мясом. Придется, пожалуй, и тебя съесть, как ты съел моих двух братьев.— Сказав это, Вершок стал уже притворять дверь.

Не помня себя от страха, великан вышиб дверь, причем Вершок отлетел далеко в сторону, и бросился бежать без оглядки. Вершку этого только и нужно было.

Таким образом Вершок разбогател и зажил на славу; но иногда он от души смеялся, вспоминая, какие дураки эти великаны!

40. Один догадливее другого

В одном ауле жили три умных брата; вели они хозяйство нераздельно и всегда вместе ходили на заработки. У них была серая лошадь, на которой они по очереди ездили на охоту. Однажды случилось, что средний брат, вернувшись с охоты, забыл запереть на замок конюшню, в которой поставил лошадь. Утром лошади не оказалось. Очевидно, вор воспользовался оплошностью среднего брата. Но кто ее украл? Начали три умных брата раскидывать умом, не смогут ли они по догадкам определить приметы вора.

— Знаете что? — говорит старший брат.— Человек, который украл у нас лошадь, среднего роста и курносый.

— Ну, если он среднего роста и курносый,— сказал средний брат,— то и борода у него рыжая!

— Если же,— добавил младший,— он среднего роста, курносый и с рыжей бородой, то и глаза у него серые!

— Пойдемте искать по этим приметам! — сказал старший, на что они все изъявили согласие.

Отправились искать вора три умных брата и пошли, не разбирая, первой дорогой. Долго ли, коротко ли они шли, но им пришлось идти по полю, засеянному просом, уже созревшим.

— По этой дороге,— говорит старший брат,— шел верблюд, слепой на один глаз.

— И хромой,— говорит второй.

— И на нем лежали два бурдюка: один с молоком, а другой с медом,— говорит третий. Высказав друг другу свои замечания, они пошли дальше. Навстречу им идет человек, который искал сбежавшего у него верблюда.

— Не видали ли вы верблюда? — спросил он.

— Видать-то не видали, но его приметы рассказать можем.— И тут они начали наперебой один перед другим описывать приметы верблюда. Приметы оказались верными.

— Ну, если так,— сказал погонщик верблюда,— то не кто иной, как только вы его и угнали!

Они стали отказываться и оправдываться тем, что приметы определили по догадкам, но ничего не помогло! Погонщик не поверил и потащил их на суд и расправу в ближайший аул, владельцем которого был знатный хан.

Призвали братьев к грозному хану, и он стал их допрашивать, как все это случилось. Братья повторили сказанное в свое оправдание.

— Да как же это вы могли по догадкам рассказать приметы верблюда? — спросил хан, заинтересованный рассказами братьев.

— Очень просто,— ответил первый,— след верблюжий всегда заметен, а что он был слеп на один глаз, то это легко можно было узнать: верблюд шел своей дорогой и щипал просо только с одной стороны — с той, где глаз был цел.

— А что верблюд был хромой,— сказал второй брат,— то нет ничего легче, как об этом догадаться: всякое животное приподнимает здоровую ногу выше хромой, а хромую волочит за собой и цепляется ею за землю; оттого и след другой: он идет как бы бороздой.

— А что на верблюде лежали два бурдюка — один с молоком, а другой с медом,— сказал третий,— то и это можно было легко заметить: по правую сторону от дороги сидели на просе мухи, которые лакомятся молоком; стало быть, бурдюк с молоком висел справа; а что бурдюк с медом висел слева,— это видно было из того, что лакомившиеся медом пчелы сидели на просе с левой стороны.

Хана поразила необыкновенная догадливость братьев. Тогда хан отправился в сад и вернулся оттуда со сжатым накрепко кулаком.

— Ну, угадайте теперь, что в моем кулаке?

— Предмет этот весьма твердый,— сказал первый.

— И круглый,— добавил второй.

— Ну, если он и твердый и круглый,— сказал третий,— то это — орех! — Хан раскрыл руку, и в ней, действительно, оказался орех.

Это еще более поразило хана, и ему захотелось еще кое о чем расспросить умных братьев. С этой целью он пригласил их переночевать у себя. Братья согласились; их отвели в кунацкую и принесли им ужинать. Поужинав плотно, гости улеглись спать. Но хан, догадываясь, что они, прежде чем уснуть, станут говорить о том, что видели в продолжение дня, принялся их подслушивать.

— Ох, да и вкусная же была у нашего хозяина каша! — сказал старший.— Только она отдавала мертвечиной.

— Да и баранина,— сказал второй,— была тоже вкусная, только от нее несло собачиной!

— Да и хан-то, кажись, добр и не глуп,— сказал младший,— но он выглядит простым человеком: должно быть, он простого звания! — С этими словами гости уснули.

Замечание младшего из братьев задело хана за живое. Не долго думая он отправился к старухе матери и спросил ее, какого он происхождения.

— Конечно,— отвечала старушка,— ты достойный сын твоего отца.

— Говори правду, иначе я с тобой расправлюсь по-своему: велю снести тебе голову.

Тогда старушка открыла ему всю правду. Оказалось, что ханша и ее рабыня родили в одну ночь: ханша родила дочь, а ее рабыня сына; но так как старый хан был последним в своем роде, то, желая ему дать наследника, ханша подменила детей: себе взяла мальчика рабыни и воспитала его вместо сына, а дочь отдала рабыне. Таким образом, замечание младшего из братьев, как ни тяжело оно было для хана, оказалось верным. Тогда хан решился проверить и два других замечания братьев. Немедленно он велел позвать к себе управляющего и спросить его, отчего каша отдавала мертвечиной.

— Да, должно быть, оттого, что просо-то скосили на могиле убитого в прошлом году человека!

Итак, сказанное старшим братом было правдой. Оставалось еще проверить слова второго из братьев относительно баранины. Сейчас же велел он призвать к себе пастуха.

— Что же тут удивительного,— сказал пастух,— в третьем году волк зарезал всех овец: остались только два барашка, и

они погибли бы, если бы как раз в это время не ощенилась собака; я и заставлял сирот-барашков ее сосать. Барашки уцелели, и вот от них и пошло все стадо.

Итак, хан узнал не только о своем происхождении, но и о некоторых подробностях, относящихся к его хозяйству.

На следующий день, когда гости проснулись, хан велел их позвать к себе.

— Скажите откровенно,— сказал хан,— чего вы ищите?

— У нас украли лошадь; приметы-то вора мы знаем, но он нам не попадался на глаза. Нет ли его в твоем ауле?

Тогда хан велел собрать сход, и братья сейчас же узнали того, кого искали: среднего роста, курносый, рыжебородый и с серыми глазами. Хан приказал ему сейчас же возвратить лошадь, что он и исполнил. Вора постигло наказание, а братья получили от хана богатые подарки. Вернувшись домой, они стали вести свое хозяйство по-прежнему, следуя пословице: один ум хорошо, а два лучше.

41. Кто глупее?

В пятницу, во время джумы *, собралось в мечети народу видимо-невидимо. Мулла взошел на возвышение и стал проповедовать о житейской мудрости. Тему для проповеди он почерпнул из китаба *. Между прочим, он сказал, что по выражению лица можно узнать мысль человека, а по некоторым приметам — умен ли он или глуп. «Берегитесь, правоверные,— заключил мулла,— рыжебородых: у них немного ума! Но если рыжебородый отпустил длинную бороду, длиннее того, сколько можно захватить в кулак, он непременно сделает какую-нибудь глупость!»

Случилось так, что в мечети присутствовал правоверный с длинной рыжей бородой. Сердце его дрогнуло, когда он услышал слова муллы. «Неужели,— думал он,— слова эти относятся ко мне; к тому же мулла, распространяясь насчет рыжебородых, все как будто посматривал в мою сторону — как будто словами и жестами указывал на меня».

С тяжелыми думами он вернулся домой: «Ну-ка, посмотрю я в зеркало, длинна ли моя борода». Посмотрев в зеркало, он с нетерпением схватил себя за бороду, и — о ужас! — между пальцев торчат длинные космы его рыжей бороды! «Долой ее,

долой, а то меня, чего доброго, и впрямь примут за глупца!» Ножниц под рукой не было: он бросился к очагу, желая обжечь торчащую между пальцами бороду. Бороду-то он обжег, но при этом опалил себе все лицо. «Ах, какой я дурак! — крикнул несчастный.— Неужели мулла прав? Не может этого быть! Пойду по белу свету: наверное, найду где-нибудь рыжебородого глупее меня!»

Сказано — сделано. Поплелся рыжебородый куда глаза глядят. В одном ауле на площади он наткнулся на рыжебородого и сильно ему обрадовался. «Дай-ка,— подумал он,— расскажу ему о своем приключении; что он на это скажет?»

Подходит он к нему, поздоровался и стал ему рассказывать о том, как он, обжигая бороду, опалил все лицо. Незнакомец усмехнулся и как бы в утешение говорит ему:

— Со мной было еще лучше: у меня была корова с закрученными рогами. Вздумалось мне как-то просунуть между рогами голову. Голова-то пролезла — ничего себе, надавил только немного виски, но назад ее вытащить нельзя! Что я ни делал, ничего не помогает: не лезет ни туда, ни сюда! Наконец корова испугалась; подняла хвост и давай со мной носиться по аулу. Я болтаюсь беспомощно; кричу от боли, так как корова своей головой меня безжалостно подбрасывает вверх, а к довершению досады, кто меня ни увидит, тот покатывается со смеху. Люди стоят у своих домов и хохочут. Наконец надо мной сжалились: поймали корову и стали меня вытаскивать из тисков. Но не идет дело! Пришлось отпилить рога, и тогда только меня освободили. Что же это такое?

— Правда,— ответил наш старый знакомый,— твоя глупость почище моей. Пойдем теперь вместе, не найдем ли где-нибудь рыжебородого глупее нас обоих?

Тот согласился. Плетутся оба глупца в ближайшее торговое местечко, утешаясь мыслью, что, наверное, найдут того, кого ищут. Придя в местечко, они разинули рты от удивления: везде каменные дома и богатые лавки! Глазеют они по сторонам, как вдруг — какое счастье! На крылечке, под навесом, ходит рыжебородый и покуривает трубку. Богат, видно, очень, но лицо у него обезображено: нос как бы приплюснутый, а на щеке рубец. «Что с ним такое? — думают путники.— Видно, это от глупости! Давай-ка ему расскажем о наших неудачах! Что он на это скажет?»

Подошли они к богатому незнакомцу, вежливо поздорова-

лись и стали ему рассказывать о приключениях с бородой и между рогами коровы. Богач лукаво улыбнулся и говорит:

— Все это вздор: со мной было еще лучше. Слушайте и утешайтесь! Взобрался я как-то на второй этаж своего дома, приподнял окно и стал забавляться тем, что плевал на проходящих нищих. Не знаю, каким образом задвижка окна отодвинулась: окно вдруг опустилось и своей тяжестью приплюснуло мне нос. Носа как не бывало! К моей досаде, все хохочут; не пожалел никто, даже и жена!

В другой раз было еще почище. Выбрали меня односельчане в кадии. Как я ни отказывался, пришлось согласиться. Говорили, что выбирают меня за мой ум, а мне и невдомек, что им нужно было мое богатство. Полон дом софт *-мальчиков, но плохо слушаются, проклятые! Пришлось куда-то уехать по делу, а софты-бездельники, зная, конечно, что я недалек умом, сговорились с женой, чтобы надо мной посмеяться. Приезжаю домой, как вдруг все в один голос: ах, как ты изменился, кадий! Жена с участием спрашивает, не болен ли я. Я сдуру поверил и, понурив голову, отправился в свою комнату, чтобы хоть немного прилечь. Мне, право, так и казалось, что мне чего-то недостает. Все меня сочли за больного. Позвали азэ *, а тот не велел принимать пищи; говорит: «Объелся!» Голод меня донимает страшно, и я уже думаю о том, чтобы наложить на себя руки. Жена все меня унимает и, уходя, по забывчивости как будто, оставляет яйцо, очищенное от скорлупы; как видно, сама собиралась полакомиться или, может быть, хотела меня побаловать лакомым кусочком, но так, чтобы этого не видел строгий азэ. Мучимый голодом, с жадностью я набросился на яйцо. Лишь только успел его вложить так-таки целиком в рот, как вдруг вбегает азэ. Я испугался: проглотить яйцо еще не успел, а выбросить побоялся: уж больно строг был азэ! Так оно и осталось во рту. Азэ на меня набросился: «Что это у тебя за шишка? Ай-ай, это чу́ма!» Не успел я оглянуться: он вынул инструмент, в мгновение ока сделал на щеке надрез и с торжеством вытащил яйцо! Прибежали тут софты; явилась и жена. Мне больно, а они заливаются со смеху. Вот откуда этот у меня рубец! После ваших глупостей моя будет третья и четвертая.

Кто из них был глупее? Путники не пошли уже дальше. Они наконец поняли, что глупцов хоть пруд пруди: дураков не сеют, не жнут, а они сами родятся.

42. Нормэрышхо — большой Нормэр

Жил один старик, звали его Нормэрышхо. Двери его кунацкой всегда были открыты для гостей, и она редко пустовала.

Однажды в гости к нему пришел высокий и статный юноша. Он поговорил с хозяином, какие хабары в ауле, а потом встал и начал важно прохаживаться по кунацкой, придерживая рукоятку кинжала.

Удивился хозяин.

— Что, Нэтшауко, тебя беспокоит? — спросил он гостя.

— Я хотел бы встретиться с мужчиной, с которым мог бы помериться силой и испытать своего коня. Я думаю, на свете нет человека, который одолел бы меня,— ответил гость.

— Ты молод и глуп, не знаешь жизни и людей и потому говоришь такие слова,— сказал старик.— Я в молодости был таким, как ты. Но один джигит заставил меня убедиться, что это не так. Тебе еще не повстречался такой человек, и ты думаешь, что сильнее тебя нет на свете. Я — старик, но и я мог бы помериться с тобой силой. Но я не стану этого делать — лучше расскажу тебе, как проучили меня.

Нас было несколько всадников, и мы сражались с вражеским войском. Бились мы бесстрашно. Я был в самой гуще битвы, мне не хотелось, чтобы люди сказали, что Нормэрышхо был в стороне. Когда бой был в разгаре, наши враги выставили против нас необыкновенного воина — настоящего великана. Ему удалось обойти меня, и я оказался у него словно в тисках. Он держал меня так крепко, что я не мог даже пошевелиться. Он повел меня прямо к предводителю войска.

— Не позорь меня, лучше сразу убей,— попросил я его.

А тот даже не удостоил меня ответом — молча вел к шатру предводителя. Когда до шатра осталось не больше ста шагов, позади меня грянул выстрел, и я почувствовал, что меня никто не держит.

Я оглянулся и увидел, что великан убит и с грохотом свалился с коня. Тот, кто стрелял в него, сидел на белом коне и был одет в белую одежду. Он быстро скрылся из виду, но я решил непременно найти своего спасителя.

Трижды я ударил плетью своего коня и помчался за ним. Я скакал изо всех сил, но не мог нагнать его. Я стал так сильно хлестать плетью своего коня, что всадник услышал звук моей плети. Он оглянулся и сказал:

— Нормэрышхо, ты так же глуп, как и велик! Ты погнался

за мной на утренней заре и можешь гнаться, пока не сядет солнце, но все равно тебе не догнать меня. Ты хочешь узнать, кто я, из какого двора вышел и из какого я рода, но тебе этого никогда не узнать!

Тут я понял, что это не джигит, по голосу догадался, что это была женщина...

Старик закончил рассказ и пристально посмотрел на Нэтшауко.

— Вот так, мой мальчик, было со мной. Не ищи людей сильнее тебя — таких много. Заденешь кого-нибудь из таких, бесславно погибнешь.

— Воллаги, ты сказал правдивое слово! — отвечал молодой джигит.— То, чем я хотел заняться, дурное ребячество!

43. Кошелек ногайки

До занятия кабардинцами Абгаша там, говорят, жили ногайцы. Но перед приходом кабардинцев земля эта была покинута ногайцами и некоторое время оставалась пустопорожней. В это-то промежуточное время один кабардинец приехал в камыши, здесь находящиеся, поохотиться по первому выпавшему снегу. Только он приблизился к камышам, как видит на снегу следы семи собак и одного верхового. Недоумевая, кто бы мог сюда приехать, так как места эти были опасные и редко кем посещаемые, кабардинец «взял следы» и поехал по ним, но не по тому направлению, куда они пошли, а обратно, откуда они шли. Все не покидая следов, он въехал в камыши, где в самой гуще встретил небольшую ногайскую кибитку. Когда он подъехал к ней, оттуда вышла к нему девушка и, приветствуя, пригласила его в кибитку. На вопрос его: «Есть ли тут стражник?» [1] — девушка отвечала, что «он поехал на ловлю того, кого не могли бы догнать семь скакунов».

Тогда кабардинец, желая узнать, кто бы мог быть этот поселившийся в пустыне с одной девушкой человек, слез с коня и зашел в кибитку с намерением дождаться охотника, который поехал с борзыми на ловлю зайцев и лисиц. Пока девушка приготовляла гостю закуску, возилась над огнем, вернулся и хозяин кибитки с несколькими затравленными зайцами и лисицами. Оказалось, что это был бедный старик ногаец, который при перекочевке его племени, не имея средств последовать за ним, остался здесь со своей единственной дочерью и кормил себя и

дочь тем, что затравливал на охоте семью борзыми собаками — своим единственным достоянием. «Как только немного соберусь с силами, думаю последовать за своим племенем»,— заключил старик свой печальный рассказ. Дочь старика понравилась кабардинцу, и он вознамерился теперь же предложить старику выдать ее за него, а самому, чем ехать вдаль к своему племени, переселиться к нему, где он проживет старость без нужды. Отказываясь от предложения кабардинца на счет переселения, старик ответил, что он препятствовать не будет, если дочь согласна за него идти. Дочь же сказала, что пойдет за него, если только он не откажет снабдить старика, ее отца, средствами для возвращения на родину.

— Одному старику потребуется немного, ему будет достаточно, если дать ему денег, сколько вместится в этот кошелечек,— сказала девушка, достав из-за пазухи небольшой кошелек и передавая его кабардинцу.

Видя, как мал кошелек, кабардинец сказал, что наполнить его дело пустое и что он съездит только домой и тотчас привезет кошелек, наполненный серебром. Вернувшись домой, он насыпал в кошелек все серебро, какое имел дома, но в кошельке не заметно было никакой перемены: он был, казалось, таким же пустым, каким был привезен. Занял кабардинец у соседа серебро, сколько у того оказалось, насыпал и то в кошелек; но он все такой же пустой, как и вначале. Занял у третьего, четвертого, наконец, объездил всех знакомых, родных — словом, побывал везде, где только рассчитывал найти какое-либо серебро, клал все найденное в кошелек, но тот нисколько не заполнялся.

Наконец, приехал он, совершенно уже отчаявшись наполнить когда-либо кошелек, к одному кабардинцу, который был женат на сестре ногайки, давшей ему этот кошелек. Услышав странное свойство кошелька и потом увидев его, женщина эта сказала:

— Я узнаю его, это кошелек моей сестры, негодной ведьмы. Не зная его секрета, ты не наполнишь его серебром всего мира. Но я его сейчас наполню.

Взяла она немного земли, насыпала в кошелек, и, когда потом положила туда же одну небольшую монету, кошелек оказался полон. Удивленный кабардинец просил тогда объяснить ему, что это значит. Женщина разъяснила следующее: «Кошелек этот выделан из утробы человеческой; известно, что человеческая утроба не насыщается, не заполняется до тех пор, пока

не попадет в нее земля. И кошелек этот обладает тем же свойством. Ты положил в него столько серебра, что, казалось, можно было им наполнить сотни таких кошельков, а между тем кошелек был пуст, как и вначале. Я же, как ты видел, зная его свойство, насыпала в него немного земли, и он наполнился и одной монетой. Теперь, когда ты знаешь его свойство, ты можешь наполнить его, положив ровно столько, сколько пожелаешь».

«Хорошо же,— подумал кабардинец,— покажу я этой негодной ведьме, как обманывать меня». И, приехав домой, он высыпал из кошелька все деньги, какие уже там находились; взятые у других возвратил заимодавцам обратно. Потом из своих денег положил в кошелек столько, сколько он нашел достаточным калымом за ногайку, и поехал к старику ногайцу. Девушка со стариком, приняв кабардинца очень радушно, угостив, спросила, привез ли он назад кошелек. Кабардинец вынул его и положил перед девушкой. Та, взяв кошелек в руки и чувствуя, что он очень легок, быстро высыпала из него деньги и, сосчитав их, сказала:

— Странно, кошелек мой не имел обыкновения столь малым наполняться.— Но, тотчас догадавшись, что, наверное, ее ведьма-сестра объяснила кабардинцу свойство кошелька, не прибавила ничего более.

— Ты исполнил свое обязательство,— сказала потом дочь ногайца,— и я не изменю своему слову, выйду замуж за тебя, хотя рассчитывала на гораздо больший калым. Но в отплату за сыгранную со мной шутку,— продолжала она, обратившись к отцу,— обещаю тебе, отец, я сделаю с ним то, что он будет показываться людям только раз — сперва в течение семи дней, затем семи недель, потом семи месяцев и, наконец, семи лет.

Кабардинец, не пугаясь обещанной ему незавидной бабьей жизни, все-таки взял девушку и женился на ней. Но, говорят, жена так забрала его в руки, что он, действительно, не выходил из своей сакли и не показывался людям, как предсказала она.

44. Муж и жена

Однажды муж и жена поспорили о том, кто коварнее (или находчивее), мужчина или женщина. Муж говорил, что мужчина коварнее; жена — что женщина. Не убедив друг друга на

этот раз, они разошлись. Раз приходит муж домой и приносит жене живую рыбу, говоря, что он отрыл ее в земле, когда копал яму. Жена, очень удивившись находке мужа, сказала, что рыба будет сварена к тому времени, как он вернется обедать. Муж опять ушел на работу, жена же сварила скорее рыбу, съела большую ее часть сама, а остаток заперла в сундук. Муж, воротившись, спросил у жены о рыбе. Та с удивлением заметила, о какой это рыбе он спрашивает. «Если бы ты принес рыбу, куда же бы я ее дела, не подав ее тебе?» — сказала она.

Когда же муж напомнил ей о рыбе, выкопанной им из земли и принесенной утром, жена всплеснула руками, вскричав: «Бог мой, да он с ума сошел!» Муж начал сердиться, говорить, чтобы она перестала шутить и дала бы ему скорее рыбы. Дело дошло почти до драки. Жена выбежала тогда из сакли и, прибежав впопыхах к мечети, сказала находившимся там людям, что муж ее сошел с ума, кидается на всех и едва ее не убил, и просила помочь ей связать и уложить его.

Пришедшие люди, узнав, в чем дело, и видя, как муж кидается и ругает свою жену, упрекая ее в утайке какой-то выкопанной из земли живой рыбы, признали его действительно одержимым бесами и связали его. Потом призвали к нему знахаря лечить его. Дня два-три муж бился, ругался и уверял, что он действительно выкопал из земли рыбу, но, видя, что это не помогает, стал тише.

Но жена только этого и ждала. Как только остались они вдвоем, жена, показав мужу из сундука остаток рыбы, спросила: «А что, признаешь ли теперь, что женщина коварнее?» Муж заорал что было силы: «Рыба, рыба!»

Прибежали люди и, думая, что он заболел сильнее прежнего, связали его еще крепче, не слушая его уверений в том, что рыба, которая им найдена, хранится в сундуке и что жена сейчас показывала ему ее. Всякий раз потом, как муж с женой оставались одни, она поддразнивала его, показывая из сундука остаток рыбы со словами: «А что, кто хитрее, мужчина или женщина?»

Приходившие же на шум люди вязали мужа еще крепче, не слушая его уверений и полагая, что с ним приключился более сильный припадок. Продолжая таким образом, жена довела мужа до того, что хоть относи на кладбище. Наконец, ей стало жалко совершенно обессиленного мужа, и она прекратила его мучения, но с условием — признавать отныне, что женщина коварнее и находчивее мужчины.

45. Кто сильнее!

У одного бедного крестьянина ничего не было, кроме двух быков. Однажды, когда их вели по скату горы, повыше база, во время гололедицы, они поскользнулись и убились до смерти.

— Эй, лед, как ты силен! — сказал крестьянин.

— Если б я был силен,— ответил лед,— то не таял бы от солнца!

— Эй, солнце, как ты сильно! — сказал крестьянин, обратившись к солнцу.

— Если б я было сильно, то туча не закрывала бы меня!

— Эй, туча, как ты сильна!

— Если бы я была сильна, то дождь не шел бы!

— Эй, дождь, как ты силен!

— Если б я был силен, то трава не росла бы!

— Эй, трава, как ты сильна!

— Если бы я была сильна, то овца не паслась бы!

— Эй, овца, как ты сильна!

— Если б я была сильна, то старый дворянин не ел бы моей полуголовы!

— Эй, старый дворянин, как ты силен!

— Если бы я был силен, то мышь не грызла бы моего добра!

— Эй, мышь, как ты сильна!

— Если бы я была сильна, то кошка не ела бы меня!

— Эй, кошка, как ты сильна!

— Конечно, я сильна: у семи соседей я поедаю сметану из семи ведер и потом нежусь, сидя у самой княгини на коленях!

46. Мудрая девушка

Жил некогда один жестокий пши. Он не был женат, и поэтому аульчане наказали ему, чтобы он женился. Тогда пши достал пять рублей и отдал их своему орку, сказав при этом:

— Купи на эти деньги барана. От этого барана принеси мне кусок вяленого мяса, верни мои пять рублей, а барана доставь ко мне живым.

Орк не знал, как выполнить такое задание, и пал духом. Не зная, что делать, опечаленный орк решил отправиться куда глаза глядят.

Шел он долго и достиг какой-то страны. Дошел он до одного аула и завернул в него. Увидела его одна девушка. Как положено по обычаю, пригласила она путника в гости.

Через сутки девушка спросила гостя:

— Куда ты путь держишь, что тебя беспокоит?

— Нашему аульскому пши люди наказали, чтоб он женился. Тогда он достал пять рублей, дал их мне и велел купить на них барана, принести кусок вяленого мяса из этого барана, привести барана живым и вернуть ему пять рублей. Как я смогу это сделать?! Видно, пришло время моей погибели, но я решил унести свою голову, иду не знаю куда,— сказал орк.

— Это не беда, успокой свою душу,— произнесла девушка и оставила орка погостить у нее еще два-три дня.

Когда прошло три дня, девушка велела орку:

— Сходи к чабанам и купи хорошего барана.

Орк купил барана за пять рублей и велел его выхолостить. Девушка посолила и высушила это мясо. Потом она остригла барана, из его шерсти связала чулки и продала их за пять рублей.

— Теперь отведи барана к своему пши, отдай ему кусок вяленого мяса от этого же барана и его пять рублей, которые он тебе дал, и ты будешь спасен,— сказала девушка гостю на прощание.

Орк возвратился к пши и отдал ему и деньги, и барана, и вяленое мясо.

Пши, посылая орка, знал, как можно выполнить задание. Он просто хотел, чтобы орк разыскал для него мудрую девушку, на которой он мог бы жениться.

Когда орк рассказал хабар о девушке, которая помогла ему, пши сказал:

— Эта девушка годится мне в жены.

Он сел на коня, поехал к девушке и женился на ней. Только написали начах *, и тут же прискакал верховой и сказал, что пши должен ехать в поход на пятнадцать лет.

Перед отъездом пши сказал молодой жене:

— Меня не будет пятнадцать лет. Оставляю тебе свою кобылу — сам сажусь на жеребца. Рядом со мной пойдет мой борзой кобель, оставляю здесь борзую суку. Когда я вернусь, меня должен встретить мой сын верхом на лошади, рожденной оставленной мной здесь кобылой от жеребца, на котором я еду, и с собакой, рожденной сукой, оставленной мной здесь, от кобеля, что будет со мной в пути.

Сделав такие распоряжения, пши уехал. Люди поняли, что женщине никак не выполнить невозможного, и все стали жалеть ее.

— Ты должен хранить мою тайну, никто не должен знать о моем отсутствии. Пусть все думают, что я нахожусь в этой лагуне,— сказала девушка орку.

Она переоделась в мужскую одежду, села на кобылу, взяла с собой борзую собаку и поехала туда, куда уехал ее муж.

Тем временем пши играл в альчики, пил, ел, сидел с друзьями. Девушка узнала об этом и стала заводить знакомство с этими людьми, подружилась с ними. Однажды она сыграла с мужем в альчики.

— Если обыграешь меня,— сказала она,— дам тебе вот столько золота; если я обыграю тебя — дашь мне твоего жеребца на пятнадцать дней, хочу поездить на нем.

Пши согласился. Жена обыграла его и получила жеребца. Пятнадцать дней она держала его вместе с кобылой в одной конюшне. Когда прошло пятнадцать дней, она отдала коня мужу.

Через несколько дней она еще раз сыграла с ним и выиграла на пятнадцать дней кобеля, подержала его вместе с борзой и вернула мужу.

В третий раз девушка сыграла с мужем в альчики и выиграла у него золотое кольцо. Когда сыграли в последний раз в альчики, она сказала:

— У меня есть красивая сестра; если обыграешь меня, то одну неделю она проведет с тобой.

Девушка дала пши обыграть себя, а потом переоделась в женскую одежду и пошла к пши. Всю неделю она спала со своим мужем.

После этого она вернулась домой. Никто не узнал, была ли она в своей лагуне или отсутствовала.

Пришло время — кобыла ожеребилась, собака ощенилась, а женщина родила сына.

Прошло пятнадцать лет. Однажды по аулу разнесся хабар, что возвращается пши. Юноша вывел коня, оседлал его и сел на него. Захватив с собой собаку, он выехал встречать отца.

Тут нашлись злые люди, которые донесли пши:

— Девушка, оставленная тобой, родила сына неизвестно от кого, и теперь он едет встречать тебя.

Пши рассердился и поклялся:

— Изрублю женщину!

Умная жена пши приготовилась к встрече с мужем. Она свернула циновку, надела на нее свою одежду и поставила у двери, а сама встала за дверью.

Пши, войдя в дом, разрубил саблей наряженное в одежду жены чучело. Тогда жена вышла из-за двери и сказала:

— Теперь, когда ты выполнил свою клятву, дай мне сказать хабар.

Она велела привести своих братьев и в их присутствии сказала:

— Перед отъездом ты сказал мне: «Меня не будет пятнадцать лет. Оставляю тебе свою кобылу — сам сажусь на жеребца. Рядом со мной пойдет мой борзой кобель — оставляю здесь борзую суку. Когда я вернусь, меня должен встретить мой сын верхом на коне, рожденном оставленной мной здесь кобылой от жеребца, на котором я еду, и с собакой, которую принесет сука, оставленная мной здесь, от кобеля, что будет со мной в пути».

Чтобы выполнить то, что ты велел, я оставила дом, наказав орку никому не говорить о моем отсутствии, и отправилась к тебе.— И дальше она рассказала все, что случилось с ней в пути.

— Если бы я так не сделала,— закончила свой рассказ женщина,— я не смогла бы выполнить то, что ты велел. Твое кольцо подтверждает, что я говорю правду. Перед своими братьями я смыла с себя позор. Мы теперь не можем быть мужем и женой,— сказала женщина и стала собираться, чтобы ехать к своим братьям.

Пши стал просить братьев жены не забирать ее, и она осталась в его доме.

А тех людей, что наговаривали на его жену, пши приказал привязать к необученным коням и пустить их в степь.

47. Как женщина проучила трех мужчин

В одном ауле в давние времена жила красавица женщина. У нее был муж, но она нравилась и другим аульчанам. Но особенно настойчиво ее любви домогались трое мужчин — один из них был аульный эфенди.

Женщина рассказала мужу, что эти мужчины всегда находят случай, чтобы назначить ей свидание. Муж посоветовал ей:

— Завтра я сделаю вид, будто отправился в набег, а ты пригласи всех троих к себе в один вечер — только назначь каждому другое время.

Так и сделали. На следующий день муж снарядился, оседлал коня и выехал в путь. А женщина, как и было условлено, назначила свидание мужчинам.

Когда стемнело, муж задними дворами вернулся в аул и укрылся под навесом — стал ждать гостей.

В назначенный час пришел первый мужчина. Женщина велела ему побыстрее раздеваться. Только он снял одежду — раздался стук в дверь.

— Как мне быть? — испуганно спросил первый гость.

— Поскорее спрячься в кладовой и тихонько сиди там,— ответила женщина.

Первый гость спрятался в кладовой, а женщина открыла дверь и впустила второго аульчанина. И ему она велела быстро раздеться, но не успел он подойти к постели, как снова раздался стук в дверь. И этого гостя женщина отправила в кладовую, а сама пошла открывать.

Третьим пришел эфенди. И ему женщина велела быстренько раздеться.

Едва тот успел снять одежду, как раздался стук в окно — это стучал муж, который все это время следил через стекло за происходящим. Испуганный эфенди забегал по комнате, не зная, куда спрятаться.

— Это стучит мой муж, ложись поскорее в люльку,— сказала женщина.

Что было делать эфенди? Забрался он в люльку, женщина накинула на него покрывало и пошла открывать.

Вошел в дом муж, спрашивает:

— В комнате никого нет, а мне послышался твой голос. С кем это ты разговаривала?

— Как это никого нет? Я разговаривала с сыном.

— А что в мое отсутствие у нас родился сын?

— Как видишь, родился.

— Какое счастье — у нас теперь сын! Дай-ка мне взглянуть на него.

Женщина подошла к люльке и откинула покрывало.

— Воллаги, это интересно — только родился, а уже у него не только выросла борода, но и зубы появились. Горе нам, если этот ребенок вырастет и превратится в нагучицу. Пока не поздно, надо выбить ему зубы. Пойду-ка принесу инструменты.

И муж сделал вид, будто ищет молоток и долото.

Тут эфенди не выдержал, вскочил голый и вместе с люлькой выскочил на улицу.

Те двое, что были в кладовой, выбили окно и тоже убежали, даже не захватив своей одежды.

Хабар об этом случае разнесся по всему аулу, и больше никто из аульчан не решался домогаться любви красавицы.

48. Умная жена

Один мужчина поехал в гости на жеребой кобыле. У хозяев не было коновязи — в то время только уоркам разрешалось ставить во дворе кунацкую и коновязь.

Гость привязал свою лошадь к арбе хозяина, а сам лег спать. Ночью кобыла ожеребилась. Утром хозяин вышел во двор и увидел жеребенка. Обрадовался он и стал хвалиться, что его арба ожеребилась. Гость же, увидев жеребенка, сказал, что его кобыла была жеребая и жеребенок его. Заспорили гость с хозяином и решили пойти к пши, чтобы выяснить, кто же прав.

Пши дома не было — вышла к спорщикам его жена-гуаша.

— Что вы хотели от пши, зачем пришли? — спросила гуаша.

Рассказали мужчины, как было дело. Выслушала их гуаша и говорит:

— Придется вам подождать пши. Он поехал выгонять морских рыб со своего просяного поля и скоро должен вернуться.

— Что ты говоришь, гуаша! — в один голос закричали спорщики.— Разве могут рыбы выйти из моря и потравить просо?!

— Это такая же правда, как и то, что ожеребилась арба, так что отдай жеребенка гостю,— сказала гуаша.

Что было делать хозяину — пришлось ему отдать жеребенка.

Когда пши вернулся из наезда, ему рассказали о том, как рассудила гуаша спорщиков, и сказали, что этим она оскорбила мужа, так как вмешалась в мужские дела. Разгневанный пши решил прогнать жену.

— Ты оскорбила меня,— сказал он жене,— и не можешь больше оставаться в моем доме. Уходи к своим родителям: можешь взять с собой все, на чем остановится твой взгляд.

— Хорошо,— сказала жена.— Я уйду, но разреши мне на прощание устроить семидневный хегашо *.

— Давай устроим,— сказал пши.

Собрали они весь аул. Семь дней и ночей пили-ели, танцевали и веселились. Все семь ночей пши не сомкнул глаз.

Когда закончили джегу и гости разъехались, пши лег спать, мгновенно и крепко уснул.

А гуаша велела унаутам запрячь быков в арбу, положить в нее спящего пши, села в нее сама и отправилась к родителям.

Долго спал пши, а когда проснулся, никак не мог понять, где он находится.

— Где я? — наконец спросил он.

— Ты приехал вместе с женой к ее родителям,— отвечали ему.

Пши велел позвать жену:

— Ты поступила со мной еще хуже, чем в первый раз,— сказал он.— Зачем ты привезла меня сюда?

— Ты ведь сам разрешил мне взять с собой то, на чем остановится мой взгляд,— отвечала гуаша.— Мне нужен только ты — ничего другого я не взяла из твоего дома.

Задумался пши:

— Зря послушал я своих уорков, из-за них я едва не лишился такой разумной жены.

Он велел запрячь арбу и вместе с женой отправился к себе домой.

49. Как бедняк выиграл имущество богача

Один бедный парень остался без отца и без матери. Имущество, что досталось ему в наследство, он раздал аульчанам. Осталось у него шесть овец — погнал он их на пастбище. Встретился ему какой-то мужчина:

— Отдай мне твоих овец,— попросил он.

Парень отдал ему овец и хотел повернуть обратно.

— Постой,— сказал ему мужчина.— За твою доброту я дам тебе хороший совет. У тебя теперь ничего не осталось — тебе надо найти хорошую жену, и ты заживешь припеваючи. Пойди и посватай ее. В соседнем ауле есть подходящая девушка.

— А разве пойдет она за такого бедняка, как я? — спросил парень.

— Это не твоя забота,— отвечал мужчина.— Иди и сватай ее.

Пошел парень в соседний аул, посватал ту девушку и женился на ней. Привел он ее в свой дом, а в доме ничего нет, одни голые стены. Жена сняла золотую шапочку и говорит:

— Пойди продай эту шапочку и купи нам корову.

— Люди станут стыдить меня — не успел жениться, а уже продает шапочку жены, скажут они,— возразил парень.

Но жена настояла на своем. Понес муж ее золотую шапочку на базар, продал и купил корову.

Погнал он корову домой. Гонит корову и встречает на дороге одного парня.

— Давай меняться, ты мне — корову, я тебе — новую бурку,— предложил парень.

— Давай.

Отдал муж корову, взял бурку и идет дальше.

Шел он шел, встретил еще одного мужчину — он предложил поменять бурку на феску. Согласился муж, отдал бурку, взял феску и пошел дальше.

Шел он шел, дошел до реки. Решил умыться. Разделся, положил феску на берегу, а сам вошел в реку. Тут поднялся ветер, подхватил феску и унес ее. Сколько ни бегал муж по берегу, не поймал феску.

Грустный, пошел он домой. Проходил мимо дома богача, тот сидел в тени дерева, отдыхал. Увидел он парня, окликнул:

— Что понурил голову? Заходи, будешь гостем!

Зашел парень в дом и рассказал обо всем, что с ним приключилось: как раздал он людям все, что досталось ему от родителей, как женился на хорошей девушке, как жена предложила продать ее золотую шапочку, как поменял он шапочку на корову, корову на бурку, а бурку на феску и как ветер унес феску.

— Что же теперь скажет тебе жена, неужели она не побьет тебя? — спросил богач.

— Не побьет,— уверенно ответил парень.

Тогда богач призвал двух свидетелей и в их присутствии сказал:

— Если будет так, как он говорит — жена не побьет его, я возьму свою жену и уйду из дому, а ему оставлю все свое имущество. Если жена побьет его, то он вместе со своей женой всю жизнь будет батрачить на меня.

Парень согласился на такие условия, и все четверо направились к его дому.

Жена радостно встретила мужа. Стал он ей рассказывать о своих делах:

— Я продал твою шапочку и купил корову.

— Вот и хорошо,— обрадовалась женщина.

— Но корову я поменял на бурку.

— Очень хорошо,— сказала женщина.— Мне нравится, когда мужчина носит бурку.

— Но бурку я поменял на феску, а ее унес ветер,— сказал муж.

Тут женщина вскочила, подбежала к мужу, обняла его и сказала:

— Как хорошо, что после всего, что приключилось с тобой, ты вернулся живой и здоровый!

Услышав такие слова, богач заплакал — ведь он должен был теперь забрать свою жену и уйти, оставив все свое богатство бедняку.

50. Злая жена и чудовище

У одного уорка был пшитль и у этого пшитля жена злая-презлющая. Он скажет слово, а она два, да еще замахнется на него кочергой. Одним словом, ему не было от нее житья; он всячески старался от нее избавиться, но это ему никак не удавалось.

Однажды он поехал в лес за дровами и на обратном пути заметил в стороне от дороги глубокую яму. «Вот хорошо бы туда спровадить свою злодейку!» — подумал пшитль. Вблизи ямы ему бросилась в глаза нависшая над ней яблоня со спелыми сладкими яблоками. «Вот и приманка! — невольно сорвалось с языка у пшитля.— Она ведь любит лакомиться яблоками». Первым делом он закрыл отверстие ямы хворостом и покрыл сеном; затем стал трусить яблоню, отчего посыпалась сотня-другая яблок; яблоки он собрал и положил на покрытие, а когда все уже было готово, он сунул несколько яблок в карман и поехал домой.

— Что ты пропадал так долго в лесу, такой-сякой! — стала пилить его сварливая жена, лишь только его издали заметила сидящим на арбе с дровами.— Развалился, как уорк какой-нибудь!

Этого мало: она еще подняла кочергу, чтобы попробовать, крепко ли сидит на арбе ее муж, когда он поднес к ее рту несколько яблок:

— Смотри, какие румяненькие! Ты ведь их так любишь! — сказал догадливый муж и остановил этим поднятую уже руку жены.

— Откуда ты их взял, милый муженек?

— Нашел в лесу! Я их нарвал много, но пришлось бросить: мне некуда их было спрятать. Хочешь, я тебе укажу, где эти яблоки?

— Веди, пожалуйста, хоть завтра на рассвете!

Сказано — сделано. На рассвете уселись на арбе муж с женой и отправились в лес за яблоками. Дорогой жена была в прекрасном настроении духа. Развеселился и муж и стал хвастаться перед женой, какой он предусмотрительный:

— Знаешь что, голубушка! Яблоки я не бросил кое-как; они ведь могли отсыреть на земле и попортиться. Я набрал хворосту и сена и на этой подстилке бережно разложил яблоки одно к другому. Я все о тебе помнил, и ты будешь довольна!

Когда они подъехали к этому месту, то жена, увидев кучу прекрасных яблок, бросилась туда со словами:

— Какие славные яблоки! Да как их много! Их хватит на целый месяц!

Лишь только она с мешком ступила на настил и жадно протянула руку за яблоками, все это полетело вниз, а вместе с настилом и яблоками и злая жена!

Стоя на краю обрыва, пшитль очень хорошо слышал, как его жена грохнулась на дно ямы и как оттуда раздались ее проклятия. Но он себе и в ус не дует; выручать ее оттуда и не думает. Спустя немного он повернул быков домой и без жены зажил припеваючи.

На дне ямы, куда свалилась злая жена, жило чудовище. Лишь только она его увидела, то сейчас же набросилась на него с руганью:

— Чертово отребье! С какой стати ты здесь растянулось: мне негде ступить. Да посторонись ты ужо! — и начала его пилить и пилить, забыв о том, что это не ее муж, а чудовище. По временам возражало и чудовище. Таким образом, ругань не прекращалась по целым дням; чудовище делалось все тише и тише, свернувшись вдвое, а голос злой жены все возвышался и становился до того громким, что крестьяне, приезжавшие за дровами, слышали его, но, конечно, не зная, откуда идет этот неистовый крик и объясняя все это сверхъестественными причинами, отходили подальше.

Крик на дне ямы все не прекращался. Однажды приехал в лес за дровами старик крестьянин. Он услышал крик и решился подойти ближе к яме. Заглянув туда, он крикнул:

— Чего вы там орете, черти?

— Помоги, добрый человек! — взмолилось чудовище.— Совсем заела злая жена!

— Отчего не помочь? Помогу; дай только клятву, что меня не обидишь!

— Не только что не обижу, но даже и в беде пригожусь,— умоляющим голосом сказало чудовище.

Крестьянин срубил длинную-предлинную ветку и опустил ее на дно ямы. Чудовище вцепилось в нее когтями, и старик вытащил его из пропасти. Злая жена так-таки и осталась на дне ямы; она хотела было и сама схватиться за ветку, но чудовище мотнуло хвостом, и она отскочила в сторону. Да и старик торопился уж слишком: он тоже боялся злой жены.

Очутившись на поверхности земли, чудовище взвилось на воздух, а затем опустилось на верховья реки, протекавшей через ближайший аул. Страшное чудовище загородило своим телом речку так, что ни одна капля воды не могла протечь. Каково же несчастным жителям аула! Они, бедные, мучаются от жажды, скот ревет, в ауле стоит стон и плач! Один только старик, вытащивший чудовище из ямы, не изнывал от жажды: сколько раз он ни пойдет к тому месту, где чудовище запрудило воду, приносит полные ведра воды. Видят соседи, что чудовище старику ничего не делает, между тем как всех других, которые подходят близко к нему за водой, поедает, и говорят об этом всему аульному обществу; общество просит старика пособить горю и предлагает ему в виде платы за труд кошелек золотых. Старик согласился, взял деньги и отправился к чудовищу.

— Сделай милость, чудовище! — стал просить старик.— Пропусти воду; я ведь не даром прошу: я получил кошель золота. Что же больше с тебя и возьмешь?

— То-то получил; теперь мы квиты. Смотри больше не приходи!

— Да, если не будешь больше проказничать!

Вода устремилась бурным потоком: чуть не затопила аул. Все жители рады-радехоньки, что есть чем утолить жажду и напоить скот.

Отпустив воду, чудовище взвилось на воздух и опустилось на верховья речки в другом ауле. И там стоит стон и плач, так как воды нет ни для людей, ни для скота. Прослышав, что в соседнем ауле есть такой старик, который знается с чудовищем, запрудившим воду, жители целым обществом обращаются к нему с просьбой, за что и предлагают ему два кошелька

золотых. Старик не прочь помочь. Взяв деньги, он отправился к чудовищу:

— Помилосердствуй! Чего ты мучаешь народ? Отпусти им малость воды!

— Я ведь тебе говорил, чтобы ты больше ко мне не приставал. Мы уже расквитались!

— То ли было бы, если б ты сидел на дне ямы?

— Ну, не припоминай, пожалуйста! Пропущу уже воду. Но смотри! Придешь еще раз, не пеняй на меня: съем тебя, как и других.

— Да, если не будешь больше мучить народ, то меня и не увидишь!

Вода пошла, а в ауле поднялся радостный крик: и люди и скот утолили жажду.

Чудовище понеслось в третий аул, запрудило и там воду. Являются и оттуда к старику люди с просьбой помочь горю и предлагают уже не два, а три кошелька золота. Старик согласился, но зная, что чудовище по доброй воле не отпустит воды, решился окончательно с ним разделаться: бежит к чудовищу, скинув с себя лишнее платье, с взъерошенными волосами и признаками страшного испуга на лице и кричит издали:

— Спасайся, чудовище! Злая жена выбралась каким-то чудом из своей ямы, разогнала криком весь народ; я-то убежал в чем был, чтобы тебя предупредить: она тебя ищет!

— Ну, если эта проклятая баба выбралась из своей ямы, то нам двоим нельзя жить вместе на свете!

С этими словами чудовище бросилось с ближайшей кручи и убилось до смерти. Вода, разумеется, потекла по-прежнему, и вся местность благодаря находчивости старика избавилась навсегда от угрожающей ей опасности. Старик же на полученные им деньги построил себе прекрасную саклю, завел быков, лошадей и целую баранту и зажил на славу.

51. Человек, который купил ум

Жили на свете муж и жена. Был у них единственный сын.

В какой-то год случился неурожай, и весь аул жил в великой нужде. И эта семья сильно нуждалась. Хозяин дома решил отправиться в путь на заработки. Много исходил он дорог, да не мог найти работу.

Однажды увидел он мужчину с большими усами. Он был богато одет и важно сидел на скамье возле дома.

— Будь гостем,— пригласил он путника.— Я вижу, ты устал с дороги, тебе нужен отдых.

— Я исходил много дорог — хочу наняться в работники, чтобы заработать немного денег. У меня есть жена и сын. В нашем краю случился неурожай, и весь наш аул голодает. Вот я и отправился на заработки, могу делать всякую работу.

— Я помогу тебе,— сказал усатый.— Если будешь выполнять, что я скажу, хорошо заплачу тебе.

Так человек нашел себе работу. Ни от какого дела он не отказывался — был и табунщиком и чабаном. Так прошло три года. Стали одолевать его думы о семье. Заметил это хозяин.

— Отчего ты грустишь? — спросил бысым *.

— Одолели меня думы о жене, о сыне. Уже три года прошло, как я выехал из аула. Я хорошо работаю, ты хорошо кормишь меня. Но пища не идет мне впрок — все думаю о доме.

— Тогда,— сказал усатый,— утром я заплачу тебе за работу, и ты возвращайся домой.

Утром хозяин дал работнику три рубля золотом, велел приготовить ему провизии на дорогу и отпустил его. Отправился работник в обратный путь, а сам все думает, что мало ему заплатили за работу.

Путь был далекий, и скоро все съестные припасы кончились. Решил работник принести деньги домой целыми, и, хотя очень хотелось ему есть, он ничего не покупал.

Проходя через какой-то аул, зашел он на базар. Уже и сил нет терпеть голод, а деньги тратить не хочется. Видит он — расхаживает по базару высокий человек и громко кричит:

— Продаю, продаю, продаю!

Пригляделся работник — ничего нет в руках у продавца. Что может он продавать?

Подошел он к нему поближе.

— Что продаешь, я не вижу у тебя никакого товара!

— Я продаю ум.

— Разве ум продается или покупается? — удивился работник и отошел в сторону. Ходит он снова по базару, видит всякие вкусные вещи, и голод еще пуще донимает его.

А продавец ума все кричит на весь базар:

— Продаю, продаю, продаю!

— Подойду-ка я к нему еще раз! — решил работник.

— Сколько хочешь за ум? — спросил он продавца.

— Один золотой.

Достал работник один золотой, отдал продавцу.

— Давай мне ум,— говорит.

— Когда будешь в дороге,— сказал продавец,— и встретишь реку, не входи в нее, пока не узнаешь брода!

— Это и все на золотой рубль?

— Все, что я тебе сказал, стоит рубль.

«Пропал мой заработок за целый год»,— подумал работник и отошел в сторону. Но куда бы он ни пошел, всюду слышал голос продавца ума:

— Продаю, продаю, продаю!

Снова подошел он к высокому мужчине и отдал ему второй золотой.

— Что еще продашь мне?

— Когда встретишь человека, занятого делом, не вмешивайся, пока он сам тебя не спросит.

— И это все за один золотой?

— Все.

«Пропал мой заработок за второй год работы»,— подумал работник и снова отошел в сторону.

Остался у него в кармане последний рубль. Горько тужил он, что так опрометчиво истратил два золотых, но снова до него донесся голос:

— Продаю, продаю, продаю ум!

В третий раз подошел он к высокому мужчине и протянул последний золотой.

— Продай мне еще ума,— попросил он.

— Когда сильно разгневаешься, так, что захочешь ударить человека, быстро-быстро начинай считать от одного до ста. Пока досчитаешь до ста, успокоишься, тогда и принимай решение, как быть дальше.

Без гроша в кармане вышел работник с базара и направился домой. Шел он шел и пришел к реке. Была она так широка, что другого берега не было видно. Огляделся он — моста через реку поблизости нет. Задумался работник, как же перебраться ему через реку. Пока он думал, подъехал к реке какой-то джигит. Он был богато одет, сидел на прекрасном коне.

— Что же ты стоишь? — обратился всадник к работнику.

— Не знаю, где брод, вот и стою — думаю, как лучше перебраться через реку.

— Если ты настоящий мужчина, тебе всюду брод

С этими словами он вытащил плеть, хлестнул ею коня и

вошел в реку. В одно мгновение всадник с конем скрылись под водой. Потом они показались из воды, но тут же снова их захлестнуло волной. Дно реки оказалось илистым, и ноги коня увязали в нем. Всадник вместе с конем утонул. А работник стоял на берегу и все видел.

В это время к реке подъехала группа всадников. Увидев путника на берегу реки, тхамате — предводитель всадников — послал к нему молодого джигита.

— Почему ты стоишь тут? — спросил джигит.

— Я не знаю брода через эту реку, а джигит, который попробовал переплыть ее, утонул вместе с конем,— отвечал работник.

Молодой джигит вернулся к своим и передал им разговор с работником. Прошло немного времени, и он снова подъехал к работнику:

— Наш тхамате прислал меня за тобой — он хочет помочь тебе.

Подошел работник к тхамате.

— В том месте, где ты стоишь, нет брода,— сказал тхамате.— Брод через реку есть неподалеку вот от того аула.— И он показал вниз по течению.

Работник послушал совета и перешел реку там, где показал ему тхамате.

Пришел он в какой-то аул. Увидев двор с хорошими, добротными постройками, работник остановился. У ворот сидел мужчина.

— Добро пожаловать, будь нашим гостем,— обратился мужчина к работнику.

— Я как раз ищу дом, где я мог бы остановиться.

— Тогда пошли,— сказал хозяин. Он завел гостя во двор и привел в кунацкую, усадил его и сам сел. Долго они так сидели — гость молчал, так положено по обычаю, а хозяин молчал, словно и он был гостем.

Когда настал вечер, в кунацкую принесли семь накрытых анэ — одно угощение было лучше другого.

Работник сел к одному анэ и немного поел — к другим анэ он даже не притронулся.

Через некоторое время хозяин вернулся в кунацкую.

— Ты — наш гость, почему не притронулся к еде? — спросил он.

— Я ведь один, разве могу съесть то, что подано на семи анэ? — отвечал работник.

Хозяин подошел к двери, открыл ее, взял за ножку крайний анэ и выбросил его во двор. Следом за ним он выбросил все остальные анэ, ни слова не сказав при этом гостю.

Сыновья хозяина убрали все анэ.

После этого хозяин долго сидел в кунацкой, занимал гостя беседой, пока не пришло время ложиться спать.

Когда надо было лечь спать, в кунацкой приготовили семь постелей — одна лучше другой.

— Доброй ночи, наш гость,— сказал хозяин и ушел в дом.

Работник лег в одну из постелей и крепко уснул. Утром, когда все встали, в кунацкую пришел хозяин.

— Доброе утро, наш гость,— сказал он.— Почему же пустовали эти постели, а ты спал только на одной?

— Почтенный хозяин, я ведь один, как же я мог лечь сразу в семь постелей? — отвечал работник.

— Это тоже верно,— сказал хозяин, открыл дверь и выбросил во двор все постели.

Пришли сыновья хозяина и убрали все постели.

Странным показалось гостю поведение хозяина, но он ни слова не говорил, ни о чем не спрашивал.

Утром, когда пришло время пить чай, в кунацкую принесли шесть анэ с угощением и седьмой с чаем.

— Поешь хорошенько и попей чаю,— сказал хозяин и вышел.

Гость отведал угощения с одного анэ, попил чаю и стал ждать, что же будет дальше. Прошло немного времени, и хозяин вернулся в кунацкую.

— Наш гость опять ничего не съел! — сказал он, открыл дверь и выбросил во двор все анэ.

Что делать гостю? Ему уже пора отправляться в путь, а он не решается сказать об этом хозяину. Посидев немного, сам хозяин сказал:

— Наш гость, тебе, наверное, пора возвращаться домой?

— Пора,— отвечал гость.

Хозяин пожелал ему счастливой дороги и вывел из кунацкой. Гость прошел почти половину двора, не смея оглянуться. Вдруг он услышал голос хозяина:

— Вернись на минутку, наш гость!

Испуганный гость вернулся в кунацкую. Хозяин усадил его и сказал:

— Теперь послушай, что я скажу. У меня были мать и отец. Когда я женился, решил жить отдельно от родителей и построил

себе дом. Когда дом был готов, люди стали приходить смотреть его, и каждый давал совет: то окно не там, то дверь не на месте. Разозлился я, взял топор и разрушил дом. Вскоре построил я новый дом так, как советовали те, кому не понравился первый дом. Я уже собрался вселяться в дом, как снова стали приходить люди, и каждый говорил, что сделано не так. Разрушил я и этот дом и дал клятву убить любого, кто вмешается в мои дела, будь это житель нашего аула или гость из самых дальних мест. Тому же, кто не будет вмешиваться в мои дела, я поклялся отдать полный кисет золота.

После этого я построил этот дом, но никто из жителей нашего аула или соседнего аула не заходит ко мне во двор, никто не разговаривает со мной. Ты освободил меня от моей клятвы, и я вручаю тебе кисет с золотом.

Поблагодарил гость хозяина и отправился в обратный путь.

Поздно ночью вернулся он домой. Он увидел в окно, что жена сидит за просорушкой. Из дымаря какой-то мужчина вытаскивал круг копченого сыра.

Жена сидела спиной к дымарю, и муж решил, что это вор крадет сыр. Он было нацелился, чтобы выстрелить из ружья, но, прежде чем спустить курок, вспомнил о третьем совете продавца ума и стал считать до ста.

Досчитав до ста и успокоившись, он постучал в дверь своего дома. Жена перестала крутить просорушку и сказала:

— Мальчик, открой дверь, вернулся твой отец.

С этого дня зажил тот мужчина со своей семьей богато и счастливо.

52. Как обманули хаджи

В одном ауле сирота-бедняк пас аульных коров, Все, что ему платили за труд, он отдавал на хранение самому почтенному человеку в ауле — хаджи. Тот всегда охотно принимал деньги на хранение и всякий раз заверял пастуха, что деньги его будут целехоньки и он сможет забрать их в любое время, когда только потребует.

Парень радовался, что такой почтенный человек покровительствует ему.

Прошло много лет. Собрался пастух жениться и решил взять у хаджи свои деньги. Пришел он к нему.

— Благодарю тебя, хаджи,— сказал он,— за то, что ты

столько лет хранишь мои деньги. Теперь они понадобились мне, и я пришел за ними.

Хаджи выгнал парня на улицу с криком.

— Посмотрите на этого оборванца! Он говорит, будто хранил у меня свои деньги! Откуда могли они взяться у бездельника, который до сих пор не имеет собственного дома!

Опечаленный, пошел парень назад к своему стаду. Навстречу ему шла женщина.

— Что случилось, сын мой, что огорчило тебя? — обратилась она к пастуху.

Рассказал ей юноша о своей беде.

— Не горюй! Завтра утром приходи к хаджи, и ты получишь свои деньги!

На другой день снова пошел пастух к хаджи и стал требовать свои деньги. И снова хаджи стал кричать, будто ни о каких деньгах он знать не знает.

В это время в дом вошла женщина, которую пастух встретил накануне на улице.

Обрадовался хаджи, что теперь ему удастся легко избавиться от пастуха, и приветливо обратился к женщине:

— Скажи, соседка, какое дело привело тебя в наш дом, что тебя беспокоит?

— Ты знаешь, почтенный хаджи, что мой муж в отъезде. В доме я одна с детьми, муж долго не возвращается, а я боюсь хранить дома деньги. Вот я и подумала, а не отдать ли их тебе на хранение до приезда моего хозяина? Ради аллаха, наш святой отец, возьми деньги и сохрани их до возвращения моего мужа.

Такие слова очень понравились хаджи. Он знал, что у женщины гораздо больше денег, чем у бедного пастуха, и решил присвоить их.

— Аллах, аллах, разве я могу отказать женщине в такой просьбе, аллах покарает меня за это! Не беспокойся, соседка! Я возьму твои деньги и сохраню. Я возвращу их тебе в целости по первому твоему требованию! Вот и нашему пастуху я несколько лет хранил деньги, а теперь возвращаю, когда они ему понадобились.

С этими словами хаджи отдал пастуху деньги.

В это время в комнату вбежал один из сыновей женщины, заранее предупрежденный ею.

— Скорее иди домой, наша мать, отец вернулся!

Услышав такие слова, женщина пустилась в пляс, следом за ней пастух, а потом к ним присоединился хаджи.

Удивилась женщина:

— Я танцую от радости, что вернулся мой муж, пастух оттого, что получил свои деньги, а ты почему пляшешь?

— А я от радости, что легко отделался от таких хитрых людей,— ответил хаджи.

53. Сказка о Куйжие

Жил в одном ауле маленький бедняк Куйжий. Не было у него ни семьи, ни еды. Однажды вечером он долго ходил по аулу, но никто его не накормил. Голодный вернулся он домой. Дома он не нашел ничего съестного. Ему очень хотелось есть, и он вышел посмотреть, не горит ли у кого-нибудь свет. «Если у кого-нибудь горит свет, пойду попрошу накормить меня»,— решил он. Посмотрев по сторонам, Куйжий заметил, что в одном доме еще светится окно. Он пошел туда — оказалось, девушки устроили там посиделки. Он не осмелился войти в дом, а остановился под навесом и слушал, о чем говорили собравшиеся. А они говорили о том, кто за кого хочет выйти замуж. Каждая девушка сказала, какого бы ей хотелось мужа, и только две — те, что собирали посиделки,— промолчали. Обиделись тогда собравшиеся, стали настаивать, чтобы и они сказали, о ком мечтают, иначе все разойдутся по домам.

— Ну, если нельзя не сказать, скажем, садитесь,— произнесла старшая.— Я никогда не видела Фижымыко Нарыча, но слышала о нем много. Если бы он стал моим мужем, я была бы ему достойной женой.

— Я тоже не видела Нарычыко Щорэ, только слышала о нем. Если бы он стал моим мужем, я была бы ему достойной женой.

Едва произнесла она эти слова, Куйжий вошел в дом.
Девушка смутилась:

— Вот почему я не хотела называть имя того, за кого хочу выйти замуж.

— Я бедняк, у меня нет ни коня, ни оружия, ни одежды, а то я испытал бы мужество тех, о ком вы здесь говорили, дал бы вам возможность увидеть их,—сказал Куйжий.

— Ты уверен, что сможешь туда поехать, если у тебя будет и конь, и оружие, и одежда? — спросила старшая.

— Уверен,— ответил Куйжий.

Девушки вскипятили котел воды. Куйжию налили воды для

мытья, потом приготовили ему дорожную провизию. Утром они дали ему хорошего коня, одежду и оружие.

— Жив буду, привезу вам хабар о ваших женихах,— сказал Куйжий. С этими словами он сел на коня и уехал.

Долго ехал Куйжий. Давно пересек он границы своего края, закончились у него съестные припасы. Но он продолжал путь, никуда не заезжал, нигде не останавливался. Наконец, решил он отдохнуть и заехал в один двор.

Хозяин встретил его приветливо, выполнил все, что положено по обычаю. Утром Куйжий собрался ехать дальше, и хозяин велел седлать его коня. Когда приблизился Куйжий к коню и уже занес ногу в стремя, подошел к нему сын хозяина:

— Наш гость, я не решаюсь это говорить, но я хочу попросить тебя — возьми меня с собой, буду тебе хагреем.

— Очень хорошо, поедем со мной,— сказал Куйжий и вернулся в дом.

Парень быстро собрался в дорогу, оседлал коня. У него было богатое снаряжение, гораздо лучше, чем у Куйжия. Прежде чем выехать в путь, парень сказал:

— Ты — бедняк, а я — тфокотль *. Может быть, это тебе не по нраву и ты не возьмешь меня с собой?

— Мне это как раз кстати,— ответил Куйжий.— Я ведь бедный, вырос без отца и без матери, и даже имени моего никто не знает — все просто зовут меня Куйжий — «маленький плешивец». Теперь я еду, чтобы отыскать двух джигитов — Фижымыко Нарыча и Нарычыко Щорэ — и испытать их мужество.

Сели они на коней и отправились в путь. А куда ехать, не знают. Стали спрашивать тех, кого встречали в пути, и доехали так до края, где жили джигиты. Приехали в аул, узнали, где живут Фижымыко Нарыч и Нарычыко Щорэ, и въехали к ним во двор.

Спешились они, привязали коней к коновязи, огляделись — никто не вышел им навстречу, и они сами зашли в кунацкую. Сели они, стали разговаривать, удивляться тому, что никто не заходит к ним в кунацкую, хотя, по обычаю, хозяин должен быть при госте.

Вскоре они увидели, что во двор въехали два всадника и спешились. Из большого дома, где жили старики, вышла девушка — сестра хозяйки дома — и подошла к приехавшим.

— У вас гости, они сидят в кунацкой. Пойдите к ним, встретьте их любезно, они из далекого края прибыли к нам.

Джигиты зашли в дом, приветствовали гостей. Потом в ку-

нацкую принесли анэ с угощением. После ужина гостям приготовили постели.

В это время гуаша — хозяйка дома — велела позвать старшего из гостей. Пошел к ней Куйжий.

— Наш гость, отдаюсь под твою защиту — помоги нам в одном трудном деле.

— Если это в наших силах, мы и не откажемся помочь и не поленимся.

— Тогда я скажу, какое у нас дело. Ты видел всадников, что недавно приехали. Это мои братья — старший и младший. Еще не прошел месяц, как женился мой младший брат, а иныжи похитили его жену и нашу мать. Ни один человек из нашего края не мог добраться до тех мест, где живут иныжи. Съедят все свои припасы, потом коней и возвращаются обратно.

— Мы освободим ваших женщин,— сказал Куйжий.

— Не спеши выезжать,— сказала гуаша.— Сегодня ночью отдохните, завтра выберете самых лучших альпов из нашего табуна — ваши кони не годятся — и тогда поедете.

Поехал Куйжий вместе со своим хагреем и привел двух альпов. Гуаша посмотрела на коней и дала джигитам последний совет:

— Теперь у вас хорошие кони, отправляйтесь в путь. Ехать придется долго, ваши съестные припасы скоро кончатся. «Наш гость, давай съедим твоего коня»,— скажут твои спутники. В это время вы будете у зарослей камыша, где находится стадо зубров. Ты поймай одного зубра и накорми хагрея. Когда мясо будет почти готово, из камышей выйдет человек и попросит накормить его. Ни слова не говоря, дай ему немного мяса, а если он нападет на тебя, прояви мужество. Нелегкое дело у тебя впереди — мои братья никак не могут миновать это место. Но пусть сопутствует тебе удача!

Утром Куйжий и его хагрей оседлали коней и отправились в путь. Вместе с ними поехали и братья гуаши. Долго они ехали, кончились у них все припасы.

— Наш гость, давай съедим твоего коня! — предложили Куйжию его спутники.

В это время Куйжий проезжал заросли камыша, где находилось стадо зубров. Куйжий поймал одного зубра, освежевал его и поставил мясо вариться. Когда мясо было почти готово, из камышей вышел какой-то человек и попросил накормить его.

Куйжий достал огромный кусок мяса. Незнакомец съел его и сказал:

— Это слишком маленький кусочек, я не наелся.— И он стал выхватывать из котла куски мяса.

Тогда Куйжий схватил его и связал по рукам и ногам. Затем он накормил своих спутников, а остатки мяса сложил, чтобы захватить их с собой.

После этого он развязал незнакомца и отпустил его.

Снова Куйжий со своими спутниками отправился в путь. Ехали они ехали и увидели дом иныжей. Остановились братья гуаши.

— Мы не поедем дальше,— сказали они.

— Оставайтесь здесь,— согласился Куйжий,— а мы поедем дальше и узнаем, какие там хабары.

Куйжий с хагреем подъехали к ограде дома иныжей. Тут Куйжий отдал своего коня хагрею, сам встал на спину коня, перепрыгнул через забор и очутился лицом к лицу с иныжем.

— Зачем прибыл, наш гость? — спросил иныж Куйжия.

— За теми женщинами, которых ты похитил,— ответил Куйжий.— Если я ударю тебя, убью тут же. Если не думаешь отдавать мне женщин, приготовься к борьбе.

— Зачем нам бороться и убивать друг друга, я выполню твое требование,— сказал иныж.

— Тогда поклянись, что выведешь женщин и отдашь их тем, кому они принадлежат,— сказал Куйжий.

Иныж поклялся сдержать слово, и Куйжий вышел со двора. Иныж вывел женщин и отдал их Фижымыко Нарычу и Нарычыко Щорэ.

Отправились в обратный путь: впереди едут мужья с женами и мать-старушка, Куйжий с хагреем — сзади. Много уже проехали, как услышали позади конский топот. Оглянулись — увидели какого-то всадника. Он быстро приближался.

— Мы поставим его посередине, как положено по обычаю, а если он окажется врагом, ударим его с двух сторон,— решил Куйжий с хагреем.

Тут всадник подъехал совсем близко, и Куйжий узнал в нем иныжа, похитившего женщин.

— Счастливого вам пути!

— Пусть и твой путь будет счастливым, поехали с нами.

— Увозите женщин?

— Увозим.

— А я не дам вам увезти их. Я ведь поклялся отдать женщин, и я отдал их, но я не обещал вам дать их увезти и не дам.

И иныж хотел отобрать женщин, но Куйжий с хагреем нале-

тели на него с двух сторон и убили его. Конь иныжа вырвался и убежал. Хагрей поскакал за ним и настиг его, когда конь уже хотел перескочить через забор. Тут хагрей ударил его мечом и перерубил пополам. Половина коня упала во двор. Старик, стоявший во дворе, взял эту половину и бросил ее в конюшню. Тут он увидел хагрея.

— Молодец, ты поступил, как подобает мужчине,— похвалил он его.

Хагрей догнал Куйжия и рассказал ему все, как было.

— Теперь он погонится за нами,— сказал Куйжий.— Надо нам поскорее доехать до развилки дорог. Когда старик подъедет к нам, поставим его посередине, а сами скажем друг другу: «Ты поедешь сюда, а я — туда» — и начнем разъезжаться в разные стороны. Когда он погонится за одним из нас, другой ударит его сзади. Когда же он повернется к бьющему, другой начнет его бить. Только так убьем старика — иначе не одолеем его.

Вдруг Куйжий оглянулся и увидел на дороге, будто облако приближается. Это был старик иныж с трубкой в зубах. Трубка его была величиной с бочку, а кисетом служила свернутая конская шкура. Поравнявшись с Куйжием, иныж сказал:

— Пусть ваш путь будет счастливым!

— И тебе желаем удачи! — отвечал Куйжий.

Поставили его посередине, и Куйжий сказал хагрею: «Ты поедешь туда, а я — сюда». И они стали разъезжаться в разные стороны. Тут иныж погнался за юношей, а Куйжий погнался за ним и нанес ему рану. Теперь иныж погнался за Куйжием. Тогда хагрей развернулся и изо всех сил ударил иныжа. Так и били они его до тех пор, пока он не свалился с коня.

— Я сам себя убил,— сказал иныж перед смертью.— Я мог убить вас сразу, но мне хотелось захватить вас живыми.

Покончив с иныжем, Куйжий с хагреем стали догонять своих спутников. Когда они их догнали, то увидели, что женщин с ними нет. Братья объяснили, что женщин у них отобрали какие-то джигиты, и показали, в какую сторону они поехали.

Быстро нагнал Куйжий похитителей, отнял у них женщин и второй раз вернул их братьям. А сам вместе с хагреем вернулся в дом иныжей, чтобы забрать их богатства.

Фижимыко Нарыч и Нарычыко Щорэ вернулись домой, и весь аул поздравлял их. Устроили им большое джегу. Гуаша стала беспокоиться, почему нет Куйжия и его хагрея. Когда она спросила своих братьев, где они, те ответили, что не видели и не знают о них ничего.

Куйжий и его хагрей забрали все богатства иныжей и поехали к аулу Нарыча и Щорэ, но не стали заезжать туда. Узнав об их приезде, гуаша выслала посланника с просьбой подождать ее немного.

Вскоре она подошла к Куйжию и его спутнику и сказала:

— Благодарю вас за ваши труды и испытания. Я хочу попросить тебя вот о чем. Если ты не против, возьми меня в жены.

— Если я тебе по душе, я согласен жениться на тебе,— сказал Куйжий, взял с собой гуашу и отправился домой.

Заехали они в аул к хагрею, устроили там джегу, отдохнули пятнадцать дней. Куйжий собрался в путь, а юноша дал много сопровождающих и сам поехал проводить Куйжия.

Приехав в свой аул, Куйжий заехал прямо к тем девушкам, которые отправляли его. Он рассказал, что с ним произошло, и закончил свой рассказ словами:

— Те двое, за которых вы хотели выйти замуж, недостойны вас. Поэтому я посоветовал бы вам обеим выйти замуж за моего хагрея. Он очень достойный юноша, да еще не женат.

— Как же мы тебя не послушаем? Если бы мы не считались с тобой, мы бы тебя туда не посылали. Мы согласны пойти за твоего хагрея,— ответили девушки.

Куйжий рассказал юноше о своем предложении и согласии девушек. Юноша тоже согласился.

Юноша взял в жены тех девушек. Куйжий устроил в честь своего друга семидневное джегу.

С той поры они стали большими друзьями, ездили друг к другу в гости, вместе боролись с врагами и жили, не признавая ни пши, ни ханов.

54. Куйжий и пши

Жил в ауле один бедняк. Никто не считал его за человека — ведь он был беден, никто не знал его силы. Никто никогда не видел, чтобы он сел на коня и выехал куда-нибудь, а разве был достоин уважения мужчина, у которого нет коня? Даже имени у бедняка не было, все звали его просто Куйжий.

Жил Куйжий по соседству с одним пши. То, что дадут поесть Куйжию в доме пши, и было его пищей. Только не всегда удавалось ему поесть.

Был пши в отъезде, а к нему приехали гости — трое пши.

«Гостям подадут угощение, может быть, и меня накормят вместе с ними»,— подумал Куйжий и пошел во двор пши. Сел он в кунацкой, в углу, у двери, ждет. Гостям подали анэ, угостили их хорошенько, а Куйжию ничего не дали.

Когда унесли анэ, Куйжий пошел в большой дом в надежде, что здесь его накормит гуаша — жена пши.

Гуаша сидела вместе с дочерью за обильным анэ. Девушка увидела Куйжия и сказала:

— Наша нана, ты видишь, что бедняк голоден, дай ему чего-нибудь поесть!

Гуаша бросила Куйжию большую кость, на которой совсем не было мяса.

— Наша нана, я бедный, но человек, а не собака! — сказал Куйжий и бросил эту кость обратно.

Кость попала в подол гуаши, и она, разгневанная, стала громко бранить Куйжия.

В это время вернулся домой пши. Ему сказали, что приехали гости, и он пошел в кунацкую. После взаимных приветствий и обильного угощения гости, как положено по обычаю, сказали хозяину о цели своего приезда.

— Если отдашь нам в наложницы шестнадцать девушек, уедем по добру, не отдашь — убьем тебя!

— Если не изменит вам удача, получите все, что хотите,— сказал огорченный пши и вышел из кунацкой.

Настал вечер, пришло время гостям лечь спать.

А пши не спится, ходит он по двору, думает, где же взять ему девушек?

В полночь заглянул Куйжий во двор пши и увидел, что тот бродит по двору. «Аллах, аллах, наверное, наш пши заболел, пойду-ка я узнаю, что заботит его»,— решил Куйжий и пришел к нему. Но пши накричал на него и прогнал со двора.

Через некоторое время Куйжий снова пришел к пши, но тот снова его прогнал. Когда Куйжий пришел в третий раз, пши сказал ему:

— У меня гости, они требуют шестнадцать девушек. Если я им их не дам, они убьют меня.

— Ео-ой, надо было сразу так и сказать мне. Иди принеси мне одежду и оружие.

Пошел пши и принес Куйжию и оружие и одежду.

— Теперь иди и спи спокойно,— сказал бедняк.— Утром иди и сядь вон на том кургане, пусть унауты скажут гостям,

чтобы они пришли туда же. Я тоже там буду, что произойдет — сам увидишь,— сказал Куйжий.

У Куйжия было два коня, которые достались ему после смерти отца, но никто в ауле не знал об этом. Сел он на одного из тех коней и поехал к кургану.

Здесь он увидел пши и его гостей.

Поздоровался он с ними и сказал:

— Пожалуйте ко мне, вы мои гости.

— Спасибо, мы не можем гостить у тебя, у нас есть важное дело.

— Вы собрались ехать куда-нибудь или уже возвращаетесь из набега? — спросил тогда Куйжий.

— Мы никуда не едем и не возвращаемся из набега. Мои гости требуют шестнадцать девушек, но я их им не дал и дать не могу. Убьют они меня и уедут,— ответил пши.

— Сделают как надо, если убьют, почему не даешь, если у тебя требуют? Поехали со мной, я знаю нужное место,— сказал им Куйжий.

— Не поедем,— сказали гости пши.

— Хотите или не хотите,— поедете,— сказал Куйжий и повел их перед собой. Долго ехали, наконец Куйжий остановился. Приехали они туда, где не ступала нога коня пши.

— И гости и хагреи,— сказал он,— все мы должны поехать и пригнать табуны коней. Если угоним лошадей, за нами погонятся табунщики. Но они нам не страшны, грозен владелец этих коней. Когда за нами погонятся, становитесь или перед табуном, или сзади, где хотите.

Гости пши были достойными джигитами — они знали, как опасно ехать за табуном, который угоняешь, но решили ехать сзади.

Поехал Куйжий и пригнал лошадей. Он был впереди табуна, а пши с гостями — позади него. Табунщики погнались за похитителями, но вернулись ни с чем.

Хозяин лошадей выехал в погоню один. Скачет Куйжий, а сам все время оглядывается. Всадник догнал пши и его гостей, сбросил их с коней и помчался дальше. Вскоре догнал он Куйжия.

— Куда ты гонишь этих лошадей? — спросил он его.

— Своих гоню к себе,— ответил Куйжий.

— В таком случае отдай мне одну из них, остальные пусть принесут тебе счастье,— сказал хозяин табуна.

— Даже конского помета я не дам тебе,— отвечал Куйжий.

Тогда хозяин табуна прицелился и выстрелил в Куйжия, но не причинил ему никакого вреда. Куйжий ударил всадника и сбросил его с коня, потом поднял его, посадил на коня и погнал коня к своим спутникам. Он приказал хозяину табуна посадить пши и его гостей на коней и отправить домой.

Усадили пши и его спутников на коней, отправили их домой. Куйжий остался с табуном.

Когда отъехали довольно далеко, Куйжий оставил в степи хозяина табуна и хотел ускакать. Но тот схватил его коня за уздцы и сказал:

— Я не отпущу тебя! Или ты меня убьешь и уедешь, или поедешь со мной и отведаешь моего угощения, будешь моим гостем.

— Того, кто говорит «будь гостем», нельзя убивать,— сказал Куйжий и поехал в гости к хозяину табуна.

Тот принял гостя, как положено по обычаю, а на прощание дал ему пятьсот лошадей.

— Наш гость, ты видишь, что я сделал с твоими спутниками и что ты со мной сделал. Но если мы с тобой и будем держаться вместе, есть человек сильнее нас — у него мы не сможем угнать лошадей и от его сторожевого жеребца нам не уйти,— сказал хозяин.

Куйжия очень удивили такие слова, но он ничего не сказал. Погнал перед собой пятьсот подаренных ему лошадей и вскоре догнал своих спутников. Вместе доехали они до кургана, откуда отправились в путь.

— Садитесь вот здесь и сидите, а если и уедете, я все равно найду вас,— сказал Куйжий и уехал.

Вскоре он вернулся и привез на двух арбах шестнадцать девушек, которых потребовали от пши его гости. После этого он подарил гостям табун, который пригнал, и отпустил их домой.

Куйжий и пши остались вдвоем. Куйжий заставил пши поклясться, что выполнит любую его просьбу. Пши, обрадованный тем, что Куйжий спас ему жизнь, дал такую клятву.

— Тогда,— сказал Куйжий,— как только приедешь домой, разойдись с гуашей и отвези ее к родителям, а свою дочь отдашь мне в жены. Сколько бы я ни приходил к тебе, обещай, что всегда будешь встречать меня приветливо со словами: «Пожалуй, пожалуй, садись», будешь усаживать и кормить меня.

Все выполнил пши: как только приехал домой, отвез жену к ее родителям, а свою дочь выдал за Куйжия.

После этого Куйжий решил поехать к тому джигиту, о котором говорил хозяин табуна, и испытать еще раз свое мужество.

— Нельзя ехать, погибнем от него,— сказал хозяин табуна, когда Куйжий приехал к нему. Но Куйжий настоял на своем, и они отправились в путь. Когда подъехали к табуну, сторожевой жеребец не давал им даже подступиться к лошадям. Подскакал к нему Куйжий, изо всех сил ударил его мечом и рассек ему круп. Повернулся жеребец и поскакал во двор своего хозяина. Увидел хозяин рану на крупе коня и все понял.

— Убей меня бог, разве есть на свете такой человек, что не боится меня? Неужели Куйжий добрался сюда? — воскликнул он.

В тот же миг он сел на коня и пустился вдогонку. Что стоило ему догнать и лошадей, и тех, кто их угнал! Погнал он табун обратно. Пленников он привез в свой двор и принял, как почетных гостей. Их усадили в кунацкой, куда принесли много анэ с богатым угощением.

Когда кончился пир, хозяин сказал:

— Теперь я хочу у вас спросить, как получилось, что вы погнали моих лошадей? Вы что не знали, не слышали об мне?

— Мы и слышали и знали о тебе,— ответил Куйжий.— Но я отправился в путь, чтобы найти человека, который дал бы мне почувствовать мою силу. Благодаря тебе я испытал мою силу, спасибо тебе за это. А этого мужчину я заставил поехать со мной, он ни в чем не виноват.

Хозяин подарил им в знак дружбы тысячу лошадей и отпустил.

Пригнали они свою богатую добычу в аул и половину раздали беднякам. А Куйжий с той поры занялся хозяйством и никогда не выезжал в набеги.

55. Куйжий и эфенди

Жили на свете три брата. Два были умные, а третий — Куйжий — глупый.

После смерти родителей братья решили разделить имущество. Куйжию достались два быка.

«Что мне делать с быками?» — стал думать Куйжий и решил их продать.

Погнал он быков на базар. Дорога шла через лес. Гонит Куйжий быков, слышит — шелестит листва, скрипят деревья. Показалось Куйжию, будто дерево говорит ему:

— Продай мне быков — возьму их в долг сроком на один год, а тебе через год верну долг.

Привязал Куйжий быков к дереву и вернулся домой.

Прошел год, и Куйжий пошел к дереву — получать с него долг.

— Я пришел за долгом,— сказал Куйжий, подойдя к дереву. В этот день ветра не было, и листва не шелестела, дерево не скрипело.

— Что же ты молчишь? — продолжал Куйжий.— Когда брало быков в долг, много говорило, а теперь умолкло? Но я не уступлю тебе быков, все равно рассчитаюсь с тобой!

С этими словами он с силой ударил по дереву топором. А в этом дереве был спрятан клад. От удара топором золото высыпалось на землю, к ногам Куйжия.

Собрал он золото и отнес его домой. Когда стемнело, он пошел к эфенди, решил взять у него мерку и перемерить свое золото.

Удивился эфенди — зачем бедняку мерка, откуда ему взять золото? И пошел за Куйжием. Заглянул он в окно — Куйжий сидит, считает золото. Хитрый эфенди решил обмануть бедняка. Зашел он к нему, да и говорит:

— Я пришел к тебе потому, что хочу помочь тебе. Ты ведь не сможешь сохранить столько золота, тебя могут даже убить из-за него. Лучше отдай золото мне, у меня оно будет в целости и сохранности, а ты будешь жить спокойно.

Тут Куйжий ударил эфенди меркой и убил его. Забросил тело его на чердак.

Утром весь аул стал искать эфенди — нигде не могут найти. А Куйжий спокойно сидит себе на улице. Идет мимо него жена эфенди, вся в слезах.

— Ты почему плачешь? — спросил ее Куйжий.

— Эфенди пропал, потому и плачу,— ответила женщина.

— Ничего он не пропал — я убил его, и он лежит у нас, на чердаке.

Жена эфенди подняла шум. А братья Куйжия, узнав, в чем дело, спрятали тело эфенди, зарезали козла, освежевали его и бросили на чердак.

Все жители аула пришли к их дому.

— Где эфенди, убитый тобой? — спрашивают Куйжия.

— Лежит на чердаке, сейчас покажу,— отвечал он и полез на чердак.

Темно было на чердаке. Стал он искать покойника на ощупь. Нащупал бороду козла и спрашивает:

— Эфенди был с бородой?

— Нет!

— С рогами был?

— Нет!

Нащупал Куйжий четыре ноги козла.

— У него было четыре ноги?

— Нет!

— Тогда это, наверное, не твой эфенди,— сказал Куйжий и сбросил с чердака козла.

Увидев козла, аульчане стали говорить:

— Тьфу, алаурсын *, как же мы позволили дураку обмануть себя?

Все разошлись по домам.

56. Дележ по-божески

Три человека нашли кувшин, полный золота. Стали они думать, как разделить его, но никак не могли договориться. Тогда один из них сказал:

— У нас в ауле есть честный и справедливый старик. Пойдемте к нему, попросим его разделить золото.

Пришли они к старику и сказали:

— Ты — честный старик, раздели это золото между нами по справедливости!

— Хорошо,— сказал старик,— с удовольствием разделю ваше золото, только скажите, как делить — по справедливости или по-божески?

— Раздели по-божески,— сказали мужчины.

Старик придвинул к себе кувшин с золотом и стал делить. Одному он отдал бóльшую часть, другому — совсем мало, а третьему — еще меньше. Мужчины остались недовольны таким дележом.

— Ты разделил неправильно! — стали они кричать.

— Почему же неправильно? Я разделил, как вы просили — по-божески. Ведь бог делит как? Одному он дает много, другому — мало, а третьему — почти ничего. Я так и поделил ваше золото,— ответил старик.

Тогда мужчины попросили разделить золото не по-божески, а по справедливости. И старик разделил золото на три равные части.

57. Бедняк и бог

В одном ауле жил бедняк. Не было у него ни жилья, ни одежды, ни еды. Однажды решил он пойти куда глаза глядят; взял немного еды и ушел из аула. В одном месте он остановился, достал свои скудные припасы и собрался поесть. В это время к нему подошел какой-то мужчина.

— Приятного аппетита,— сказал он.

— Спасибо,— ответил бедняк.

— А что же ты не приглашаешь разделить с тобой пищу? — удивленно спросил мужчина.

— А кто ты? — спросил бедняк.

— Я бог,— ответил мужчина.

— Если ты бог, я не посажу тебя с собой,— сказал бедняк.— Бог различает людей: одних он делает счастливыми и богатыми, других — несчастными и нищими. Ты несправедлив, поэтому я и не приглашу тебя поесть со мной.

Ушел бедняк от этого мужчины, пошел дальше. Долго шел он, пока не устал. Наконец решил отдохнуть и поесть. Только собрался он есть, опять подошел к нему какой-то мужчина.

— Приятного аппетита,— сказал он.

— Спасибо,— ответил бедняк.

— А что же ты не приглашаешь разделить с тобой пищу? — спросил мужчина.

— А кто ты? — спросил бедняк.

— Я — псэхэх * — ангел смерти,— ответил мужчина.

— Тогда я приглашаю тебя поесть со мной. С богом я встретился, но его не накормил, потому что он несправедлив: одних делает богатыми, других — бедными. Ты справедлив, для тебя все люди одинаковые, ведь умирают и богатые и бедные. Садись поешь — радушно пригласил бедняк.

— А куда ты теперь идешь? — спросил псэхэх.

Бедняк рассказал, куда и зачем он идет.

— Тогда,— сказал псэхэх,— ты лучше возвращайся в свой аул. Дочь вашего пши тяжело больна. Ты пойди туда и скажи, что попробуешь вылечить ее. Зайди к больной и сиди там. Я тоже приду туда. Если девушка должна умереть, я стану у

ее изголовья. Если она должна выздороветь, я стану у ее ног. Тогда ты возьми какое-нибудь лекарство и дай ей выпить. Пши тебя одарит, и ты разбогатеешь.

Бедняк так и сделал. Он вернулся в аул, пошел к пши и сказал ему, что сможет вылечить его дочь. Его повели в комнату к больной и усадили у ее изголовья. Вскоре туда же пришел ангел смерти и стал у ног больной. Тогда бедняк велел принести немного воды и немного муки, перемешал все и дал девушке выпить. Та выпила, и ей сразу стало легче. Он дал выпить еще раз — больная поднялась. Третий раз дал выпить — девушка выздоровела.

Пши очень обрадовался, что дочь выздоровела.

— Скажи, что ты хочешь за спасение моей дочери? — спросил он.

— Построй мне дом, лучше которого не будет в ауле, и поставь в нем все, что необходимо.

Пши выполнил требование бедняка, и тот зажил богато и счастливо.

58. Как дурак ходил к аллаху

Жил-был один дурак, очень бедный — беднее его никого не было. Не было у него ни одежды, ни еды, отчего он все время страдал. Однажды решил дурак: «Пойду-ка я к аллаху, может, он сделает что-нибудь для меня». И он отправился в путь.

Много ли, мало ли он шел и пришел на какую-то поляну у опушки леса. На этой поляне он увидел огромного медведя, который бился головой о землю.

— Ты зачем бьешься головой о землю? — спросил он у медведя.

— Какое твое дело? — отвечал медведь.— Скажи лучше, куда ты идешь?

— Я бедняк, нет у меня ни еды, ни одежды, вот иду к аллаху попросить, чтобы он что-нибудь сделал для меня.

— Тогда попроси аллаха, пусть он и для меня что-нибудь сделает — беспрерывно болит моя голова, нет никакой возможности избавиться от болезни. Когда ударяю головой о землю, немного перестает болеть, а потом болит еще сильнее.

— Ладно, попрошу,— пообещал дурак и пошел дальше.

Шел он шел и вошел в один двор, где было очень много деревьев. Хозяева встретили его радушно. Когда он сказал, за каким делом идет, то хозяин сказал ему:

— Вот эти деревья каждый год зацветают, и цветов бывает столько, что деревья их едва выдерживают. Но как только начинают поспевать плоды, все они засыхают и падают. Я не знаю, что делать, поэтому хорошо было бы спросить у аллаха, как мне быть.

— Хорошо, обязательно спрошу,— пообещал дурак.

Пошел он своей дорогой дальше и дошел до какого-то царства. Его схватили и повели к царю.

— Куда ты идешь и зачем? — спросил у него царь.

— Вот так и так, я жил очень бедно и решил пойти к аллаху и попросить его, чтобы он помог мне.

— Тогда и у меня есть к тебе просьба,— сказал царь.— Спроси у аллаха, долго ли я буду еще царствовать?

— Ладно, спрошу,— сказал дурак и пошел дальше.

Шел он шел и пришел к большой реке. Стал искать брод, но нигде не находил его. Прохаживаясь так по берегу, он увидел на противоположном берегу огромного человека.

— Куда ты идешь и чего ты ищешь? — спросил огромный человек у бедного дурака.

— Вот так и так, я жил очень бедно и решил попросить у аллаха помощи — иду к нему,— сказал бедняк.

— Чтобы стать богатым, нужно иметь ум,— сказал огромный человек.

— Спасибо, добрый человек,— сказал дурак и продолжал:— Когда я шел сюда, встретил медведя, и он попросил меня узнать, как ему избавиться от головной боли. У садовода, у которого я останавливался, сад цветет хорошо, но плоды никогда не созревают, и хозяин не знает, что с ним делать. В одном царстве меня попросили узнать, долго ли будет править тот царь.

— Я дам тебе ответы на все вопросы: медведь, чтобы поправиться, должен съесть дурака; у хозяина, у которого ты останавливался, плоды не созревают потому, что под садом лежит золото — оно не позволяет деревьям вдоволь напиться воды. Чтобы деревья не засыхали, необходимо выкопать из земли все золото. Царь, с которым ты встретился, женщина. Пока люди не дознаются, что царь — женщина, у нее будет ее царство. Когда узнают, то лишат ее царства,— сказал огромный мужчина.

Дурак выслушал все ответы и отправился в обратный путь. Дойдя до женщины-царя, рассказал ей хабар, который он ей привез. Тогда она предложила, чтобы он стал ее мужем и взял в свои руки правление царством. Но дурак отказался — он сказал, что должен еще отвезти хабар садовнику и медведю, и ушел.

Дошел он до садовника и объявил ему хабар, который он узнал от аллаха.

— Тогда давай вместе откопаем золото, и нам хватит его на всю жизнь,— предложил ему хозяин сада.

Но дурак отказался выкапывать золото — он сказал, что должен еще отвезти хабар медведю, чтобы избавить его от головной боли.

Пришел он в лес, где находился медведь. Медведь вышел навстречу ему и спросил:

— Какой хабар ты принес мне?

Дурак ответил, что медведь избавится от головной боли, как только съест дурака.

Тогда медведь спросил:

— Скажи мне, с кем ты еще встречался, что увидел, что узнал в пути?

Дурак рассказал все, что было или случилось с ним в дороге.

Когда медведь услышал все это, он сказал:

— Глупее тебя я никого не найду!

И он съел дурака. С тех пор у него никогда не болела голова.

59. Трудовые деньги

У одного богатого отца был сын-лентяй. О труде он не имел никакого понятия: ел и пил готовое, одевался в одежду, сшитую чужими руками, притом был очень расточителен. Отец, желая приучить сына к труду и сделать его бережливым, отвез его в дальний аул и отдал одному кабардинцу в работники за один золотой в год.

Хозяин, зная, что этот работник сын богатых родителей, не заставлял его особенно работать, хорошо кормил и хорошо одевал. По прошествии года он отдал ему золотой и отпустил домой. Приходит сын домой и дает отцу заработанный золотой.

Отец взял золотой и, не рассматривая его, забросил в реку; сын же не обратил никакого внимания на такой странный поступок отца. На другой год отец отдал сына в работники к другому хозяину и тоже за один золотой в год.

Второй хозяин, как и первый, не принуждал работника к труду: кормил и одевал хорошо, а когда прошел год, вручил ему золотой и отпустил домой. Пришел сын к отцу и отдал ему зо-

лотой; тот взял золотой, забросил его в реку; сын по-прежнему не придал никакого значения поступку отца.

На третий год отец отвез сына в дальний аул, отдал его в работники к небогатому кабардинцу на год, не назначая за работу никакой платы. Новый хозяин с первого же дня заставил работника работать до полного изнеможения и только вечером, по окончании работы, накормил его. Тяжел показался лентяю труд: он обливался потом и часто до того обессиливал, что в изнеможении падал на землю, а хозяин ему отдыха не давал, называя его дармоедом. Со временем он так привык к работе, что хозяин всегда оставался им доволен. Проработал он год, понатер на руках большие мозоли, а одежду свою изорвал и истрепал. По окончании года хозяин вручил работнику два золотых и отпустил его домой.

Пришел сын к отцу и дал ему два золотых. Отец взял золотые и только было сделал движение, чтобы бросить их в реку, как сын бросился к нему и схватил его за руку. Отец с удивлением посмотрел на сына, но тот сказал:

— Не бросай, отец, этих золотых в воду: они достались мне тяжелым трудом!

60. О юноше, который не выполнил заветы отца

У одного мужчины был единственный сын. Когда пришло ему время умирать, он позвал к себе сына и сказал:

— Мне пришла пора умирать. Я тебе оставляю четыре завета. Если будешь их выполнять, будешь хорошо жить. Первый мой совет: каждый раз, как сядешь есть, обязательно ешь мед. Второй мой совет: каждое утро надевай нарядную обувь. Третий совет: если понесет твоя жена, разведись с ней. Когда все это выполнишь, зайди в мою конюшню, там увидишь свисающий с потолка крючок — вешайся на нем.

— Хорошо, исполню,— пообещал сын.

Вскоре мужчина умер. Похоронив отца, как положено по обычаю, юноша стал каждый день есть мед и каждое утро надевать нарядную обувь. Когда его жена понесла, он отвез ее к родителям. Чтобы выполнить все эти советы, непременно нужно было истратить все богатство, накопленное отцом, и юноша обнищал. Не стало у него ни еды, ни питья. Аульчане перестали приглашать его к себе и угощать, а если он сам и заходил к кому-либо, ему не предлагали даже сесть.

Когда ему стало совсем худо, он пошел к двум мясникам. Посмотрев на него, те догадались, что он голоден, и дали ему кусок легкого. По дороге домой он положил мясо на изгородь и присел отдохнуть.

Неожиданно прилетел орел, схватил мясо и улетел. Юноша сказал про себя: «Со мной случилось то, что случается с несчастными».

Увидев, что к соседям приехали несколько всадников, он пошел туда, надеясь, что, когда будут угощать гостей, его посадят вместе с ними. Молодой человек зашел в кунацкую соседей и стал в углу. Когда принесли анэ, гости пригласили его сесть вместе с ними. Юноша быстро сел, пока не успел заговорить хозяин,— он знал, что тот прогонит его. Наевшись, парень повеселел и решил рассказать о том, что произошло с ним:

— Когда я сегодня пошел к мясникам, они дали мне кусок легкого. По дороге домой я положил мясо на изгородь и присел отдохнуть. Неожиданно прилетел орел, схватил мясо и улетел. Так я и остался голодным.

— Оставь, парень, такое вранье,— сказал хозяин.

— Зачем ты хочешь обмануть нас? — возмутились гости, и его выгнали из кунацкой.

«Зачем мне жить после всего, что случилось. Лучше пойду, выполню последний завет отца»,— решил парень.

Пошел он в конюшню, увидел свисающую с потолка цепь с крючком и обвязал ее вокруг шеи. Когда он отбросил ногой подставку, на которой стоял, под тяжестью его тела цепь оборвалась в том месте, где была прикреплена к потолку. Из образовавшейся щели с грохотом выпало золото, которое положил туда его отец.

Вскоре юноша построил новый дом и занялся хозяйством. Он открыл большой магазин, стал закупать пшеницу, подсолнечник и многое другое. Вскоре он стал богаче своего отца. «Без женщины — дом пустой, надо мне жениться. Не нужно мне брать другой женщины, кроме моей бывшей жены. Пойду попрошу ее вернуться ко мне»,— решил он.

Пришел он к своей бывшей жене и сказал, что хочет забрать ее к себе.

— Ты не выполнил ни одного из заветов своего отца, я не хочу возвращаться к тебе,— сказала жена.

— Не начинай, пожалуйста, говорить об этом,— сказал ей муж.— Из-за этого со мной произошли все несчастья!

— Ты не понял заветов отца,— сказала тогда женщина,—

и поэтому пренебрег ими. Отец тебе завещал каждый раз есть мед. Это означало: «Не ешь, пока не проголодался, проголодаешься — все покажется тебе сладким, как мед». Твой отец говорил: «Надевай каждое утро новую обувь». Это значит, что нужно было каждый вечер чистить обувь, тогда утром она казалась бы тебе новой. Отец тебе сказал: «Разойдись с женой, когда она понесет». Это означает: «Не ходи на женскую половину, пока жена не родит, а не отвези ее домой к ее родным, как ты сделал». Четвертый завет был дан тебе потому, что отец не очень был уверен, что сразу поймешь его заветы.

Он привез жену к себе домой, и зажили они богато и счастливо.

Однажды джигит купил два пуда пшеницы, велел высыпать ее отдельно в амбаре, а затем устроил пир. На этот пир он пригласил хозяина дома и его гостей, которые не поверили его рассказу о том, что орел унес кусок легкого. Позвал он и почетных стариков аула. Когда все поели и попили, юноша рассказал о том, что днем орел унес у него двухпудовую гирю. Присутствующие не выказали никакого сомнения в правдивости его рассказа. Тогда он напомнил о том, что раньше ему не поверили, когда он рассказывал, что орел унес мясо, и выгнали из дома, потому что тогда он был очень беден, а теперь делают вид, что поверили его явной выдумке. Он обвинил присутствующих в неискренности и нечестности и отпустил их домой. Так юноша отомстил своим обидчикам и стал жить по заветам своего отца.

61. Что такое «добрый час» и «недобрый час»

«Люди часто говорят „добрый час“, „недобрый час“, а что это такое, я не знаю»,— подумал однажды богатый человек и решил отправиться в путь и идти, пока не узнает, что это такое.

Пошел он по дороге и каждому встречному стал задавать вопрос:

— Что такое „добрый час“ и „недобрый час“?

— Не знаем,— удивлялись встречные и продолжали свой путь.

Долго шел богач, многих спрашивал, но никто не дал ему ответа на этот вопрос. Так подошел он к крапивному полю — оно было не меньше двух десятин. На краю его стоял какой-то человек.

— Скажи мне, что такое добрый час и что такое недобрый час? — спросил богач незнакомца.

— Не знаю, что это такое,— ответил тот.

— Подумай, может быть, знаешь? — и богач снова повторил свой вопрос.

— Хорошо, отвечу на твой вопрос, но только после того, как ты снимешь с себя всю одежду и пройдешь это поле туда и обратно. Когда вернешься, узнаешь, что такое недобрый час.

— А куда мне деть коня и одежду? — спрашивает богач.

— Я их покараулю до твоего возвращения,— ответил тот.

Слез богач с коня, разделся и вошел в крапиву. День был жаркий, солнце пекло нещадно, но еще сильнее жгла крапива. Хотел богач обойти крапиву стороной, но не было окольного пути. Прошел он прямиком поле до конца, а потом обратно. Весь обожженный крапивой, он вернулся на то место, где оставил мужчину, коня и одежду.

Смотрит — ни мужчины, ни коня, ни одежды нет. Так и пришлось ему простоять под палящим солнцем до вечера, да еще опасаясь, что кто-нибудь увидит его и ославит на весь край.

Так богач без объяснений узнал, что такое «недобрый час».

Когда стемнело, он отправился на поиски какой-нибудь одежды. Шел он шел и увидел впереди огонек. Подошел он ближе — увидел дом. Одно из его окон светилось. Заглянул в него богач — увидел посреди комнаты накрытый стол, а у одной из стен — высокую деревянную кровать.

— Зайду-ка я и лягу под кроватью,— решил он.— Если зайдет в комнату мужчина, разденется и ляжет, надену его одежду и уйду.

Вошел он в комнату, лег под кроватью на холодный пол. Вскоре в комнату вошла молодая красивая женщина и села за рукоделие. Затем раздался стук в дверь. Богач подумал: «Хорошо, если бы пришел мужчина!»

Женщина тем временем встала и открыла дверь. В комнату вошел красивый молодой джигит.

— Что же ты так долго не приходил? Я едва дождалась тебя! — сказала ему женщина.

— Не мог раньше, вот и не приходил,— ответил мужчина.

Хозяйка быстро накрыла на стол — поставила четлибж и пасту.

Гость стал с удовольствием есть, а у богача потекли слюнки — так вкусно пахло едой.

Когда гость поел, женщина сказала:

— Теперь разденься и ложись в постель.

Все снял с себя гость и лег в постель. А женщина незаметно сунула одежду своего любовника под кровать и хотела лечь в постель, но в этот момент снова раздался стук в дверь — это вернулся муж хозяйки.

Любовник вскочил с кровати и забегал по комнате, не зная, куда деваться. Женщина шепнула ему, чтобы он лез под кровать — когда муж уснет, она его выпустит. Любовник залез под кровать и лег рядом с богачом — тот подвинулся к стенке и уступил место с краю.

Женщина открыла дверь — вошел ее муж. Она усадила его за стол и подвинула еду со словами:

— Если б я знала, что ты так скоро вернешься, не стала бы есть без тебя!

Мужу были приятны такие слова, и он сказал:

— Ничего, что ты поела без меня!

После еды муж сказал, что хочет спать.

— Ложись и спи,— сказала жена.

— Да, но мой конь стоит во дворе оседланный — скоро я опять должен ехать!

— Скажи, когда тебе надо ехать, и я разбужу тебя!

— Разбуди меня через два часа.

Муж лег и тут же уснул. Тогда богач вылез из-под кровати, пригрозив любовнику, что убьет его, если он хотя бы пошевелится. После этого оделся в одежду любовника и стал ходить по комнате, бормоча всякие заклинания и молитвы.

Увидев это, женщина разбудила мужа и сказала ему, что кто-то ходит по комнате. Проснулся муж, вскочил с кровати и взялся за оружие.

— Успокойся, хозяин, твое оружие мне ничего не сделает! Лучше зажги лампу, поговорим.

Когда хозяин зажег лампу, гость продолжал:

— Когда ты уезжаешь, в твой дом забирается нечистая сила. Бог прислал меня помочь тебе избавиться от нее.

— Хорошо, давай выгоним! — согласился хозяин.

— Тогда принеси ведро кипятку.

Хозяин принес кипяток, богач взял большую кружку, налил в нее кипятку и говорит хозяину:

— Я начну выгонять нечистую силу, а ты стой у двери и бей ее горящей головешкой, не бойся ничего!

Сначала богач облил кипятком все углы комнаты, а потом стал лить воду под кровать. В тот же миг любовник выскочил

из-под кровати и бросился к двери. Хозяин стал бить его горящей головешкой, а богач — обливать кипятком. Тогда любовник подбежал к окну, выбил раму и ушел.

— Теперь,— сказал богач хозяину,— в твоем доме никогда не будет нечистой силы, ты можешь жить спокойно. Ложись и спи.

— Да, но мой конь с вечера не расседлан, надо его расседлать,— сказал хозяин.

— Не беспокойся,— сказал гость,— я сам расседлаю твоего коня, а потом поднимусь на небо, и тебе не следует выходить сейчас из дома.

Вышел богач во двор, сел на коня и уехал.

С тех пор он ни у кого не спрашивал, что такое «добрый час» и «недобрый час».

62. Лягушка

Детей одной лягушки, как только они рождались, поедала змея. Отчаявшись наконец оставить потомство, лягушка решила и сама лишить себя жизни. Вышла она из болота и легла, уткнувшись в землю головой. Пришли другие лягушки и стали уговаривать ее не убивать себя. Лягушка ответила:

— Ежегодно рожаю дитя, и оно поедается змеем. Стоит ли для этого жить? — И отказалась вернуться в болото. Тогда лягушки пошли за мышью-матерью Сумегень и привели ее, накрытую вместо шали белой корой луковицы, державшую вместо платка красную кору луковицы, увещевать лягушку.

Мышь-мать, придя к лягушке, стала ей говорить так:

— С яблони упала искра и убит ею князь Кашмас, пойдем оплакивать его вместе с другими.

На это лягушка ответила:

— Довольно, довольно, полный и худой друг друга не поймут! Глаза у меня выпуклы, шея вогнута, ноги крючковаты, привычны к грязи, ежегодно рожаю по одному ребенку, и его поедает змея; такие, как я, могут ли являться к княжескому двору?

Мышь-мать отвечала на это:

— Постигло ли тебя несчастье, большее, нежели мое? Девять моих сыновей убиты доской, десять моих сыновей погибли в дрожжах, одиннадцать моих сыновей задохлись под соломой; остался потом у меня единственный сын, народ называл его

хараха, домашние мои звали его хараша, я же звала его ордабий [1], мой любимый юноша,— и его скомкал, погубил, так что в ушах моих раздавался хруст его костей и приводил меня в дрожь, сын сероглазого, с острыми когтями; из-за этого перестала ли я грызть бурдюки, есть сушеный сыр и ходить на розыски конопли, чтобы ею полакомиться? Если будет у тебя муж, то и еще детей найдешь, да дозволит бог вырасти всем тем, которые еще родятся!

— Действительно, меня не постигло такое несчастье, как тебя,— сказала на это утешенная лягушка и — шкуарт [2] — кинулась в болото.

63. Три совета

Жил-был искусный охотник. Никогда не возвращался он домой без добычи.

Однажды пошел он на охоту, пробродил целый день, но ничего не подстрелил. Бредет он домой, как вдруг видит в кустах маленького жаворонка. Поймал охотник жаворонка и продолжал свой путь.

Вдруг жаворонок заговорил:

— Что хочешь ты сделать со мной? — спросил он.

— Как приду домой, велю жене изжарить тебя и съем.

— Разве насытишься ты мной? На мне ведь и мяса-то нет, и ты даже не почувствуешь, что съел что-нибудь. Отпусти меня! Я дам тебе три совета, которые пригодятся не только тебе, но и детям твоим и внукам. Первый совет я скажу, сидя в твоей руке, второй — взлетев на верхушку вон того дерева, а третий — поднявшись вон на ту гору.

Согласился охотник.

— Помни, какое бы несчастье ни постигло тебя, что бы ни пришлось тебе испытать, никогда не жалей о том, что уже миновало,— сказал маленький жаворонок и взлетел с ладони охотника.

Сев на дерево, жаворонок продолжал:

— Не верь никогда тому, что противно здравому смыслу. А у меня в зобу,— прибавил он,— есть кусок золота величиной с куриное яйцо. Если бы ты догадался зарезать меня и достать его, то мог бы быть сытым до самой смерти.

— Ах, проклятый день,— воскликнул с досадой охотник,— лучше бы я умер, зачем отпустил я птицу! Как мог я поверить

ей и выпустить из рук! Жаворонок, видя, что ему грозит смерть, решился на все, а меня, который поверил ему, нужно застрелить! — говорил он, ударяя себя по голове.

Уж очень досадно ему было:

— Каким счастливым стал бы я, будь у меня такой кусок золота! — сокрушался он.

Вспорхнув с дерева, жаворонок хотел было улететь, но охотник закричал:

— Уговор дороже денег! Ты обещал дать мне три совета. Два ты уже сказал, и я запомнил, а третьего еще не слышал. Прошу, поведай мне третий совет!

В ответ жаворонок громко рассмеялся:

— К чему тебе третий совет? Я уже дал тебе два, но ты забыл их прежде, чем я кончил говорить; если дать третий, будет то же самое! Я сказал тебе — никогда не жалей о том, что произошло, а ты уже сейчас горюешь, зачем отпустил меня. Я сказал тебе — не верь в невозможное, кто бы ни говорил тебе о нем, а ты поверил, что у меня в желудке может быть кусок золота величиной с куриное яйцо, и не подумал, что весь я немногим больше его. Вот это и есть — поверить в невозможное. Какой же ты глупый! — сказал жаворонок и поднялся высоко в небо.

64. Запасливый муравей

Шел муравей по дороге. Навстречу ему — мужик. Знал тот мужик язык всех птиц и зверей.

— Почему у тебя такая большая голова? — спрашивает мужик.

— Потому что в ней много ума.

— А почему у тебя такая тонкая талия?

— Потому что я мало ем.

— А сколько ты съедаешь?

— Одного пшеничного зерна мне хватает на год,— отвечает муравей.

— Посмотрим, хватит ли тебе на год одного зерна!

Поймал мужик муравья, посадил его в один из газырей своей черкески, бросил туда пшеничное зерно и заткнул газырь.

Прошел год. Мужик думать забыл о муравье.

Минул второй год. И тут только вспомнил мужик, что надобно отпустить муравья.

Заглянул он в газырь и видит: сидит себе муравей, а рядом две четвертушки пшеничного зерна лежат.

— Ты говорил, что одного зерна хватает тебе на год. Уже прошло два года, а у тебя в запасе еще ползерна. Как же так? — спрашивает мужик.

— Глупец, который посадил меня в газырь, может забыть обо мне,— подумал я.— И чтобы не умереть с голоду, я разделил зерно на четыре части.

65. Старый кот и мыши

Жил-был старый-престарый кот. Выпали у него все зубы, глаза стали совсем плохо видеть. Не мог он больше ловить мышей.

А мыши совсем осмелели: бегали прямо перед его носом, иногда даже задевали его своими хвостами, хозяйничали в доме, грызли все подряд.

Крепко задумался старый кот. Думал он думал и решил хитростью разделаться разом со всеми мышами.

Несколько дней караулил старый кот и наконец поймал совсем маленького мышонка.

— Спасите, спасите, съест меня старый кот! — пищал мышонок.

Услышали мыши его крик и в страхе разбежались.

— Не пищи, не съем я тебя,— сказал старый кот.— Если б и хотел, то не смог бы: зубы у меня выпали, глаза ослепли. Видно, смерть близка. Честью хочу я ваше мышиное племя просить, чтоб простили мне все зло, которое я вам причинил. Хочу помереть с чистой совестью!

С этими словами кот отпустил мышонка.

Не помня себя от радости, мышонок кинулся в норку.

— Каким чудом ты вырвался целым и невредимым? — удивились мыши.

— Старый кот сам меня отпустил,— ответил мышонок.— Он хочет, чтобы мы простили его за все зло, что он нам причинил. Стар он стал, зубы у него выпали, глаза ослепли. Видно, смерть его близка.

— Не верьте коту́, не верьте! Он хочет нас съесть! — закричали одни.

— А может, и правда, старого совесть замучила: отпустил же он невредимым маленького мышонка! — закричали другие.

— Пойдем простим коту все и скажем, чтоб больше нас никогда не трогал.

И мыши отправились в путь. Вылезли они из подполья, а старый кот уже поджидает мышей.

— Знаете ли вы, что из мешка сверху можно достать все, что в нем есть? — спрашивает кот.

— Как не знать,— знаем, знаем! — ответили мыши.

— Так зачем же вы снизу в мешке дыру прогрызаете? — снова спросил старый кот и, не дожидаясь ответа, бросился на глупых мышей и передавил всех до одной.

66. Петух-хвастун

Вывела одна наседка цыплят. Стали они подрастать, и решила мать научить их разыскивать зерна. Повела она их на небольшую полянку. Увидел петух, подошел.

— И что водишь ты здесь своих детей,— сказал он,— много ли найдете на голой земле — только время потеряете. Пойдемте лучше к лесу. Там твои цыплята хорошо поклюют.

— Конечно, у леса лучше, но там опасно,— отвечала наседка.— Если налетит ястреб и унесет моих детей, что мне тогда делать?

— Тебе не надо бояться, если я буду с вами,— сказал петух.— Пусть только покажется этот ястреб! Как распущу я свои перья, захлопаю крыльями, да ногтями его, да клювом! Навсегда забудет он, как таскать цыплят!

Поверила наседка петуху, повела к лесу свой выводок. Но не успели они дойти до первых кустиков, как откуда ни возьмись налетел огромный ястреб.

— Ко-ко-ко! — испугался петух.— Ко-ко! — И не долго думая шмыгнул в кусты.

— Сюда, сюда, скорее ко мне, дети! Ох, разорвется мое сердце! — всполошилась наседка.

Услышав ее тревожный крик, цыплята сбежались к ней, а она, прикрыв их своими крыльями и грудью, приникла к земле.

Покружил ястреб, полетал — да ничего не заметил и улетел несолоно хлебавши. Долго еще сидел петух в кустах, потом осторожно высунул голову и гордо вышел на поляну, когда убедился, что опасность миновала.

— Ну что, петушок? — сказала ему наседка.— Ты обещал защищать цыплят, а оказался трусливее курицы!

— Э, молчи, курица! — важно отвечал петух.— Если б ты видела, как этот ястреб потрепал меня прошлой весной, ты поняла бы меня. Я сразу узнал его и решил — лучше спрятаться. Но я вовсе не боюсь его.

И петух грозно поскреб ногой.

67. Комар-зазнайка

Когда в лесу наступает ночь, все звери и птицы засыпают в своих норах и гнездах и никто не нарушит тишины до тех пор, пока первый луч солнца не проникнет сквозь листву.

Однажды, когда все утихло в лесу, вдруг раздался грозный рев, словно гром грянул среди ночи. Испуганные звери выскакивали из своих нор, птицы вспархивали с насиженных мест — все спешили узнать, что же случилось.

Оказалось, что спросонья зарычал лев — ему приснился плохой сон.

Проснулся и комар. Досадно стало ему, что лев нарушил его сладкий сон, и решил он наказать его. Стал он точить свой хоботок, а сам приговаривает:

— Лучше бы этому льву не попадаться мне на глаза, а не то я задам ему!

В это время лев проходил мимо комара, решил он прогуляться по лесу. Услышал он, что пищит комар, в ярость пришел.

— На меня, царя зверей, подымает голос какой-то комар! Да я тебя раздавлю, ты и пикнуть не успеешь.

Взвился комар при этих словах, расправил крылья и впился льву прямо в нос.

Взвыл лев от боли. Он и катался по земле и ревел, расцарапал когтями себе весь нос, а комар цел и невредим, еще пуще впивается, пьет львиную кровь.

— Пусти меня, сдаюсь, ты осилил меня,— взревел лев.

При этих словах комар решил отпустить льва. А сам полетел по лесу рассказывать всем о своей победе.

— Я сильнее царя зверей — льва,— трубил он,— никому не одолеть меня.

Комар и вправду решил, что сильнее его никого нет, и совсем забыл о пауке, что давно уже расставлял ему сети. Закружилась у него голова, и залетел он прямо в сеть паука. А пауку только это и было нужно.

68. Волк и перепелка

Перепелка и волк бродили вместе. Однажды волк обратился к перепелке с такой просьбой:

— Я очень голоден, дай мне что-нибудь поесть.

— Что же я тебе дам? — ответила перепелка.— Пожалуй, пойдем туда, где жнут,— продолжала перепелка и повела волка.

Пришли они в поле в ту пору, когда жнецы все сидели и закусывали. Волк спрятался в хлебе, еще не сжатом, а перепелка полетела и села возле жнецов. Увидев ее, жнецы вскрикнули: «Перепелка, перепелка!» — и, бросив еду, кинулись ловить ее. Перепелка перескакивала с места на место, а жнецы бежали за ней, думая — вот сейчас ее поймаем. Так она заманила их далеко. Тем временем волк пришел к оставленной жнецами провизии и, поев ее всю, скрылся. Тогда и перепелка улетела от жнецов. Встретившись потом с волком, она спросила его, наелся ли он. Волк ответил, что он поел хорошо, но что ему теперь хотелось бы смеяться.

— Как же мне заставить тебя смеяться? — сказала перепелка, а потом прибавила: — Ступай садись вон на тот холм и гляди оттуда на то, что я буду делать.

Волк взобрался на холм, перепелка же полетела и села на голову одной женщины, доившей корову. Женщина вскрикнула: «Перепелка, перепелка!» На крик ее выскочил муж и, сказав: «Не давай ей улететь, я сейчас ее поймаю»,— вернулся в саклю и вынес топор. Намереваясь ударить топором перепелку, он попал в жену и раскроил ей голову. Перепелка улетела.

Волк, все смеясь, скатился с самого верха холма и до низа. Прилетев к нему, перепелка спросила, смеялся ли он, на что волк ответил, что он вволю насмеялся, но теперь ему хотелось бы побегать до устали.

— Как же заставить тебя набегаться? — сказала перепелка и повела его в ногайский аул. Ногайцы, как только заприметили волка, погнались за ним и гоняли его до тех пор, пока он совсем не выбился из сил. Волк кое-как скрылся от ногайцев и доплелся до перепелки, которая спросила его:

— Ну что, набегался ли?

На что он ответил:

— Аллах, аллах, немало они меня помучили!

Потом волк сказал перепелке:

— Аллах, аллах, как тело у меня чешется! Почеши немного.

Перепелка почесала его. Волк продолжал:

— Спина моя теперь чешется.

Перепелка почесала ему спину; потом волк сказал, что плечо чешется; почесала перепелка и плечо его; потом, что лоб чешется. Почесала перепелка и лоб; потом, что грудь чешется. Когда перепелка со лба волка хотела перелететь на его грудь, чтобы почесать и ее, волк схватил перепелку:

— Что такое, зачем ты меня хочешь съесть? — спросила его тогда перепелка.

— Как тебя не съесть, когда ты меня совсем замучила,— отвечал волк.

— Так съешь же, по крайней мере как принято есть. Скажи прежде «бисмиллях» * и потом уж ешь,— сказала перепелка.

Когда волк раскрыл рот и хотел проговорить «бисмиллях», перепелка улетела. Схватив ее вдогонку, волк успел поймать только ее хвост, который и откусил. Потому-то, говорят, теперь у перепелки и короткий хвост.

69. Старый козел и волк

Однажды паслись на лугу овца, коза и старый козел. Вместе пришли они сюда, вместе уговорились домой идти. Только овца наелась раньше всех и решила идти одна. Сколько ни уговаривали ее козел с козой, не помогло: известное дело, если овца что затвердит, так и будет.

Шла, шла овца и пришла к речке; надо было ей мост перейти. Только ступила она на мост и замерла от страха. На мосту сидел серый волк, щелкал зубами от голода. Стоит овца как вкопанная, а волк вкрадчиво так спрашивает:

— Куда путь держишь, овечка?

— Иду с пастбища домой,— еле слышно проблеяла овца.

— А что ж ты остановилась?

— Боюсь я тебя, серый, ведь съешь ты меня!

— Конечно, съем,— прорычал волк, бросился на овцу и съел ее.

Отдохнул волк после сытного обеда и снова уселся на мосту ожидать добычи. Долго никого не было, уже и наскучило волку сидеть. Вдруг видит он — идет к мосту коза. Увидала она волка, и ноги у нее подкосились со страху, а хвостик задрожал. Остановилась она и ни с места.

— Куда идешь, козочка? — спросил волк.

— Иду домой,— отвечала коза, еще пуще задрожав.

— А отчего трясется твой хвостик?

— Очень страшно мне, что съешь ты меня!

— Коли ты боишься, так и съем! — прорычал волк и съел козу.

Наелся волк свежей козлятины и уснул крепким сном. Проснулся, уж стемнело. Снова уселся он на мосту — поджидает добычу. Долго ждал он. Наконец послышались чьи-то шаги. Пригляделся волк — идет к мосту старый козел. Да смело так идет прямо на волка и не останавливается.

— Откуда идешь, куда путь держишь, почтенный? — обратился волк к козлу.

— Иду с пастбища, старый разбойник!

— Если тебя послушать, уж очень ты храбр! Отчего же тогда дрожит твой хвост?

— Оттого что следом за мной идут две охотничьи собаки!

— Постой, храбрый козел, задержи их на минутку!

И волк опрометью бросился к лесу. А старый козел вернулся к себе домой.

70. Глупый волк

В глухом, дремучем лесу жил-был волк. Держал он в страхе всех зверей. Но вот пришла к нему старость — стал он таким дряхлым, что даже не мог ничего себе добыть на обед. Чтобы не помереть с голоду, пошел к верховному богу — тха попросить помощи.

Удивился тха, что это за волк, если не может добыть себе пищу? И велел ему пойти на луг, где пасется старая-престарая лошадь хана, и съесть ее. Собрал волк последние силы и поплелся на тот луг.

— Салям алейкум, старая лошадь, тха разрешил мне съесть тебя!

— А ты кто такой?

— Я волк!

— Разве ты волк? Ты собака,— сказала лошадь.

— Нет, я волк.

— Ну, если ты и вправду волк, то съешь меня! Вот только откуда тебе удобнее начать — с головы или с хвоста?

Хотел волк начать с головы, а лошадь и говорит:

— Не лучше ли тебе есть меня сзади? Пока ты будешь меня есть, я буду пастись и жиреть — тебе лучше будет!

Согласился глупый волк, обошел лошадь и только хотел укусить ее за заднюю ногу, а она как ударит его! Побежала она к себе домой, а волк долго еще лежал, пока опомнился.

— Какой я глупый, почему не начал есть ее с головы! — ругал он себя.

Во второй раз пошел волк к тха, поделился своим горем и попросил совета, что бы раздобыть ему еще.

— На холме пасется жирный козел — вот и полакомись им,— ответил тха.

Притащился волк к холму, отыскал козла и говорит:

— Здравствуй, козел! Тха разрешил мне съесть тебя!

— Откуда же ты начнешь есть? — спросил козел.

— С головы,— ответил волк. Тогда козел велел встать волку на холме и разинуть рот, чтобы он прямо с разбегу попал ему в пасть.

Обрадовался волк, встал на холме и разинул пасть. А козел разогнался как следует, подбежал, да как ударит волка! Тот и свалился в лощину.

Обидно стало волку, завыл он:

— Почему я не догадался, что козел сам не побежит ко мне в пасть?

В третий раз пошел он к тха попросить какой-нибудь еды. Совсем рассердился тха: что за глупый волк? Но все-таки решил помочь еще раз: велел он подобрать на дороге ребро сушеной баранины.

Нашел волк ребро и откусил кусочек. Мясо оказалось очень соленым. Вот и решил серый, что если он съест сразу все ребро, то его замучит жажда; лучше сначала напиться, а уж потом приняться за баранину. Пока он ходил к реке, старичок, который потерял то ребро, вернулся и подобрал его.

Напился волк и вернулся на дорогу, а ребра словно и не было. Совсем обидно стало волку, и снова пошел он к тха.

В последний раз тха решил помочь волку и послал его на луг, где пасся теленок. Приплелся волк на луг, отыскал теленка и сказал, что тха разрешил съесть его. А теленок и говорит:

— Разве наешься ты досыта таким маленьким теленком? Лучше садись на меня, я отнесу тебя в село. У нас нет старшего пастуха, и ты станешь старшим среди пастухов — вот когда наешься досыта!

Уселся волк на теленка, и тот побежал. Когда показалось селение, теленок стал громко мычать.

— Ты что мычишь? — испугался волк.

— Хочу, чтобы все узнали, что я нашел старшего пастуха,— отвечал теленок.

Тут выскочили люди, кто с вилами, кто с топором, кто с колом. Когда волк увидел, что они бегут прямо на него, сильно испугался он! От страха шерсть на нем встала дыбом, а глаза загорелись зеленым огнем. Только никого уж не испугал волк. Убили его жители аула, а его шкуру отдали на шубу старому пастуху.

Вот какой рассказ слышал я о глупом волке.

71. Старик и волк

Однажды весной отправился крестьянин в поле. Посеял он кукурузу и возвращается домой. Вдруг откуда ни возьмись выскочил из лесу серый волк — за ним гнались охотники. Заговорил волк человечьим голосом:

— Спаси меня, добрый человек! По моему следу мчатся охотники — вот-вот нагонят меня!

— Как же мне спасти тебя,— отвечал старик.— У меня вот есть небольшой мешок, да разве поместишься ты в нем? А если и поместишься, разве смогу я поднять тебя!

— Только посади, как-нибудь помещусь, а уж в долгу перед тобой не останусь!

— Ну, ладно,— промолвил старик. Посадил он волка в мешок, на плечи взвалил и идет себе по дороге.

Вдруг догоняет его верховой и спрашивает:

— Здравствуй, добрый человек. Не видел ты, не пробегал ли здесь волк?

— Нет, не видел,— отвечал батрак.

Ускакал всадник.

Долго еще нес старик волка в мешке, совсем из сил выбился. Остановился он, снял мешок, отер пот со лба и говорит:

— Больше не могу тащить тебя — нет моих сил, да и охотники давно уже проехали — вон их даже из-за горы не видно. Вылезай!

— Хоть немного еще понеси,— снова взмолился волк.— Ведь поймают меня охотники! Разве не слышишь ты лай собак, не чувствуешь запах пороха?!

— Что делать,— вздохнул старик, опять взвалил мешок на

плечи и зашагал дальше. Долго нес он огромного волка и совсем из сил выбился. Поставил он мешок, выпустил из него волка.

Отошел волк к краю дороги, улегся и смотрит на батрака в упор, а глаза зеленым огнем горят, зубы щелкают.

— Чего еще тебе от меня нужно, чего уставился? — спрашивает его батрак.

— Хочу тебя съесть! — сказал волк и защелкал зубами.

Стал старик стыдить волка:

— Где же совесть твоя, серый разбойник, ведь я тебя от смерти спас!

А волк ему в ответ:

— Спас ты меня по глупости, вот и хочу тебя съесть.

В это время бежала мимо лисица. Услыхала она слова волка, видит — плохо дело.

— Что случилось? — спрашивает она.— О чем разговор?

Рассказал ей старик все как было:

— Встретился мне, лиса, твой серый приятель, когда охотники его уж почти нагнали. Взмолился он, чтобы спрятал я его и жизнь ему спас. А теперь вот вместо благодарности он меня съесть хочет. Справедливо ли это?

Выслушала лиса рассказ старика да и говорит:

— Прожил ты жизнь, добрый человек, а ума так и не нажил. Следует тебя съесть, чтобы ты никого не обманывал: кто поверит, что такой большой волк мог поместиться в таком маленьком мешке?

— Старик правду говорит, я сидел в том мешке,— вмешался тут волк.

— Не верится мне,— отвечала лисица.— Если правду говорит старик, так полезай, покажи, как смог ты влезть в тот мешок.

Снова залез волк в кожаный мешок — только лапа и хвост наружу торчат.

Тряхнула лиса мешок.

— Не весь поместился, серый, вон лапа, а вон и хвост выглядывает — нельзя мешок завязать.

Убрал волк и хвост и лапу, а старик веревкой мешок завязал.

Потом повела лиса батрака в лес, заставила его срубить самую большую палку и велела бить волка той палкой, пока хватит сил, а сама все приговаривала:

— Волку только убитому можно верить!

72. Приключения голодного волка

Голодный волк вышел из лесу, подошел к кошаре и поймал маленького ягненка.

— Что ты собираешься делать со мной? — спросил ягненок.

— Ничего особенного, съем тебя, и все,— отвечал волк.

— Волк, а волк, а что толку, что ты съешь меня — такого худого и тощего. Лучше разреши мне подпрыгнуть три раза. Тогда я стану жирным, и ты съешь жирного ягненка.

Волк отпустил ягненка. Тот три раза прыгнул в сторону близко стоявшей кошары — и был таков. Что теперь мог сделать волк? У ворот кошары с ружьем стоял чабан. Пришлось волку ни с чем убраться восвояси.

Пошел волк в поле, взял в пасть пучок травы и спрятался в густой траве. Притворился волк мертвым — лежит, не шевельнется. Неподалеку пасся серый конь. Увидел он пучок травы и захватил его губами. Волку того и нужно было — вцепился он клыками в морду коню.

— Что хочешь сделать со мной, волк? — спросил серый конь.

— Ничего особенного, съем тебя, и все,— отвечал волк.

— О мудрый волк! — воскликнул конь.— Как же ты будешь есть меня с головы — в ней ведь одни кости! Лучше начни есть со спины — она у меня мягкая и жирная, а то пока будешь возиться с моими костями, утолишь голод и не сможешь съесть мою жирную спину.

Волк подумал, что и в самом деле лучше сначала съесть жирную спину, и удивился тому, что сам он до этого не додумался. Он отпустил морду коня и уселся ему на спину. Конь тут же вскочил, сбросил с себя незадачливого волка и убежал.

Голодный волк спрятался теперь на опушке леса, где паслась гнедая лошадь. Опять он взял пучок травы и спрятался. Лошадь не заметила его. Она потянула траву, которую держал волк. Тот схватил лошадь, повалил ее и хотел сожрать.

— Ты что собираешься сделать со мной, волк? — спросила лошадь.

— А что же я с тобой сделаю? Ничего особенного, только съем тебя, и все,— ответил волк.

— А ты знаешь, волк, как меня надо есть?

Волк задумался, как же надо ее есть. Он решил, что тут есть какой-то секрет, и признался:

— Не знаю.

— Тогда сначала прочти, что написано на моей спине, а потом будешь есть. Там написано, как лучше меня съесть,— сказала лошадь.

Волк очень удивился этому. Он зашел сзади лошади, чтобы прочитать, что написано на ее крупе. Лошадь ударила его задними ногами изо всех сил, выбила у него все зубы и убежала.

Понял волк, что в лесу ему ничем не удастся поживиться, и отправился в аул. Он подошел к дому, что стоял на самом краю аула,— в нем жила одна старушка. Увидала она волка и со страху быстро залезла на чердак. Волк лег на пороге ее дома и стал горько причитать.

— Ярэби! *. Кто до сих пор видел волка-муллу, умеющего читать, волка-всадника, кто видел, чтобы ягненок разжирел после трех прыжков? Зачем мне, старому дураку, все это было нужно? Поделом мне, если кто-нибудь возьмет толстую кизиловую палку и убьет меня!

Услышав слова волка, старуха слезла с чердака, взяла коромысло и убила волка.

73. Старик и медведь

В одном ауле жил старик со старухой. Однажды старик запряг быков и поехал в лес за дровами. Только стал он рубить большущее дерево, как вдруг подошел к нему огромный медведь и говорит:

— Пусть будет удачным твой день!

Обернулся старик, увидел медведя и замер со страху.

— Ты почему не отвечаешь на приветствие? — спрашивает медведь.

— Прости меня, медведь, задумался я,— говорит старик.

— О чем же ты задумался?

— Я подумал, что шкуры одного медведя мне маловато. Вот если бы хоть две было, можно сшить шубу.

Теперь медведь испугался.

— Давай, старичок, будем с тобой дружить! Я натаскаю тебе дров на всю зиму, но ты никому не говори о нашей дружбе. Если расскажешь — я стану твоим врагом,— сказал он.

Ночью медведь натаскал старику полный двор дров.

Утром старик увидел дрова, обрадовался. Он вошел в дом и говорит:

— Да, мой друг не обманул меня!

Любопытная старуха стала пытать, что это за новый друг появился у старика.

Пришлось старику рассказать о своей встрече с медведем. А медведь в то время притаился под дверью и все слышал.

Едва стемнело, перетаскал медведь обратно в лес не только те дрова, что сам принес, но и те, что привез старик.

На́ следующее утро старик не нашел даже щепок, чтобы растопить печку.

Пришлось ему опять ехать за дровами. Подъехал он к лесу, а въехать в чащу боится. Остановился на краю леса, собирает хворост. Пробегала мимо лиса: удивилась она, отчего это старик собирает хворост.

Рассказал старик, как поссорились они с медведем. Рассмеялась лиса и говорит:

— Я помогу твоей беде, а ты за это дашь мне улей меду. Теперь поезжай в лес, распряги быков и руби деревья. Медведь услышит стук топора и придет к тебе. Тут я закричу: «Мои охотники упустили огромного медведя, ты не видал такого?» Ты отвечай, что не видел. Испугается медведь и согласится выполнить любой твой приказ. Ты вели ему лечь в сани, привяжи его покрепче, и он никуда от тебя не уйдет.

Старик так и сделал. Поехал в лесную чащу, а лиса поднялась на гору, смотрит.

Только услышал медведь стук топора, вышел он из берлоги и подошел к старику.

Тут лиса как крикнет:

— Э, гей-гей, мои охотники упустили огромного медведя, ты не видел такого?

— Не видел,— ответил старик.

При этих словах медведь даже присел со страху.

— А что это чернеет неподалеку от тебя? — спрашивает лиса.

— Скажи, что это большой пенек,— прошептал медведь.

— Это пенек! — крикнул старик.

— Если это пенек, почему ты не кладешь его в сани? — опять спросила лиса.

— Сделай вид, будто кладешь меня в сани,— прошептал медведь.

— Сейчас я положу его в сани,— ответил старик.

— Если ты сам не управишься, я помогу тебе,— крикнула лиса.

— Скажи скорей, что не надо помогать, я сам залезу в сани и лягу! — взмолился медведь.

— Нет, нет, не надо мне помогать,— сказал старик.

Он делал вид, будто поднимает пенек, а медведь сам лег в сани.

— Если это пенек, почему ты не привяжешь его к саням, ведь он может вывалиться,— спрашивает лиса.

— Делай вид, будто привязываешь меня,— попросил медведь.

Старик взял веревку и крепко-накрепко привязал медведя к саням.

Лиса опять закричала:

— Почему ты не ударишь этот пенек топором?

— Размахнись топором, будто хочешь ударить меня,— попросил медведь.

Старик взял топор и убил медведя.

Так старик избавился от своего врага, а лиса получила целый улей меду.

74. Сто и одна хитрость

Попала лисичка в капкан — прищемило ей лапу. Неподалеку пробегала другая лиса. Увидела она, что попала лисичка в беду, пожалела ее.

— Как это случилось, как могла ты попасть в капкан!? — сказала она.

Заплакала лисичка:

— Видно, пришла моя погибель: утром придет охотник, убьет меня и снимет шкуру.

— Не плачь! Я знаю сто одну хитрость и одну из них открою тебе. Как только я уйду, притворись мертвой. Придет охотник и вынет тебя из капкана; пока он будет привязывать капкан к телеге, ты вскочи и убегай.— И лиса скрылась в кустах.

Лисичка так и сделала: прикинулась мертвой. Приехал охотник. Обрадовался он добыче, вынул ее из капкана и положил в сторону; только стал он привязывать капкан к телеге, как лисичка вскочила и убежала в лес.

Прошло немало времени. И вот та лиса, которая учила хитрости, сама попала в капкан. Мимо шла та лисичка, которую

она когда-то освободила. Жалко ей стало лису, да только не знала она, чем помочь ей. А лиса и говорит:

— Помнишь, когда тебе было худо, я помогла тебе; теперь ты выручи меня из беды!

— Я бы рада спасти тебя, да не знаю ни одной хитрости. А ты ведь знаешь сто и одну хитрость. Ты открыла мне одну; вспомни-ка еще одну хитрость, и ты спасешься.

— Я обманула тебя тогда; я знала всего-навсего одну хитрость и ту открыла тебе,— заплакала лиса, попавшая в капкан.

Что делать? Побежала лисичка в лес — попросить помощи у других зверей. А лиса тем временем притворилась мертвой.

Не успела лисичка с помощью: вскоре приехал охотник. Когда увидел он в капкане «мертвую» лису, сказал: «Обманула ты меня один раз, второй раз не удастся». Убил лису, а потом уже вынул ее из капкана.

75. Лиса и собака

Однажды во время охоты увидела собака лису и погналась за ней. Быстро бежала лиса, а собака — еще быстрее. Вот уж совсем близко лиса, сейчас схватит ее собака за пушистый хвост. Вильнула лиса хвостом и припустила из последних сил.

Добежала лиса до своей норы, забилась в нее. А собака села у норы, ждет, когда лиса выйдет.

Лежит лиса в норе и спрашивает.

— Уши мои, что вы сделали, чтобы спасти меня?

— Мы прислушивались к каждому шороху и первыми услышали собачий лай.

— Правду говорите. Глаза мои, что вы сделали, чтобы спасти меня?

— Зорко глядели и первыми увидели собаку, которая бежала к тебе.

— Правду говорите. Ноги мои, что вы сделали, чтобы спасти меня?

— Мы унесли тебя от собаки.

— Тоже правда. А что сделал ты, мой пушистый хвост, чтобы спасти меня?

— Я метался то в одну, то в другую сторону, чтобы отвлечь собаку.

— Лжешь, проклятый хвост! Ты цеплялся за каждый колю-

чий куст, чтобы собака могла схватить меня. Ты мне больше не нужен!

И лиса высунула хвост из норы. Ухватилась собака за хвост и вытащила лису из норы.

76. Лиса и барсук

Лиса и барсук шли по дороге и нашли целый мешок жареного мяса. Лиса и говорит:

— Как нам быть? Не станем же мы есть мясо тут же на дороге, словно собаки! Мы съедим его по всем правилам!

Растерялся барсук:

— Решай, мудрая лиса, как лучше нам поступить!

— Давай выясним, кто из нас старше, тот пусть и съест мясо.

— Сколько же тебе лет? — спросил барсук.

— Скажи лучше ты, сколько тебе лет,— ответила лиса.

Подумал барсук и сказал:

— Когда небо над нами только еще начинало голубеть, когда только еще начинала застывать земля, я появился на свет.

Вдруг лиса горько-горько заплакала. Растерялся барсук.

— Что случилось, почему ты плачешь, рыжая? — спросил он.

— Я вспомнила, что тогда умер мой единственный сыночек, которого я не могу забыть до сих пор.

Все мясо досталось лисе. Съела она его, и пошли они дальше. Шли-шли и нашли дохлого ягненка.

— А с этим как нам быть? — спросил барсук.

Лиса уже наелась мяса и говорит:

— Давай ляжем спать, и пусть ягненок достанется тому, кто увидит самый интересный сон.

Решено — сделано. Улеглись они под кустиком. Сытая лиса мгновенно уснула, а барсуку не спится на голодный-то желудок. Встал он, съел ягненка и тоже уснул.

Выспалась лиса, встала и растолкала барсука:

— Расскажи, какой сон тебе приснился?

— Теперь твоя очередь рассказывать первой,— ответил барсук.

Лиса и говорит:

— Приснилось мне, будто стала я прекрасной девушкой, дочерью хана. Стала я жить в хрустальном дворце: только и

дел у меня что пиры да веселье. Верные слуги не успевают подавать лучшие вина да всякие сладости.

Обрадовался барсук:

— Правда, лиса, и я видел, какой чудесный сон приснился тебе; вот я и подумал, что ты не станешь после таких яств есть дохлого ягненка. Встал я и съел его сам.

77. Лиса и цапля

Давным-давно в одном дремучем лесу выросла огромная береза. Стояла она на высокой горе; если смотреть на нее снизу, не видно было верхушки,— наверное, доставала она до самых облаков. Одна голубка свила на той березе гнездо, и вскоре вывелись у нее птенцы.

Не могла нарадоваться голубка на своих птенцов, с утра до вечера она ворковала с ними, кормила их, согревала своим телом, играла с ними.

Однажды бежала по лесу голодная лиса, услышала она, как воркует голубка со своими птенцами. Остановилась она под деревом и говорит:

— Этот лес весь мой, это дерево мое, в нем дупло тоже мое, и в дупле гнездо мое. Убирайся прочь, голубка, я хочу срубить это дерево.

— Добрая лисонька, подожди рубить дерево, дай хоть подрасти моим птенцам!

— А сколько их у тебя?

— Трое.

— Что за беспорядки! Разве ты не знаешь, что голубке нельзя иметь больше двух птенцов! Дай-ка мне третьего, я отнесу его кукушке, пусть она его растит! Не то сейчас буду рубить дерево.

Что делать — отдала голубка одного птенца.

Схватила его лиса, отбежала в кусты, съела, идет назад, приговаривает:

— Этот лес весь мой, это дерево мое, в нем дупло тоже мое, и в дупле гнездо мое! Убирайся прочь, голубка, я хочу дерево рубить.

— Лисонька-душа, позволь мне вырастить хоть двух птенцов!

— Нельзя иметь сразу двух птенцов — подрастут они, станут драться и раскачают мое дерево. Отдай мне одного на вос-

питание — я сделаю из него настоящего джигита. Не то сейчас дерево срублю.

Отдала голубка и второго птенчика. Лиса опять в кусты, съела птенчика и опять идет к дереву.

— Этот лес весь мой, это дерево мое, в нем дупло тоже мое, и в дупле гнездо мое. Убирайся прочь, голубка, я хочу дерево рубить!

— Ну, и руби,— отвечает голубка,— только не отдам я тебе последнего птенчика!

«Почему же голубка стала вдруг такой храброй?» — спросите вы. Дело в том, что, пока лиса ела в кустах птенца, на то дерево, где было гнездо голубки, опустилась цапля. Увидела она, что голубка чем-то опечалена, и спросила:

— Кто обидел тебя?

Рассказала ей голубка, как лиса поедает ее птенцов. Цапля и посоветовала:

— Не бойся лисы: что бы она ни говорила, никогда не сможет она взобраться на дерево! Если придет еще раз, ты скажи ей: «Ну-ка, залезь ко мне на дерево и сама забери птенчика!»

И цапля улетела к себе на речку.

Вот почему так расхрабрилась голубка и даже сказала лисе:

— Если сможешь влезть на это дерево, влезь сюда и съешь и меня и моего птенца!

Смекнула лиса, что кто-то подучил голубку, и спрашивает:

— Это кто же научил тебя так разговаривать со мной?

— Цапля,— ответила простодушная голубка.

Решила лиса отомстить цапле. Отправилась она на речку и видит: та стоит себе у реки, отдыхает.

— Если справа подует сильный ветер, то как спрячешь ты свою голову от него? — спросила лиса.

— Поверну ее влево,— ответила цапля.

— А если ветер подует слева? — опять спросила лиса.

— Тогда поверну вправо,— ответила цапля.

— А что ты сделаешь, если ветер подует сразу со всех сторон? — не унималась лиса.

— Тогда спрячу ее под крыло!

— Никогда я не поверю, что твоя голова поместится под твоим крылом. А ну-ка, попробуй спрячь ее под крыло хотя бы на часок!

Рассердилась цапля и спрятала голову под крыло. В два прыжка подскочила к ней лиса и набросилась на нее, приговаривая:

— Эх, несчастная цапля, навредила ты сама себе: помогла голубке и спасла ее птенцов, но себя-то не смогла спасти и доверила свою голову врагу.

И коварная лиса съела цаплю.

78. Клятва ежихи

Жил-был на свете старик. Однажды он пошел в лес за дровами и принес оттуда большой сухой пень. Внутри того пня сидела ежиха, но старик, не знавший об этом, бросил пень в огонь. Пень стал гореть, а ежиха — задыхаться от дыма и огня. Тут она взмолилась: «О аллах, помоги мне выйти живой из огня — я обещаю сделать три курмена *».

Старик, который ничего не знал о ежихе и ее клятве, пошел посмотреть, как разгорается огонь, и увидел, что дом полон дыма. Рассердившись, он вынес пень во двор, облил его водой и бросил, а сам отправился за топором, чтобы разрубить пень. Тем временем ежиха выскочила из пня и убежала в лес.

К весне у ежихи родилось трое ежат. Когда ежата подросли и уже могли ходить за матерью, она сказала им:

— Однажды, когда я чуть не погибла в огне, дала клятву сделать три курмена. Я должна сдержать клятву, а вы помогите мне.

Повела она ежат в лес и нашла там большое дерево — дикую грушу, в дупле которой жили дикие пчелы. Испугались ежата пчел, стали говорить:

— Аллах, аллах, мы ничего не сможем сделать с пчелами, нана.

Тогда мать повела их дальше по лесу, пока им не встретился медведь. Он собирал малину. Увидел он ежат, стал кричать:

— Это вы, наверное, с утра объели всю малину!

Ежата в один голос сказали:

— Нет, мы не едим малину. Мы пришли сюда не за малиной, а за тобой.

— Говорите, что вам от меня нужно,— сказал тогда медведь.

— Мы нашли дерево, в дупле которого живут дикие пчелы, и хотели накормить тебя медом. Пошли с нами,— сказали ежи.

Медведь обрадовался и пошел за ежами.

Когда пришли к дереву, медведь забрался на него и стал есть мед. Ежата, стоявшие под деревом, попросили себе немно-

го меда, но медведь будто и не слышал их просьбы — наелся сам досыта и стал спускаться вниз. Когда он увидел, что может сорваться с дерева, он стал просить ежат помочь ему. Но те ответили, что раз он не поделился с ними медом, то и они ему не помогут. Медведь снова стал просить о помощи, и тогда ежиха сказала: «Ладно, разрешаю тебе прыгнуть мне на грудь». Легла ежиха на пенек кверху грудью. Медведь приготовился прыгнуть, а ежиха в этот момент неслышно сползла с дерева. Медведь упал на пенек и разбился.

Можно считать, что два курмена мы уже сделали,— сказали ежата. Обрадованные, съели они медведя и пошли дальше.

— Теперь остается нам выполнить еще третий курмен.— И они пошли по следу оленя. Вскоре они увидели оленя — он стоял на лесной поляне, отдыхал. Остановились ежи. Подошел к ним олень.

— Чего ждете? — спросил он.

— Тебя поджидаем,— отвечали ежи.

— Если поджидаете меня, говорите, зачем я вам понадобился,— сказал олень.

— Говорят, что в лесу нет зверя больше и красивее тебя, но в этом большом мире ты ни на что не способен,— сказали ежи.— Бегать — не мастер, ходить тоже не мастер.

— Давайте побежим наперегонки и поглядим, кто мастер бегать,— рассердился олень.

— Побежали! — сказали ежи.

— Я сейчас не могу бежать — наелся досыта и еле-еле иду домой. Завтра в это же время давайте встретимся на этом же месте и побежим. Пока не пробежим четыре холма, не остановимся,— сказал олень.

— Ладно, мы согласны,— ответили ежи.

Когда олень отправился к себе, ежиха взяла ежат и пошла к назначенному месту. На первый холм она посадила одного ежонка и предупредила его:

— Когда прибежит олень, скажи ему: «Где ты был до сих пор, я давно уже прибежал сюда и отдыхаю, тебя ожидаючи, а ты только теперь достиг этого холма»,— и тут же свались с холма.

На второй холм она посадила второго ежонка и предупредила его так же, как и первого. На третий холм она отвела третьего ежонка и наказала ему делать все так же, как и первые два.

Сама она пошла к четвертому холму, где ее уже ждал олень.

— Ты и вправду пришла, маленькая ежиха,— удивился олень.

— Ты, олень, в дороге на меня не смотри,— я-то побегу под травами,— сказала ежиха и тут же свалилась с холма, а олень что есть силы побежал по дороге. Подбежав ко второму холму, он услышал слова:

— Где ты был до сих пор — я давно уже прибежал сюда и отдыхаю, тебя ожидаючи, а ты только теперь достиг этого холма.— Сказал так ежик и тут же свалился с холма.

Олень пустился бежать еще быстрее, но и на следующем холме поджидавший его ежик встретил оленя точно такими же словами, как и первый. И этот ежик свалился с холма, будто побежал дальше. Олень скакал еще быстрее.

В это время ежиха пошла к первому холму, где сидел первый ежонок. Он сказал ей, что олень уже пробежал мимо него, и они вместе отправились ко второму ежонку. Тот тоже сказал им, что олень пролетел мимо него очень быстро, с высунутым языком.

Втроем они отправились к третьему ежонку, опасаясь, что олень может разгадать их хитрость. По дороге к третьему холму они увидели, что олень лежит на дороге бездыханный.

— Это и есть наш третий курмен,— сказали ежи и наелись оленьего мяса.

После этого им захотелось попить воды. Они прихватили кусочек мяса и пошли к реке. Они оставили мясо на берегу, а сами пошли пить. Пока они пили, прилетела ворона, схватила мясо и хотела уже улететь, как ежи заметили ее.

— Не бери этого мяса, ворона. Если возьмешь, весь твой вороний род, говорящий «куаг», пропадет,— сказала ежиха.

Испуганная ворона крикнула тут «куаг», и мясо выпало из ее клюва. Ежи подхватили его и съели.

С тех пор ежиха жила богато и счастливо и никогда не давала аллаху никаких клятв.

79. Не рой другому яму

Когда — не помню, а где — не знаю, жил-был лев — царь зверей. Заболел однажды лев. Лежит он в своей пещере да ревет от боли так, что камни с гор сыпятся. Все звери, что живут в лесу, навещают его: кто расскажет ему смешную историю, а кто и посоветует, как поскорее вылечиться.

Чаще всех зверей приходил ко льву волк. А льву уж больно хотелось, чтобы к нему заглянула лиса. Как на грех лиса в то время сильно была занята — с кур дань собирала — и ни разу не забежала к больному.

Заметил это волк и говорит льву:

— О мой господин, напрасно ждешь ты лису! Она ждет — не дождется твоей смерти, чтобы самой царствовать над зверями.

Услышал слова волка барсук и решил предупредить лису: тотчас побежал к ней и рассказал все! На другой день, едва взошло солнце, является лиса в пещеру льва. Увидел ее лев, да как зарычит!

— Ах, коварная лиса, так-то ты заботишься обо мне — ни разу за мою болезнь и глаз не показала!

Опустила глаза хитрая лиса, да так вкрадчиво молвила:

— Да продлится твоя жизнь, царь зверей, да станешь ты здоров и быстр, как молодой олень! Напрасно гневаешься на меня, верную твою слугу! Пока звери сидели у тебя да без толку охали, я обежала лучших лекарей и узнала самое верное лекарство от твоей болезни.

Подобрел лев.

— И какое же лекарство поможет мне? — спросил он.

— Все лекари говорят, что единственное лекарство, которое может тебя вылечить,— это альчик из живого волка.

— Скорее позови волка! — приказал лев.

Мигом отыскала лиса волка и позвала его. Тот мгновенно явился. Лев приказал содрать у волка шкуру с задней ноги и вынуть альчик.

Сказано — сделано. Побрел волк домой, волоча раненую ногу. Тем временем лиса вывалялась в грязи и, будто не зная ни о чем, направилась навстречу волку.

— Эй, серый, что это стряслось с тобой? — участливо спросила она.

— Я наказан по заслугам,— отвечал волк,— ведь недаром говорят: «Делая зло, на добро не надейся».

80. Как аукнется, так и откликнется

Захотел муравей пить — пошел он к реке. Подошел совсем близко к воде, подхватило его волной и понесло. Волна то поднимала его, то бросала вниз — устал муравей, вот-вот захлебнется.

В это время голубь нес сухую веточку. Увидел он, что погибает муравей, и бросил ему ту веточку. Вскарабкался муравей на веточку и спасся.

Много ли времени прошло, мало ли прошло, никто не знает.

Но однажды охотник пришел с сетью — хотел он поймать голубя. И вот когда уже охотник почти поймал голубя, муравей неслышно подполз и укусил его за ногу. От боли охотник отдернул руку от сети, а голубь, услышав шум, улетел.

ПРИМЕЧАНИЯ К СКАЗКАМ

1. Ханская дочь и охотник

Опубл.: СМОМПК, 1891. Вып. 12, с. 117—122.

Записана Талибом Кашежевым в 70-х годах XIX в. Им же выполнен перевод на русский язык.

2. Сказка о Каирбеке

Опубл.: СМОМПК, 1905. Вып. 35, отд. 2, с. 24—50.

Записана и переведена на русский язык учителем Кубанской учительской семинарии В. В. Васильковым в самом начале XX в.

Публикации предпослана небольшая заметка А. Богоявленского, редактора выпуска 35: «По содержанию своему темиргоевские сказки очень интересны с этнографической точки зрения. В них ярко отразились бытовые, большей частью уже отжившие свой век, особенности края, в котором они записаны: пастушеский быт, коневодство как главное занятие жителей, аталычество, джигитовка, охота, набеги для угона скота, рабство и работорговля, кровавая родовая месть, увоз или взятие силой невесты, гостеприимство, верность данному слову, паломничество в Мекку и т. п. Каждая из сказок этой группы изобилует этими бытовыми элементами. Вместе с тем они отличаются и оригинальностью своего содержания, по крайней мере в своей главной фабуле и бытовой обстановке, в которой действуют их герои. Так, первая из них, „Сказка о Темирбеке", хотя и включает некоторые уже известные сказочные мотивы... например, окаменелое царство, коварство и зависть менее талантливых братьев по отношению к более даровитому и благородному младшему брату, освобождение героя сказки из ямы с помощью громадного орла и т. п., но взятая в целом имеет своеобразный характер. То же самое нужно сказать и о второй из темиргоевских сказок — „Сказке о Каирбеке". К знакомым сказочным мотивам, затрагиваемым в ней, нужно отнести сластолюбивое старание старика хана, отца Каирбека, отнять у последнего его красавиц жен, хотя бы это стоило гибели его удалого и благородного сына. Сюда же должен быть отнесен чудовищный кабан, из пасти которого в момент его смерти вылетают три голубя, из которых потом образуются три воробья; точно так же к числу известных мотивов относим и мотив благодетельных голубей, помогающих ослепленному герою вернуть зрение. Но в целом и эта сказка оригинальна и при колоритности бытовых элементов весьма интересна. В четвертой из темир-

гоевских сказок отметим как знакомый сказочный мотив... рассказ о подмене письма, благодаря которому герой сказки, осужденный на смерть, вместо того женится на красавице. К таким же известным мотивам принадлежит рассказ о зачатии с помощью случайно принятого внутрь снадобья. Но, несмотря на это, и четвертая сказка и более того третья читаются с большим интересом и дают очень много ценных с этнографической точки зрения подробностей».

1. По обычаю горцев, гостя не следует расспрашивать о цели его приезда сразу по прибытии.

2. «Волосы ее были из чистого золота и серебра» или «Одна половина волос — золотая, другая — серебряная» — обязательный (и в большинстве случаев единственный) атрибут необыкновенной красоты героини адыгской сказки.

3. Упоминания о многоженстве героя весьма часты в сказках; как правило, жены живут в мире и согласии и нередко именно их верность и забота спасают героя от гибели.

4. Мотив оживления или исцеления героя после того, как он услышал разговор птиц или зверей,— традиционный для сказочного и героического нартского эпоса адыгов. Обычно в сказке говорится о том, что герой обретает дар понимать язык птиц и зверей после того, как окажет им какую-нибудь услугу. В данной сказке Каирбек наделен этим даром изначально.

5. В адыгских сказках довольно часто фигурируют женщины-богатырши, женщины-воительницы, которые вступают в борьбу с мужчинами и нередко превосходят последних в силе и храбрости. Вероятно, в образах этих персонажей отразились древние представления об амазонках, существование которых на Кавказе подтверждается не только многочисленными народными преданиями и легендами, но и археологическими данными (см., например: М. О. Косвен. Амазонки. История легенды.— «Советская этнография», 1947, № 2, 3).

3. Приключения молодого пши

Рассказал Юсуф Хабечевич Ачмиз, 75 лет, шапсуг, колхозник, неграмотный; аул Псейтук Тахтамукаевского р-на ААО.

Записал Б. М. Берсиров, студент АГПИ, 12 августа 1959 г. Архив АНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

Сказка представляет интерес как показатель своеобразия бытования традиционного сюжета на современном этапе: основные элементы сохраняются, но претерпели существенные изменения.

1. По обычаю горцев, хозяин должен был постоянно уделять внимание гостю — не только обильно и вкусно кормить, хорошо ухаживать за его конем и развлекать его, но и ни в коем случае не оставлять одного.

2. В большинстве случаев нагучица — древняя старуха с веретеном в руках и с огромными грудями, закинутыми за спину. В данном варианте нагучица выступает в мужской ипостаси. Это можно объяснить общей деформацией традиционного сюжета, в частности, в предыдущей записи с героем состязается сама красавица.

3. Три серые змеи в традиционных сказках и нартском эпосе предназначаются для расправы с героем. В ряде случаев герой побеждает их с помощью магии — «стальных» усов (змеи обычно сидят в преподнесенном ему хмельном напитке). В данном случае в соответствии с ситуацией герой убивает змей мечом.

4. По обычаю адыгов, перед свадьбой невесту (особенно если она из другого аула) отводили не в дом жениха, а в дом его родственников или какого-либо уважаемого человека, где оберегали честь и достоинство невесты (см.: М. И. Мижаев. Мифологическая и обрядовая поэзия адыгов. Черкесск, 1973, с. 92).

4. Сказка о Темирбеке

Опубл.: СМОМПК, 1905. Вып. 35, отд. 2, с. 1—24.

Записана и переведена на русский язык В. В. Васильковым в самом начале XX в.

1. В сказке нашли отражение дружественные связи адыгов с соседними народами. Упоминания об отношениях с калмыками встречаются весьма часто.

2. Конь занимал особое место в жизни горца. Не случайно в сказках нередко подчеркивается, что коней лучшей породы содержат в тайне от окружающих, в подземной конюшне, куда не должны проникать даже солнечные лучи.

3. Одна из сюжетных универсалий нартского героического и сказочного эпоса адыгов. Во время игры в альчики — «бабки» мальчик, проигравший свои альчики, начинает отнимать их у победителя. Тот, защищаясь, упрекает его, говоря, что лучше бы он отомстил за смерть своего отца. Вторая часть эпизода — испытание матери с целью узнать у нее, где находится знаменитый табун хана,— утрачена. Явное свидетельство деформации традиционного сюжета, характерное уже для записей конца XIX в.

4. Постоянный прием, который пускает в ход герой адыгской волшебной и иногда бытовой сказки при встрече с великанами, внушая им таким образом уважение к своей силе.

5. Победа над чудовищем, которое каждую ночь высасывало кровь у героини сказки,— традиционный подвиг сказочного героя.

6. Обычно орел выносит героя из подземелья или из «другого» мира в благодарность за оказанные ему услуги; в данном случае — явная деформация древнего сказочного мотива.

5. Богатырь-женщина

Рассказала Айтхан Керашева, 30 лет, кабардинка, колхозница, неграмотная; аул Кошехабль Кошехабльского района ААО.

Записал И. С. Цей, писатель, 17 мая 1935 г., г. Краснодар. Архив АНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

1. Месть героя (или героини) за кровь отца, брата или мужа — традиционный мотив адыгского фольклора (главным образом нартского

эпоса и сказки). Иногда мститель привозит кровь убитого врага родителям погибшего, ослепшим от слез. Протерев ею глаза, они обретают зрение.

2. В фольклоре разных народов Кавказа женщина выступает мстительницей исключительно в тех случаях, когда в роду истреблены все мужчины, способные совершить возмездие.

3. Стальные ножницы — традиционный предмет обихода героинь адыгского фольклора (преимущественно героического эпоса и сказки). Вероятно, это какой-то древний мифологический предмет, исконное значение которого утрачено. Е. Б. Вирсаладзе высказывает предположение, что эта мифологема связана со стрелой-ножницами — «знаком» хозяйки зверей, владычицы леса. См.: Е. Б. Вирсаладзе. Грузинский охотничий миф и поэзия, с. 73—74.

6. Аслануко — сын львицы

Рассказал Хаджимос Исламович Шхурпаидзе, 61 год, бжедуг, колхозник, неграмотный; аул Начерезий Теучежского района ААО.

Записал Н. Багов, студент АГПИ, 16 августа 1963 г. Архив АНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

1. В сказках адыгских народов отразились древнейшие представления о связи человека с тотемными животными. В данной сказке мотив рождения человека от зверя сильно затемнен (эпизод о том, как у львицы появился сын-человек, опущен), но вместе с тем связь Аслануко с миром животных сохраняется до конца. Даже обретя верного друга среди людей, Аслануко в конце концов уходит в лес.

Упоминания о слонах, львах, крокодилах и прочих экзотических животных, не обитающих на Кавказе, характерны для фольклора народов Кавказа. Эту особенность еще в прошлом веке отметил известный кавказовед П. К. Услар: «Несмотря на незнание или полузнание горцами львов и орлов, и львы и орлы часто употребляются ими для сравнения» (см.: П. К. Услар. Этнография Кавказа, II, с. 82).

2. Как правило, герой сказки встречает на своем пути одного иныжа (реже — трех, а иногда и семь). Упоминания о крае (стране) иныжей, где они властвуют безраздельно, крайне редки. Характерно, что иныжи соблюдают те же обычаи, что и горцы, в частности обычай гостеприимства.

3. Описание того, как герой становится «молочным» сыном нагучицы, традиционно для адыгской сказки. Стабильна и формула-проклятие, которое произносит при этом нагучица.

4. По обычаю, хозяин должен был сопровождать гостя, пока тот не достигнет границ его края или пока гость не поблагодарит его и не разрешит возвращаться обратно.

7. Сказка о Хагоре

Опубл.: СМОМПК, 1891. Вып. 12, с. 78—86.

Записана Талибом Кашежевым в 70-е годы XIX в. Им же выполнен перевод на русский язык.

Л. Г. Лопатинский сравнил эту сказку с древнегреческим сказанием о циклопе Полифеме, с идентичными русской и мингрельскими сказками. Он проследил, как популярный сюжет адаптировался на кабардинской почве в соответствии с особенностями географии и быта кабардинцев, утратив при этом некоторые специфические эпизоды (с. 86—88): «В этой любопытной сказке бросается в глаза слияние двух сказочных мотивов: превращение мужа чародейкой-женой и приключение в пещере одноглаза; кроме того, к последнему мотиву прибавлен еще эпизод о борьбе с одноглазом.

Детали первого сказочного мотива в сказках других народов несколько иные. Так, например, русская сказка говорит о превращении мужа в кобеля, а затем в дятла, воробья и черного ворона; неверной же жены — в кобылицу, а любовника — в жеребца. Средством превращения служит плеть или прут (у немцев Munschruthe). В других однородных сказках одно удивительное происшествие — диво сцепляется обыкновенно *с другим таким же дивом; например, рыбак тащит сетью щуку, под*жаривает ее на огне и собирается съесть, как вдруг рыба прыгает прямо в озеро; когда же рыбак высказывает свое удивление, то она, заговорив человеческим голосом, отсылает его к охотнику, а тот — к мужику, причем каждый рассказывает о случившемся с ним диве. И в нашей сказке есть такое же сцепление: лань, подвернувшаяся охотнику на охоте, отсылает его к Хагору, чтобы его натолкнуть на спасительный подвиг в пещере великана. Развязка поражает такой же неожиданностью, как и... в сказке „Красавица Елена и богатырь-женщина": лань оказалась дочерью Хагора и будущей женою богатыря-охотника.

Второй сказочный мотив передает то же происшествие, что и в IX песне „Одиссеи" (от 170-го стиха до конца рапсодии). Обстановка пещеры нашего одноглаза поразительно схожа с обстановкой пещеры циклопа, более даже, чем в мингрельской сказке, напечатанной в V выпуске СМОМПК; *само же происшествие в последней более сближено* с греческим мифом. Отличие кабардинской сказки от греческой и мингрельской заключается в том, что в нашей сказке в пещеру одноглаза является сперва Хагор *один* (курсив Л. Г. Лопатинского.— *А. А.*), и, когда ему угрожает опасность быть съеденным заживо, он пускает в ход раскаленный вертел (как и в мингрельской, в греческой же сказке — заостренный кол, обожженный на огне), чтобы лишить великана единственного его глаза, а потом уже приходит с восемью своими сыновьями, которые и делаются жертвой кровожадности великана, между тем как в греческой и мингрельской сказках герой рассказа является в пещеру сразу *вместе* со своими товарищами — в мингрельской с восемью же, а в Одиссее с двенадцатью, из которых как в той, так и в другой сказке погибает по *шести.* Спасается же наш герой из пещеры, как Одиссей с оставшимися в живых товарищами, под волнистым брюхом барана (в нашей сказке — козла), между тем как мингрельский герой с оставшимся в живых братом снимают с баранов шкуры и, прикрывшись ими, проскальзывают между ног великана.

Затем в нашей сказке не упоминается ничего о других циклопах (и в мингрельской тоже) и опущен вымысел о том, как Одиссей спаивает вином одноглаза и обманывает его, скрыв свое настоящее имя под двусмысленным названием „Никто". Наконец, нет одной подробности — бегства Одиссея на корабле (в мингрельской сказке есть), что объясняется свойствами природы Кабарды.

Сказание об одноглазе распространено у различных народов, причем одни сказания менее и другие более удаляются от греческого прототипа. В высшей степени любопытные сравнения между сказками на эту тему помещены в IV томе Народных русских сказок Афанасьева и в IV выпуске „Этнографического сборника“ В. Ф. Миллера.

Эпизод о борьбе с великаном можно сблизить с мотивом татарской сказки о „Коровьем сыне“, напечатанной в IX выпуске «Сборника». Впрочем, приемы борьбы, состоящей во вбивании борющихся друг с другом в землю, встречаются только в русской сказке „Иван Быкович“, причем и детали почти те же (Афанасьев. Народные русские сказки, I, с. 335)».

1. Традиционный мотив фольклора народов Кавказа, в частности адыгского нартского и сказочного эпоса: убитое на охоте и освежеванное животное оживает и, убегая от охотника, говорит, что в его «воскресении» нет ничего удивительного. Узнать о более удивительном происшествии животное отсылает охотника к кому-нибудь другому. Рассказ последнего обычно представляет самостоятельный и развернутый сюжет.

2. Распространенный вид состязания сказочных богатырей — вбивать по очереди друг друга в землю. Тот, кто вгонял противника по горло, сносил ему голову.

8. Сказка о Бамбете

Рассказал Юсуф Хабечевич Ачмиз, 75 лет, шапсуг, колхозник, неграмотный; аул Псейтук Тахтамукаевского района ААО.

Записал Б. М. Берсиров, студент АГПИ, 12 августа 1959 г. Архив АНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

По элементам сюжета близка предыдущей. Содержит интересный материал, дающий представление о современном бытовании традиционного сказочного сюжета — о превращениях героя в животных. Основные эпизоды сказочного повествования сохраняются, но излагаются лаконично.

9. Кан батрачки

Рассказал Хаджимос Исламович Шхурпаидзе, 61 год, бжедуг, колхозник, неграмотный; аул Начерезий Теучежского р-на ААО.

Записал Н. Багов, студент АГПИ, 11 июля 1963 г. Архив АНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

В составе этой сказки такие традиционные мотивы и эпизоды, как кровная месть женщин, поиски ими героя, который поможет им погубить врага, встреча героя с иныжем и победа над ним. Вместе с тем в разработке и контаминации нескольких сюжетов весьма ощутима деформация сказочного повествования, что характерно для многих современных записей адыгских сказок.

1. Оставить мужчину без головного убора — значит оскорбить его мужское достоинство.

2. Кормить охотников и ухаживать за конями должен был хагрей.

3. По обычаю, самый младший из спутников должен ехать (или идти) с левой стороны. Если старшему понадобится послать его с каким-то поручением, ему не надо нарушать общий строй.

4. По обычаю, женщины в присутствии мужчины не должны были садиться, не ели с ним за одним столом.

10. Сказка о младшем сыне

Самозапись Исхака Габлизовича Беретаря, 26 лет, бжедуг, служащий, образование среднее; аул Ассоколай Теучежского района ААО; 14 ноября 1937 г., г. Майкоп. Архив АНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. X. Хут.

Эта сказка, как и предыдущая, имеет явные следы деформации.

1. В сказочном эпосе горцев весьма часты упоминания о «другом» мире или о нескольких мирах (верхнем, нижнем, среднем). Попав в этот «другой» мир, герой нередко обнаруживает, что жизнь там идет по тем же законам, что и на земле (в сказках тюркоязычных народов, например, в «другом» мире живут различные чудовища, враждебные человеку).

2. В сказке наряду с древнейшими мотивами («другой» мир) находим и отзвуки весьма поздних — патриархальных — представлений: отец лишает дочь княжеского сана только потому, что она вернулась с ребенком, отец которого никому не известен.

3. По обычаю горцев, младшие относились к старшим с большим почтением, и только предательство тестя позволяет Единжу обращаться с ним непочтительно.

4. Эпизод о победе Единжа над орлом, вероятно, утрачен. Ничего не говорится и о его возвращении в «другой» мир, ко второй жене.

11. Батыр, сын медведя

Рассказала Айтхан Керашева, 30 лет, кабардинка, колхозница, неграмотная; аул Кошехабль Кошехабльского р-на ААО.

Записал И. С. Цей, 18 мая 1935 г., г. Краснодар. Архив АНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. X. Хут.

1. В некоторых вариантах этой сказки говорится о том, что герой родился от сожительства медведя с женщиной, которую он похитил, унес к себе в берлогу и сделал своей женой. В публикуемом варианте мотив происхождения героя от тотемного животного утрачен — медведь только воспитывает ребенка и наделяет его богатырской силой.

2. Древнейший мотив воспитания героя тотемным животным контаминируется с явно более поздним сюжетом о его борьбе с князем.

3. В этой сказке, как и в некоторых других, встреча охотника с оленем оказывается роковой. Возможно, что в этом эпизоде отразились мотивы отношений охотника с «хозяйкой» леса, впрочем сильно затемненные (ср.: Е. Б. Вирсаладзе. Грузинский охотничий миф и поэзия, с. 32—33).

4. В этой сказке, как и в других, жизнь в подземном мире нисколько не отличается от земной, хотя он находится на «семь ярусов» ниже земли (см. также сказку № 10, примеч. 1).

12. Сказка о Долетмизе

Рассказал К. Хутыз, аул Афипсип Тахтамукаевского р-на ААО.
Записал И. С. Цей, 18 февраля 1935 г. Архив АНИИ.
Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

1. В знак почтения к старшему молодой человек не мог сесть в его присутствии и, конечно, не мог пользоваться его услугами.

2. Ответ Долетмиза — традиционная реплика героя адыгского фольклора. В других вариантах она бывает более развернутой, но смысл ее стабилен: герой выезжает в путь не в поисках богатства, а для того чтобы совершить подвиги или побольше узнать о незнакомых краях.

3. Превращение красавиц в чудовищ-бляго никак не мотивировано. Правда, в дальнейшем развитии сюжета жены Долетмиза обнаруживают необыкновенные способности — не только выстраивают за одну ночь красивые дома, но и подсказывают мужу, как выполнить трудные задачи, поставленные перед ним усарежем. Однако в других сказках все это делают обыкновенные женщины. Вероятно, какие-то элементы сказочного повествования утрачены.

4. Явно поздний мотив, в котором отразились мечты о «добром» князе.

5. Итам-Итыку — сказочная страна (иногда сказочная поляна), где пасутся кони необыкновенной породы.

13. Курджимуко Лаурсен

Рассказал Бий Шаззо, 78 лет, бжедуг, колхозник, неграмотный; аул Пчегатлукай Теучежского р-на ААО.

Записал И. С. Цей, 20 октября 1935 г., г. Краснодар. Архив АНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

1. По обычаю горцев, в отсутствие хозяина гость — мужчина — не должен был входить в дом.

2. Концовка явно поздняя, впрочем, весьма характерная для адыгейских вариантов, где сильны социальные мотивы.

14. Сын слепого Ногая

Рассказал Алий Схаляхо, 69 лет, шапсуг, колхозник, умел читать и писать, сам сочинял стихи и песни; аул Афипсип Теучежского р-на ААО.

Записал А. М. Гадагатль, поэт, научный сотрудник АНИИ, 20 сентября 1950 г. Архив АНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

1. По обычаю адыгов, женщины высшего сословия сидели обычно на шелковой постели.

2. См. примеч. 2 к сказке № 13 «Курджимуко Лаурсен».

15. Приключения юноши

Рассказал Хусен Датхужев, 67 лет, чемгуй, колхозник, неграмотный; аул Хатажукай Шовгеновского р-на ААО.

Записал Н. Ю. Куёк, студент АГПИ, 26 сентября 1958 г. Архив АНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

Сказка представляет интерес как образец своеобразной контаминации нескольких сюжетов, иногда в очень кратком изложении.

1. Как и у других кавказских горцев, у адыгов был обычай отдавать детей на воспитание. Обычно детей княжеского сословия брали вассалы — пши и уорки, чтобы таким образом породниться с князем. Ребенок, взятый на воспитание, назывался кан, его воспитатель — аталык, а жена воспитателя — аталык-ана. Воспитательница растила приемную дочь до шестнадцати лет, а приемного сына — до семи. После семи лет мальчик передавался на попечение приемного отца, который учил его владению конем и оружием, знанию горского этикета.

2. Родители не могли видеть своего ребенка, отданного на воспитание, пока ему не исполнится шестнадцать лет. По истечении этого срока аталык полностью снаряжал своего воспитанника, дарил ему лучшего коня и торжественно передавал родителям (в честь возвращения кана в родной дом устраивался специальный праздник). При этом аталык получал щедрые подарки и на всю жизнь сохранял любовь и преданность своего кана. Последний должен был уделять аталыку часть своей добычи, считался «молочным» братом его родных детей, пользовался с ними равными правами и должен был выполнять по отношению к аталыку обязанности, как и его родные дети.

То, что героя сказки отправили к отцу «раньше положенного времени», было нарушением обычая. Впрочем, это нарушение никак не мотивировано, что можно объяснить деформацией сказки в целом.

16. Сказка о Тлеубокоже

Рассказал Исмаил Деунежевич Куваев, 75 лет, абадзех, колхозник, неграмотный; аул Шовгеновск Шовгеновского р-на ААО.

Записал Б. М. Берсиров, студент АГПИ, 18 июня 1959 г. Архив АНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

1. Тлегуц-жаче (адыг.), т. е. Тлегуц-коротыш (в кабардинских вариантах Тлебыца-коротыш). Традиционный персонаж героического нартского эпоса и сказок адыгов, враждебный главному герою. Обычно владеет огромными табунами, которые герой у него угоняет.

2. Традиционный вопрос, который задают друг другу богатыри, угоняющие табун. Ехать впереди табуна безопаснее, чем сзади: тому, кто едет сзади, грозит опасность быть настигнутым и вступить в поединок с владельцем табуна. Тот, кто соглашается ехать позади табуна, демонстрирует свое бесстрашие перед противником.

3. В табуне Тлегуц-жаче обычно бывает жеребец-вожак. При угоне табуна он непременно возвращается к хозяину, чтобы известить его о случившемся, и хозяин на этом же жеребце настигает похитителей и вступает с ними в поединок.

17. Сказка о пшитле

Рассказал Шнупащ Нешевич Шадже, 100 лет, бжедуг, колхозник, неграмотный; аул Кунчукохабль Теучежского р-на ААО.
Записал Х. А. Хот, студент АГПИ, 15 августа 1963 г. Архив АНИИ.
Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

В этой сказке традиционные сюжетообразующие мотивы (поиски сыном погибшего отца, испытание им матери с целью узнать о судьбе отца, единоборство героя с иныжами и победа над ними, сожительство женщины с чудовищем-бляго, женитьба героя на спасенной им ханской дочери) сочетаются с позднейшими представлениями о социальном неравенстве и поздними бытовыми реалиями (меч весом в 32 фунта, гиря и пр.).

1. Сюжет о поисках отца деформирован: герой, отправившийся в путь, словно забывает, зачем он выехал из дому, и довольствуется тем, что нашел золотой дом, где сможет безбедно жить со своей матерью.

2. В характеристике матери героя обнаруживается явный алогизм: беспомощная старушка во второй части сказки ведет себя как молодая женщина — становится женой бляго (сожительство женщины не только с тотемными животными, но и с драконами-бляго нередко упоминается в адыгской сказке) и имеет от него ребенка. Вероятно, алогизм следует объяснить объединением нескольких самостоятельных сюжетов, которые не во всех элементах контаминируются органически.

18. Хан Сантемир и хан Тохтамыш

Опубл.: Кабардинские сказки, с. 17—20.
Перевод А. И. Алиевой.

1. В этой сказке, как и в «Сказке о младшем сыне», героем выступает персонаж героического эпоса и сказок многих тюркоязычных народов — Едиге (Единж, Эдидж). Сюжет этой сказки весьма близок к традиционным сюжетам аналогичных произведений фольклора тюркоязычных народов.

2. Смысл этого выражения утрачен.

19. Кадир

Опубл.: Кабардинские сказки, с. 26—32.
Перевод А. И. Алиевой.

1. Вероятно, пропуск сказителя: из текста неясно, как пши узнал о чудесных свойствах птицы.

20. Ханская дочь

Опубл.: Кабардинские сказки, с. 39—46.
Перевод А. И. Алиевой.

21. Красавица Елена и богатырь-женщина

Опубл.: СМОМПК, 1891. Вып. 12, с. 51—77.
Записал Л. Г. Лопатинский 12 июля 1889 г. в Кабарде, в ауле Кар-

мовом, со слов кабардинца Псабиды Кашежева, слышавшего эту сказку в молодости от Шу Кармова.

Эта сказка представляет значительный интерес с точки зрения ее сюжетного состава, поэтому, несмотря на явную стилизацию, она включена в сборник.

Перевод и литературная обработка Л. Г. Лопатинского.

Публикацию этой сказки сопровождает следующая «Заметка» В. Ф. Миллера: «Исполняя желание Л. Г. Лопатинского, предлагаю некоторые замечания к кабардинской сказке о красавице Елене и богатыре-женщине, хотя мои замечания далеко не уясняют сложного состава этой сказки. Трудность проследить ее генезис заключается в том, что она представляет комбинацию нескольких отдельных сказочных мотитов, которые в *таком* (здесь и далее курсив В. Ф. Миллера) сочетании доселе не встречались в обширной области народной сказки. Следующие замечания имеют целью уяснить, в чем именно заключается оригинальность кабардинской сказки в комбинации мотивов, хотя все же останется под сомнением, представляет ли эта комбинация продукт кабардинского творчества или кабардинцы получили эту сказку от других народов уже со всеми ее главными чертами.

Первая половина — похищение Елены и обратное добывание беглой жены мужем — один из самых распространенных сказочных сюжетов. На первый взгляд имя похищаемой жены (Елена), так же как некоторые детали похищения (приезд красавца-похитителя из-за моря в отсутствие мужа, увоз жены на корабле) напоминают классические сказания о похищении Елены Парисом и вызывают вопрос, не имеем ли мы в первой половине кабардинской сказки отголосок именно этих сказаний, подобно тому как на почве Кавказа уже были указываемы некоторые другие отголоски греческих сказаний (Прометей, прикованный к стене, одноглазый великан). Это предположение можно было бы подкрепить даже некоторыми частными параллелями, например: 1) как Парис прибывает в город Менелая из Трои, так кабардинский красавец из какого-то тоже приморского города; 2) Парису Елена оказывает гостеприимство в отсутствие мужа, уехавшего, по одному преданию, на остров Крит: такое же гостеприимство оказывает кабардинская Елена купцу во время отсутствия мужа, и в обоих случаях приезжий гость преступает права гостя; 3) кабардинский купец похищает Елену в то время, как она находилась на берегу: по детали, занесенной Ликофроном, в момент, предшествующий похищению, Елена на берегу моря приносила жертву Вакху; 4) возвратившийся кабардинский князь едет разыскивать жену, посоветовавшись с мудрым старцем, аталыком отца; Менелай отправляется на остров Пилос к мудрому старцу Нестору и выслушивает его советы; 5) женщине, помогшей кабардинскому красавцу увезти Елену, до некоторой степени соответствует, пожалуй, Афродита, помогшая (согласно ранее данному ею обещанию) Парису похитить Елену; 6) кабардинский муж возвращает себе жену после упорного боя при помощи товарища: Менелай снова добывает Елену в союзе с греческими героями...

Однако приведенные совпадения или черты сходства между кабардинской сказкой и греческими преданиями еще слишком недостаточны для решения вопроса, имеем ли мы в кабардинской сказке действительно отголоски классического сказания. Дело в том, что благодаря широкой известности классического сказания имя прекрасной Елены стало в на-

родных сказках как бы типическим для сказочных героинь, иногда коварных и изменяющих мужьям, причем в мотив „похищения жены“ нередко входят и некоторые другие детали классического предания, как, например, приезд похитителя на корабле из-за моря и в отсутствие мужа. Так, имя Елены Прекрасной встречается во многих русских сказках (напр., у Афанасьева, II, № 166, № 118; IV, № 179), а похищение на корабле хорошо известно из многочисленных сказок цикла Соломона, так детально обработанных академиком А. Н. Веселовским (см. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине, гл. V „Новые данные к истории Соломоновских сказаний“ в Разыскан[иях] в области духов[ных] стих[ов]. V, 1879—1883). Так, в славянских сказаниях волхв, получивший от Китовраса поручение выкрасть Соломонову жену, приезжает в Иерусалим на корабле с *товарами* (курсив автора.— *А. А.*) и начинает торговать (А. Н. Веселовский,— назв. соч., с. 220). После увоза Соломон, чтобы вернуть жену, „прииде во царство Китоврасово, аки прохожий старец *милостыню собирать*“ (там же, с. 221). С этой деталью можно сравнить переодевание кабардинского князя нищим [1]. Сказания об увозе Соломоновой жены проникли в народный эпос, югославянский и русский, приурочившись у сербов и болгар к циклу сказаний о Марке Кралевиче, которого неверная жена случайно также называлась Еленой (Иречек. История болгар, перев. Яковлева, с. 313). Из последних сказаний, обработанных г. Халанским в статье „К вопросу о заимствованиях в южнославянском народном эпосе“ [2], можно отметить, например, что Марко, отыскивая жену, переодевается монахом (с. 102, 105, 106), точно так же, как в нашей былине „О царе Соломоне, царице Соломонии и прекрасном царе Василии Окульевиче“, Соломон, отправляясь к похитителю жены,

Одевается во платьица *во нищие,*
Обувал лапотики семи шелков...

В болгарской песне „Митре Поморянче и Мария Белоградска“ (Миладиновы — Болгар[ские] песни № 184) Митре, чтобы увезти любимую девушку, приезжает на корабле с дорогими товарами из-за моря, подобно тому как в наших былинах лицо, увозящее Соломонию, называется Ивашка Торокашко *Заморянин* [3]. Эти примеры, число которых можно было бы значительно увеличить, показывают, что в сказаниях о похищении жен у различных народов встречаются некоторые знакомые черты классического предания, хотя бы эти сказания не имели ближайшего отношения ни между собой, ни к классическому преданию. Поэтому и

[1] По варианту сказания о Елене, обработанному Еврипидом, Елена была похищена Гермесом и привезена им в Египет к царю Протею, где она и жила в безопасности до его смерти, между тем как Менелай сражался с троянцами, думая, что Елена была похищена Парисом. По смерти Протея его сын Теоклимен домогался руки Елены, но она убежала от него и скрывалась у могилы Протея. Между тем Менелай на возвратном пути от Трои терпит кораблекрушение у острова Фароса *и в виде нищего* является во дворец Теоклимена. Затем супруги встречаются, обманывают Теоклимена и уезжают на данном им корабле.

[2] Русский филологический вестник, т. XI, с. 99 и сл.

[3] Рыбников II, № 52.

ближайшее отношение к последнему первой части кабардинской сказки должно пока остаться под сомнением.

В окончании первой половины сказки, именно в рассказе о встрече кабардинского князя с таинственным юношей, который напрашивается ему в товарищи и помогает ему добыть снова беглую жену, акад. А. Н. Веселовский (в частном письме ко мне) усматривает присутствие широко распространенного сказочного мотива „благодарных мертвецов". Содержание подобных сюжетов состоит в том, что за оказанное ему уважение мертвец, на время воскресая, руководит героем и в конце концов помогает ему овладеть какой-нибудь красавицей царевной. Этот мотив нередко контаминируется с другим однородным — с мотивом о „благодарных животных". Чтобы ограничиться „кавказскими" примерами, напомню сказки: «Рыба разноцветная» (Сборн. матер. для опис. мест. и племен Кавказа В, IX, отд. II, с. 75—83), „Красивая рыбка" (там же, В, X, с. 325) и „Золотой сазан" (Сборн. свед. о кавк. гор. VIII, прилож., с. 14—18), в которых развивается тот мотив, что отпущенная на волю царевичем рыба принимает вид юноши, встречается с героем как бы случайно и помогает ему добыть жену. В конце сказки обыкновенно является та черта, которую мы находим и в кабардинской: именно, помощник требует себе половины всего добытого, а также *половины* царевны, причем *замахивается* над нею мечом. Впрочем, результат этого места совсем не тот, что в кабардинской сказке: помощник кабардинского князя действительно рассекает княгиню с согласия мужа, между тем как в названных сказках помощник посредством угрожающего жеста исцеляет царевну от немоты [1].

Итак, в первой половине сказки соединены два мотива: а) увоз жены и б) добывание жены героем при помощи таинственного товарища, скрывающегося по оказании услуги. Оригинальность кабардинского рассказчика (или его источника) состоит в том, что он утилизировал второй мотив как *завязку* для дальнейших похождений героя. Таинственный товарищ, уезжая, указывает князю богатырскую сестру Барахуновых как достойную его невесту. Князь отправляется на поиски и отыскивает невесту, которая оказывается его прежним таинственным товарищем. Последний мотив, по-видимому, до сих пор не встречался в области сказок и пока представляет „unicum". На мой вопрос акад. А. Н. Веселовский, замечательный знаток сказочных сюжетов, отвечал мне, что он также не знает такого мотива, чтобы лицо, помогающее мужу добыть беглую жену, оказалось потом девой-богатыршей. Быть может, впоследствии будут найдены параллели к этому мотиву, но теперь можно только заметить, что в кабардинской сказке весьма искусно спаяны обе половины, представляющие развитие двух не зависимых друг от друга сюжетов.

Переходя к разбору второй половины сказки, мы опять можем отметить, как и в первой, присутствие двух мотивов: а) прибытие героя на

[1] Аналогичная этому черта встречается, как сообщает мне А. С. Хаханов, в грузинской народной поэме о Тариеле. По варианту ее, записанному в Карталинии, героиня поэмы Нестан-Дареджена была захвачена в плен демонами. По освобождении ее из плена братья Автандил и Тариель заспорили о том, кому она должна принадлежать. Автандил *предложил рассечь ее пополам и замахнулся на нее мечом.* От испуга Нестан выкинула чертенят, так как во время пребывания у демонов забеременела от них.

остров и победа в состязательных играх, б) женитьба героя на богатырской деве. Ввиду значительно большого интереса первого мотива мы остановимся только на нем, отсылая читателя для параллелей ко второму, к исследованию проф. Сазоновича „Песня о девушке-воине и былины о Ставре Годиновиче“ (1886 г.).

Как в первой половине сказки можно было бы видеть отголоски классического сказания о похищении Елены, так во второй можно отметить некоторые черты, живо напоминающие гомеровский рассказ о пребывании Одиссея на острове фэакийцев при дворе царя Алкиноя.

1) Остров братьев Барахуновых напоминает остров фэакийцев. Как Одиссей попадает к фэакийцам в конце своего продолжительного блуждания по морям, так и князь Занэ изъездил и Черное и Средиземное моря, прежде чем попал на остров Барахуновых.

2) Царь Алкиной с многочисленными сыновьями своими оказывает гостю радушный прием и между прочим угощает его пением. Как *уэрэдхоу* [певец.— *А. А.*] в доме Барахуновых воспевает события из жизни приезжего гостя (Занэ) *в два приема* и вызывает у него слезы, так певец Демодок при дворе Алкиноя *в два приема* поет о троянских событиях, прославляет подвиги Одиссея, и последний:

„Сильною рукою широкопурпурную мантию взявши,
Голову ею облек и лицо благородное скрыл в ней:
Слез он своих не хотел показать фэакийцам“ [1].

3) После пения устраиваются игры: борьба, бег взапуски, метание камней. Как князь Занэ по приглашению хозяев бросает камень дальше всех братьев Барахуновых, так и Одиссей сначала, как и Занэ, отказывается участвовать в играх, затем мечет камень дальше всех сыновей Алкиноя и этим возбуждает всеобщее уважение.

Эти детальные совпадения кажутся мне настолько важны, что я склонен видеть в них действительные отголоски сказаний об Одиссее. В подтверждение этому предположению можно привести, во-первых, отголоски греческого эпоса; во-вторых, то, что параллели другого приключения Одиссея, именно его встреча с одноглазым великаном, были в значительном количестве отмечены в кавказских сказках (см. мою статью „Кавказские сказания о циклопах“ в „Этнографич. обозрении“, 1890, № 1, с. 25—44). Припомним, что рассказ об участии Одиссея в состязании при дворе Алкиноя и о певце Демодоке входит в VIII песнь „Одиссеи“, а рассказ о встрече Одиссея с циклопом Полифемом в следующую — IX песнь. Таким образом, мы имеем, по-видимому, на почве Кавказа отголоски двух песен „Одиссеи“, или, говоря точнее, отголоски тех же народных сказаний, которые некогда вошли в состав „Одиссеи“, так как в настоящее время вполне установилось убеждение, что вся „Одиссея“ составилась из отдельных эпических сказаний, связанных искусственно в одно целое и наслоившихся на имя Одиссея. В числе таких сказаний Герландом было отмечено немало народных сказок, которые известны и в индийских сказочных сборниках, и между прочим им же проведена, весьма убедительно, параллель между греческими мифическими фэакийцами и индийскими сказочными видьядгарами».

---

[1] Од. VIII, 84 и сл.

Публикацию аналогичного абхазского варианта И. Левин оценивает как «новеллистическую конфабуляцию, вероятно, лубочного происхождения, в конспективном переводе». И. Левин не согласен с мнением Вс. Ф. Миллера о том, что сказка представляет собой пересказ истории похищения Елены и Троянской войны в кавказской версии (см.: И. Левин. Типологический анализ сюжетов.— Абхазские сказки, с. 459).

1. Обычай оставлять жен на год после свадьбы или после уговора о свадьбе в доме родителей М. М. Ковалевский связывал с обычаями амазонок жить отдельно от мужчин, избранных ими в любовники. См.: М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе. Т. I. М., 1890. гл. I, с. 23—25.

22. Каждый молодец на свой образец

Опубл.: СМОМПК, 1891. Вып. 12, с. 112—116.

Записана Талибом Кашежевым в 70-е годы XIX в. Им же выполнен перевод на русский язык.

23. Сказка об Анзауре

Опубл.: СМОМПК, 1905. Вып. 35, отд. 2, с. 51—69.

Записана и переведена на русский язык В. В. Васильковым в начале 1900-х годов.

24. Чья заслуга больше?

Опубл.: СМОМПК, 1891. Вып. 12, с. 89—92.

Записана Паго Тамбиевым в 70-е годы XIX в. Им же выполнен перевод на русский язык.

Публикацию сопровождает следующая «Заметка» Л. Г. Лопатинского: «Обращаю только внимание на упоминаемое в нашей сказке название города Вавилона, исчезнувшего уже давно с лица земли и сохранившего в памяти народов только свое библейское значение. Очевидно, под ним кроется название города Багдада, столицы халифов и вместе с тем главного театра действия „Тысячи и одной ночи“».

1. Другие варианты этой сказки, как и всякой другой, имеют счастливый конец — девушка выбирает себе в мужья одного из претендентов и становится его женой. В данном случае концовка явно поздняя.

25. Кто больше?

Опубл.: Там же, с. 93—96.

Записана Паго Тамбиевым в 70-е годы XIX в. Им же выполнен перевод на русский язык.

1. Сорок — традиционное число в фольклоре адыгов, так же как три и семь.

26. Бык-великан

Рассказал Бий Шаззо, 82 лет, бжедуг, колхозник, неграмотный; аул Пчегатлукай Теучежского р-на ААО.

Записал Ю. И. Тлюстен, писатель, 12 октября 1940 г. Архив АНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

1. Современная запись одного из популярных сказочных сюжетов, широко известных у многих кавказских народов. Обращает на себя внимание удивительно устойчивая сохранность не только основной сюжетной канвы, но и многих деталей (ср. со сказкой № 25 «Кто больше?»).

27. Девочка, которая принесла золото

Рассказал Исмаил Зекох, бжедуг, колхозник, неграмотный; аул Казанукай Теучежского р-на ААО.

Записал Ю. И. Тлюстен, писатель, 28 октября 1940 г. Архив АНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

28. Фаруза

Рассказал Амерзан Пшимафович Цей, 79 лет, бжедуг, колхозник, неграмотный; аул Джиджихабль Теучежского р-на ААО.

Записал Ш. Х. Хут, студент АГПИ, 22 мая 1960 г.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

29. Три дочери старика

Опубл.: ССКГ, 1872. Вып. 6, с. 108—114.

Записана К. Атажукиным в 50-е годы XIX в. Им же выполнен и перевод на русский язык.

1. Согласно языческим представлениям адыгов, в реках жила псыхогуаша, хозяйка реки (в переводе Л. Г. Лопатинского — речная госпожа).

2. К. Атажукин поясняет в комментарии: Айриш — Айриша кан — «правильнее, вероятно, ерыш, что значит „упрямый, -ая, терпеливый, -ая“. Следовательно, Айриш — Айриша-кан значит: упрямая воспитанница; упрямой же названа так, вероятно, потому, что упорствует на том, чтобы оглянуться на зов» (с. 112).

30. Чудесная гармошка

Опубл. в кн.: Кабардинские сказки, с. 46—53.

Перевод А. И. Алиевой.

Современная запись традиционного сказочного сюжета свидетельствует об устойчивом сохранении его основных компонентов.

31. Сын бедной вдовы

Опубл. в кн.: Кабардинские сказки, с. 46—48.
Перевод А. И. Алиевой.

32. Дочь одного старика

Опубл.: ССКГ, 1872. Вып. 6, с. 119—122.
Записана Кази Атажукиным в 50-е годы XIX в. Им же выполнен перевод на русский язык.

1. «Хаджи, возвращающиеся из Мекки, дают знать заранее в аул о дне въезда, чтобы родные могли их встретить подобающим образом» (примеч. К. Атажукина).

33. Сказка о черепе

Опубл.: СМОМПК, 1905. Вып. 35, отд. 2, с. 69—79.
Записана и переведена на русский язык В. В. Васильковым в начале 1900-х годов.
Сказка представляет интерес как пример своеобразного бытования на адыгской почве сюжета, явно заимствованного из фольклора мусульманских народов.

34. Заяц и его мать

Опубл.: ССКГ, 1872. Вып. 6, с. 122—124.
Записана Кази Атажукиным в 50-е годы XIX в. Им же выполнен перевод на русский язык.

35. За зло плати добром

Опубл.: СМОМПК, 1903. Вып. 32, отд. 4, с. 7—21.
Запись и перевод Паго Тамбиева.
Сказка явно поздняя, с элементами притчи.

36. Губная гармошка

Опубл. в кн.: Кабардинские сказки, с. 34—39.
Перевод А. И. Алиевой.

37. Гадальщица Бабочка

Опубл.: ССКГ, 1872. Вып. 6, с. 104—105.
Записана Кази Атажукиным в 50-е годы XIX в. Им же выполнен перевод на русский язык.

1. Еще в прошлом веке у адыгов был широко распространен обычай гадать на фасоли — по расположению и окраске зерен.

38. Один вор искуснее другого

Опубл.: СМОМПК, 1891. Вып. 12, с. 130—136.

Записана Талибом Кашежевым в 70-е годы XIX в. Им же выполнен перевод на русский язык.

39. Мал мала меньше

Опубл.: Там же, с. 137—142.

Записана Талибом Кашежевым в 70-е годы XIX в. Им же выполнен перевод на русский язык.

Публикацию сопровождает следующая «Заметка» Л. Г. Лопатинского: «Мотив этой сказки совершенно оригинальный. „Мальчик с пальчик" русских сказок и других европейских народов расходится с ней как по сюжету, так и по основной идее: в сказках других народов изворотливость карлика направлена на то, чтобы избавиться от опасности, в которой он очутился вследствие своего маленького роста, причем он действует сам по себе, не вступая ни с кем в состязание, между тем как в нашей сказке вершок, после гибели своих братьев, вступает с великаном в борьбу, в которой тот играет жалкую роль недогадливого простака, одолевает его своею хитростью и находчивостью и заставляет его себе служить».

40. Один догадливее другого

Опубл.: Там же, с. 97—101.

Записана Талибом Кашежевым в 70-е годы XIX в. Им же выполнен перевод на русский язык.

41. Кто глупее?

Опубл.: Там же, с. 102—105.

Записана Талибом Кашежевым в 70-е годы XIX в. Им же выполнен перевод на русский язык.

Публикацию сопровождает следующая «Заметка» Л. Г. Лопатинского: «Эта сказка характеризуется наивным и живым юмором, но вполне народной ее назвать нельзя: она носит признаки искусственной и притом более поздней переделки на тему о так называемых „набитых дураках"; имеется много сказок у других народов, но в кабардинской сказке оригинально состязание между глупцами».

42. Нормэрышхо — большой Нормэр

Рассказал Салих Дзетль, 76 лет, шапсуг, колхозник, неграмотный; аул Псейтук Тахтамукаевского р-на ААО.

Записал А. М. Гадагатль, 20 сентября 1940 г. Архив АНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

43. Кошелек ногайки

Опубл.: ССКГ, 1872. Вып. 6, с. 105—108.

Записана Кази Атажукиным в 50-е годы XIX в. Им же выполнен перевод на русский язык.

1. Вопрос «Есть ли тут стражник?» К. Атажукин поясняет: «Т. е. живет ли здесь какой-либо мужчина?»

44. Муж и жена

Опубл.: Там же, с. 127—128.

Записана Кази Атажукиным в 50-е годы XIX в. Им же выполнен перевод на русский язык.

45. Кто сильнее?

Опубл.: СМОМПК, 1903. Вып. 32, отд. 4, с. 1—7.

Записана Паго Тамбиевым в 1900-е годы на бжедугском диалекте адыгейского языка; им же выполнен перевод на русский язык.

46. Мудрая девушка

Рассказал Исмаил Зекох, бжедуг, колхозник, неграмотный; аул Казанукай Теучежского р-на ААО.

Записал Ю. И. Тлюстен, писатель, 26 октября 1940 г. Архив АНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

47. Как женщина проучила трех мужчин

Рассказал Алий Патухович Мугу, 49 лет, бжедуг, служащий, грамотный, образование среднее; аул Джиджихабль Теучежского р-на ААО.

Записал Ш. Х. Хут, студент АГПИ, 10 октября 1959 г. Архив АНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

48. Умная жена

Рассказал Амерзан Пшимафович Цей, 79 лет, бжедуг, колхозник, неграмотный; аул Джиджихабль Теучежского р-на ААО.

Записал Ш. Х. Хут, 20 мая 1960 г. Архив АНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

49. Как бедняк выиграл имущество богача

Рассказала Мамирхан Ахмедовна Тхагапсова, 76 лет, чемгуй, колхозница, неграмотная; аул Хатажукай Шовгеновского р-на ААО.

Записала Т. Ш. Тешева, студентка АГПИ, 21 ноября 1958 г. Архив АНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

50. Злая жена и чудовище

Опубл.: СМОМПК, 1891. Вып. 12, с. 106—111.

Записана Талибом Кашежевым в 70-е годы XIX в. Им же выполнен перевод на русский язык.

Публикацию сопровождает следующая «Заметка» Л. Г. Лопатинского: «Сказка о злой жене весьма распространена среди славянских народностей. На эту тему была уже помещена в VII выпуске „Сборника" сказка „Жена-спорщица". Разница между сказкой, известной в станицах по Тереку, и нашей заключается в том, что в первой злая жена вместо ямы попадает в воду, а муж идет ее искать не по течению реки, но против, так как она была *противная;* притом в этой сказке нет второй половины нашей. Ближе всего подходит к нашей сказке вариант северно-русский, помещенный у Афанасьева („Народные русские сказки", т. III). Аксессуары обеих сказок почти те же, но вместо нашего чудовища является черт, отплачивающий мужику, вытащившему его из ямы, тем, что поселяется в жен знатных купцов и бояр, а крестьянин лечит и зарабатывает деньги».

51. Человек, который купил ум

Рассказал Теучеж Хатков, 73 лет, абадзех, колхозник, неграмотный; аул Шовгеновск, Шовгеновского р-на ААО.

Записал М. К. Хуажев, научный сотрудник АНИИ, 12 июня 1959 г. Архив АНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

52. Как обманули хаджи

Рассказал Хамед Цукужиевич Хуаде, 68 лет, бжедуг, колхозник, неграмотный; аул Гатлукай Теучежского р-на ААО.

Записал К. М. Натхо, студент АГПИ, 17 сентября 1960 г. Архив АНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

53. Сказка о Куйжие

Рассказал Хаджимос Исламович Шхурпаидзе, 61 год, бжедуг, колхозник, неграмотный; аул Начерезий Теучежского р-на ААО.

Записал Н. Багов, студент АГПИ, 30 июня 1963 г. Архив АНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

54. Куйжий и пши

Рассказал Юсуф Хабечевич Ачмиз, 75 лет, шапсуг, колхозник, неграмотный; аул Псейтук Тахтамукаевского р-на ААО.

Записал Б. М. Берсиров, 12 августа 1959 г. Архив АНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

Неорганическая контаминация разных сюжетов, характерных скорее для волшебной, чем для бытовой сказки.

55. Куйжий и эфенди

Рассказал Юсуф Хабечевич Ачмиз, 75 лет, шапсуг, колхозник, неграмотный; аул Псейтук Тахтамукаевского р-на ААО.
Записал Б. М. Берсиров, 12 августа 1959 г. Архив АНИИ.
Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

56. Дележ по-божески

Рассказал и записал Ахмет Асланчериевич Ашинов, 68 лет, бжедуг, служащий, грамотный, образование среднее; аул Гатлукай Теучежского р-на ААО, 5 января 1952 г. Архив АНИИ.
Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

57. Бедняк и бог

Рассказал Ереджиб Бирамович Хут, 74 года, бжедуг, колхозник, неграмотный; аул Джиджихабль Теучежского р-на ААО.
Записал Ш. Х. Хут, научный сотрудник АНИИ, 20 июля 1967 г. Архив АНИИ.
Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

58. Как дурак ходил к аллаху

Рассказал Ереджиб Бирамович Хут, 76 лет, бжедуг, колхозник, неграмотный; аул Джиджихабль Теучежского р-на ААО.
Записал Ш. Х. Хут, научный сотрудник АНИИ, 23 июля 1969 г. Архив АНИИ.
Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

59. Трудовые деньги

Опубл.: СМОМПК, 1897. Вып. 23, отд. 3, с. 44—45.
Запись и перевод Е. З. Баранова.

60. О юноше, который не выполнил заветы отца

Рассказал Алий Патухович Мугу, 49 лет, бжедуг, служащий, грамотный, образование среднее; аул Джиджихабль Теучежского р-на ААО.
Записал Ш. Х. Хут, 19 ноября 1959 г. Архив АНИИ.
Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

61. Что такое «добрый час» и «недобрый час»

Рассказал Чишук Хагусежевич Усий, 76 лет, шапсуг, колхозник, неграмотный; аул Псейтук Тахтамукаевского р-на ААО.
Записал Н. Х. Гишев, студент АГПИ, 9 августа 1959 г. Архив АНИИ.
Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

62. Лягушка

Опубл.: ССКГ. Вып. 6, с. 126—127.

Записана Кази Атажукиным в 50-е годы XIX в. Им же выполнен перевод на русский язык.

1. У адыгов до наших дней сохранился обычай, по которому каждый из родственников может называть ребенка тем именем, какое ему нравится. Вот почему нередко человек наряду с «официальным» именем имеет иногда несколько «домашних» имен. Этим и объясняется, что у одного мышонка было три имени.

2. «Шкуарт» — подражание звуку, который раздается при падении лягушки в воду.

63. Три совета

Архив КБНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и З. П. Кардангушева.

Опубл. в кн.: Кабардинские народные сказки, с. 51—53.

64. Запасливый муравей

Архив КБНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и З. П. Кардангушева.

Опубл. в кн.: Кабардинские народные сказки, с. 50.

65. Старый кот и мыши

Архив КБНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и З. П. Кардангушева.

Опубл. в кн.: Кабардинские народные сказки, с. 59—61.

66. Петух-хвастун

Рассказал Тагир Богус, 78 лет, бжедуг, колхозник, неграмотный: аул Ассоколай Понежукайского р-на ААО.

Записал А. Емиж, студент Адыгейского педагогического техникума, 24 февраля 1936 г. Архив АНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

67. Комар-зазнайка

Архив КБНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и З. П. Кардангушева.

Опубл. в кн.: Кабардинские народные сказки, с. 23.

68. Волк и перепелка

Опубл.: ССКГ. Вып. 6, с. 124—126.

Записана Кази Атажукиным в 50-е годы XIX в. Им же выполнен перевод на русский язык.

69. Старый козел и волк

Архив КБНИИ.
Перевод А. И. Алиевой и З. П. Кардангушева.
Опубл. в кн.: Кабардинские народные сказки, с. 34—36.

70. Глупый волк

Архив КБНИИ.
Перевод А. И. Алиевой и З. П. Кардангушева.
Опубл. в кн.: Кабардинские народные сказки, с. 120.

71. Старик и волк

Архив КБНИИ.
Перевод А. И. Алиевой и З. П. Кардангушева.

72. Приключения голодного волка

Рассказала Хао Шомафовна Укол, 60 лет, бжедуг, колхозница, неграмотная. Сочиняет стихи и песни. Аул 1 Эдепсукай Теучежского р-на ААО.

Записала Л. Н. Брантова, студентка АГПИ, 20 сентября 1960 г. Архив АНИИ.

Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

73. Старик и медведь

Архив КБНИИ.
Перевод А. И. Алиевой и З. П. Кардангушева.
Опубл. в кн.: Кабардинские народные сказки, с. 28—31.

74. Сто и одна хитрость

Архив КБНИИ.
Перевод А. И. Алиевой и З. П. Кардангушева.
Опубл. в кн.: Кабардинские народные сказки, с. 65.

75. Лиса и собака

Архив КБНИИ.
Перевод А. И. Алиевой и З. П. Кардангушева.
Опубл. в кн.: Кабардинские народные сказки, с. 42.

76. Лиса и барсук

Рассказала Хао Шомафовна Укол. Записала Л. Н. Брантова, 20 сентября 1960 г. Архив АНИИ.
Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

77. Лиса и цапля

Рассказала Хао Шомафовна Укол. Записала Л. Н. Брантова, 20 сентября 1960 г. Архив АНИИ.
Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

78. Клятва ежихи

Рассказал Тагир Богус, 78 лет, бжедуг, колхозник, неграмотный; аул Ассоколай Понежукайского р-на ААО.
Записал А. Емиж, студент Адыгейского педагогического техникума, 24 февраля 1936 г. Архив АНИИ.
Перевод А. И. Алиевой и Ш. Х. Хут.

79. Не рой другому яму

Архив КБНИИ.
Перевод А. И. Алиевой и З. П. Кардангушева.
Опубл. в кн.: Кабардинские народные сказки, с. 40—41.

80. Как аукнется, так и откликнется

Архив КБНИИ.
Перевод А. И. Алиевой и З. П. Кардангушева.
Опубл. в кн.: Кабардинские народные сказки, с. 73—75.

Ш. Х. ХУТ

ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ АДЫГСКИХ СКАЗОК И ИХ ИСПОЛНИТЕЛИ

Особенности бытования сказок и традиционные исполнительские приемы, используемые сказителями адыгских сказок, во многом определяются отношением адыгских народов к устному творчеству и живому слову, которое они выразили в пословицах: «ТхьамыкIэм итопыри ичатэри — ыжабз» («Слово — и пушка и сабля бедняка»), «Чатэм ыуIэрэр мэкIыжьы, жэм ыуIэрэр кIыжьырэп», («Раненное мечом заживает, раненное словом нет») и др.

Не было и сейчас нет ни одного аула в Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, где бы не жил хотя бы один популярный, творчески одаренный певец или сказитель.

В наши дни сказители, следуя закону традиционного гостеприимства, радушно принимают собирателей произведений устного поэтического народного творчества и охотно рассказывают им все, что они хранят в памяти.

По свидетельству многих дореволюционных авторов [1], у адыгов издавно существовали джегуако — профессиональные певцы-импровизаторы типа древнегреческих рапсодов, русских исполнителей былин, украинских кобзарей, карачаевских и балкарских халкжерчи и т. д. В репертуар джегуако входили в основном народные песни и поэтические импровизации; значительное место в нем занимали также прозаические жанры. Последние, по-видимому, исполнялись в перерывах между танцами, а также в свободные от джегу дни.

Особое место в репертуаре джегуако принадлежало сказке. Присущая ей так называемая сказочная обрядность, как и в русских сказках, «явно указывает на существование в прошлом определенной школы народных мастеров-сказителей, где разрабатывалось, хранилось и культивировалось это общенародное искусство» [2]. Такими мастерами у адыгов и были джегуако.

---

[1] Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа, с. 84; С. Урусбиев. Сказания татар-горцев Пятигорского уезда Терской области.— СМОМПК, I; А. Н. Весоловский. Историческая поэтика, с. 491; В. Кусиков. О поэзии черкесов.

[2] М. Азадовский. Русские сказочники, с. 208.

В исполнении и импровизации джегуако обращает на себя внимание почти полная тождественность сказочной присказки и начала импровизации. «Как сказывают и пересказывают...» и «Не взыщите, если я допущу ошибку, если рассказываю то, что слышал...». Подчеркивается преемственность повествования, принадлежность текста не одному лицу, а многим людям и поколениям. По форме присказка и начало импровизации джегуако также идентичны: рифмованы и ритмически организованы, произносятся одинаково четко.

После насаждения огнем и мечом ислама в Адыгее, Кабарде и Черкесии группы джегуако начали исчезать. Их традиции продолжали странствующие исполнители фольклорных произведений, которые выполняли те же функции, что и древнерусские бахари [3]. Н. Дубровин пишет, что «князья любили иметь при себе певцов и гордились ими» [4].

Народные сказки рассказывали везде, где собирались любители устного поэтического творчества, и чаще всего в кунацких крестьян-тфокотлей и на посиделках осенью и зимой. Слушание сказок было любимым развлечением молодежи.

Старшее поколение стремилось передать молодежи свой жизненный опыт, воспитать ее в духе народных идеалов и понятий о добре и зле, прививало ей нравственные качества, составляющие кодекс норм и правил поведения «адыгэ-хабзэ». Если кто-нибудь из молодых нарушил адыгэ-хабзэ, тогда в присутствии этого молодого человека старшие начинали рассказывать сказки, в которых осуждались подобные проступки.

Сказки можно было услышать и во время шихафа (шIыхъаф) — коллективной взаимопомощи; их рассказывали и на чапще *, у постели больного и во время ночных бдений в доме, где был покойник. Своеобразными местами исполнения сказок были пункты, откуда отправляли стада.

Сказку обычно рассказывал один человек, слушатели не оставались пассивными: многие, особенно старшие по возрасту, высказывали по ходу рассказа свое отношение к повествованию — порицали или одобряли поступки персонажей и т. д. Реплики слушателей ободряли рассказчика и заставляли его внимательней следить за ходом повествования.

Слово для рассказа в первую очередь предоставлялось старшим или гостям. Если среди них не оказывалось сказителя, сказки рассказывал кто-нибудь из младших Когда сходились ровесники и среди них не было общепризнанного сказителя, один из присутствующих начинал быстро считать: «ХьэнэкIу, цунэкIу, пщIыкIуй, пшIыкIубгъу, тIокI» (букв. «собачья морда, бычья морда, восемнадцать, девятнадцать, двадцать»). Тот, на кого выпадало слово «двадцать», должен был начать рассказывать сказку.

Традиции бытования, исполнения и распространения сказок, сложившиеся в дореволюционное время, в основном продолжают жить и в советскую эпоху. По-прежнему сказки исполняются в кунацких, на посиделках, во время взаимопомощи, ночных бдений и т. д. Но некоторые традиции исчезают, а вместо них появляются новые, порожденные изменившимися условиями жизни. Так, угасла традиция рассказывания сказок у постели больного.

---

[3] См.: Н. Дубровин. Черкесы (Адыге), с. 85—86.

[4] Там же, с. 80.

Расширились возможности для исполнения сказок в 30-е годы в связи с созданием колхозов. Стали проводиться состязания на лучшее исполнение сказок на фермах, в бригадных станах и т. п. Одно из них описывает собиратель и издатель адыгских сказаний и сказок писатель Т. М. Керашев; «Председатель колхоза, заметив, что у конюхов собираются колхозники, чтобы послушать сказки, объявил конкурс на лучшего рассказчика сказок. Были поставлены такие условия: в конкурсе принимают участие только конюхи, слушать могут все; тот из конюхов, который расскажет сказку, неизвестную остальным, получает в качестве премии овцу.

Несколько вечеров колхозники сходились слушать „конкурсные" сказки. Но никто из конюхов не смог рассказать сказки, которой не знали бы другие. Наконец, один из них, Дзетль Шалих, перебрав тридцать сказок, рассказав тридцать первую, получил премию» [5].

Традиционная популярность народных сказителей сохраняется попрежнему. До сих пор существует традиция приглашать из отдаленных мест певцов и сказителей, чтобы послушать в их исполнении сказки и другие устные произведения.

Широкое распространение получили встречи школьников и молодежи со сказителями, организуемые учителями и работниками культурно-просветительных учреждений. На них выступают сказители, дети читают сказки, слушают записи текстов на магнитофонной ленте.

Популяризации произведений устного народного творчества способствуют фольклорно-музыкальные экспедиции, проводимые Адыгейским, Кабардино-Балкарским и Карачаево-Черкесским научно-исследовательскими институтами экономики, языка, литературы и истории, а также собирательская работа отдельных ученых и любителей устнопоэтического народного творчества.

Как правило, много людей собирается там, где ведутся записи фольклорных произведений. Так, в 1960 г. нам пришлось записывать тексты сказок на магнитофонную ленту в исполнении нескольких сказителей в клубах аулов Вочепший и Эдепсукай. Весть об этом быстро разнеслась по аулам. К вечеру в клубе собралось свыше 300 человек. Все они, затаив дыхание, в течение двух с половиной часов слушали пение и рассказы знатоков фольклора.

Если запись ведется в доме сказителя, его всегда приходят послушать соседи, друзья и знакомые. Некоторые впервые сами изъявляют желание рассказать какую-нибудь сказку. От таких «новичков» нередко удавалось записывать уникальные произведения.

Следует отметить, что в присутствии многочисленной заинтересованной аудитории сказители намного лучше и естественнее исполняют фольклорные произведения, в особенности сказки.

«Сказывание сказки есть прежде всего искусство, особое мастерство, доступное художникам поэтического слова, особо даровитым и способным к этому людям» [6]. Естественно, что масса адыгских сказителей далеко не однородна. Среди них, как и среди русских сказочников, есть «богато одаренные и поэтические натуры — с огромной творческой изобретательностью, и сказочники-передатчики, почти совершенно лишенные творческого воображения или очень скудно им одаренные; есть сказителей

[5] См.: П. Х. Максимов. Народ-оптимист, с. 36; Т. М. Керашев. О сказаниях и сказках народа адыге, с. 15.

[6] Ю. М. Соколов. Русский фольклор, с. 309.

тели со склонностью к фантастическим образам, любовно и внимательно задерживающиеся на описании волшебных и чудесных явлений и предметов, и есть сказители, для которых на первом плане — описание бытовых подробностей повседневной жизни. Наконец, есть сказители с исключительной любовью к шутке, к балагурству, которые превращают в легкомысленный анекдот самую серьезную сказку» [7].

Различается объем сказочного репертуара сказителей. Есть знатоки сказочного эпоса, репертуар которых включает десятки очень хороших сказок. Таковы, например, А. Хамтоху, З. Куваев, А. Схаляхо, И. Беретарь, Б. Пачев, С. Мижаев и др. Более многочисленную группу составляют сказители, в репертуаре которых не более десятка произведений. Основная же масса сказителей знает и исполняет не более трех-четырех сказок. Каждый исполнитель своеобразно излагает события, по-своему пользуется художественными деталями и связывает сказочный сюжет с близкими ему фактами.

Хотя процесс передачи адыгской сказки, как и всякой другой, носит творческий характер, она не является только плодом импровизации, личного творчества даже самого одаренного сказителя. Преемственность, как отмечалось ранее, подчеркивается уже в присказке, и не случайно ни один сказитель не выдает себя за создателя сказочного повествования.

Во время исполнения сказители используют заранее установленные сюжетные схемы и элементы «сказочной обрядности», естественно, в соответствии со своей творческой индивидуальностью, и потому они отличаются манерой исполнения. Среди адыгских сказителей, так же как и среди русских, мы прежде всего «находим спокойных, мерных эпиков, чинно, обстоятельно ведущих повествование о богатырских боях и приключениях героев» [8]. Их сказочный репертуар состоит преимущественно из многоплановых, значительных по объему произведений. Высоконравственные и мужественные борцы за правду и справедливость — их любимые герои.

Есть и сказители-«фантасты», внимание которых больше всего обращено на изображение необыкновенных героев, на описание чудесных действий, поступков и явлений. Среди них немало исполнителей, драматизирующих и театрализирующих сказку; их повествованию в первую очередь присущи занимательность и художественная изобретательность. Встречаются и сказители-«психологи», у которых на первом плане изображение переживаний и моральных качеств персонажей.

Одним из ярких представителей адыгских сказителей-эпиков был прекрасный знаток и непревзойденный исполнитель фольклорных произведений Аюб Хамтоху (1881—1969). В течение почти 40 лет Адыгейский научно-исследовательский институт экономики, языка, литературы и истории сотрудничал с этим выдающимся народным певцом и сказителем. За эти годы с его слов записаны десятки фольклорных произведений.

Репертуар сказителя был очень разнообразен. С одинаковым успехом он исполнял и народные песни и эпические песни о богатырях-нартах, сказания и легенды. Большое место в его репертуаре занимали и народные сказки.

---

[7] М. Азадовский. Русские сказочники, с. 220.

[8] Ю. М. Соколов. Русский фольклор, с. 311.

А. Хамтоху было свойственно чувство аудитории, умение всецело подчинить ее себе. Он всегда учитывал возраст и жизненный опыт слушателей. Если же аудиторию составляли в основном пожилые люди, то Аюб снижал серьезность тона повествования, более свободно обращался с сюжетом и текстом, включал в него шутки и юмор. Рассказывая тот же текст молодежи, он становился вдумчивым, степенным и не допускал никаких вольностей, по ходу рассказа делал поучительные для молодых замечания.

А. Хамтоху принадлежал к тем сказочникам, «у которых интерес к бытовому и реальному преобладает над всем остальным и у которых фантастика, как зачастую и вся сказочная обрядность, занимает второстепенное место» [9]. В его сказках, как правило, отсутствуют вступительные формулы, концовки и типические общие места, и потому волшебные сказки в исполнении Аюба тяготеют к бытовым и историческим сказаниям. Герои большинства сказок А. Хамтоху не пользуются чудесными предметами, им не помогают благодарные животные и люди, наделенные волшебными свойствами, и т. п. Сказочный герой не добывает коня чудесным образом, а получает его в подарок от друзей своего отца, пропавшего без вести. Богатырская сила героя также имеет реальную основу — она результат особого ухода и воспитания матери.

Бытовая обстановка и пейзаж в сказках Хамтоху соответствуют реальной действительности, окружающей адыгейского крестьянина. События и факты мотивируются в них реалистически.

В сказках А. Хамтоху представлены лучшие национальные традиции и обычаи адыгов, подчеркивается необходимость их неукоснительного соблюдения. Аюб оттенял эпизоды соблюдения героями «адыгэ-хабзэ» и обращал на них внимание молодежи.

Аюб безошибочно отличал подлинно народные произведения от подделок и переделок, отвергал «улучшенные» варианты и никогда их не исполнял.

Любимыми сказками А. Хамтоху *были* те, в которых представители угнетенных классов превосходят угнетателей и по уму и по моральным качествам.

Характерная особенность исполнительского мастерства А. Хамтоху — выразительный язык. Его рассказы отличались меткостью и образностью, мысль в них выражена просто и ясно.

Один из наиболее крупных представителей адыгских сказителей-«эпиков» — Зафес Куваев (1880—1971) из аула Шовгеновск Шовгеновского *района* Адыгеи [10]. *Это был всесторонне одаренный* певец и сказитель, репертуар которого необычайно богат и многообразен. За 45 лет сотрудничества с ним сотрудники Адыгейского научно-исследовательского института записали от него десятки произведений различных жанров фольклора — первые из них были опубликованы в 1924 г. в сборниках «Адыгейская литература» («Адыгэ Іэдэбият угъоигъ»).

З. Куваев с удовольствием исполнял такие произведения народной прозы и поэзии, в которых действуют мужественные герои, одерживаю-

---

[9] М. К. Азадовский. Сказочник Тункинской долины.— В кн.: М. Азадовский. Статьи о литературе и фольклоре. М.— Л., 1960, с. 97.

[10] См.: С. Ш. Аутлева. Фольклор.— В кн.: Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области. М.— Л., 1964, с. 173—174.

щие победы над противником честным путем и в открытом бою. Характерен его отказ рассказывать о нарте Саусруко: «Не хочу я о нем рассказывать. Он хитрый и коварный».

З. Куваев был знатоком и прекрасным исполнителем всех видов сказок, но чаще всего он исполнял волшебные сказки. Подобно А. Хамтоху, Зафес Куваев не соблюдал сказочной обрядности, фантастические мотивы в его сказках переводятся в реалистический план, и поэтому волшебный рассказ в его исполнении также нередко тяготеет к бытовому.

З. Куваеву было свойственно стремление к целостному изложению сказки. Внимание сказителя было приковано к сюжету, к ходу действия. Он не останавливался на деталях. Все это обусловило краткость и динамичность его сказок.

Язык сказок З. Куваева, как и А. Хамтоху, меток, выразителен и лаконичен.

Яркий представитель группы адыгских сказителей-«фантастов» — прославленный певец и сказитель из аула Афипсип Теучежского района Адыгеи Алий Схаляхо (1881—1969). В его репертуаре было огромное количество сказок, сказаний и эпических поэм. Записи произведений со слов А. Схаляхо велись более 30 лет. Он не только исполнял фольклорные произведения, но и сам создавал их.

Отражение характера сказителя особенно ощутимо в исполняемых им волшебных сказках — они отличаются богатством фантастических элементов и невероятных событий.

А. Схаляхо вел повествование с тщательным соблюдением сказочной обрядности: рассказ он обычно начинал с традиционной присказки и зачина и завершал типичной концовкой. Повествование у него всегда обильно насыщено устойчивыми словесными формулами типа «долго ли, коротко ли ехал» и т. д. Повторяемость однородных эпизодов также неуклонно им соблюдалась.

А. Схаляхо свойственно подробное изображение событий и фактов, черт персонажей, предметов и явлений. Для стиля волшебных сказок А. Схаляхо характерно широкое использование сравнений, эпитетов («золотой», «шелковый», «прекрасная» и т. д.) и гипербол. Сказитель преувеличивал все: и качество, и количество, и действие. Герой его сказок обладает такой силой, что семь богатырей даже не решаются вступить с ним в борьбу. Клыки кабана имеют длину 30 метров, и двух таких клыков достаточно, чтобы огородить обширный двор царя. Золотая птица такая большая, что от взмахов ее крыльев качается дуб, под которым спрятано 30 возов проса, и т. д.

Сказки А. Схаляхо отличаются острой социальной направленностью. Самыми коварными и жестокими в них выступают социальные враги героя: пши, царь и хан. Сказитель нередко вкладывает в уста героев своих сказок слова об их бесполезности [11].

Среди адыгских сказителей есть и такие, которые на первый план выдвигают рассказ о переживаниях сказочных персонажей. Для них также характерно пристальное внимание к фантастике и к реальным фактам.

Десятки уникальных текстов народных сказок записаны от сказителя Исмаила Беретаря из аула Ассоколай Теучежского района Адыгеи.

---

[11] Адыгейские сказки. Майкоп, 1968, с. 63.

Отличительная особенность сказок Беретаря — интерес к душевному состоянию героя. Герои исполненной им сказки о чудесных приключениях Темиркана, его сына Тлимафа и Шеоша, услышав свое имя, от неожиданности «вздрагивают и вскидывают голову, хотят спросить о чем-то и этим чуть не выдают себя, но, опомнившись, краснеют и затихают». Для героев сказок Беретаря характерно открытое выражение своих чувств и неумение их скрывать. Герой сказки «Темиркан и его сын Темир» Шеош так рассказывает о своем восхищении красотой девушки Гошафиж: «Когда я положил Гошафиж на бурку, горе заставило меня посмотреть на нее внимательно. Черные длинные косы ее сливались с черной буркой, лицо ее светилось, как яркая лампа, стан ее был необычайно стройный, карие глаза — чистые Когда я увидел, что она так стройна, так прекрасна, что словами ничего невозможно было пожелать улучшить в ее стане, со мной случилось что-то такое, что и я сам не смог понять» [12].

Волшебные сказки, рассказываемые Беретарем, отличает красочность стиля, создаваемая тщательным соблюдением сказочной обрядности и обилием средств художественного изображения.

В сказках Беретаря много народных пословиц и поговорок. Они придают повествованию особую образность и убедительность.

Определенными особенностями характеризуется манера исполнения народных сказок женщинами-сказительницами. Записанные от них сказки отличаются мягкостью, лиричностью и нежностью, большим вниманием к психологии и душевному состоянию героев.

Традиционная адыгская сказка в устах современных сказителей приобретает новое звучание. Судьба адыгского сказочного эпоса в советскую эпоху подобна судьбе русских [13], грузинских и других сказок. Изменения в сказочном эпосе происходят в направлении еще большего обогащения фантастического сюжета бытовыми и реалистическими элементами, психологизации, социального заострения и усиления нравоучительности.

Особенно интенсивно адыгская народная сказка стала трансформироваться в 20—30-е годы. Коллективизация сельского хозяйства и культурная революция повлекли громадные изменения в общественно-политической жизни адыгов, в сознании трудящихся. Ломка вековых устоев деревни, социальные перемены в жизни аула отразились в адыгском фольклоре вообще и в сказках в частности. Большие изменения претерпела традиционная сказка в устах грамотных сказителей. Переосмысление ими традиционных сказочных сюжетов нередко приводит к разрыву формы и содержания, к потере волшебной сказкой ее цельности и эстетического обаяния и, следовательно, к разрушению жанра.

В сказках, записанных в последние годы, присутствуют и повествовательные элементы, такие, как портрет и пейзаж. Так, например, в сказке «Приключения Кайткоко» [14] сказитель Н. Мугу подробно рассказывает о лесе, горах и реке, которые встречаются на пути героя. Также подробно рисует он и портрет сказочного героя. Изменяется и лексика народных сказок. Современные сказители, особенно грамотные, вводят в сказку новые слова, заимствованные из русского и других языков. Все

---

[12] Архив АНИИ, ф. 1, п. 33, д. 24, с. 72—73.
[13] См.: Э. В. Померанцева. Судьбы русской сказки, с. 151—202.
[14] Архив АНИИ, ф. 1, п. 105, д. 24.

эти изменения, вносимые современными сказителями в стиль и сюжетную схему сказки, зачастую разрушают ее художественную ткань и содействуют ее отмиранию.

Адыгская народная сказка в наши дни продолжает жить в книге. В Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии изданы народные сказки в подлинных записях и литературной обработке. Опубликованные сборники сказок привлекают внимание большого круга читателей.

Широко популярны среди читателей также различные виды народных сказок, художественно обработанные поэтами и писателями Адыгеи, Кабарды и Черкесии [15]. Художественная обработка сказок поэтами носит характер пересказа прозаических текстов поэтическим языком. Но она не ограничивается простым переложением прозы в стихи. Поэты стремятся, не нарушая художественной ткани народной сказки и не сдувая «тончайшей пыльцы», которой она покрыта, еще больше обогатить ее идейно-художественное содержание, социально заострить его и привести в соответствие с новыми художественными требованиями.

Народная сказка явилась одним из благодатных источников младописьменных адыгских литератур.

---

[15] Подробнее об этом см.: С. Ш Аутлева. Особенности художественной обработки сказок в современной адыгейской поэзии, с. 96—114.

СЛОВАРЬ

Абгаш — название местности.

абрек — 1) человек, изгнанный из рода за провинность; 2) крепостной, бежавший от притеснений пши (см.)

ай анасын — восклицание.

азэ — лекарь.

акамаш — букв. «отданное на сохранение».

Ак-тэнгиз — Средиземное море.

алаурсын — восклицание, выражающее удивление.

аллах, аллах! — выражение удивления, изумления; букв. «боже, боже!»

альп — сказочный конь, необыкновенно выносливый и быстрый; постоянный спутник сказочного героя; альп не только летает по воздуху, но и понимает человеческую речь, сам наделен даром речи и нередко выручает хозяина из беды мудрыми советами.

альчик — букв. «баранья косточка»; игра, напоминающая игру в «бабки»; в альчики, как правило, играли на льду.

анэ — низкий круглый столик на трех ножках, на котором подавали еду, угощение. В богатых домах каждое блюдо подавалось на отдельном анэ. «Принести анэ» означает также «подать угощение».

апепшина — народный адыгский семиструнный музыкальный инструмент типа балалайки.

аталык (из тюрк. «воспитатель»). Обычай аталычества с древних времен был широко распространен у народов Кавказа, преимущественно у привилегированных сословий. Сразу после рождения мальчик отдавался воспитателю — аталыку, а девочка — кормилице («аталык-ана»). Воспитанник по-адыгски назывался кан. Аталык и кормилица получали все права кровного родства.

аталык-ана — см. аталык.

аферем — букв. «молодец», выражение похвалы, одобрения.

байкул — постоянный спутник, телохранитель князя. В адыгском феодальном обществе байкул был нередко и смотрителем над унаутами.

бал-буза — хмельной напиток из проса на меду.

беречет босын — искаженное татарское приветствие, означает: «Да будет благодать, изобилие».

бжамий — пастуший рожок; народный адыгский музыкальный инструмент.

бисмиллях — мусульманская клятва именем аллаха.

бляго — букв. «рыжий змей». Трех- или семиглавое чудовище.

Большой дом — дом или комната, где жили старшие члены семьи — отец и мать — и где они принимали близких родственников и друзей.

буза — см. бал-буза.

бысым — хозяин, принимающий гостя, дающий ему ночлег; также называется и дом, где остановился гость. По обычаю горцев, путник мог заехать в любой двор без приглашения хозяев и рассчитывать на гостеприимство.

воллаги — мусульманская клятва именем аллаха (ср. русск. «ей-богу!»).

гомыле — дорожная провизия, заготовляемая впрок, легкая в перевозке и долго не портящаяся.

гуаша — богиня, хозяйка, свекровь; позже — княгиня, госпожа; в этом значении обычно употребляется в сказочном эпосе адыгов.

дада — букв. «дедушка»; почтительное обращение к старшему.

дахэ — красавица, красивая.

джинджиф — сказочная порода лошадей. Упоминается преимущественно в адыгейских вариантах сказок.

джегу — букв. «игрище»; вечеринка с приглашением гостей, обильным угощением, танцами, музыкой. Обязательная часть джегу — игры, состязания в силе, ловкости.

джегуако — букв. «играющий»; народный певец, исполнявший произведения традиционного фольклора и свои собственные. Как правило, джегуако был распорядителем на свадьбах и игрищах.

джума — пятничная молитва у мусульман.

дуль-дуль — сказочная порода коней.

жиу — оклик, соответствует русскому «эй».

иныж — букв. «великан»; кровожадное и злое существо огромных размеров с одной, тремя или семью головами. Как правило, иныжи обладают не только огромной физической силой, но и магическими свойствами.

зиусхан — господин, букв. «чьи болезни возьму себе». Ласковое либо почтительное обращение.

исламей — народный танец.

кадий — судья.

кале — город.

кан — воспитанник, ребенок, взятый на воспитание.

Кара-тэнгиз — Черное море.

китаб — «священная книга» — Коран.

кубган (кумган) — медный кувшин с длинным узким горлышком и ручкой.

кунак — друг.

кунацкая — отдельное помещение (дом или комната) для гостей. По обычаю, хозяин жил в Большом доме. Кунацкую обычно строили неподалеку от жилища хозяина. Состоятельные люди нередко имели «большую» и «малую» кунацкую. Первая предназначалась для особо почетных и именитых гостей, приезжавших, как правило, с большой свитой.

курмен — жертвоприношение у мусульман.

лагуп — медный котел с ручкой; в сказках, как правило, необыкновенно больших размеров.

л а г у н а — дом или комната новобрачных, женская половина дома; первоначально — отдельное помещение для жены.

л о г у п а ж — главный распорядитель на коше.

л ы б ж а — мясное блюдо.

м а и т э — бердыш, старинное холодное оружие — топор с лезвием в виде полумесяца.

м а м р и с — национальное блюдо из кукурузы.

м а р д ж — непереводимое выражение; обозначает призыв к действию или зов на помощь.

м а х с ы м а — хмельной напиток.

м е д р е с е — мусульманская духовная школа.

н а г у ч и ц а — букв. «старуха с железным зубом»; традиционный персонаж адыгской волшебной сказки. Это древняя старуха с огромными, закинутыми за спину грудями. Первоначально враждебная герою, она нередко становится его «молочной» матерью (после того как он, неслышно подкравшись, касается ее груди) и тогда уже помогает ему в достижении цели.

н а м а з — молитвы и ритуальные действия у мусульман, совершаемые пятикратно в течение дня в строго определенное время.

н а н а (каб.-черк.) — мать; почтительное обращение к пожилой женщине.

н а н (адыгейск.) — см. нана.

н а ч а х, н а к я х — писаный акт о браке у мусульман.

о р к (у о р к) — дворянин в феодальном обществе адыгов.

о р с а р ы ж (у с а р е ж) — жестокие и коварные древние старики и старухи, враждебные герою сказки. Но они не вступают в непосредственную борьбу с ним, а помогают врагам героя извести его. В языческой мифологии адыгов Орсарыж — мать божества плодородия Тхагаледжа и покровительница домашнего очага.

п а с т а — 1) крутая пшенная каша, сваренная без соли. Заменяла хлеб; 2) соль-паста, соотв. русскому «хлеб-соль».

п е л у а н (от перс. «пехлеван») — силач, богатырь, борец.

п с ы х о г у а ш а — букв. «речная хозяйка, княгиня»; в языческом пантеоне адыгов — покровительница рек. Соответствует русалке русских сказок.

п с э х э х — ангел смерти.

п х а п ш и н а — старинный музыкальный инструмент типа скрипки.

п ш и — князь.

п ш и т л ь — букв. «человек, принадлежащий пши»; крепостной, который должен был отбывать барщину и платить оброк. В отличие от унаутов (см.) пшитли имели больше прав: пши, например, не могли их продавать.

с а й — бешмет; сшитая в талию одежда, застегивающаяся наглухо. Надевалась обычно под черкеску, а дома нередко служила и верхней одеждой.

с а п е т к а — плетенная из хвороста круглая корзинка.

с е л я м а л е й к у м — мусульманское приветствие, букв. «Мир вам». Ответное приветствие — «алейкум селям» — «И вам мир».

с о ф т а (с о х с т а) — ученик в мусульманской школе.

с у л у к — сшитый из толстой кожи сосуд для воды; в сложенном виде всадник привязывал его под седельной подушкой.

т а н д а к (ш а н д а к, ш а г и н д а к) — возвышение, на котором

обычно находились женщины знатного происхождения во время различных торжеств и состязаний.

т а т (адыгейск.) — см. дада.

т л е г у п — см. лагуп.

т ф о к о т л ь — букв. «неправильно рожденный», «неблагородный». Так называлась основная масса адыгских крестьян, находившихся в вассальной зависимости от феодалов.

т х а — верховное божество в языческом пантеоне адыгов.

т х а м а д а — букв. «избранник тха». Первоначальное значение этого слова — «старший в общине», более позднее — почтительное обращение к старшему за столом, почитаемому человеку или предводителю.

т х а м а т а — см. тхамада.

т х а у х у д — красавица.

т я н (адыгейск.) — букв. «наша мать». Уважительное обращение к матери или вообще к пожилой женщине.

У а ш х о к а н — традиционная клятва в сказках и нартском эпосе адыгов (Уашхо — бог неба в адыгском языческом пантеоне).

у н а у т — букв. «состоящий при доме», соответствует русскому «дворовые». В феодальном адыгском обществе — представители низшего сословия.

у н а у т к а — см. унаут.

у о р к — см. орк.

у с а р е ж — см. орсарыж.

ф а р, ф а р э — конь особой породы.

х а б а р — в сказочном контексте — новость, весть.

х а г р е й — спутник богатыря, который должен обслуживать его и ухаживать за его конем.

х а д ж и — мусульманин, совершивший «хадж» (паломничество) в Мекку на поклонение «священному» камню Кааба и в Медину к гробу Магомета.

х а н т х у п с — пшенный отвар, заправленный перцем и молоком.

х а х а й — возглас, соотв. русскому «эй!»

х е г а ш о — праздник с танцами, играми и богатым угощением.

х е ч - х а с (адыг., каб. хэта-хеса) — букв. «вырывай-забивай»; вид борьбы, принятый у эпических и сказочных богатырей в адыгском фольклоре. Противники, стоя друг против друга и взявшись за пояс, вбивают друг друга в землю. Тот, кто первым вогнал соперника в землю до шеи, имел право снести ему голову.

х у а р а — см. фар, фарэ.

х э т а - х е с а — см. хеч-хас.

ц е у н е ж — злая старуха (иногда старик) с длинными, иногда железными зубами, аналогична нагучице (см.).

ч а п щ — обычай собираться на всю ночь у постели раненого или больного с целью развлечь его и не дать ему заснуть в течение ночи. Считалось, что если больной уснет, душа покинет его.

ч е т л и б ж, ч е т л и б ж е (адыгейск., каб. г е д л и б ж е) — блюдо из курицы со специально приготовленным соусом.

ш а г и н д а к — см. тандак.

ш а н д а к — см. тандак.

ш и п с — мясное блюдо с подливой.

э ф е н д и — мулла.

я р э б и — восклицание, букв. «О, боже!».

БИБЛИОГРАФИЯ

Публикации сказок адыгских народов

I

[А т а ж у к и н К.] Кабардинская старина.— ССКГ, 1872. Вып. 6.

Б а р а н о в Е. З. Вор. — Газ. «Терские ведомости», 1895, № 64.

Б а р а н о в Е. Трудовые деньги.— СМОМПК, 1897. Вып. 23, отд. 3, с. 44—45.

Б а р а н о в Е. Легенды Кавказа. М., 1913.

Б а р а н о в Е. З. Тембот. М., 1913.

Б а р а н о в Е. Легенды Кавказа. М., 1913.

Б у л а н и н а Е. Сказки, песни и легенды Кавказа. М., 1912.

В а с и л ь к о в В. В. Темиргоевские сказки. Сказка о Темирбеке. Сказка о Каирбеке. Сказка об Анзауре. Сказка о черепе.— СМОМПК, 1905. Вып. 35, отд. 2.

Г а т ц у к В. А. Кавказские сказки. Жемчужное ожерелье. Вып. 1—10. М., 1904—1906.

Забавные черкесские сказки. СПб., 1893.

Кабардинские легенды и сказки. Сост. М. Ермоленко. Ставрополь, 1915.

К а й т м а з о в А. Из народной словесности у шапсугов.— СМОМПК, 1890. Вып. 9, отд. 2.

К а р д а н о в М. Кабардинская сказка.— Газ. «Терские ведомости», 1898, № 49—52.

К а ш е ж е в Т. Кабардинские предания, сказания и сказки, записанные по-русски.— СМОМПК, 1891. Вып. 12.

Л о п а т и н с к и й Л. Г. Красавица Елена и богатырь-женщина.— СМОМПК, 1891. Вып. 12.

Т а м б и е в П. Адыгские тексты.— СМОМПК, 1896. Вып. 21.

Т а м б и е в П. Адыгские тексты.— СМОМПК, 1900. Вып. 27, отд. 4.

Т а м б и е в П. И. Адыгские тексты.— СМОМПК, 1901. Вып. 29, отд. 4.

Т а м б и е в П. И. Адыгские тексты.— СМОМПК, 1903. Вып. 32, отд. 4.

Т а м б и е в П. Адыгские тексты.— СМОМПК, 1904. Вып. 34, отд. 4.

Т а м б и е в П. И. Адыгские тексты.— СМОМПК, 1915. Вып. 44, отд. 4.

Фольклор Азербайджана и прилегающих стран. Под ред. проф. А. В. Багрия, т. 2, с. 146—152; т. 3, с. 193.
Kaukasische Märchen. Ausgewählt und übersetzt von A. Dirr. Jena, 1922.

II

Адыгейские сказания и сказки. Ростов-на-Дону, 1937.
Адыгейские народные сказки. Пер. и лит. обраб. для детей Р. Меркицкого и Н. Дориана. Майкоп, 1940.
Адыгейские сказания и сказки. Майкоп, 1946 (на адыг. яз.).
Адыгейские сказки. Пер. и лит. обраб. Павла Максимова, Тембота Керашева. Майкоп, 1947.
Адыгейские сказки и сказания. Сост. А. М. Гадагатль и Ю. И. Тлюстен. Майкоп, 1955 (на адыг. яз.).
Адыгейские сказки. Майкоп, 1957.
Адыгейские сказания и сказки. Сост. А. М. Гадагатль. Майкоп, 1959 (на адыг. яз.).
Адыгейские сказания и сказки. Майкоп, 1963.
Адыгейские сказания и сказки. Сост. и пер. М. К. Хуажев. Майкоп, 1965.
Адыгейские сказки. Майкоп, 1968 (на адыг. яз.).
Волшебная сабля. (Сборник черкесских и абазинских сказок). Записал, обработал и перевел А. Охтов. Ворошиловск, 1939.
Золотая крупинка. Кабардинские сказки. Нальчик, 1961.
Кабардинские народные сказки. М., 1969.
Кабардинские сказки. Нальчик, 1974.
Кабардинский фольклор. Вступит. ст., коммент. и слов. М. Е. Талпа, под ред. Ю. М. Соколова. М—Л., 1936.
Нарыч. Лит. обраб. Х. Брантова, пер. П. Иванова. Майкоп, 1939.
Сказка про Батыра. Записал, обработал и перевел А. Охтов. Ворошиловск, 1939.
Сказки народов СССР. Ростов-на-Дону, 1959.
Сказки четырех братьев. Ставрополь, 1965.
Сын пастушки Куйжий. Пер. и лит. обраб. Т. Керашева. Майкоп, 1939.
Фольклор Дона и Кубани. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 1938.
Черкесские сказки. Сост. Лейла Бекизова, Нурдин Сакиев. Черкесск, 1965 (на черк. яз.).
Шапсугские сказки. Сост. А. Инютин. Краснодар, 1939.

Сборники сказок разных народов

Абазинские сказки. Сост. Т. Табулов. Ставрополь, 1947.
Абазинские сказки. Сост. Т. Табулов, К. Шакрыл. Черкесск, 1955.
Абхазские народные сказки. Пер. с абхазского и обраб. Н. Сапежко, под ред. Г. Гулиа, Сухуми, 1939.
Абхазские сказки. Составил, обработал и перевел с абхазского Х. С. Бгажба. Сухуми, 1959; второе исправленное и дополненное издание. Сухуми, 1965.
Абхазские сказки. Сост. Ш. Х. Салакая и К. С. Шакрыл. М., 1976.
Аварские сказки. Пер. с авар. М. Саидова и У. Далгат. М., 1965.

Аварские народные сказки. Сост. и автор примеч. Д. М. Атаев. Автор предисловия и типологического анализа сюжетов И. Левин. М., 1972.
Армянский фольклор. Сост. Г. О. Карапетян. М., 1967.
Грузинские народные сказки (сто сказок). Сост. и пер. Н. К. Долидзе. Тбилиси, 1960.
Грузинские народные предания и легенды. М., 1973.
Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина. А.-А. 1972.
[Лайпанов Хамид]. Карачаевские и балкарские народные сказки. Фрунзе, 1957.
[Максимов П.] Горские сказки. Под редакцией проф. Ю. М. Соколова. М., 1937.
Медноволосая девушка. Калмыцкие народные сказки. Пер., сост. и примеч. М. Ватагина, М., 1964.
Миллер В. Ф. Материалы для изучения еврейско-татского языка. СПб., 1892.
Миллер Вс. Осетинские этюды.— «Ученые записки Императорского Московского Университета, отдел историко-филологический». Вып. 1 (М., 1881); Вып. 2 (М., 1882); Вып. 3 (М., 1887).
Миллер В. Ф. Осетинские сказки. М., 1885 («Сборник материалов по этнографии, издаваемый Лазаревским институтом восточных языков»).
Миллер Вс. Дигорские сказания. М., 1902 («Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков»).
Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 1—3. Подготовка текста и примеч. В. Я. Проппа. М., 1957.
Народные русские сказки А. Н. Афанасьева Под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова. Т. 1—3. М., 1936—1940.
Осетинские народные сказки. Сост. С. Бритаев и К. Казбеков. М., 1951.
Осетинские народные сказки. Сост. С. Бритаев и Г. Калоев. М., 1959.
Осетинские народные сказки. Сост. А. Х. Бязыров. Сталинир, 1960.
Осетинские народные сказки. Запись текстов, пер., предисл. и примеч. Г. А. Дзагурова. М., 1973.
Проданный сон. Туркменские народные сказки. Сост., пер. с туркм., вступит. статья и примеч. И. Стеблевой. М., 1969.
Сказки и легенды гор. Собрал и обработал Н. Микава. М., 1957.
Сказки народов Дагестана. Сост. Х. Халилов. М., 1965.
Сказки народов Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1959.
Сын оленя. Абхазские сказки и легенды. Составил и перевел с абхазского Х. С. Бгажба. М., 1959.
Турецкие народные сказки. Ред., вступит. статья и коммент. Н. К. Дмитриева. Изд. 2-е. М., 1967.
Фольклор Дона и Кубани. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 1938.
Чечено-ингушский фольклор. М., 1940.

Исследования и указатели сказочных сюжетов

Алиева М. М. Уйгурская сказка. А.-А., 1975.
Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
Андреев Н. П. Вступительная статья.— Абхазские сказки. Т. 1, 1940.
Азадовский М. Русские сказочники.— М. Азадовский. Литература и фольклор. М., 1938.

Аникин В. П. Волшебная сказка «Царевна-лягушка».— Фольклор как искусство слова. Вып. 1. М., 1966.

Аникин В. П. Искусство психологического изображения в сказках о животных.— Фольклор как искусство слова. Вып. 2. Психологическое изображение в русском народном поэтическом творчестве. М., 1969.

Аникин В. П. Особенности стиля, мотивов и сюжета народной сказки как явления коллективного творчества.— «Литературные направления и стили». Сб. статей, посвященный 75-летию проф. Г. Н. Поспелова. М., 1976.

Аутлева С. Ш. Особенности художественной обработки сказок в современной адыгейской поэзии.— «Ученые записки АНИИ». Т. 3. Майкоп, 1964.

Бараг Л. Г. О взаимодействии русской и нерусской сказочных традиций в современных условиях.— Современный русский фольклор. М., 1966.

Бардаханова С. С. Бурятские сказки о животных. Улан-Удэ, 1974.

Бахтина В. А. Эстетическая функция сказочной фантастики. Саратов, 1972.

Бекизова Л. А. От богатырского эпоса к роману. Ставрополь, 1974.

Богатырев П. Г. Изображение переживаний действующих лиц в русской народной волшебной сказке.— Фольклор как искусство слова. Вып. 2. М., 1969.

Бязыров А. Х. Опыт классификации осетинских народных сказок по системе Аарне — Андреева.— «Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН Грузинской ССР». Вып. 9. Сталинир, 1958; Вып. 10, 1960.

Веселовский А. Н. Статьи о сказках.— Собр. соч. Т. 16. Л., 1938.

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940.

Ведерникова Н. М. Контаминация как творческий прием в волшебной сказке.— Русская народная проза. Л., 1972.

Ведерникова Н. М. Русская народная сказка. М., 1975.

Вирсаладзе Е. Б. Грузинские сказки.— Волшебные сказки. Тб., 1960.

Вирсаладзе Е. Б. Грузинский охотничий миф и поэзия. М., 1976.

Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.

Гацак В. М. Сказочник и его текст (К развитию экспериментального направления в фольклористике).— Проблемы фольклора. М., 1975, с. 44—53.

Дубровин Н. Черкесы (адыге). Краснодар, 1927.

Жирмунский В. М. К вопросу о международных сказочных сюжетах.— Историко-филологические исследования. Сб. статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада. М., 1967.

Зухба С. Л. Абхазская народная сказка. Тб., 1970.

Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1960.

Карнаухова И. В. Об изучении сказочника как артиста (публикация В. М. Гацака).— Фольклор. Поэтическая система. М., 1977.

Каскабасов С. А. Казахская волшебная сказка. А.-А., 1972.

Керашев Т. О сказаниях и сказках народа адыге.— В кн.: Адыгейские сказания и сказки. Ростов-на-Дону, 1937.
Кравцов Н. И. Искусство психологического изображения в русском народном поэтическом творчестве.— Фольклор как искусство слова. Вып. 2. М., 1969.
Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. М., 1890.
Конкка У. С. Карельская сатирическая сказка. М.— Л., 1965.
Косвен М. О. Амазонки. История легенды.— «Советская этнография», 1947, № 2, 3.
Кусиков В. О поэзии черкесов.— «Ставропольские губернские ведомости», 1, 2, 7 и 11 января 1861.
Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.
Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения.— «Вопросы литературы», 1968, № 8.
Лопатинский Л. Г. Заметки к сказкам.— СМОМПК, 1891. Вып. 12, с. 86—88, 92, 96, 101, 105, 110—111, 115—116, 122, 129, 136, 142.
Лопатинский Л. Г. Заметки к адыгским (черкесским) текстам.— СМОМПК, 1896. Вып. 21, отд. 2, с. 266—267, 269.
Лопатинский Л. Г. Предисловие (о кабардинских сказках).— СМОМПК, 1900. Вып. 27, с. XI—XIV.
Лопатинский Л. Г. Кабардинское сказание «Красавица Елена и богатырь-женщина» по сравнению с эпосом Гомера, песнями Троянского цикла и сказаниями других народов.— «Известия Бакинского Университета». Отд. гуманит. наук. Т. I. Баку, 1921.
Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958.
Мелетинский Е. М. О структурно-морфологическом анализе сказки.— Тезисы докладов во второй летней школе по вторичным моделирующим системам 16—26 августа 1966. Тарту, 1966.
Мелетинский Е. М. и др. Проблемы структурного описания волшебной сказки.— «Ученые записки Тартуского государственного университета», 1969. Вып. 236 «Труды по знаковым системам», № 4.
Максимов П. Х. Народ-оптимист. Об адыгейском народе и его сказках.— Горские сказки, под ред. Ю. М. Соколова. М., 1937.
Мижаев М. И. Мифологическая и обрядовая поэзия адыгов. Черкесск, 1973.
Миллер В. Ф. Красавица Елена и богатырь-женщина.— СМОМПК, 1891. Вып. 12.
Народы Кавказа. I. Под ред. М. О. Косвена, Л. И. Лаврова, Г. А. Нерсесова, Х. О. Хашаева. М., 1960.
Неклюдов С. Ю. Пространственно-временная система в сюжетосложении былины и сказки.— Проблемы стиля, метода и направления в изучении и преподавании художественной литературы (Материалы докладов XII научно-теоретической и методической конференции, организуемой кафедрой русской литературы). М., 1969.
Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974.
Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1958.
Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки. М., 1965.
Прозаические жанры фольклора народов СССР. Минск, 1974.
Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
Пропп В. Я. Морфология сказки. Изд. 2-е. М., 1969.

Р о ш и я н у Н. Традиционные формулы сказки. М., 1974.
С а в у ш к и н а Н. И. Изображение внутреннего мира человека в русской социально-бытовой сказке.— Фольклор как искусство слова. Вып. 2. М., 1969.
С а в у ш к и н а Н. И. Русский народный театр. М., 1976 (гл. I. «Драматическое искусство сказочников»).
Сборник статей в честь акад. И. Соболевского. Л., 1928.
Славянский фольклор. М., 1972.
С о к о л о в Ю. М. Русский фольклор. М., 1941.
Типологические исследования по фольклору. М., 1975.
Т у д о р о в с к а я Е. А. О структуре волшебной сказки.— Русская народная проза. Л., 1972.
Т у р с у н о в Е. Д. Генезис казахской бытовой сказки. В аспекте связи с первобытным фольклором. А.-А., 1973.
У р у с б и е в С. Сказания татар-горцев Пятигорского уезда Терской области.— СМОМПК, 1881. Вып. I.
У с л а р П. К. Этнография Кавказа, II. Тифлис, 1888.
Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977.
Х у т Ш. Х. Адыгейская волшебная сказка. Канд. дисс. Тб., 1970.
Ч и с т о в К. В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы. М., 1964.
Ш о р т а н о в А. Т. Фольклор.— Очерки истории кабардинской литературы. Нальчик, 1970.
Ю д и н Ю. И. Русская бытовая сказка и народный театр.— «Научные труды Курского пединститута», 1975. Т. 60.
M. A s a d o w s k i y. Eine sibirische Märchenerzählerin. Helsinki, 1926 (FFC, № 68).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААО — Адыгейская автономная область.

АГПИ — Адыгейский Государственный педагогический институт.

АНИИ — Адыгейский научно-исследовательский институт экономики, языка, литературы и истории.

КБНИИ — Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики.

ССКГ — «Сборник сведений о кавказских горцах, издаваемый при Кавказском Горском управлении», Тифлис, 1868—1881, вып. 1—10.

СМОМПК — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 1—44, Тифлис, 1881—1929.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЮЖЕТОВ

Сюжеты сказок определялись по двум указателям:

The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen (FFC № 3). Translated and Enlarged by S. Thompson. Helsinki, 1961 (далее АТ).

W. Eberhard und P. N. Boratav. Typen türkischer Volksmärchen Wiesbaden, 1953 (далее ЕВ).

Если текст сказки соответствует типу только приблизительно, ссылки даются в круглых скобках. Приведены также параллели из следующих сборников:

Абхазские сказки. Сухуми, 1959 (далее Абх. 1959).

Абхазские сказки. М., 1975 (далее Абх. 1975).

Аварские народные сказки. М., 1972 (далее Авар.).

Адыгейские сказки. Майкоп, 1957 (далее Адыг.).

Грузинские народные сказки (сто сказок). Тбилиси, 1960 (далее Груз.).

Медноволосая девушка (калмыцкие народные сказки). М., 1964 (далее Калм.).

Осетинские народные сказки. М., 1959 (далее Осет. 1959).

Осетинские народные сказки. Сталинир, 1960 (далее Осет. 1960).

Осетинские народные сказки. М., 1973 (далее Осет. 1973).

Сказки народов Дагестана. М., 1965 (далее СНД).

Сказки народов Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1959 (далее СНСК).

Чечено-ингушский фольклор. М., 1940 (далее Чеч.-инг.).

№ 1. АТ 329.
Ср.: Груз., с. 273—276; Калм., с. 175—178; Осет., 1959, с. 173—177, 261—269; СНСК, с. 10—15; Авар., с. 135—139; Осет., 1973, с. 359—363; Абх., 1975, с. 28—31.

№ 2. (АТ 577) + АТ 465 II, III + АТ 531 IV.

№ 3. (АТ 537) + АТ 516 A IC = 369 I + АТ 300IIa(b), IIIb, IVbc + АТ 303 IIa, IIId, IVa, Va + АТ 300 II, III + АТ 301 Vcd.

№ 4. ЕВ 279 III, 4—6.
Ср.: Калм, с. 15—16; Авар., с. 134—136.

№ 5. АТ 301 IVb + ЕВ 279 III, 4—6.

№ 6. (АТ 449 I,IV) + АТ 1137 + АТ 300.
Ср.: Осет., 1973, с. 336—339; Абх., 1975, с. 106—112.

№ 7. АТ 449.
Ср.: ССКГ, IV, с. 21—25; Осет., 1959, с. 234—240; Адыг., с. 188—193; Осет., 1973, с. 415—419; Абх., 1975, с. 229—233.
№ 8. (АТ 465 II).
Ср.: Абх., 1975, с. 153—161.
№ 9. (АТ 461 IVabc) + АТ 465.
№ 10. (АТ 650 (а) + (АТ 301) + (АТ 506 Ia) + (АТ 300).
Ср.: Адыг., с. 153—164; Осет., 1973, с. 99—103; Осет., 1959, с. 211—218; Чеч.-инг., с. 190—193; Калм., с. 87—92; СНСК, с. 25—35; Авар., с. 89—97; Абх., 1975, с. 353—361.
№ 11. АТ 465 II, III.
Ср.: Груз., с. 250—252; СНД, № 49; Осет., 1973, с. 229—242; 483—493; Абх., 1975, с. 139—143.
№ 12. (АТ 577) + АТ 465 II, III.
№ 13. АТ 300 IIa (b) + АТ 301a.
№ 14. (АТ 550) + (АТ 551) + АТ 725 + АТ 513.
Ср.: Калм., с. 39—60; 167—174; СНД, с. 84—94; Осет., 1960, № 15; Авар., с. 102—107.
№ 15. АТ 567a.
Ср.: Груз., с. 90—96; Осет., 1973, с. 347—359; Абх., 1975, с. 148—153.
№ 16. АТ 465 АС + АТ 300.
Ср.: Калм., с. 78—90.
№ 17. (АТ 516 A Ic) + АТ 300 A + АТ 532.
№ 19. АТ 567 A IIa + АТ 567 IIId (АТ 566 IIa + АТ 567 II) + АТ 518.
Ср.: Груз., с. 79—86, 99—104, 244—250; Осет., 1973, с. 347—359, 363—368.
№ 21. (АТ 516 B II) + (АТ 300 + АТ 314).
Ср.: СНД, № 35, 38; Абх., 1975, с. 345—349.
№ 22. АТ 552 A I (a)c.
Ср.: Адыг., с. 53—63; Чеч.-инг., с. 167—174; Осет., 1959, с. 64—75; Осет., 1973, с. 193—202; Абх., 1975, с. 414—416.
№ 23. (АТ 516 A Ic = 369 I) + АТ 300 A.
№ 24. АТ 653 A.
Ср.: Чеч.-инг., с. 153—154; Груз., с. 220—224; Осет., 1960, № 14; Абх., 1975, с. 93—97.
№ 25. АТ 1960.
Ср.: Груз., с. 409—411; Адыг., с. 271; Осет., 1959, с. 179—180, 417—419; Абх., 1975, с. 20—22.
№ 26. См. № 25.
№ 27. АТ 480.
Ср.: СНД, с. 105—109.
№ 28. АТ 510.
Ср.: Адыг., с. 227—237; СНД, № 46; Осет., 1973, с. 120—127.
№ 29. АТ 707 (I) IIa(b)C, III bcd, IV abc.
Ср.: Осет., 1959, с. 193—204; Осет., 1960, № 18; Адыг., с. 210—226; СНД, с. 265—268; Груз., с. 149—152; Абх., 1975, с. 322—326.
№ 30. См. № 29.
№ 31. АТ 670.
№ 32. АТ 883a + (АТ 881 A III B).
Ср.: Груз., с. 316—321; Осет., 1960, № 19; Абх., 1975, с. 97—106.
№ 33. АТ 930 I, IVa.
Ср.: Абх., 1975, с. 365—373.

№ 34. AT 545 B.
Ср.: Авар., с. 107—110; Абх., 1975, с. 16—20.
№ 36. AT 1653 + (AT 592 Ic) + AT 1000 + AT 1551 + AT 725.
Ср.: Осет., 1959, с. 369—372, Осет., 1973, с. 405—407; Абх., 1975, с. 262—268.
№ 37. (EB 190).
№ 38. AT 1525 H_2.
Ср.: Авар., с. 63—64; Абх., 1975, с. 284—288, 383—388.
№ 39. AT 1115 + AT 1149.
Ср.: Адыг., с. 248—254; Груз., с. 328—331; Абх., 1959, с. 179—183; Осет., 1973, с. 193—196.
№ 40. (AT 655).
Ср.: Калм., с. 216—222; Осет., 1973, с. 330—331.
№ 41. (AT 56 C).
№ 42. AT 650 B.
Ср.: Груз., с. 409; Осет., 1973, с. 61—65, 76—79, 94—98, 142—146; Абх., 1975, с. 295—299.
№ 44. AT 1381 A.
Ср.: СНД, с. 268—269; Абх., 1975, с. 282—284.
№ 45. AT 2031 C.
Ср.: СНСК, с. 107—112; СНД, № I; Осет., 1959, с. 28—33; Авар., с. 20—21; Осет., 1973, с. 54—55.
№ 46. (AT 875 Ib + II).
Ср.: Авар., с. 59—60; Абх., 1959, с. 287—289; Абх., 1975, с. 312—316.
№ 47. AT 1730 I.
Ср.: Осет., 1973, с. 397—400.
№ 48. AT 875 IV.
Ср.: СНД, № 75; Калм., с. 235—238; Осет., 1960, № 63; Осет., 1973, с. 324—325; Абх., 1959, с. 287—289; Абх., 1975, с. 314—316.
№ 49. AT 1681.
Ср.: СНД, № 81; Осет., 1973, с. 403—405; Абх., 1975, с. 308—310.
№ 50. AT 1164.
Ср.: Груз., с. 237—241; СНСК, с. 78—83; Авар., с. 113—115.
№ 51. AT 910.
Ср.: Осет., 1973, с. 57—61, 219—222.
№ 52. AT 1617.
Ср.: Груз., с. 379—381; Абх., 1959, с. 251—253; Чеч.-инг., с. 209—210; Авар., с. 78—79, 251—253.
№ 53. AT 301 AI + AT 301 A + AT 301 B.
Ср.: СНД, с. 70—75.
№ 54. AT 301 A.
№ 55. AT 1600.
Ср.: Абх., 1975, с. 277—279.
№ 57. AT 1199 + AT 332 III.
Ср.: СНД, с. 291—292.
№ 58. AT 460 AB + AT 461 A.
Ср.: СНД, № 83; Груз., с. 225—229, 322—325; Авар., с. 44—45; Осет., 1960, № 15; Осет., 1973, с. 506—510.
№ 60. AT 915a.
Ср.: Осет., 1973, с. 75—76.
№ 61. AT 1530.
Ср.: Авар., с. 81.

№ 62. (АТ 247).
Ср.: Осет., 1960, № 47; Осет., 1973, с. 50.

№ 63. АТ 150.
Ср.: Чеч.-инг., с. 129; Авар., с. 18—19.

№ 65. АТ 113 В.
Ср.: Абх., 1959, с. 109—110; Авар., с. 27; Осет., 1973, с. 26—28.

№ 68. АТ 61а + АТ 122.
Ср.: Осет., 1959, с. 13—19; Осет., 1973, с. 30—33; Чеч.-инг., с. 163—164; груз., с. 399—402; Адыг., с. 297—299; Абх., 1975, с. 25—27.

№ 69. (АТ 122 Е).
Ср.: Осет., 1960, № 40; Осет., 1973, с. 21—25.

№ 70. АТ 122.

№ 71. (АТ 154 (I) II, III).
Ср.: СНД, № 33.

№ 72. АТ 122.
Ср.: Груз., с. 385—387; Осет., 1959, с. 15—17; СНСК, с. 123—125; Авар., с. 13—15; Осет., 1973, с. 38—39.

№ 73. АТ 155.

№ 74. АТ 33.

№ 75. АА 154.

№ 76. (АТ 1626).
Ср.: Осет., 1960, с. 354—355; Осет., 1973, с. 25—26; СНД, № 15; Чеч.-инг., с. 180—181; Авар., с. 21—22.

№ 77. АТ 56 А.
Ср.: СНД, № 7; Авар., с. 26.

№ 78. И. Левин определяет тип этой сказки по: A. Medne, Latviesu dzivnieku pasakas, Riga, 1940 — 275 + 88 (см. Осет., 1973, с. 558).
Ср.: Адыг., с. 311—312; Осет., 1973, с. 39—41.

№ 79. АТ 50.
Ср.: СНД, с. 41.

№ 80. АТ 225.
Ср.: СНД, с. 30—31 *.

---

[1] Сказки № 18, 20, 35, 43, 56, 59, 64, 66, 67 в использованных источниках не имеют типологических соответствий.

СВОДНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ[1]

ЕВ (190) — **37**; 279 — III, 4—6 — **4,5.**

АТ 33—**74**; 50—**79**; 56А — **77**; (56С) — **41**; 61а — **68**; 113В — **65**; 122—**68, 70, 72**; (122Е) — **69**; 150—**63**; (154(I), II, III) — **71**; 155—**73**; 225—**80**; (247) — **62**; 300—**6, 16**; (300) — **10, 21**; 300 II, III—**3**; 300 IIa(b) — **13**; 300 IIa(b), IIIb, IVbc — **3**; 300 A — **17, 23**; 301—**10**; 301 A — **13, 53, 54**; 301 B — **53**; 301 IVb — **5**; 301 IVc — **3**; 303 IIa, IIId, IVa, Va — **3**; 314—**21**; 329—**1**; 332 III—**57**; 449—**7**; 449 I, IV—**6**; 460 AB — **58**; 461 A — **58**; 461 IVabc — **9**; 465—**9**, 465 AC — **16**; 465 II—**8**; 465 II III—**2, 11, 12**; 480—**27**; 506 Ia — **10**; 510—**28**; 513—**14**; 516AIC — **3, 17, 23**; 516 B II—**21**; 518—**19**; 531 IV—**2**; 532—**17**; (537) — **3**; 545 B — **34**; 550—**14**; 551—**14**; 552 AI (a)c — **22**; (566 IIa) — **19**; (567 II) — **19**; 567 AIIa — **19**; 567a — **15**; 567 IIId — **19**; (577) — **2, 12**; (592 Ic) — **36**; (650a) — **10**; 650 B — **42**; 653 A — **24**; (655) — **40**; 670—**31**; 707 II, III, IV—**29, 30**; 725—**14, 36**; 875 Ib + II—**46**; 875 IV—**48**; 881 A III B — **32**; 883a — **32**; 910—**51**; 915a — **60**; 930 I, IVa — **33**; 1000—**36**; 1115—**39**; 1137—**6**; 1149—**39**; 1164—**50**; 1199—**57**; 138 IA — **44**; 1525—**38**; 1530—**61**; 1551—**36**; 1600—**55**; 1617— **52**; (1626) — **76**; 1653—**36**; 1681—**49**; 1730 I—**47**; 1960—**25, 26**; 203IC — **45.**

АА * 154—**75.**

A. Medne — 275 + 88—**78.**

---

[1] Номера сюжетов даются в круглых скобках в тех случаях, когда соответствие адыгского варианта описанному в каталогах выражено недостаточно четко.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ РАНЕЕ В СЕРИИ «СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»

1. Медноволосая девушка (калмыцкие народные сказки), 1964.
2. Сказки Мадагаскара, 1965.
3. Сказки народов Дагестана, 1965.
4. Сказки мампруси, 1966.
5. Турецкие народные сказки, 1967.
6. Проданный сон (туркменские народные сказки), 1969.
7. Курдские народные сказки, 1970.
8. Сказки и мифы Океании, 1970.
9. Сказки народов Вьетнама, 1970.
10. Сказки Центральной Индии, 1971.
11. Аварские народные сказки, 1972.
12. Афганские сказки и легенды, 1972.
13. Тувинские народные сказки, 1972.
14. Грузинские народные предания и легенды, 1973.
15. Осетинские народные сказки, 1973.
16. Проделки хитрецов, 1973.
17. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки, 1974.
18. Абхазские народные сказки, 1975.
19. Книга о судах и судьях, 1975.
20. Сказки и мифы народов Филиппин, 1975.
21. Мифологические сказки и исторические предания нганасан, 1976.
22. Сказки народов Бирмы, 1976.
23. Сказки народов Памира, 1976.
24. Сказки народов Африки, 1976.
25. Проделки хитрецов. Изд. 2-е, 1977.
26. Дунганские народные сказки и предания, 1977.
27. Сказки и мифы папуасов Киваи, 1977.
28. Двадцать три Насреддина, 1978.

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ В СЕРИИ

1. Амхарские народные сказки.

СКАЗКИ АДЫГСКИХ НАРОДОВ

Утверждено к печати
редколлегией серии
«Сказки и мифы народов Востока»

Редактор *Т. М. Швецова*
Младший редактор *И. И. Исаева*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *К. Н. Драгунова*

ИБ № 13346

Сдано в набор 30/I 1978 г. Подписано к печати 6/VII 1978 г. Формат 60×84 1/16. Бум. № 2. Печ. л. 25,5. Усл. п. л. 23,71. Уч.-изд. л. 24,53. Тираж 75.000 экз. Изд. № 4241. Зак. № 2517. Цена 2 р. 30 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16

Отпечатано с матриц ордена Ленина типографии «Красный пролетарий» на ордена Трудового Красного Знамени ф-ке «Детская книга» № 1. Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 3343.